

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) (Тромсё, Норвегия)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Геррейро

доктор права, ассоциированный член Института политико-правовых наук юридического факультета Лиссабонского университета (Лиссабон, Португалия)

Душко ДИМИТРИЕВИЧ

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия)

Лотар ДЕТЕРМАН

доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли (Беркли, США)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, подполковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, профессор кафедры административного и финансового права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Джон Энтони КАРТИ

доктор права, профессор международного права Пекинского технологического института, главный редактор Оксфордской онлайн-библиографии международного права (Оксфорд, Великобритания)

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (Москва, Российская Федерация)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления "ТИСБИ" (Казань, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЪЕ

доктор права, профессор и старший научный сотрудник Школы права и дипломатии им. Флетчера, Университет Тафтса (Массачусетс, США)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, депутат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики, Председатель комиссии по социальным вопросам и правам человека Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, Руководитель рабочей группы по межпарламентским связям Азербайджан-Россия (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**Анна Ивановна ЕФИМОВА**

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 107

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 25.03.2025 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 602

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Корректор – К.Е. Полтевская

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2025

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the International Law Department,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International
Law Department, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and
Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law
Department, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law,
Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law
Department, Saint-Petersburg State University
(*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Doctor of Laws, Professor,
UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with
the Arctic University of Norway (*Tromsø, Norway*)

Duško Dimitrijević

Dr. Sci. (Law), Principal Research Fellow,
Institute of International Politics and Economics (*Belgrade, Serbia*)

Lothar Determann

Dr., Lecturer at the UC Berkeley School of Law,
The University of California, Berkeley (*Berkeley, USA*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law
Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of
Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of
International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium
of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of
Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow
State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private
Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces
(*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at
the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of
International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the
International Law Department of the Faculty of International Relations,
Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the
Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor,
Vice-Rector, Professor at the Administrative and Financial Law Department,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Honoured lawyer of the RSFSR, Candidate of Juridical Sciences,
Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir V. Ustinov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Presidential Envoy to the Southern Federal District
(*Rostov-on-Don, Russian Federation*)

Alexandre Guerreiro

Doctor of Laws, associated member of the Institute of Political-Legal Sciences of the School of Law, University of Lisbon
(Lisbon, Portugal)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

John Anthony Carty

PhD, Professor of International Law at Beijing Institute of Technology, Editor-in-Chief of the Oxford Bibliographies in International Law
(Oxford, Great Britain)

Rustam A. Kasyanov

Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Laws, Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor, Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association
(Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm
(Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Laws, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Member of the Milli Majlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan, Chairman of the Commission on Social Issues and Human Rights of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, Head of the Working Group on Interparliamentary Relations Azerbaijan-Russia (Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor of International Law and Senior Fellow, Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University (Massachusetts, USA)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in «**Moscow Journal of International Law**» is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Proofreader – Xenia E. Poltevskeya

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Шумилов В.М.
Обновленный теоретический взгляд на принцип
наибольшего благоприятствования в современном
международном правопорядке

Марзанов А.Ю.
Обзор доктринальных воззрений на международную
правосубъектность Святого престола в XIX и первой
половине XX вв.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Лабин Д.К., Рзаев Р.Г.
Новые правовые возможности реализации проекта
международного транспортного коридора «Север – Юг»
в условиях новой мировой многополярности

Энтин М.Л., Вадов А.А.
Методы гибкой интеграции Ассоциации государств
Юго-Восточной Азии при формировании правового
регулирования развития науки, технологий и инноваций

Завершинская Д.А., Боклан Д.С.
Доктрина «полицейских полномочий»
в инвестиционных спорах, связанных с санкциями:
билет, который стоит добросовестного поведения?

Качалян В.А.
Зарубежный опыт правового регулирования
инвестиционной деятельности

Королёв П.С.
Финансирование развития:
международно-правовые проблемы

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Штодина Д.Д.
Конвенция Организации Объединенных Наций против
киберпреступности 2024 года – итог «киберкомпромисса»?

Лазарь К.К.
Кибербезопасность и суверенитет в киберпространстве:
вызовы и перспективы международного права

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

Зиланов В.К., Плотников А.Ю., Глазова А.П.
Российско-японское соглашение 1998 года о промысле морских
живых ресурсов в территориальном море России у побережья
южных Курил: современные международно-правовые вопросы

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Онуфриенко К.В.
Договор трансграничного толлинга:
перспективные направления сотрудничества на пространстве
Большого Евразийского партнерства

Клементьев А.П.
Внебиржевой договор, являющийся производным финансовым
инструментом, как международный коммерческий контракт

РЕЦЕНЗИИ

Давлетгильдеев Р.Ш., Зарубин Д.В.
Рецензия на монографию И.З. Фархутдинова «Эволюция между-
народного права – от Вестфала до Версаля», 2024

CONTENTS

ISSUES OF THEORY

6 *Shumilov V.M.*
Updated Theoretical View on the Principle
of the Most Favored Nation in the Modern International
Law Order

17 *Marzanov A.Y.*
Review of Doctrinal Views on the International
Legal Personality of the Holy See in the 19th
and the early 20th Centuries

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

31 *Labin D.K., Rzaev R.G.*
New legal Opportunities for the Implementation
of the "North – South" International Transport Corridor Project
in the Context of a New Global Multipolarity

49 *Entin M.L., Vadov A.A.*
Flexible Integration Methods of Association
of Southeast Asian Nations in the Formation of Legal
Framework on the Science, Technology and Innovation

69 *Zavershinskaia D.A., Boklan D.S.*
Police Powers in the Sanctions-related Investment Disputes:
a Ticket which Costs Good Faith Behavior?

83 *Kachalyan V.A.*
Foreign Experience in the Legal Governance
of Investment Activities

96 *Korolyov P.S.*
Financing for Development:
International Legal Issues

MASS INFORMATION AND INTERNATIONAL LAW

110 *Shtodina D.D.*
United Nations Convention against Cybercrime, 2024 –
the Outcome of «Cyber Compromise»?

125 *Lazari C.C.*
Cybersecurity and Sovereignty in Cyberspace:
Challenges and Prospects of International Law

LAW OF THE SEA

138 *Zilanov V.K., Plotnikov A.Yu., Glazova A.P.*
The 1998 Russian-Japanese Agreement on Fisheries
in the Territorial Sea of Russia adjacent to the South Kuril:
Contemporary International Law Issues

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

155 *Onufrienko K.V.*
Transborder Raw Materials Toll Manufacturing Agreement:
Prospective Partners in the Greater Eurasian Partnership

171 *Klementiev A.P.*
Over-the-Counter Derivative Financial Instrument
as an International Commercial Contract

BOOK REVIEWS

183 *Davletgildev R.Sh., Zarubin D.V.*
Review of I.Z. Farkhutdinov's Monograph «The Evolution of
International Law – from Westphal to Versailles», 2024

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-6-16>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 26.12.2024

Принята к публикации: 05.03.2025

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

BAVT Минэкономразвития России

Воробьевское шоссе, д. 6а, г. Москва, 119285, Российская Федерация

VShumilov@vavt.ru

ORCID: 0000-0002-5247-6284

ОБНОВЛЕННЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРИНЦИП НАИБОЛЬШЕГО БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

ВВЕДЕНИЕ. Принцип наибольшего благоприятствования (далее – ПНБ) издавна использовался как международно-правовой инструмент регулирования торговли между государствами применительно к ставкам таможенных пошлин. Главная особенность принципа заключается в той роли, которую играет в двустороннем правоотношении третье государство: участники (субъекты) правоотношения обязаны автоматически предоставить государству-партнеру (управомоченной стороне) любую льготу, предоставленную любому третьему государству, например, низкую ставку таможенной пошлины на импортируемый товар или товары, и наоборот, вправе требовать и получить такую льготу от обязанной стороны. Предоставление или получение пониженной ставки товарам из государства-партнера оформляется и проводится актом (или актами) внутреннего права (таможенный тариф, таможенный кодекс и др.), и этим привносится изменение во внутренний таможенный режим взаимодействующих государств. Принцип наибольшего благоприятствования между двумя государствами действует, если государства-партнеры получают льготы для товаров в государстве-партнере в одинаковом режиме

наибольшего благоприятствования по сравнению со льготами, предоставленными третьему государству на аналогичные товары. Необходимость сравнивать, сопоставлять и уравнивать внутренние правовые режимы в согласованной сфере отношений на максимально благоприятном уровне – сущностная черта ПНБ, главный специфический метод регулирования. За прошедшие века межгосударственных отношений ПНБ прошел большой путь становления и развития, и сегодня необходим новый взгляд на него.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование данной темы и решение поставленной задачи проведено на основе широкого спектра материалов из практики применения ПНБ и его толкования, теоретического заострения многих аспектов, использования традиционного для гуманитарных (юридических) наук методологического инструментария.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе разработки темы в несколько новом свете предстают история становления и развития ПНБ, его значимость для международного правопорядка и перспективы использования как нормы международного права, как принципа и метода регулирования.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Несмотря на обширную научную литературу, посвященную ПНБ, до сих пор имеется много неустоявшихся, противоречивых мнений и позиций по поводу природы и сущности ПНБ, его нормативной силы и действительности, воздействия на межгосударственные отношения и места в глобальной правовой системе. Принцип наибольшего благоприятствования предстает сегодня не только как норма и принцип международного права, но и как принцип-институт, как метод (механизм) регулирования. При этом расширяется сфера его применения, а заложенный в него метод регулирования позволяет применять ПНБ и в других потенциально пригодных сферах. Принцип наибольшего благоприятствования превращается в межотраслевое образование. В международной торговой системе и международном торговом правопорядке ПНБ до недавнего времени обладал когнитными свойствами, сливаясь в некое триединство с принципом предоставления национального режима и принципом недискриминации. При современной трансформации международной системы и миропорядка ПНБ как универсальный, глобальный принцип воспроизводится на региональном и межрегиональном

уровнях, подвергаясь фрагментации, характерной для международного права в целом. Одновременно ПНБ стал и остается неотъемлемой частью внутреннего содержания многих основополагающих принципов международного права, а также частью обобщающего принципа мирного сосуществования государств и цивилизаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип наибольшего благоприятствования, принцип-институт, метод регулирования, межотраслевое образование, глобальная правовая система, международный правопорядок, когнитность, фрагментация, двуединство и триединство принципов

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шумилов В.М. 2025. Обновленный теоретический взгляд на принцип наибольшего благоприятствования в современном международном правопорядке. – Московский журнал международного права. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-6-16>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-6-16>

Vladimir M. SHUMILOV

Russian Foreign Trade Academy (RFTA)

6a, Vorobyovskoe Highway, Moscow, Russian Federation, 119285

VShumilov@vavt.ru

ORCID: 0000-0002-5247-6284

Research article

UDC: 341

Received 26 December 2024

Approved 5 March 2025

UPDATED THEORETICAL VIEW ON THE PRINCIPLE OF THE MOST FAVORED NATION IN THE MODERN INTERNATIONAL LAW ORDER

INTRODUCTION. *The principle of most favored nation (MFN) has long been used as an international*

legal instrument for regulating international trade between States in relation to customs duty rates. The

main feature of the principle lies in the role that a third State plays in a bilateral legal relationship: participants (subjects) of a legal relationship are required to automatically provide the partner State (the authorized party) with any benefit granted to any third state, for example, a low rate of customs duty on imported goods or commodities. And, on the contrary, has the right to demand and receive such a privilege from the obligated party. The provision or receipt of a reduced rate for goods from the partner state is formalized and carried out by an act or acts of internal law (customs tariff, customs code, etc.), and this introduces a change in the internal customs regime of the interacting states. The principle of the most favored nation between two States is enforced and applies if the partner States receive benefits for goods in the partner State under the same most-favored-nation regime in comparison with the benefits granted to a third State for similar goods. The need to compare, contrast and equalize internal legal regimes in a coordinated sphere of relations at the most favorable level is an essential feature of the MFN principle, the main specific method of regulation. Over the past centuries, the MFN principle has come a long way in its formation and development, and today a new look at it is needed.

MATERIALS AND METHODS. The study of this topic and the solution of the task was carried out on the basis of a wide range of materials from the practice of using the MFN principle and its interpretation, the theoretical sharpening of many aspects, and the use of methodological tools traditional for the humanities (law) sciences.

THE RESEARCH RESULTS. During the development of the topic, the history of the formation and development of MFN principle, its significance for the international law order and the prospects for its use as a norm of international law, as a principle and method of regulation appear in a slightly new light.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Despite the extensive scientific literature on MFN principle, there are still many unresolved, contradictory opinions and

positions about its nature and essence, its normative force and effectiveness, its impact on interstate relations and its place in the global legal system. MFN principle appears today not only as a norm and principle of international law, but also as a principle-institution, as a method (mechanism) of regulation. At the same time, the scope of its application is expanding, and the regulatory method embedded in it allows for the use of MFN in other potentially suitable areas. MFN principle is turning into an unit of interbranch law formation. In the international trading system and the international trade law order, MFN principle until recently possessed cogent properties, merging into a kind of trinity with the principle of national treatment and the principle of non-discrimination. With the modern transformation of the international system and the world order, MFN principle, as a universal, global principle, is reproduced at the regional and interregional levels, undergoing fragmentation characteristic of international law as a whole. At the same time, MFN principle has become and remains an integral part of the internal content of many fundamental principles of international law, as well as part of the generalizing principle of peaceful coexistence of States and civilizations.

KEYWORDS: most-favored-nation principle, principle-institution, regulatory method, unit of interbranch law formation, global legal system, international law order, cogency, fragmentation, duality and trinity of principles

FOR CITATION: Shumilov V.M. Updated Theoretical View on the Principle of the Most Favored Nation in the Modern International Law Order. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-6-16>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Проблематике становления, действия, применения и толкования ПНБ посвящали свои труды признанные юристы-международники

[Вельяминов 1970; Короленко 1953; Усенко 1974; Ушаков 1995]. Уже в XXI в. по данной теме защищены диссертации¹. В зарубежной научной литературе до сих пор востребованной остается монография Е. Совиньона, изданная в Гренобле

¹ Рогозина А.А. *Действие и применение оговорки о наибольшем благоприятствовании в международном инвестиционном праве*: дис. ... канд. юрид. наук. Казань: КГУ, 2017; Устинова Т.С. *Режим наибольшего благоприятствования в современном международном праве*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: ДА МИД РФ, 2000.

в 1972 г. [Sauvignon 1972:7, 28]. Можно также обратить внимание на другие работы, касающиеся в основном применения ПНБ в международной торговой системе [Pauwellin 2002; Jackson 2006; Bhagwati 2008; van den Bossche 2021].

Прикладную значимость ПНБ наглядно иллюстрирует Проект статей о клаузулах о наиболее благоприятствуемой нации, выработанный Комиссией международного права Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в 1976–1978 гг. [Ушаков 1995]

Общее научное знание об этом принципе в обобщенном виде можно свести к следующим положениям: ПНБ зародился как договорная норма (клаузула) в международной торговле; суть его заключается в автоматическом, безусловном, предоставлении и получении льгот (чаще всего льготных ставок таможенных пошлин), предоставленных любому третьему государству, его вещам и лицам; постепенно сложились некоторые общепризнанные исключения из ПНБ; ПНБ является международно-правовым основанием для утверждения режима недискриминации в международном торговом правопорядке [Шумилов 2021]. Считается, что режим наибольшего благоприятствования на основе ПНБ (соответствующих договорных клаузул) должен предоставляться взаимно, автоматически, без всяких условий – в безусловной форме.

Вместе с тем современная эпоха привносит новые нюансы в общую картину становления и действия ПНБ, его места и роли в глобальной международно-правовой системе и международном правопорядке. Есть необходимость представить обновленный взгляд на эту картину и ее эволюцию в контексте трансформации миропорядка, которая имеет место сегодня.

2. История становления и эволюции ПНБ

Становление принципа наиболее благоприятствуемой нации начинается в ранние и Средние века в международной торговле в районе Средиземного и Черного морей, например, в торговле Османской империи с Венецией. Государства, под давлением своих купцов, договаривались, что купцы одного государства на территории другого будут продавать товары с уплатой самых низких ставок пошлин (налогов), какие платят за аналогичные товары купцы третьих стран. Случалось, что наиболее благоприятный режим импорта товаров оказывался или вовсе беспошлинным, или равным режиму налогообложения товаров,

произведенных местными, национальными производителями (другими словами, оказывался национальным режимом). Наиболее благоприятный режим как бы сливался с национальным в некоем трудноразличимом двуединстве.

Основной целью такого благоприятствования чужим товарам и купцам было стремление обеспечить недискриминационные условия взаимной торговли. Следовательно, указанное двуединство режимов, обеспечивая недискриминационные условия, можно увидеть уже как триединство. Позднее данные режимы – наибольшего благоприятствования, национального режима и недискриминационного режима – были восприняты международным правосознанием как самостоятельные явления и оформились отдельными нормами и институтами, тоже тесно взаимосвязанными. Так, режим наибольшего благоприятствования отвечает за доступ товара или купца на рынок государства-импортера, а национальный режим – за движение импортированного товара по территории этого государства в целях переработки, транзита, потребления и др.

Принято считать, что ПНБ носит исключительно договорный характер, т.е. он родился благодаря международным договорам и существует только на договорной основе. Но так ли это? Дело в том, что в правоотношении между государствами по поводу режима наибольшего благоприятствования есть две составляющие: субъективное *право* получить режим наибольшего благоприятствования (далее – РНБ) и юридическая *обязанность* – предоставить такой режим. Если между государствами на политическом уровне складывались добрые отношения, то как бы презюмировалось согласие нести эту *обязанность*: предоставить РНБ во взаимной торговле. Однако детали предоставляемого РНБ из практических соображений требовалось оговаривать в договоре. Позднее согласие предоставить РНБ в результате длительной практики дружественных отношений стало проистекать из сложившегося обыкновения, а еще позднее – из обычая. Таким образом, вся конструкция ПНБ состоит из двух составляющих: согласия на предоставление РНБ, которое исторически опиралось на презумпцию, обыкновение и обычай, и международного договора, который письменно оформлял согласие (= обязанность) предоставить РНБ. Неправильно представлять ПНБ как только *договорный* по происхождению принцип: в нем силен обычно-правовой элемент, и сам принцип

правильнее считать по природе обычно-договорным. Вся последующая история ПНБ в международном торговом правопорядке сводится, по сути, к тому, чтобы *обязанность* стала неоспоримой, автоматической, осознанной, необходимой, императивной, а содержание – общеизвестным, общепризнанным. Именно так и случилось в XX в. – в праве Всемирной торговой организации (далее – ВТО).

Предоставление максимально низких ставок пошлин в сочетании с национальным режимом (или без) стало общей практикой в торговле дружественных государств и отражением недискриминации во взаимоотношениях – сложился «общий недискриминационный режим» торговли. Стремление государств к недискриминационному режиму торговли породило обычай, запрещающий ухудшать складывающийся *общий режим*. Ухудшать было нельзя, а вот улучшать – можно. И при последующем развитии торговли многие государства стали создавать особый, поначалу узкий, круг государств-партнеров, которым по отдельным договорам предоставлялись особенные льготы – дополнительные скидки в ставках таможенных пошлин. Государства-партнеры разделились на два типа: государства, оставшиеся на старом общем, недискриминационном режиме, и государства, получившие по договорам особо льготные ставки пошлин, т.е. *режим наибольшего благоприятствования*. К XIX–XX вв. в международной торговой системе доля государств, оставшихся в старом общем режиме, сократилась, а количество государств, переведенных на РНБ, существенно увеличилось: общий недискриминационный режим превратился в дискриминационный. И обделенные – заинтересованные – государства начали борьбу за обязательность предоставления РНБ, за равноправие в торговле.

Следует помнить, что низкие ставки таможенных пошлин и в итоге беспошлинное проникновение на иностранный рынок со своими товарами – вековая мечта всех торговцев. Принцип наибольшего благоприятствования стал главным международно-правовым инструментом движения к этой цели.

Рекомендации о применении ПНБ в сфере международной торговли содержались в актах международных организаций и конференций:

международной экономической конференции 1922 г.; женеvской международной экономической конференции 1927 г.; в докладах, подготовленных в 1928–1936 гг. Экономическим комитетом Лиги Наций; в «Принципах торговой политики» ЮНКТАД (1964); актах Генеральной Ассамблеи ООН, включая Хартию экономических прав и обязанностей государств (1974). Шел процесс признания и универсализации принципа. В конце концов, в 1947 г. положение о взаимном предоставлении РНБ было закреплено в ст. I Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) – первого многостороннего договора, регулировавшего международную торговлю.

В международном правосознании сложилось мнение, что «в дальнейшем следует стремиться к превращению этой оговорки в общее обязательное для всех положение международного права» [Кулишер 1929]. Считалось, что не существует международно-правового обычая включать ее в какие-либо соглашения, однако, как подчеркивал в своей монографии Совиньон, вполне возможно, что такой «обычай возникнет в будущем, особенно учитывая влияние ГАТТ» [Sauvignon 1972:7, 28].

Все двусторонние международные торговые договоры в XX в. содержали обязательства сторон о взаимном предоставлении РНБ. Подобных договоров не было только у государств, между которыми сохранялись натянутые отношения. Такой элемент ПНБ, как *обязанность* предоставлять РНБ в международной торговле, набирал когентность.

В 1994–1995 гг. система ГАТТ была заменена на универсальную систему Всемирной торговой организации, основанную на ПНБ. Применительно к сфере международной торговли этот принцип, нарастив когентные свойства, из диспозитивной нормы международного права превратился в императивную (как это понимается ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров). На охране ПНБ в международной торговой системе стоит и Орган по разрешению споров ВТО, рассмотревший десятки дел, касающихся нарушения ст. I ГАТТ о взаимном предоставлении государствами – членами режима наибольшего благоприятствования² [Gattinara 2009; Davey 2007].

² Особенности применения режима наибольшего благоприятствования в контексте торговых войн на примере торгового спора между США и Китаем. – *Международный правовой курьер: электронное сетевое издание*. URL: <https://inter-legal.ru/osobennosti-primeneniya-rezhima-naibolshego-blagopriyatstvovaniya-v-kontekste-torgovyh-vojn-na-primere-torgovogo-spora-mezhdu-ssha-i-kitaem-united-states-tariff-measures-on-certain-goods-from-china> (дата обращения: 22.02.2025).

События первой четверти XXI в. изменили всю сложившуюся международную систему, международный правопорядок и международное правосознание: происходит трансформация однополярного мироустройства в многополярное – на началах цивилизационного подхода³. В этих условиях Запад как евроатлантическая цивилизация ввел против России и ряда государств односторонние санкции, нарушающие, среди прочего, *право ВТО* и главный принцип международной торговли – ПНБ. На базе локальных цивилизаций и зачастую связанных с ними интеграционных объединений зарождаются автономные (региональные и межрегиональные) правопорядки. Происходит дифференциация и фрагментация международно-правовых режимов, в том числе универсального ПНБ: действие и эффективность принципа наибольшего благоприятствования как универсального и когентного принципа ослабевает. Он словно бы тиражируется в правовом пространстве интеграционных объединений и локальных цивилизаций; активность его применения смещается в ту сторону.

В российском законодательстве ни сам ПНБ, ни приверженность этому принципу напрямую не зафиксированы. Вместе с тем Россия несет обязательство применять ПНБ, в частности, в международной торговле, потому что имплементировала в свою правовую систему соответствующие нормы международных договоров (как двусторонних, так и многосторонних, например Марракешского соглашения об учреждении ВТО с пакетом приложенных к нему соглашений): согласно ст. 14 Конституции России нормы договоров и принципы международного права являются частью внутригосударственной системы.

Равным образом обязательство предоставить наиболее благоприятные условия (режим) есть у России и перед международными организациями на основании международного договора. Так, по Соглашению между МОТ и Россией о Бюро МОТ в Москве (ст. 3, 7) предусмотрено, что Правительство России предоставит Бюро МОТ, его персоналу, имуществу, денежным активам не менее благоприятный режим, чем режим, предоставляемый в России ООН, любому специализированному учреждению ООН.

3. Особенности ПНБ, специфика его применения и толкования

Специфика двустороннего правоотношения, основанного на ПНБ, состоит в участии *третьего государства*, а для реализации ПНБ «включается» особый метод регулирования. Суть *метода* – в сопоставлении и уравнивании договорного (тарифного) режима для товаров и купцов на территории государства-партнера с фактическим режимом на этой же территории для товаров и купцов *третьих* стран. *Сравнение и уравнивание режимов* с целью обеспечения равных – недискриминационных – условий торговли – вот главная черта данного принципа и его *метода регулирования*. В этом смысле ПНБ представляет собой *принцип-метод*. А учитывая многоаспектность правоотношений, примыкающих к ПНБ, он видится как *принцип-институт*, комплексный институт. Предоставление РНБ прекращается, если оно прекращается третьему государству.

Главной сферой применения ПНБ в его универсальном варианте по-прежнему остается международная торговля. Однако нормативное пространство в международном торговом правопорядке, основанное на ПНБ, сплошь «продырявлено» исключениями из него. В рамках этих исключений предоставляется, как правило, еще более льготный режим, чем традиционный РНБ, – с дополнительными льготами и понижением ставок таможенных пошлин вплоть до нулевых.

Наиболее распространенными исключениями являются: а) режим *преференций* для товаров из развивающихся государств; б) льготный интеграционный режим, действующий между государствами, формирующими таможенный союз, зону свободной торговли или другие организационно-правовые формы интеграции; в) льготный режим торговли в приграничном пространстве между сопредельными государствами; г) правовой режим, который предоставляется прибрежным государством государству, не имеющему выхода к морю, по договору или в одностороннем порядке. Эти исключения родились как международно-правовые обычаи, закрепленные международными договорами.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. – *Президент России*: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 22.02.2025).

По своей природе они являются обычно-договорными *принципами-институтами*. Таким образом, ПНБ предстает как конгломерат обычно-договорных институтов.

При этом внутри зоны *исключений* в пользу интеграционных объединений действует местный *принцип-метод* наибольшего благоприятствования: происходит уравнивание наилучших условий торговли для товаров из всех стран-участников объединения. Универсальный ПНБ как бы воспроизводится на других уровнях и в других сферах отношений, которые созрели для этого. Примерами могут служить статьи учредительных актов сравнительно недавних соглашений об интеграционных суперобъединениях, которые называются *партнерствами*, например, Соглашение о Всеобъемлющем и прогрессивном Тихоокеанском партнерстве (Trans-Pacific Partnership), вступившее в силу в 2018 г. Соглашением предусмотрено предоставление государствами – участниками РНБ и национально-го режима в процессе создания зоны свободной торговли (ст. 2.3) и свободной инвестиционной зоны (ст. 9); в сфере торговли услугами (ст. 10)⁴.

Прослеживается, таким образом, дифференциация и совмещение международно-правового режима применения ПНБ: с одной стороны, в торговле между государствами разных интеграционных объединений ПНБ применяется так же, как в праве ВТО; с другой стороны, внутри каждого интеграционного объединения используется «свой» ПНБ как он задан для узкого круга государств в рамках интеграционного соглашения. На этой основе внутри интеграции запускается двухскоростной механизм сближения, гармонизации и унификации внутреннего законодательства. Этот прием, по сути, используется и в рамках Евразийского экономического союза, что поможет его продвижению к «Большому евразийскому партнерству» [Агеев, Борталевич, Логинов 2016: 20-31].

Режимы, происходящие от *универсального* ПНБ, и режимы, происходящие от *принципов-методов* наибольшего благоприятствования в рамках интеграционных пространств, могут вступать в коллизии в каких-то аспектах и вызывать сложности в толковании и применении *принципов*, а могут дополнять друг друга в некое двуединое нормативное явление.

Внутри зоны исключения, касающегося *приграничной торговли*, государства предпочитают *метод взаимности*: здесь нет *обязанности* предоставить соседнему государству такой же благоприятный режим, как другому соседнему государству.

Следует видеть, что значимость и роль универсального ПНБ, особенно в международном торговом правовом порядке, объективно снижаются, поскольку снижается средний уровень ставок таможенных пошлин (сегодня он близок к нулевым ставкам), и, следовательно, механизм выравнивания ставок таможенных пошлин, заложенный в ПНБ, теряет смысл. В то же время значительная часть развивающихся стран достигла уровня развития, сопоставимого с развитыми государствами, и по этой причине исключается из *Общей системы преференций*, а тем самым как бы переводится в разряд государств, осуществляющих торговлю на основе ПНБ без всяких таможенных льгот. *Общая система преференций* остается необходимой для категории «наименее развитых стран».

На эффективность или неэффективность ПНБ влияет реальная практика его применения государствами. Имеются в виду действия по обходу ПНБ; прямое его несоблюдение; отказ в предоставлении РНБ; предоставление РНБ под условием (условное/обусловленное предоставление); ревизии или аннулирование договоров, содержащих клаузу о наибольшем благоприятствовании; принятие национальных законов в противоречие с договорным обязательством; прямые санкции, подрывающие ПНБ, и т.п.

Принцип наибольшего благоприятствования, благодаря заложенному в него *методу сравнения и уравнивания режимов*, может быть использован как инструмент регулирования не только в международной торговле, но и в самых различных сферах – в области общеэкономических, социальных, дипломатических отношений между государствами и их лицами. Он применяется, среди прочего, в мореплавании, в инвестиционной и кредитно-долговой сферах, в вопросах транзита, доступа к судам, правового положения иностранных физических и юридических лиц, в торговле услугами и правами интеллектуальной собственности, применительно к режиму дипломатических, консульских и иных

⁴ Trans-Pacific Partnership Agreement (TPPA). URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text> (accessed date: 22.02.2025).

представительств, их привилегий и иммунитетов. Можно констатировать, что практика применения данного *принципа-метода* постоянно расширяется, распространяется на всё новые предметы регулирования в разных сферах отношений и отраслях международного права: ПНБ превратился в некое *межотраслевое образование*.

Клаузулы о РНБ используются в международных соглашениях с участием международных организаций. Примерами могут служить: Соглашение МОТ с Эфиопией (ст. 5); Соглашение между МОТ и Тринидадом и Тобаго (ст. 2)⁵. Принцип наибольшего благоприятствования фигурирует в соглашениях между интеграционными объединениями.

Свою специфику имеет вопрос о соотношении ПНБ как *принципа-метода* с принципом *взаимности*. С одной стороны, это два взаимосвязанных принципа: взаимность находится внутри самого ПНБ; давно утвердилась презумпция, *обыкновение* и *обычай*, что государства предоставляют друг другу РНБ на основе *взаимности*. Такое совмещение принципов превращает ПНБ в надежную и прочную основу международного торгового правопорядка. Именно данное обстоятельство усилило когентные свойства ПНБ в международном торговой системе. В многосторонней торговой системе ВТО все государства-члены связаны друг с другом *взаимностью*: на взаимной основе являются одновременно «бенефицирующими государствами» (т.е. предоставляют РНБ); «бенефициарами» (т.е. получают РНБ) и «третьими государствами».

С другой стороны, *взаимность* выступает как самостоятельный принцип, регулирующий отношения в деликатных сферах отношений, например, в сфере выдачи виз на въезд в страну иностранных граждан или на право трудоустройства иностранных граждан в стране пребывания. Вряд ли в обозримом будущем режим предоставления виз иностранным гражданам будет основываться во взаимоотношениях с государствами на принципе-методе наибольшего благоприятствования. А вот в правах иностранцев на трудоустройство в разных странах встречается разная практика: где-то такое право предоставляется только на основе взаимности; где-то – на основе взаимного предоставления национального режима или в сочетании национального режима и режима наибольшего благоприятствования.

Это иллюстрирует потенциальную эволюцию применимости ПНБ как *метода* регулирования ко многим областям межгосударственных взаимоотношений, таким как сферы культуры, туризма, науки, образования.

4. ПНБ в системе принципов международного права

Принцип наибольшего благоприятствования не похож ни на какой другой международно-правовой принцип, поскольку сама его реализация построена на участии третьего государства, на сопоставление и уравнивание внутренних *правовых режимов*. По сути, это *материально-процессуальный* принцип, *функциональный* принцип, сам по себе не несущий содержания: содержанием он наполняется, когда определена сфера его применения (взаимная торговля, мореплавание и т.д.). Поэтому многие зарубежные юристы-международники избегали даже называть его *принципом*, заменив этот термин на термин «*стандарт*» [Schwarzenberger 1945:119].

Тем не менее ПНБ как мощный регулятор межгосударственных отношений, конечно же, является *международно-правовым принципом* – межотраслевым принципом второго ряда, при этом тесно связанным с некоторыми основополагающими принципами международного права. Принцип наибольшего благоприятствования как бы находится внутри них, либо продолжает и укрепляет их. Нарушения или несоблюдение ПНБ, отступления от него объективно ведут к подрыву многих основополагающих принципов.

Очевидно, что ПНБ выражает стремление к *сотрудничеству* и *взаимной выгоде*; является необходимым условием *недискриминации* и *равноправия* государств. Отказ в предоставлении РНБ или выдвижение условий его предоставления часто используются как приемы *вмешательства во внутренние дела* и экономического давления.

В то же время многие общепризнанные *исключения* из ПНБ направлены на утверждение истинного (материального) равноправия между государствами – отсюда идея предоставления преференций в пользу развивающихся стран. В этом случае используется концепция *материальной взаимности*: когда стороны

⁵ UN: Treaty Series. Vol. 521. P. 221; Vol. 668. P. 71.

правоотношений на основе ПНБ не ограничиваются *формальной взаимностью* в обмене правами и обязанностями, но более сильная сторона (развитое государство) предоставляет более слабой стороне (развивающемуся государству) в одностороннем порядке дополнительные льготы и преференции, чтобы уравнивать конечные материальные выгоды сторон [Пуртов 2011:1-73; Шабан 1981:131-148].

Основополагающие принципы международного права по факту являются конкретизацией обобщающего принципа *мирного сосуществования* государств и цивилизаций. Принцип наибольшего благоприятствования – это одна из граней принципа мирного сосуществования и содержащихся в нем принципов. Без добросовестного соблюдения ПНБ в международной торговле и в международной экономической системе не получится и полноформатного *мирного сосуществования*.

Универсальный ПНБ, как отмечает А.Ф. Оппенгейм, «порождает чувство безопасности» [Oppenheim 1948:24]; он по своей сути является препятствием актам экономической агрессии, проявлениям экономической силы, практике дискриминации и, как следствие, инструментом обеспечения экономической безопасности государств, укрепления материальных основ международного мира и правопорядка.

5. Заключение

Представленный взгляд на становление, природу и эволюцию универсального ПНБ можно завершить следующими выводами.

Становление универсального ПНБ началось в сфере международной торговли, прошло путь от презумпций, обыкновений к закреплению международным обычаем и международными договорами *обязанности* предоставлять РНБ. Сегодня ПНБ видится как *принцип-метод, комплексный институт и межотраслевое образование*. В глобальном, универсальном торговом правопорядке ПНБ эволюционировал в *императивный* принцип, однако в современных условиях трансформации международной системы действие, эффективность и когентные свойства ПНБ ослаблены и снижаются.

Принцип наибольшего благоприятствования как *принцип-метод* применяется не только в международной торговле, но и в других

сферах отношений с различным предметом регулирования. Потенциал его регулятивных возможностей далеко не исчерпан. Можно предположить, что применение ПНБ государствами будет распространяться на новые и новые сферы отношений посредством обычаев и международных договоров. По мере укрепления его действенности и эффективности будут нарастать и когентные свойства региональных вариантов ПНБ в той или иной относительно новой сфере. Как *механизм* правового регулирования, напрямую воздействующий на внутренние правовые системы государств, ПНБ объективно подталкивает их к унификации этих систем.

Наряду с *дифференциацией* и *фрагментацией* международного права происходит дифференциация и фрагментация ПНБ. Он как бы мультиплицируется в пространствах интеграционных объединений и локальных цивилизаций с особенностями, присущими таким образованиям, включая правовые коллизии; превращается в региональные и локальные версии ПНБ. Все вместе они составляют единую глобальную сеть ПНБ. Практика расширенного использования *принципа-метода* в межгосударственных отношениях свидетельствует о растущем правосознании в международной системе и о его противоречивости. Государственным аппаратам и правящей элите государств следует активнее продвигать и применять данный инструмент в международных отношениях в качестве средства укрепления сотрудничества.

Принцип наибольшего благоприятствования в свернутом виде присутствует во многих основополагающих принципах международного права, является их гранью, поэтому его можно квалифицировать как международно-правовой принцип второго ряда. Вместе с основополагающими принципами международного права принцип наибольшего благоприятствования является одновременно и гранью *принципа мирного сосуществования* государств и цивилизаций, и правовой основой обеспечения международной экономической безопасности государств. Противодействие ПНБ, отказ от него, нарушения ПНБ, применения санкций вразрез ПНБ – все это практика подрыва и основополагающих принципов международного права.

Список литературы

1. Агеев А.И. Борталевич С.И., Логинов Е.Л. 2016. Большое евразийское партнерство: проект, встречный Транстихоокеанскому партнерству. – *Экономические стратегии*. № 6. С. 20-31.
2. Вельяминов Г.М. 1970. Принцип наибольшего благоприятствования. – *Внешняя торговля*. № 10. С. 50-52.
3. Короленко А.С. *Торговые договоры и соглашения СССР с иностранными государствами*. Москва: ВТИ. 1953. С. 3-20.
4. Кулишер И.М. 1929. *Основные вопросы международной торговой политики*. Ленинград. 509 с.
5. Пуртов А.С. 2011. *Принцип взаимной выгоды в международном экономическом праве*. Монография. Москва: ВАВТ, С. 1-73.
6. Усенко Е.Т. 1974. Режим наибольшего благоприятствования в советско-американских отношениях. – *Советское государство и право*. № 9. С. 84-87.
7. Ушаков Н.А. 1995. *Режим наибольшего благоприятствования в международных отношениях*. Москва: Изд-во ИГиП РАН. 125 с.
8. Шабан И.С. 1981. Принципы равноправия и взаимной выгоды в международных экономических отношениях государств. – *Международное право и международный правопорядок*. Москва: ИГПАН СССР. С. 131-148.
9. Шумилов В.М. *Институт наибольшего благоприятствования в современном международном праве*. Монография. Под ред. Е.Н. Пузанковой. Москва: ВАВТ-ММА, 2021. 118 с.
10. Davey W.J. 2007. *Enforcing World Trade Rules: Essays on WTO Dispute Settlement and GATT Obligations*. Cameron.
11. Gattinara. 2009. The Relevance of WTO Dispute Settlement Decisions in the US Legal Order. – *Legal Issues of Economic Integration*. Vol. 36. № 4.
12. Jackson J.H. 2006. *Sovereignty, the WTO and changing fundamentals of international law*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Jagdish N.Bh. 2008. *Termites in the Trading System: How Preferential Agreements undermine Free Trade*. Oxford: Oxford University Press.
14. Oppenheim H.F. 1948. *La clause de la nation la plus favorisée*. Zurich. 24 p.
15. Pauwelin J. 2003. *Conflict of norms in public international law: How WTO Law relates to other rules of international law*. New York: Cambridge University Press. 554 p.
16. Sauvignon E. 1972. *La clause de la nation la plus favorisée*. Grenoble: Press universitaires de Grenoble. P. 7, 28.
17. Schwarzenberger G. 1945. The most-favored-nation standard in british state practice. – *British yearbook of international law*. London. Vol. 22. P. 119.
18. Van den Bossche P. 2021. *Essentials of WTO Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 321 p.
19. *nomicheskie strategii [Economic strategies]*. 2016. № 6. С. 20-31 (In Russ.).
20. Davey W.J. *Enforcing World Trade Rules: Essays on WTO Dispute Settlement and GATT Obligations*. Cameron, 2007.
21. Gattinara. The Relevance of WTO Dispute Settlement Decisions in the US Legal Order. – *Legal Issues of Economic Integration*. 2009. Vol. 36. № 4.
22. Jackson J.H. *Sovereignty, the WTO and changing fundamentals of international law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
23. Jagdish N.Bh. *Termites in the Trading System: How Preferential Agreements undermine Free Trade*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
24. Korolenko A.S. *Torgovyie dogovory i soglasheniya SSSR s inostrannymi gosudarstvami [Trade treaties and agreements of the USSR with foreign countries]*. Moscow: VTI. 1953. S. 3-20. (In Russ.).
25. Kulisher I.M. *Osnovnye voprosy mezhdunarodnoy torgovoy politiki [The main issues of international trade policy]*. Leningrad, 1929. 509 s. (In Russ.).
26. Oppenheim H.F. *La clause de la nation la plus favorisée*. Zurich, 1948. 24 p.
27. Pauwelin J. *Conflict of norms in public international law: How WTO Law relates to other rules of international law*. New York: Cambridge University Press, 2003. 554 p.
28. Purto A.S. *Princip vzaimnoj vygody v mezhdunarodnom ekonomicheskom prave [The principle of mutual benefit in international economic law]*. Monografiya. Moscow: VAVT, 2011. S. 1-73. (In Russ.).
29. Sauvignon E. *La clause de la nation la plus favorisée*. Grenoble: Press universitaires de Grenoble, 1972. P. 7, 28.
30. Schwarzenberger G. The most-favored-nation standard in british state practice. – *British yearbook of international law*. London. 1945. Vol. 22. P. 119.
31. Shaban I.S. *Principy ravnopraviya i vzaimnoj vygody v mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnosheniyah gosudarstv [Principles of equality and mutual benefit in international economic relations of States]*. – *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnyy pravoporyadok [International law and the international legal order]*. Moscow: IGPAN SSSR, 1981. S. 131-148. (In Russ.).
32. Shumilov V.M. *Institut naibol'shego blagopriyatstvovaniya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The institution of the most favored nation in modern international law]*. Monografiya. Pod red. E.N. Puzankovoj. Moscow: VAVT-MMA, 2021. 118 s. (In Russ.).
33. Usenko E.T. *Rezhim naibol'shego blagopriyatstvovaniya v sovetsko-amerikanskih otnosheniyah [The most-favored-nation regime in Soviet-American relations]*. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and law]*. 1974. № 9. S. 84-87. (In Russ.).
34. Ushakov N.A. *Rezhim naibol'shego blagopriyatstvovaniya v mezhdunarodnykh otnosheniyah [The most-favored-nation regime in international relations]*. Moscow: IZD-VO IGIPI RAN, 1995. 125 s. (In Russ.).
35. Van den Bossche P. *Essentials of WTO Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 321 p.
36. Vel'yaminov G.M. *Princip naibol'shego blagopriyatstvovaniya [The principle of the most favored nation]*. – *Vneshnyaya trgovlya [Foreign trade]*. 1970. № 10. S. 50-52. (In Russ.).

References

1. Ageev A.I. Bortalevich S.I., Loginov E.L. Bol'shoe evrazijskoe partnerstvo: proekt, vstrechnyj Transtihookean-skomu partnerstvu [The Great Eurasian Partnership: a counter-project to the Trans-Pacific Partnership]. – *Eko-*

Информация об авторе**Владимир Михайлович ШУМИЛОВ,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, ВАВТ Минэкономразвития России

Воробьевское шоссе, д. 6а, г. Москва, 119285, Российская Федерация

VShumilov@vavt.ru

ORCID: 0000-0002-5247-6284

About the Author**Vladimir M. SHUMILOV,**

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy (RFTA)

6a, Vorobyovskoe Highway, Moscow, Russian Federation, 119285

VShumilov@vavt.ru

ORCID: 0000-0002-5247-6284

Ахмед Юсуфович МАРЗАНОВМосковский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Российская Федерация
a.marzanoff@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0961-5752

ОБЗОР ДОКТРИНАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА В XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

ВВЕДЕНИЕ. Исследование предпосылок современного международно-правового положения Римского престола и Государства Град Ватикан требует осмысления статуса папства в период с 1870 по 1929 г. В этот временной промежуток Апостольский престол (верховный понтифик и Римская курия) как орган руководства Католической церковью сохранил свою самостоятельную международную роль, несмотря на присоединение старого Папского государства к Италии в октябре 1870 г. Анализ доктрины того времени позволит продемонстрировать, какие первые теоретические конструкции предлагались юристами-международниками для объяснения уникального места Римского престола в межгосударственном общении.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При проведении исследования были изучены работы представителей русской и зарубежной доктрины международного права XIX и первой половины XX в. Были использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод) и специальные (историко-правовой, формально-юридический и др.) научные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье осуществлен анализ зарубежной и русской (включая раннюю советскую) доктрины относительно статуса Апостольского престола

в период с 1870 по 1929 г., подготовлен обзор концептуальных расхождений ученых в отношении данной темы.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. На основе проведенного анализа доктринальных источников сделан вывод о том, что правовое положение папства начало пользоваться вниманием юристов-международников после событий сентября – октября 1870 г., когда Церковная область была присоединена к Италии. Падение государства римского епископа положило начало интенсивной дискуссии среди ученых о том, сохранилась ли после произошедших событий международная личность папства. Подавляющее большинство правоведов было убеждено в том, что папство после 1870 г. в любом случае утратило государственный статус, полностью лишившись прерогатив управления в отношении определенной территории и населения. Часть ученых, отождествляя международную правосубъектность только с государственностью, тем не менее пришла к выводу о сохранении после 1870 г. собственного международно-правового статуса Римским престолом де-факто (как проявления квазисубъектности). Другие исследователи видели в Святом престоле носителя уникальной правосубъектности, причисляя его тем самым к международным единицам наравне

с государствами. Небольшая группа ученых отрицала международную правосубъектность Святого престола как де-факто, так и де-юре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Папа римский, Святой престол, Римская курия, Государство Град Ватикан, Папское государство, Закон о гарантиях, доктрина международного права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Марзанов А.Ю. 2025. Обзор доктринальных воззрений на международную правосубъектность Святого престола в XIX и первой половине XX вв. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-17-30>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-17-30>

Research article
UDC: 341
Received 31 September 2024
Approved 17 January 2025

Akhmed Y. MARZANOV

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991
a.marzanoff@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0961-5752

REVIEW OF DOCTRINAL VIEWS ON THE INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY OF THE HOLY SEE IN THE 19TH AND THE EARLY 20TH CENTURIES

INTRODUCTION. *The study of the prerequisites of the current international legal position of the Holy See and the Vatican City State requires a reflection on the status of the Papacy from 1870 to 1929. During this period, the Holy See maintained its independent international position despite the annexation of the Papal States to Italy. An analysis of the doctrine of that time will make it possible to demonstrate what theoretical constructions were proposed by international lawyers to explain the unique place of the Holy See in interstate communion.*

MATERIALS AND METHODS. *The study used a wide range of works by representatives of Russian, English, American, German, French, Italian, Spanish, Swiss, and Belgian doctrines of international law of the 19th and first half of the 20th centuries. It used general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, systematic method) and special scientific methods, including historical-legal methods and formal-legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *The article analyses foreign and Russian (including the early Soviet) doctrine concerning the status of the Holy See in the period from 1870 to 1929 and assesses the conceptual divergence of scholars on this topic.*

DISCUSSIONS AND CONCLUSIONS. *Based on the analysis of doctrinal sources, it is concluded that the legal position of the Pope began to receive the attention of international jurists after 1870 when the Catholic Church area was annexed to Italy. The fall of the Papal States initiated an intense doctrinal debate as to whether the international personality of the Papacy survived the events. The overwhelming majority of jurists were convinced that the Papacy after 1870 had lost its state status, having been wholly deprived of the prerogatives of governing a certain territory and population. Some scholars, identifying international legal personality only with statehood, concluded that after 1870, the Holy See retained its international legal status de facto (as a manifestation*

of quasi-subjectivity). Other scholars saw in the Holy See a unique *de jure* legal personality. However, several scholars denied the Holy See's *de facto* and *de jure* international legal personality.

KEYWORDS: Pope, the Holy See, Roman Curia, Vatican City State, Papal States, Law of Guarantees, international legal doctrines

FOR CITATION: Marzanov A.Y. Review of Doctrinal Views on the International Legal Personality of the Holy See in the 19th and the early 20th Centuries. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-17-30>

The author declares the absence of conflict of interest.

Введение

Современное международно-правовое положение папства в лице Святого престола¹ и Государства Град Ватикана² остается довольно малоизученной темой в российской доктрине. Между тем предпосылки текущего юридического статуса Римского престола в том числе лежат в периоде 1870–1929 гг., когда верховный понтифик утратил свое государство – Церковную область³, но при этом все же сохранил способность к непосредственному участию в международном общении.

После занятия Папского государства итальянской армией в сентябре 1870 г. и проведения референдума о его присоединении к Итальянскому королевству, 9 октября король Виктор Эммануил II подписал Декрет № 5903 (далее – Королевский декрет № 5903)⁴, согласно ст. 1 которого бывшие владения понтифика становились неотъемлемой частью королевства, в то время как за самим папой сохранялись «достоинство, неприкосновенность и все личные prerogative суверена» (*la dignità, la inviolabilità e tutte le prerogative personali di Sovrano*). В соответствии со ст. 3 Королевского декрета № 5903 условия, гарантирующие независимость папы, территориальные изъятия в его пользу (*franchigie territoriali*)

и свободное осуществление Святым престолом как главным органом Католической церкви⁵ своей духовной власти, должны были быть закреплены в особом законодательном акте.

Этим актом стал принятый 13 мая 1871 г. Закон № 214 «О prerogative Верховного понтифика и Святого Престола и о сношениях государства с Церковью» (далее – Закон о гарантиях)⁶. Он утвердил гарантии неприкосновенности личности папы (ст. 1, 2 Закона) и предписал оказывать последнему суверенные почести в пределах королевства (ст. 3). Италия признала неприкосновенность, помимо прочего, дворцовых комплексов Ватикан и Латеран в Риме, а также загородной папской виллы Кастель-Гандольфо (ст. 5). За дипломатическими представителями Святого престола, оказывающимися в пределах итальянской территории, равно как и за дипломатическими агентами иностранных держав, аккредитованными при папе, признавались соответствующие привилегии и иммунитеты (ст. 11). Сложившееся положение позволило Апостольскому престолу после упразднения папской государственности и вплоть до момента создания Града Ватикана в 1929 г. продолжать поддерживать от своего имени дипломатические сношения⁷, заключать договоры по церковным вопросам (конкордаты)⁸ и участвовать в урегулировании споров между различными государствами⁹.

¹ Он же Апостольский престол, Римский престол.

² Он же Град Ватикан.

³ Она же Папская область, Папское или Понтификальное государство.

⁴ R. Decreto 9 ottobre 1870 (n. 5903), per l'aggregazione di Roma e delle Provincie romane al Regno d'Italia. – *Codice del diritto pubblico ecclesiastico del Regno d'Italia*. Roma; Torino; Napoli: Unione Tip. Editrice, 1887. Parte Prima. P. 4-5.

⁵ Образуемым из понтифика и его церковной администрации (Римской курии) [Smith 1895:262].

⁶ Legge 13 maggio 1871, n. 214: Sulle prerogative del Sommo Pontefice e della Santa Sede, e sulle relazioni dello Stato con la Chiesa. – *Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia*. 1871. No. 134.

⁷ К 1929 г. Святой престол поддерживал дипломатические отношения с 28 государствами [A History... 2020:314].

⁸ См., напр.: *Convenzione fra la Santa Sede ed il Governo Austro-Ungarico per la Bosnia ed Erzegovina* (8 giugno 1881). – *Raccolta di concordati su materie ecclesiastiche tra la Santa Sede e le autorità civili*. Roma: Tipografia Poliglotta Vaticana, 1919. P. 1014, 1015; *Conventio inter Sanctam Sedem et Rempubicam Lusitaniae* (15 Aprile 1928). – *Acta Apostolicae Sedis*.

Анализ доктрины рассматриваемого периода позволит продемонстрировать, какие первые теоретические конструкции предлагались юристами-международниками для объяснения того уникального положения, которое Римский престол занял в указанное время в межгосударственном общении.

2. Зарубежная доктрина

Исследователи международного права XIX и первой половины XX в. начали проявлять особый интерес к международно-правовому статусу папства вскоре после присоединения Церковной области к Италии в октябре 1870 г. До этого события в глазах ученых превалировал целостный образ персоны верховного понтифика как одновременно главы Римско-католической церкви и правителя Папской области. Государственный характер светских церковных владений в Центральной Италии, равно как и статус понтифика в качестве их государя, не вызывал особых сомнений у правоведов [Клюбер 1828:37]. Как отмечал английский юрист Роберт Филлимор, до 1870 г. папа бесспорно являлся светским сувереном (temporal sovereign) и в таком качестве выступал субъектом «светского» международного права (temporal international law) [Phillimore 1882:503]. После упразднения Папского государства доктрина не смогла прийти к единообразной оценке нового экстраординарного положения Святого престола, которое в том числе сформировалось благодаря итальянскому Закону о гарантиях.

Произошедшие события тем не менее привели некоторых исследователей к мысли, что международная правосубъектность папы в какой бы то ни было форме была окончательно утрачена.

Так, французский правовед Рауль Бомпар отказывался считать римского первосвященника «носителем суверенитета в международном смысле» после событий октября 1870 г. [Bompard 1888:60]. Суверенитет как «исключительное и полное право управлять собой в соответствии со своей волей», по мнению ученого, мог принадлежать лишь нации. Духовную же власть Святого престола, полагал Бомпар, уместно уподобить

разве что осуществляемой государством пропаганде (la propaganda qu'un États peut exercer), которую другие правительства всегда вольны ограничить или вовсе пресечь в пределах своей юрисдикции [Bompard 1888:216].

Близкая точка зрения высказывалась и английским юристом Джоном Уэстлейком. Подчеркивая «весьма необычный» (quite abnormal) статус Римского престола, ученый констатировал: после падения Церковной области у папы более нет никакого международного статуса, как и положения мирского суверена [Westlake 1910:38, 39]. Однако уступки и прерогативы, предусмотренные Законом о гарантиях для Апостольского престола, включая сохранение признания суверенного достоинства (суверенных почестей, the honours belonging to sovereigns) понтифика, экстерриториальность резиденций последнего в Ватикане и других местах, а также возможность направлять и принимать дипломатических представителей могли считаться достаточными условиями для сохранения римским епископом светского суверенитета [Westlake 1910:39].

Подобный вердикт выносился и в издании «Элементов международного права» Генри Уитона под редакцией Коулманна Филлипсона: после присоединения Церковной области к Италии, утверждалось в работе, папа из субъекта международного права превратился в его объект [Wheaton's Elements ... 1916:56]. Из-за событий 1870 г. Апостольский престол утратил возможность управлять определенной территорией и населением, а заключаемые им конкордаты более нельзя было считать трактатами согласно международному праву. Дипломатические представители папы, соответственно, теперь оставались только церковными, а не международными должностными лицами (ecclesiastical and not international officials). Итоговый вердикт в работе Уитона оказывался достаточно противоречивым: несмотря на все упомянутые изменения, новое положение римского епископа все же не низвело его до обычного гражданского лица (ordinary person), ведь большое количество государств молчаливо признали за понтификом сохранение множества суверенных привилегий.

Commentarium officiale. Romae: Typis Polyglottis Vaticanis, 1928. Vol. XX. P. 129–134; Exchange of Notes between Czechoslovakia and the Holy See embodying a Modus Vivendi (Prague, January 29/Vatican, February 2, 1928). – *British and Foreign State Papers*. London: His Maesty's Stationery Office, 1932. Vol. CXXVIII. P. 705–708.

⁹ См., напр.: Proposition faite par Sa Sainteté le Pape Léon XIII, comme Médiateur dans la question des Archipels des Carolines et Palaos pendant entre l'Allemagne et l'Espagne (Rome, le 22 Octobre, 1885). – *British and Foreign State Papers*. London: William Ridgway, 1892. Vol. LXXVI. P. 293–294.

Поэтому, заключалось в работе, действительный статус папы в отношении к международному праву оказывается «несколько аномальным» (somewhat anomalous) [Wheaton's Elements ... 1916:56].

Неопределенность, сопровождавшая описание положения Римского престола после 1870 г. в работах Уэстлейка и Уитона, в той или иной форме встречается у большей части ученых рассматриваемого периода. Не признавая папство в связи с произошедшими событиями носителем международной правосубъектности в строгом смысле слова, многие исследователи тем не менее начали рассуждать об *уподоблении* на практике статуса Святого престола государственному в международных сношениях.

Так, Иоганн К. Блюнчли приходил к выводу, что христианские церкви принципиально не могут быть субъектами международного права подобно государствам. Однако ученый, имея в виду случай Апостольского престола, тем не менее отмечал: «...Будучи лицами во многом сходными с государствами, они (христианские церкви. – А.М.) могут вступать с ними в юридические отношения, имеющие более или менее международный характер» [Блюнчли 1877:79]. Падение Папского государства, считал И. Блюнчли, не смогло свести положение верховного понтифика лишь к статусу иерарха поместной церкви, который ничем не отличался бы от подданного любого государства [Bluntschli 1876:7]. «Достоинство Папы как главы Римско-католической церкви... универсально: оно и сегодня признается всеми... церквями во всех странах мира. По этой причине оно имеет интернациональный и, поскольку многие государства чтят его, *международно-правовой характер* (курсив наш. – А.М.)», – писал ученый [Bluntschli 1876:8]. Впрочем, заключал Блюнчли, после 1870 г. епископ Вечного города мог считаться лишь церковным, а не государственным сувереном (владея только *summa auctoritas in rebus spiritualibus*, а не *summa potestas*) [Bluntschli 1876:15, 16]. Впервые он стал претендовать на суверенное достоинство еще до создания Папского государства в раннем Средневековье, таким образом, эта привилегия (направление послов по церковным делам ко дворам государей и заключение конкордатов) предоставлялась понтифику с незапамятных времен именно на основе его церковного, а не государственного статуса [Bluntschli 1876:15]. В то же время предоставление Римскому епископу различных прав и прерогатив, которыми обычно пользуются государи

по международному праву, не являлось, по мнению Блюнчли, обязанностью государств, включая Италию. Скорее, такая уступка могла быть обусловлена политическими причинами – желанием удовлетворить чаяния своих граждан католического вероисповедания и проявить почтение (Ehrerbietung) к институту папства [Bluntschli 1876:27]. Ученый предостерегал: римские понтифики всегда могут быть лишены предоставленных им прерогатив и привилегий по международному праву в случае злоупотребления своими правами или стремления нарушить конституционный порядок государств, предоставляющих им такие права [Bluntschli 1876:28].

По мнению Августа В. Гефтера (Хеффтера), «...отношения между церковью и государством определяются теми же самыми началами, каким подчиняются государства или независимые друг от друга власти, в их взаимных отношениях» [Гефтер 1880:82]. Управляя Церковной областью до 1870 г., папы «пользовались всеми правами государственного верховенства» и потому участвовали в политических делах наравне с прочими государями [Гефтер 1880:84]. Однако лишение светской власти не умалило обычных почестей и прерогатив, сопутствовавших персоне понтифика во время существования Папского государства. Иностранные государства, констатирует Гефтер, также не прекратили своих отношений со Святым престолом.

По мнению Фридриха Г. Геффкена, после событий 1870 г. папа пользовался специфическим международным статусом (*eigentümliche internationale Stellung*), сохранив некоторые права суверена и, в силу своего духовного сана, претендуя на определенные прерогативы управления (*Regierungsrechte*) в отношении поместных церквей [Geffcken 1885:3].

Франц фон Лист считал, что после 1870 г. Римский престол находился лишь в привилегированном квазимеждународном положении: именно итальянское правительство обеспечивало этот своеобразный статус папы, хотя и *не могло быть привлечено к ответственности за действия последнего* [Лист 1917:62]. Тем не менее сложившийся статус Святого престола покоился именно на международно-правовом основании, считал ученый – Италия обязалась обеспечить независимость понтифика, приняв Закон о гарантиях и *получив признание данного акта от других держав* [Лист 1917:61-62].

Ласса Оппенгейм полагал, что, несмотря на падение Папского государства, к Святому

престолу для ряда целей (for some purposes) продолжали фактически относиться как к международному лицу [Oppenheim 1920:185]. Следовательно, с молчаливого согласия сообщества государств, утвердившего обычай, Римский престол пользовался квазимеждународным статусом (quasi-international position).

С точки зрения французского исследователя Франца Депанье, положение Святого престола после 1870 г. представляет собой исключительный случай, который привел к *фиктивному* приобретению международного суверенитета римским епископом [Despagnet 1910:195, 211]. Папы, будучи до 1870 г. одновременно главами Церкви и светскими правителями, именно в последнем статусе черпали основу для своих международных действий на протяжении веков (в том числе для реализации собственных духовно-религиозных прерогатив) [Despagnet 1910:196]. Поскольку после падения Церковной области Апостольский престол было невозможно считать государством, он наделяется статусом суверена лишь в силу «любезной уступки» (une concession gracieuse), от которой Италия была бы вольна отказаться в любой момент [Despagnet 1910:208, 215].

Ряд зарубежных исследователей более однозначно заявляли о международной правосубъектности Святого престола *sui generis* после 1870 г., принимая во внимание положение дел на практике.

В 1915 г. итальянский правовед Паскуале Фиоре писал: «Мы признаем, что в целом международные права не могут быть предоставлены лицам, если последние не являются субъектами международного права; но (мы также признаем. – А.М.) что такие права должны быть провозглашены и регламентированы всякий раз, когда в соответствии с принципами естественной справедливости им (лицам, не являющимся субъектами международного права) предоставляются такие права» [Fiore 1918: 111]. К подобным лицам Фиоре относил и Католическую церковь как всемирную религиозную институцию, обладающую *нетерриториальным характером*. Эта Церковь должна рассматриваться, по мысли ученого, в качестве субъекта международных прав и, следовательно, как международное лицо [Fiore 1918:112-113]. При этом Церковь не может быть приравнена в своем статусе к государству и потому неспособна претендовать на права, присущие последнему. Она также не может притязать на управление какой-либо территорией (и, соответственно, не имела бы права требовать

восстановления Папского государства) [Fiore 1918:113]. Экстерриториальные привилегии для учреждений Святого престола в Ватикане и в некоторых других частях Рима, установленные Законом о гарантиях, не могли считаться основанием для присвоения этих территорий папой в качестве государя [Fiore 1918:219]. Фиоре относил к числу международных прав Католической церкви:

- а) право на независимую организацию ее внутреннего устройства;
- б) право на свободное управление в духовно-религиозных вопросах;
- в) право римского епископа на свободные сношения со всеми христианами-католиками, включая поместных иерархов;
- г) право на представительство;
- д) право папы как духовно-религиозного лидера на неприкосновенность.

В отношении своих международных прав Католическая церковь могла притязать на применение норм права народов и коллективную защиту цивилизованных государств, замечал автор [Fiore 1918:112].

Немецкий юрист Артур Винен определял Святой престол как суверенное лицо международного права, подчеркивая при этом, что отождествление Католической церкви и Римского престола *некорректно* [Wynen 1920:31, 32, 66]. Последний представляет собой центральное учреждение Церкви, руководя и выступая от ее имени (как правительство от имени государства). Хотя по логике вещей, считал ученый, это должно было бы означать, что именно Католическая церковь в целом (*Gesamtkirche*) должна быть признана субъектом международного права, на практике юридическая личность признается только за Святым престолом [Wynen 1920: 52, 57]. По мнению Винена, оставление правосубъектности за папством не означает, что оно концептуально приравнивается к государству: из трех признаков государственности у Апостольского престола в лучшем случае имеется суверенная власть (в духовно-религиозных вопросах) [Wynen 1920:56, 64-65, 70]. Таким образом, Апостольский престол должен рассматриваться как государственно-подобное образование (*das Staaten ähnliches Gebilde*) [Wynen 1920:65].

Бельгийский правовед Эрнест Нис, считая установившееся после 1870 г. положение папства с точки зрения теории международного права «вопиющей аномалией», отмечал, что Святой престол как юридическая личность *sui generis*

сохранил основные права суверенитета, такие как право заключения международных, *по существу*, договоров и *jus legationis* [Nys 1879:4, 54, 55]. Длительная практика поддержания дипломатических сношений и заключения договоров (конкордатов) от имени *только* Святого престола, а не Папского государства, имела место еще во времена существования последнего, замечал Нис [Nys 1879:4, 39].

Сходную с выводами Ниса характеристику статусу Римского престола давал швейцарский юрист и дипломат Альфонс Ривье. Признавая, что папа остался сувереном даже после уничтожения Папского государства, Ривье приходил к выводу об *уподоблении* Римской курии (Святого престола) в своем статусе государству. Ученый считал, что «из самой идеи права народов и государства следует, что Святой престол в настоящее время не может быть действительным лицом по праву народов...» [Rivier 1896:120]. Однако епископ Вечного города, продолжал Ривье, все еще остается суверенным понтификом (*souverain pontife*), он олицетворяет главенствующую нравственную силу в мире (*la première force morale du monde*) и занимает столь высокое персональное положение, что его невозможно рассматривать как подчиненного юрисдикции какого-либо государства. Благодаря установившемуся после 1870 г. соглашению государств папа приобрел уникальный правовой статус: хотя он не являлся более государем из-за утраты территории Церковной области, но с ним по-прежнему обращаются как с сувереном (*il est traité en souverain*) и признают же за ним сохранение атрибутов суверенитета [Rivier 1896:121].

Французский исследователь Поль Фошиль, подобно Винену, в своих рассуждениях о международно-правовом статусе папства подчеркивал: именно римский первосвященник (Святой престол) как суверенный понтифик (а не Католическая церковь в целом) сохранил после 1870 г. международную юридическую личность [Fauchille 1922:209]. Фошиль считал, что до 1870 г. папа «...соединял в своем лице два разных свойства и две разные совокупности полномочий: светского правителя и верховного главы Католической церкви» [Fauchille 1922:748]. Эти два модуса были принципиально различны по своей природе и компетенции. После 1870 г. папу, конечно, нельзя было приравнять к обычному светскому правителю, и тем не менее за ним как за главой Церкви следует признавать суверенитет особого рода (*souveraineté speciale particulière*),

из которого вытекает уникальная международная правосубъектность (*personnalité juridique propre*) [Fauchille 1922: 750]. П. Фошиль подчеркивал конститутивный, а не декларативный характер признания международного статуса папства (Святого престола) после 1870 г., поскольку, по его мнению, он был обусловлен принятием Закона о гарантиях.

Морис Ориу также принципиально не отказывал Римскому престолу в обладании правосубъектностью по праву народов. «Эта международная личность пользуется всеобщим признанием, и слишком много иностранных правительств заинтересованы в поддержании ее традиции и в сохранении своих послов при Ватикане...», – писал в 1916 г. ученый [Ориу 1929:29]. Ориу считал, что юридическую природу данного образования после 1870 г. возможно наиболее точно описать, обратившись к примеру *bureaux internationaux* – первых межправительственных организаций как несuverенных и нетерриториальных единиц публичного характера [Ориу 1929:451].

По мнению Рене Фуанье, статус папства после 1870 г. основывался на исторической традиции и международном обычае, возникшем вследствие единогласного решения всех католических государств Европы в отношении продолжения признания основных прерогатив суверенитета папы [Foignet 1899:386]. Фуанье, по-видимому, склонялся к *полудекларативному* характеру Закона о гарантиях в отношении международного статуса Святого престола, подчеркивая, что «...не Италия создала духовный суверенитет папы (путем принятия Закона о гарантиях. – А.М.); это дело рук всей католической Европы: признав его, Италия всего лишь подчинилась традиции и подписалась под желаниями христианского мира» [Foignet 1899:392].

Испанский юрист маркиз Рамон де Оливар определял Католическую церковь как «подлинное, совершенное и независимое сообщество» нетерриториального характера, которое является частью сообщества наций в соответствии с международным правом [Marchese de Olivart 1901:105]. Светская власть папы, насильственно прерванная в 1870 г., являлась необходимым следствием духовных прерогатив римского епископа [Marchese de Olivart 1901:71]. Хотя в строгом смысле слова «...светская власть не является частью католической догмы...», даже при возможном отсутствии первой Церковь остается и должна оставаться независимой и суверенной [Marchese de Olivart 1901:CLXIV, 107]. По мнению

автора, глубокого различия между духовной и светской прерогативами Апостольского престола не имелось. Поэтому, например, не имело смысла утверждать, что после занятия итальянской армией территории Папского государства дипломатические отношения с понтификом стали вестись только по церковным делам (ведь положение епископа Рима как религиозного владыки и светского государя, в действительности, оставалось слито воедино). По мнению де Оливара, после событий 1870 г. Церковная область и Итальянское королевство продолжали находиться в состоянии войны, ведь понтифик никогда не признавал законность занятия своих владений вследствие завоевания (*debellatio*) [Marchese de Olivart 1901:7, 11]. Ни одно государство, утверждал ученый, также формально не признало присоединения Рима и Римских провинций к Италии, сохранив дружественные отношения как с папой, так и с итальянским правительством (тем самым поддерживая *нейтралитет между воюющими сторонами*, хотя бы последние и находились теперь в состоянии постоянного перемирия) [Marchese de Olivart 1901:72-74, 81]. По крайней мере в пределах Ватикана Папское государство де-факто и де-юре сохранило свой суверенитет, по-прежнему осуществляемый напрямую: оно все еще отвечало трем признакам государственности, имея при этом собственные вооруженные силы (Понтификальную жандармерию и силы папской гвардии, включая Швейцарскую), судебные органы для разрешения местных споров (административного и гражданского характера) [Marchese de Olivart 1901:53, 62, 68].

3. Российская и советская доктрина

Воззрения русских правоведов на положение Святого престола после 1870 г. развивались в тех же направлениях, что и у зарубежных исследователей.

Федор Федорович Мартенс считал неосновательными заявления о суверенитете и международной правосубъектности Римской курии (Святого престола). По его мнению, последняя, несмотря на свое особенное международное значение, на самом деле «занимает в различных государствах юридическое положение только общества, признанного местным законом (курсив автора. – А.М.)» [Мартенс 1904:378]. Как считал ученый, после падения Церковной области папа утратил характер правителя, оставшись лишь «главой духовного общества, церкви».

В то же время он сохранил, благодаря Закону о гарантиях, некоторые права суверена [Мартенс 1905:120-121]. Говоря о конкордатах, заключаемых Апостольским престолом, Мартенс подчеркивал, что они не являются международными договорами, но могут лишь считаться договоренностями между правительством и частной ассоциацией верующих [Мартенс 1904:333, 402]. Чтобы стать договором, конкордату недоставало существенного условия – участия в нем с каждой стороны субъекта международного права [Мартенс 1905:119]. Тем не менее ученый заключал, что среди правоведов наиболее верно мнение о конкордате все же как о международном соглашении, пускай «...папа не есть субъект международного права». Таким образом, конкордаты являлись «актами соглашения между двумя членами международного общения», и их международный характер на практике не может подлежать сомнениям [Мартенс 1905:119, 120].

Александр Михайлович Горовцев, несколько пересекаясь в своих размышлениях с Фошилем, приходил к выводу, что до 1870 г. в лице римского первосвященника имелось соединение духовной и светской властей, своего рода *личная уния* [Горовцев 1916–1917:282, 283]. Именно из этой унии папство черпало свою международную правосубъектность. После принятия Закона о гарантиях в 1871 г. существование данного соединения прекратилось, и Римская курия (Святой престол) как центральный орган Церкви осталась в полном одиночестве. Без Папского государства Курия никогда не могла бы претендовать на международную правосубъектность в силу характера своей власти – *непринудительной и нетерриториальной* [Горовцев 1916–1917:283].

Как и в зарубежной доктрине, среди русских исследователей находились сторонники признания своеобразной международной правосубъектности Святого престола.

К числу суверенных субъектов международного права римского первосвященника и его Курию относил Оттон Оттонович Эйхельман. По его мнению, именно первенство церковной власти папы по отношению к его положению светского государя позволило сохранить незыблемым международный статус Апостольского престола после 1870 г. [Эйхельман 1900:95]. Впрочем, по мнению ученого, основа суверенитета Святого престола осталась *существенно территориальной* – поскольку Закон о гарантиях исключает итальянскую юрисдикцию в пределах Ватикана, папа сохранил в границах этого

района всю полноту государственной власти [Эйхельман 1900:96].

Петр Евгеньевич Казанский приводил Римскую церковь как пример *общества* (общественного образования), которое может быть признано государствами в качестве носителя международных прав и обязанностей [Казанский 1904:50]. Такое общество само по себе лишено некоторых признаков государственности, хотя до 1870 г. являлось государством. [Казанский 1904:96, 104]. Италия, соответственно, стала государством-преемником Церковной области, в то время как папа остался «исключительно религиозным главой» [Казанский 1904:48, 52]. Отрицание правосубъектности таких образований, как Римская церковь, по мнению ученого, расходится с актуальной договорной и обычной практикой [Казанский 1904:103].

Александр Львович Байков в своей магистерской диссертации 1904 г. о международной правоспособности папства предложил к рассмотрению новую концепцию правосубъектности, не привязанную исключительно к государственности. В рамках этой концепции существенными элементами международной правоспособности оказывались *суверенитет, свобода и независимость*, органически сопряженные между собой в качестве источника основных и производных международных прав и обязанностей в терминологии Байкова [Байков 1904:155, 156, 201, 202]. Суверенитет, как считал ученый, есть *территориальная и личная власть*, «господство которой, в границах принадлежащей ей компетенции, не обуславливается в своем бытии властью других организмов или согласием подчиняемых» [Байков 1904:156]. Территориальная власть распадается на *власть территориальную в узком смысле* (полную юрисдикцию в пределах определенной территории), *экстерриториальную* (гражданскую и административную юрисдикцию в пределах определенной территории, ее фактический контроль) и *детерриториальную* (сохраняющееся притязание де-юре на территорию, потерянную в результате занятия последней другим государством) [Байков 1904:164, 167-171]. Субъект

международного права необязательно должен обладать именно территориальной властью в узком смысле: возможны случаи, считал Байков, когда международный актор вообще не имеет никакой территориальной власти *in sensu stricto* и осуществляет только власть экстерриториальную, детерриториальную и личную, как это случилось со Святым престолом после падения Папского государства в сентябре – октябре 1870 г. [Байков 1904:176-178, 184, 185].

Подобно Нису, Байков считал, что сохранение международной правосубъектности Римского престола после событий 1870 г. привело к разрыву теории с практикой, ведь хотя «папа не может и не должен быть признан субъектом международного права, а между тем таковым он является...» [Байков 1904:XXXI]. Как и Гефтер, ученый утверждал, что международно-правовая конструкция взаимных отношений церкви и государства покоится на началах *равенства*, которое, в свою очередь, обуславливается наличием у каждого из них одинаковых существенных элементов международной правоспособности [Байков 1904:1]. Католическая церковь (Святой престол) наряду с государствами обладает такими элементами правоспособности: суверенитетом, свободой и независимостью. Вследствие этого Святому престолу присущи основные права, которые могут быть обнаружены у любого другого международного лица: *jus tractatumum, jus legationis* и право принуждения [Байков 1904:233, 234].

Байков определял Католическую церковь как нетерриториальный общественный организм, союз людей, «связанных в одно социальное целое общностью веры и власти, над ними господствующей» [Байков 1904:361]. Апостольский престол, таким образом, представал для ученого в виде учреждения, которое утверждало свое *суверенное господство* над вселенской церковной паствой (в духовно-религиозных вопросах), не подчиняясь при этом напрямую территориальной и личной юрисдикции какого-либо государства. Святой престол как международная единица, констатировал Байков¹⁰, обладает определенной степенью экстерриториальной¹¹, детерриториальной¹² и личной¹³ власти с учетом

¹⁰ Несколько совпадая в своих мыслях с маркизом Р. де Оливаром.

¹¹ Фактически контролирует район Ватикан: осуществляет в нем административную, хозяйственную и полицейскую юрисдикцию, но не уголовную.

¹² Сохраняет титул на Рим и Римские провинции – бессрочную претензию на возвращение присоединенных Италией в 1870 г. последних утраченных территорий Папского государства.

¹³ В отношении всех христиан-католиков.

ограничений, чинимых итальянской оккупацией Рима [Байков 1904:273, 278, 297, 313].

Концепция Байкова получила живой отклик среди других русских исследователей.

Комментируя воззрения ученого, барон Михаил Александрович Таубе предлагал выделить отношения с участием Святого престола и других религиозных и светских субъектов (Мальтийского ордена, повстанцев, кочевых племен, пиратов) в самостоятельную систему «междувластного» права («междудержавного» права, *jus inter potestates*), поскольку такие отношения слабо содержательно пересекались с международным правом как системой «существенно территориальных» межгосударственных юридических норм *par excellence* [Таубе 1913:87; Таубе 1910:7, 8, 16]. Святой престол, таким образом, относится к категории носителей «чисто-духовной суверенной» и «державной, верховной власти, осуществляемой персонально» [Таубе 1910: 10,14].

Петр Евгеньевич Михайлов, рассуждая об идее барона, также приходил к выводу, что межгосударственные *территориальные* и *междувластные* («междубщественные») *нетерриториальные* правоотношения выступают как две различные категории – но они тем не менее подпадают под общее регулирование международного права (т. е. лишь образуют в его правовой системе две разные подсистемы) [Михайлов 1909:1580]. Следовательно, Римская курия (Святой престол) как представительница «особой социальной организации» – Католической церкви – является субъектом не только междубщественного в частности, но и международного права вообще [Михайлов 1909:1581].

Сам Байков, восприняв терминологию барона Таубе, предложил в докторской диссертации иерархическое соотношение междувластного и межгосударственного права (международного права в узком смысле), при котором последнее входило бы в первое как в более общую правовую систему, с чем также согласился и сам барон [Байков 1912:IV, 377; Таубе 1913:88]. По мысли Байкова, сохранение междувластной правосубъектности (т. е. международной правосубъектности в широком смысле) Святого престола, несмотря на уничтожение Папского государства, было обусловлено прежде всего тем, что «...международной правоспособности важно не содержание компетенций, или объектов прав и обязанностей, но существо юридического отношения,

связующего субъектов» [Байков 1912:382]. Таким образом, Римско-католическая церковь действительно оставалась субъектом междувластного, но не межгосударственного права, по мысли Байкова [Байков 1912:383].

После выхода работы Байкова ряд отечественных ученых также высказывались за наличие в той или иной форме правосубъектности у Римского престола.

В статье, выпущенной в 1912 г., Петр Алексеевич Покровский в принципе отверг идею государства как единой юридической личности в международных правоотношениях, поскольку в таком качестве оно оказывалось слишком абстрактной и условной величиной, наделенной «в высшей степени неопределенными и в значительной части метафизически построенными правами» [Покровский 1912:207]. Ученый считал, что вместо государства как единого лица подлинными международными единицами являются только отдельные органы государственной власти, частные лица, различные международные органы, а также *Апостольский престол* [Покровский 1912:208, 209].

Николай Алексеевич Захаров приходил к выводу, что римский папа вполне может рассматриваться как «особый субъект международно-правовых отношений» [Захаров 1918:138]. Римская курия (Святой престол) благодаря Закону о гарантиях превратилась в «*quasi*-государство», приобретя некоторые «права внешнего проявления суверенной власти» [Захаров 1918:140, 141]. Ученый, подобно Депанье, обосновывал установившееся положение Римского престола «красивой формой международной вежливости» и последствиями «глубокого уважения к главе католической церкви» со стороны европейских государств [Захаров 1918:141].

Представляя в 1926 г. взгляд молодой советской доктрины на проблему правосубъектности Святого престола, Евгений Александрович Коровин также причислял папу («Римскую курию», «Папство», «Католическую Церковь») к субъектам международного права, подчеркивая при этом неодинаковый с государствами статус [Коровин 1926:22]. Правоспособность папства, по мнению Коровина, основывалась в тот момент не столько на Законе о гарантиях, сколько на «реальной, еще не изжитой, международной мощи католицизма» [Коровин 1926:19].

4. Выводы

Подводя итог обзору зарубежной, русской и ранней советской правовой доктрины в период с 1870 г. вплоть до создания Государства Град Ватикана в 1929 г., можно прийти к следующим выводам.

1. Правовое положение папы до 1870 г., когда он совмещал руководство Церковью и собственным государством в Центральной Италии, не пользовалось особым вниманием юристов-международников. Правосубъектность папства имплицитно отождествлялась с правосубъектностью Церковной области, в то время как сомнений в действительности последней как государственного образования никто из ученых не испытывал. Занятие последних территорий Церковной области в сентябре – октябре 1870 г. Италией и принятие Закона о гарантиях в следующем году стало отправной точкой для начала интенсивной дискуссии в доктрине о том, сохранилась ли после произошедших событий международная личность папства, и кто является ее конкретным носителем: Святой престол (папа и Римская курия как высшая церковная администрация) или же Папское государство.

2. Практически все юристы были единогласны в том, что папство после 1870 г. в любом случае утратило государственный статус, полностью лишившись прерогатив управления в отношении определенной территории и населения. Отдельные правоведы, такие как маркиз де Оливар, настаивали на наличии состояния замороженного вооруженного конфликта Церковной области с Италией, при котором понтификальная государственность сохранялась *де-юре*, несмотря на оккупацию всей ее территории врагом. Таким образом, вопрос о возможной правосубъектности Святого престола после 1870 г. увязывался большей частью ученых только с его статусом центрального руководящего органа Католической церкви, обеспеченным привилегиями и иммунитетами итальянского Закона о гарантиях 1871 г.

3. Часть исследователей, отождествляя международную правосубъектность только с государственностью, пришла к выводу о сохранении именно за Святым престолом как верховным церковным учреждением с теми или иными оговорками собственного международного-правового статуса *де-факто* в качестве проявления квазисубъектности (Блюнчли, Гефтер, фон Лист, Уэстлейк, Уитон, Депанье, Геффкен, Оппенгейм; среди русских правоведов – Захаров, Горовцев и Мартенс). Такие ученые, как Бомпар, категорически отрицали международную правосубъектность Святого престола *де-факто* и *де-юре*. Другая группа исследователей утверждала за Римским престолом уникальную правосубъектность *де-юре*, не видя никаких препятствий на этот счет со стороны действующего права народов (Фиоре, Винен, Нис, Ривье, Фошиль, Фуанье, маркиз де Оливар, Ориу; среди русских правоведов – Покровский, Казанский, Байков, барон Таубе, Михайлов; среди первых советских юристов-международников – Коровин).

4. Для исследователей международно-правового положения папства с 1870 по 1929 г. также было характерно смешение употребления наименований «Католическая церковь» и «Святой престол», из-за чего возникала понятийная путаница относительно того, идет ли речь о возможной международной правосубъектности Церкви как вселенской духовно-религиозной общины верующих католиков во главе с Римским престолом и органами управления поместных церквей, либо же только о правосубъектности самого Апостольского престола (папы и Римской курии). Редкое исключение представляла собой, например, позиция Винена, целенаправленно поставившего в своей диссертации вопрос о содержательном сопоставлении таких понятий и пришедшего к выводу о том, что субъектом международного права является не Католическая церковь в целом, а именно Святой престол как орган, ею управляющий.

Список литературы

1. Байков А.Л. 1904. *Современная международная правоспособность папства в связи с учением о международной правоспособности вообще. Историко-догматическое исследование.* Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. XXXVI, 461 с.
2. Байков А.Л. 1912. *Междувластные и властные отношения в теории права. Опыт теоретико-познавательного построения.* Ярославль: Типография Губернского правления. VI, 413 с.
3. Блюнчли И. 1877. *Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса.* Перевод с немецкого. Москва: Типография Индриха. 634 с.
4. Гефтер А.-В. 1880. *Европейское международное право.* Перевод с немецкого. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп. 619 с.
5. Горовцев А.М. 1916-1917. *Некоторые основные спорные вопросы учения о праве в связи с международным правом.* Петроград: Книжный магазин «Право». XXXVI, 303 с.
6. Захаров Н.А. 1918. *Курс общего международного права.* Петроград: Тип. Д.П. Вейсбрута. X, 464 с.
7. Казанский П. 1904. *Учебник международного права публичного и гражданского.* 2-е изд. Одесса: Типо-литография Штаба Одесского Военного Округа. LXIV, 534 с.
8. Клюббер И.Л. 1828. *Новейшее европейское народное право.* Перевод с французского. Москва: Типография Августа Семена. XVI, 376 с.
9. Коровин Е.А. 1926. *Современное международное публичное право.* Москва: Государственное издательство. 176 с.
10. Лист Ф. 1917. *Международное право в систематическом изложении.* Перевод с немецкого. 4-е изд. Юрьев (Дерпт): Типография К. Маттисена. XVI, 404, LXIV с.
11. Мартенс Ф. 1904. *Современное международное право цивилизованных народов.* 5-е изд. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке. Т. I. 438 с.
12. Мартенс Ф. 1905. *Современное международное право цивилизованных народов.* 5-е изд. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке. Т. II. 626, XL с.
13. Михайлов П. 1909. Новая идея «междувластного права». – *Право.* № 27. Стб. 1576-1583.
14. Ориу М. 1929. *Основы публичного права.* Перевод с французского. Москва: Издательство Коммунистической академии. XXIV, 759 с.
15. Покровский П.А. 1912. К вопросу о субъектах международного права. – *Известия Министерства иностранных дел.* Кн. VI. С. 177–210.
16. Таубе М.А. 1910. *Современное международное положение папы в связи с идеей международного права (jus inter potestates).* Москва: Товарищество Типо-литографии В. Чичерин. 18 с.
17. Таубе М.А. 1913. Учения о субъекте международного права в русской юридической литературе. II. – *Известия Министерства иностранных дел.* Кн. VI. С. 74–88.
18. Эйхельман О. 1900. *Очерки из лекций по международному праву.* Киев: Типография И.И. Чоколова. Вып. 1. 130 с.
19. *A History of International Law in Italy.* 2020. Ed. by G. Bartolini. New York: Oxford University Press. 512 p.
20. Bluntschli J.C. 1876. *Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des römischen Papstes.* Nördlingen: Druck und Verlag der C.H. Beck'schen Buchhandlung. 36 S. URL: https://books.google.ru/books/about/Die_rechtliche_Unverantwortlichkeit_und.html?id=ra8ThC_YEnkC&redir_esc=y (accessed date: 20.09.2024).
21. Bompard R. 1888. *Le crime de lèse-majesté. La papauté en droit international.* Paris: Librairie Nouvelle de Droit et de Jurisprudence Arthur Rousseau. 230 p.
22. Despagnet F. 1910. *Cours de droit international public.* Complètement revue, augmentée et mise au courant par Ch. de Boeck. 4me éd. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey. 1430. p.
23. Fauchille P. 1922. *Traité de droit international public.* 8me éd. Paris, Rousseau & Co. T. 1. Partie 1. 1058 p.
24. Fiore P. 1918. *International Law Codified and Its Legal Sanction.* Translated from Italian. New York: Baker, Voorhis and Company. 750 p.
25. Foignet R. 1899. *Manuel élémentaire de droit international public.* 3me éd. Paris, Librairie Nouvelle de Droit et de Jurisprudence Arthur Rousseau. 442 p.
26. Geffcken F.H. 1885. *Die völkerrechtliche Stellung des Papstes.* Berlin: Verlag von Carl Habel. 62 s.
27. Marchese de Olivart. 1901. *Il Papa, gli Stati della Chiesa e l'Italia. Saggio giuridico sullo stato attuale della questione romana.* Traduzione dallo spagnolo. Napoli: R. Tipografia Francesco Giannini & Figli. 320 p.
28. Nys E. 1879. *The Papacy Considered in Relation to International Law.* Translated from the French. London: Henry Sweet. 65 p.
29. Oppenheim L. 1920. *International law. A Treatise.* Ed. by R.F. Roxburgh. 3rd ed. London: Longmans, Green and Co. Vol. I. 799 p.
30. Phillimore R. 1882. *Commentaries upon International Law.* 3rd ed. London: Butterworths. Vol. II. 702 p.
31. Rivier A. 1896. *Principes du droit des gens.* Paris: Librairie Nouvelle de Droit et de Jurisprudence Arthur Rousseau. T. 1. 566 p.
32. Smith S.B. 1895. *Elements of Ecclesiastical Law.* 9th ed. New York: Benziger Brothers. Vol. I. 589 p.
33. Westlake J. 1910. *International Law.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. Part 1. 371 p.
34. *Wheaton's Elements of international law.* 1916. Revised by C. Phillipson. London: Stevens and Sons, Limited. 901 p.
35. Wynen A. 1920. *Die Rechts- und insbesondere die Vermögensfähigkeit des Apostolischen Stuhles nach internationalem Recht.* Freiburg im Breslau: Herder & Co. G.m.b.H. Verlagsbuchhandlung. 119 S. URL: <https://archive.org/details/Wynen> (accessed date: 21.09.2024).

References

1. *A History of International Law in Italy.* Ed. by G. Bartolini. New York: Oxford University Press. 2020. 512 p.
2. Baikov A.L. *Sovremennaya mezhdunarodnaya pravospobnost' papstva v svyazi s ucheniem o mezhdunarodnoi pravospobnosti voobshche. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. [The Modern International Legal Capacity of the Papacy in Connection with the Doctrine of International Legal Capacity in General. Historical and Dogmatic Study].* Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 1904. XXXVI, 461 p. (In Russ.).

3. Baikov A.L. *Mezhduvlastnye i vlastnye otnosheniya v teorii prava. Opyt teoretiko-poznavatel'nogo postroeniya. [Interpower and Power Relations in the Theory of Law. Experience of Theoretical and Cognitive Construction]*. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 1912. VI, 413 p. (In Russ.).
4. Bluntschli J.C. *Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des römischen Papstes*. Nördlingen: Druck und Verlag der C.H. Beck'schen Buchhandlung. 1876. 36 s. URL: https://books.google.ru/books/about/Die_rechtliche_Unverantwortlichkeit_und.html?id=ra8ThC_YEnkC&redir_esc=y (accessed date: 20.09.2024).
5. Bluntschli J.C. *Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt [Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh gosudarstv, izlozhennoe v vide kodeksa]*. Moscow: Tipografiya Indrikha. 1877. 634 p.
6. Bompard R. *Le crime de lèse-majesté. La papauté en droit international*. Paris: Librairie Nouvelle de Droit et de Jurisprudence Arthur Rousseau. 1888. 230 p.
7. Despagnet F. *Cours de droit international public*. Complètement revue, augmentée et mise au courant par Ch. de Boeck. 4me éd. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey. 1910. 1430 p.
8. Eikhel'man O. *Ocherki iz lektsii po mezhdunarodnomu pravu [Essays from Lectures on International Law]*. Kiev: Tipografiya I.I. Chokolova. 1900. Issue 1. 130 p. (In Russ.).
9. Fauchille P. *Traité de droit international public*. 8me éd. Paris, Rousseau & Co. 1922. T. 1. Partie 1. 1058 p.
10. Fiore P. *International Law Codified and Its Legal Sanction*. Translated from Italian. New York: Baker, Voorhis and Company. 1918. 750 p.
11. Foignot R. *Manuel élémentaire de droit international public*. 3me éd. Paris, Librairie Nouvelle de Droit et de Jurisprudence Arthur Rousseau. 1899. 442 p.
12. Geffcken F.H. *Die völkerrechtliche Stellung des Papstes*. Berlin: Verlag von Carl Habel. 1885. 62 s.
13. Gorovtsev A.M. *Nekotorye osnovnye spornye voprosy ucheniya o prave v svyazi s mezhdunarodnym pravom [Some Basic Controversial Questions of Legal Doctrine in Connection with International Law]*. Petrograd: Knizhnyi magazin «Pravo». 1916-1917. XXXVI, 303 p. (In Russ.).
14. Hauriou M. *Principes de droit public [Osnovy publichnogo prava]*. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii. 1929. XXIV, 759 p.
15. Heffter A.W. *Das europäische Völkerrecht der Gegenwart [Evropeiskoe mezhdunarodnoe pravo]*. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp. 1880. 619 p.
16. Kazanskii P. *Uchebnik mezhdunarodnogo prava publichnogo i grazhdanskogo. [Textbook of Public and Civil International Law]*. 2nd ed. Odessa: Tipo-litografiya Sh-taba Odesskogo Voennogo Okruga. 1904. LXIV, 534 p. (In Russ.).
17. Klüber J.L. *Droit des gens moderne de l'Europe [Noveishee evropeiskoe narodnoe pravo]*. T. 1. Moscow: Tipografiya Avgusta Semena. 1828. XVI, 376 p.
18. Korovin E.A. *Sovremennoe mezhdunarodnoe publichnoe pravo [Contemporary Public International Law]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1926. 176 p. (In Russ.).
19. Marchese de Olivart. *Il Papa, gli Stati della Chiesa e l'Italia. Saggio giuridico sullo stato attuale della questione romana*. Traduzione dallo spagnolo. Napoli: R. Tipografia Francesco Giannini & Figli. 1901. 320 p.
20. Mikhailov P. *Novaya ideya «mezhduvlastnogo prava» [New Idea of «Interpower Law»]*. – *Pravo. [Law]*. 1909. № 27. Clm. 1576-1583. (In Russ.).
21. Martens F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. [Contemporary International Law of Civilized Nations]*. 5th ed. Saint Petersburg: Tipografiya A. Benke. 1904. Vol. I. 438 p. (In Russ.).
22. Martens F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. [Contemporary International Law of Civilized Nations]*. 5th ed. Saint Petersburg: Tipografiya A. Benke. 1905. Vol. II. 626, XL p. (In Russ.).
23. Nys E. *The Papacy Considered in Relation to International Law*. Translated from the French. London: Henry Sweet. 1879. 65 p.
24. Oppenheim L. *International law. A Treatise*. Ed. by R.F. Roxburgh. 3rd ed. London: Longmans, Green and Co. 1920. Vol. I. 799 p.
25. Phillimore R. *Commentaries upon International Law*. 3rd ed. London: Butterworths. 1882. Vol. II. 702 p.
26. Pokrovskii P.A. *K voprosu o sub'ektakh mezhdunarodnogo prava [On the Question of Subjects of International Law]*. – *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del [News of the Ministry of Foreign Affairs]*. 1912. Book VI. P. 177–210. (In Russ.).
27. Rivier A. *Principes du droit des gens*. Paris: Librairie Nouvelle de Droit et de Jurisprudence Arthur Rousseau. 1896. T. 1. 566 p.
28. Smith S.B. *Elements of Ecclesiastical Law*. 9th ed. New York: Benziger Brothers. 1895. Vol. I. 589 p.
29. Taube M.A. *Sovremennoe mezhdunarodnoe polozhenie papy v svyazi s ideei mezhdunarodnogo prava (jus inter potestates) [The Contemporary International Status of the Pope in Connection with the Idea of International Law (jus inter potestates)]*. Moscow: Tovarishestvo Tipolitografii V. Chicherin. 1910. 18 p. (In Russ.).
30. Taube M.A. *Ucheniya o sub'ekte mezhdunarodnogo prava v russkoi yuridicheskoi literature. II [The teachings on the subject of international law in the Russian legal literature. II]*. – *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del [News of the Ministry of Foreign Affairs]*. 1913. Book VI. P. 74-88. (In Russ.).
31. Von Liszt F. *Das Völkerrecht systematisch dargestellt [Mezhdunarodnoe pravo v sistematicheskoi izlozhenii]*. 4th ed. Yur'ev (Derpt): Tipografiya K. Mattisena. 1917. XVI, 404, LXIV p.).
32. Westlake J. *International Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1910. Part 1. 371 p.
33. *Wheaton's Elements of international law*. Revised by C. Phillipson. London: Stevens and Sons, Limited. 1916. 901 p.
34. Wynen A. *Die Rechts- und insbesondere die Vermögensfähigkeit des Apostolischen Stuhles nach internationalem Recht*. Freiburg im Breslau: Herder & Co. G.m.b.H. Verlagsbuchhandlung. 1920. 119 S. URL: <https://archive.org/details/Wynen> (accessed date: 21.09.2024).
35. Zaharov N.A. *Kurs obshhego mezhdunarodnogo prava [The course of general international law]*. Petrograd: Tip. D.P. Vejsbrut. 1918. X, 464 s.

Информация об авторе**Ахмед Юсуфович МАРЗАНОВ,**

аспирант кафедры международного права, Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Российская Фе-
дерация

a.marzanoff@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0961-5752

About the Author**Akhmed Y. MARZANOV,**

Postgraduate student of the International Law Department,
Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

a.marzanoff@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0961-5752

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-31-48>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 14.01.2025
Принята к публикации: 05.03.2025

Дмитрий Константинович ЛАБИН

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, д. 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация
d.labin@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-1493-4221

Рамиль Гуммат оглы РЗАЕВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, д. 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация
ramilrzayev1799@mail.ru
ORCID: 0009-0006-0942-1153

НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА «СЕВЕР – ЮГ» В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МИРОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования подтверждается тем, что в условиях глобализации мировой экономики, а также для дальнейшей экономической интеграции в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и иных приграничных стран, необходимо наличие единой и структурированной транспортной системы, обеспечивающей устойчивые логистические связи между странами-участницами данных структур. На современном этапе такие функции способны выполнять международные транспортные коридоры, одним из которых и является международный транспортный коридор «Север – Юг» (далее – МТК «Север – Юг»). В данной работе авторами рассматривается действующее правовое регулирование и режим МТК «Север – Юг», а также исследуются вопросы реализации проекта МТК «Север – Юг» в прогнозируемых правовых реалиях и в условиях

нарождающейся мировой многополярности. Авторами анализируются положения основных нормативно-правовых актов, принятых в этой сфере, а также потенциал и перспективы развития данного проекта. Базовым нормативно-правовым документом и правовой основой по осуществлению регулирования данного международного транспортного коридора является межправительственное Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг», которое было подписано 12 сентября 2000 г. в ходе второй Международной евроазиатской конференции по транспорту в Санкт-Петербурге между Российской Федерацией, Исламской Республикой Иран, Республикой Индия и Султанатом Оман.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основой для изучения рассматриваемого вопроса послужили работы российских и зарубежных ученых в

области международного права, посвященные изучению правового регулирования международных транспортных коридоров, в том числе МТК «Север – Юг». Методологической основой данного исследования выступили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнительно-правовой и историко-правовой методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что МТК «Север – Юг» является одним из важнейших актуальных коридоров и транспортных артерий современного многополярного мира. Сформировавшаяся и постоянно совершенствующаяся нормативно-правовая база и практика применения этих актов в данной сфере подчеркивают значимость и необходимость в постоянной доработке имеющихся и потенциальных пробелов в правовом регулировании данного мультимодального маршрута. Такими пробелами в правовом регулировании являются отсутствие единого информационно-правового пространства по данному коридору, единого правового поля в области перевозок, эффективно функционирующей системы операций, осуществляющих порядок ведения валютных расчетов, а также четко установленных норм контроля на пограничных и таможенных пропускных пунктах и взаимодействия таможенных служб государств-участников. В связи с этим представители государств-участников активно взаимодействуют между собой на различных региональных и мировых площадках, чтобы решить круг намеченных и поставленных задач, а также обмениваться мнениями по актуальным правовым вопросам на текущей повестке дня. Так, отмечается, что важна не только упорядоченная систематизация нормативно-правовых актов, но и их совершенствование, а также актуализация в связи с текущими геополитическими условиями в регионе. Более того, выгодное географическое местоположение транспортного маршрута, и, как следствие, оптимизация процесса осуществления транспортировки грузов с учетом выигрыша во времени, сокращения затрат и минимизации расстояний, участие и осуществление крупных инвестиционных вложений со стороны государств СНГ и приграничных стран в данный проект – все эти факторы только подчеркивают то обстоятельство, что МТК «Север – Юг» может по праву стать новым Великим шелковым

путем, соединив все страны, заинтересованные в данном проекте, в одну большую и единую логистическую цепочку. Бесспорно, что для Российской Федерации успешное функционирование данного мультимодального маршрута окажет положительное воздействие не только на совершенствование положений нормативно-правовых актов в сфере национальной транспортной и логистической системы и развитию этой отрасли в целом, но также и на выход на новый уровень конкурентоспособности грузовых единиц среди других иностранных портов и рост социально-экономических показателей в южных регионах России, по территории которых проходит МТК «Север – Юг». Учитывая все вышесказанное, авторы подчеркивают, что данный транспортный коридор уже обладает, по сути, мегарегиональным значением и может послужить ярким примером для совершенствования международных экономических, транспортных и логистических отношений между многими государствами различных географических регионов. Авторами проделана работа по анализу правового режима МТК «Север – Юг», по систематизированию определений и важнейших положений нормативно-правовых актов в данной сфере, а также выработаны теоретические и практические рекомендации по совершенствованию законодательной базы МТК «Север – Юг».

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Авторы обращают внимание на то, что группу нормативно-правовых актов, выработанных в данной сфере, необходимо постоянно систематизировать и совершенствовать в соответствии с актуальными текущими геополитическими условиями в регионе и национальным законодательством государств, принимающих непосредственное участие в реализации и функционировании проекта МТК «Север – Юг». Так, целесообразнее было бы сформировать единое правовое поле в области реализации услуг по перевозкам, а именно осуществить правовую гармонизацию в сфере оформления таможенных документов, применять унифицированные перевозочные документы, единые правила взаимодействия в транспортных узлах, скоординировать деятельность и сотрудничество таможенных служб, упростить процедуры пересечения границ по принципу единого окна, создать необходимые условия для перехода к использованию института уполномоченного экономического оператора (далее – УЭО) в странах коридора, а также обеспечить реализацию

цифровизации транспортно-сопроводительных документов, осуществление обмена информационных потоков между государствами-участниками, формирование единой тарифной политики данного коридора, внедрение механизма платежей и взаиморасчетов между участниками внешнеэкономической деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное транспортное право, мультимодальные транспортные маршруты, международный транспортный коридор «Север – Юг», Каспийское море, транспортная стратегия Российской Федерации,

транскаспийский и западный маршруты, мега-региональное сотрудничество государств

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лабин Д.К., Рзаев Р.Г. 2025. Новые правовые возможности реализации проекта международного транспортного коридора «Север – Юг» в условиях новой мировой многополярности. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 31–48. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-31-48>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-31-48>

Research article

UDC: 341

Received 14 January 2025

Approved 5 March 2025

Dmitry K. LABIN

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
d.labin@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-1493-4221

Ramil G. RZAYEV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
ramilrzayev1799@mail.ru
ORCID: 0009-0006-0942-1153

NEW LEGAL OPPORTUNITIES FOR THE IMPLEMENTATION OF THE “NORTH – SOUTH” INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDOR PROJECT IN THE CONTEXT OF A NEW GLOBAL MULTIPOLARITY

INTRODUCTION. *The relevance of the study is confirmed by the fact that in the context of globalization of the world economy, as well as for further economic*

integration within the CIS and other border countries, it is necessary to have a unified and structured transport system that provides sustainable logistics links

between the participating countries of these structures. At the present stage, such functions can be performed by international transport corridors, one of which is the International North – South Transport Corridor (hereinafter – INSTC). In this paper, the authors consider the current legal regulation and regime of the INSTC, as well as study the issues of implementation of the INSTC project in the foreseeable legal realities and in the emerging world economic multipolarity. The authors analyze the provisions of the main legal acts adopted in this area, as well as the potential and prospects for the development of this project. The basic normative-legal document and legal basis for the regulation of this INSTC is the Intergovernmental Agreement on the International Transport Corridor “North – South”, which was signed on September 12, 2000 during the Second International Euro-Asian Conference on Transport in St. Petersburg between the Russian Federation, the Islamic Republic of Iran, the Republic of India and the Sultanate of Oman.

MATERIALS AND METHODS. The main works of Russian and foreign scholars in the field of international law devoted to the study of legal regulation of international transport corridors, including the INSTC served as information for the study of the research question. The methodological basis for the consideration of this study was the general scientific and special methods of cognition (dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, comparative-legal and historical-legal methods).

RESEARCH RESULTS. As a result of the study, the authors conclude that the INSTC is one of the most important relevant corridors and transport arteries of the modern multipolar world. The established and constantly improving legal and regulatory framework and the practice of application of these acts in this area emphasize only the importance and relevance of continuous improvement of existing and potential gaps in the legal regulation of this multimodal route. Such gaps in legal regulation are the absence of a single information and legal space on this corridor, a single legal field in the field of transportation, an effectively functioning system of operations that carry out the procedure of currency settlements, as well as clearly established norms of control at border and customs checkpoints and interaction of customs services of the member states. In this regard, the representatives of the participating states are actively interacting with each other at various regional and global platforms in order to solve the range of planned and set tasks, as well as to exchange views on topical legal issues on the current agenda. Thus, it is noted that not only an orderly systematization of normative and legal acts is

important, but also their improvement and actualization in connection with the current geopolitical conditions in the region.

The favorable geographical location of the transport route and, as a consequence, the optimization of the process of cargo transportation taking into account time gain, cost reduction and distance minimization, the participation and implementation of large investments by the CIS and border countries in this project – all these factors only emphasize the fact that the INSTC can rightfully become a new trade “Silk Road”, connecting all countries interested in this project into one large and unified logistics. It is indisputable that for the Russian Federation the successful functioning of this multimodal route will have a positive impact not only on the improvement of regulations in the field of the national transport and logistics system and the development of this industry as a whole, but also on reaching a new level of competitiveness of cargo units among other foreign ports and the growth of socio-economic indicators in the southern regions of Russia, through the territory of which the INSTC passes. Taking into account all of the above, the authors emphasize that this transport corridor already has, in fact, megaregional significance and can serve as a vivid example for improving international economic, transport and logistics relations between many states of different geographical regions. The authors have analyzed the legal regime of the INSTC, systematized definitions and the most important provisions of legal acts in this area, and developed practical recommendations to improve the legal framework of the INSTC.

DISCUSSIONS AND CONCLUSIONS. The authors draw attention to the fact that the system of normative-legal acts developed in this sphere should be constantly improved and regulated in accordance with the actual current geopolitical conditions in the region and the national legislation of the states directly involved in the implementation and operation of the INSTC project. Thus, it would be more appropriate to form a single legal field in the field of implementation of transportation services, namely, to implement legal harmonization in the field of registration of customs documents, to apply unified transportation documents, unified rules of interaction in transport hubs, to coordinate the activities and cooperation of customs services, to simplify border crossing procedures on the principle of a single window, to create the necessary conditions for the transition to the usage of the institution of authorized economic operator (AEO) in the corridor countries, to ensure the implementation of digitalization of transport documents, exchange of information flows between member states, the formation

of a common tariff policy of this corridor, the introduction of a mechanism of payments and mutual settlements between participants in foreign economic activity.

KEYWORDS: *international transport law, multimodal transport routes, international North-South transport corridor, Caspian Sea, transport strategy of the Russian Federation, trans-Caspian and western routes, mega-regional cooperation of states*

FOR CITATION: Labin D.K., Rzayev R.G. New legal Opportunities for the Implementation of the “North – South” International Transport Corridor Project in the Context of a New Global Multipolarity. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 31–48. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-31-48>

The authors declare the absence of conflict of interest.

Введение

Сегодня становится очевидным, что в современных условиях, когда глобализация и международные связи являются неотъемлемой частью мирового хозяйства, для стабильного экономического роста как отдельных стран, так и всей мировой экономики, ключевую роль играет развитая транспортная инфраструктура. Налаженные и эффективные транспортно-логистические связи способствуют не только улучшению качества жизни граждан различных государств, но также и повышению их общей конкурентоспособности, укрепляют их социально-экономическое положение. При эффективном функционировании и эксплуатации таких систем обеспечивается не только организованная и упорядоченная координационная деятельность средств передвижения по данным мультимодальным транспортно-логистическим маршрутам, но также и гарантируется транспортно-логистическое обслуживание на достаточно высоком уровне [Резер, Прокофьева, Гончаренко 2010:311]. Поэтому успешное развитие таких систем невозможно без активного участия государств, которые уделяют значительное внимание совершенствованию транспортно-логистических систем, принимая комплексные нормативные акты для регулирования этой сферы. Помимо этого, участие в международных дискуссиях и площадках по вопросам транспортной интеграции и логистики играет решающую роль в обеспечении бесперебойного функционирования этих связей на глобальном уровне и направлены на улучшение глобальных транспортно-логистических сетей как на уровне отдельных стран, так и на глобальном уровне.

Основная часть

На территории стран СНГ и соседних с ними стран расположено множество ключевых транспортных узлов, которые оказывают значительное влияние на развитие трансграничной торговли и в целом на международные экономические связи. Одним из таких стратегических проектов является реализация МТК «Север – Юг», который представляет собой перспективную инициативу для укрепления транспортных связей между региональными державами. Как отмечают эксперты в данной области, приоритетная задача состоит в том, чтобы «из отдельных существующих элементов создать взаимосвязанную транспортно-логистическую систему, которая, в свою очередь, потребует транспортной и логистической инфраструктуры более высокого уровня с целью успешной работоспособности МТК „Север – Юг“» [Синицына, Дэльз, Галянт 2018:178-179]. Таким образом, в данной ситуации особо выделяется важность создания единой, эффективной и гармонично функционирующей транспортной системы, которая обеспечит предоставление высококачественных и технологичных услуг для организации перевозки грузов.

Правовое содержание понятия «транспортный коридор» определяется соответствующими правовыми нормами, которые регулируют отношения в области транспортной инфраструктуры. В зависимости от маршрута, охватывающего одну или несколько стран, а также от специфики характеристик, транспортные коридоры делятся на национальные и международные. Национальными считаются коридоры, которые действуют в пределах одной страны и не пересекают

границы с соседними государствами, полностью функционируя внутри юрисдикции этого государства. Международными транспортными коридорами называют такие коридоры, которые проходят через территории двух или более стран, обеспечивая связь между ними, и регулируются в рамках международных соглашений и нормативных актов.

На территории каждого государства транспортная деятельность, связанная с транзитом и перевозкой грузов и пассажиров, регулируется национальным законодательством этого государства. Когда же транспортный коридор охватывает инфраструктуру двух или более стран, правовое регулирование маршрута осуществляется в рамках договоренностей и международных соглашений, заключенных заинтересованными государствами. Как правило, положения таких межгосударственных соглашений устанавливают правовой режим международных транспортных коридоров, закрепляя основные международно-правовые принципы, такие как свобода мореплавания, судоходства, транзита и использования маршрутов на территориях договаривающихся стран. Это предполагает беспрепятственное и равноправное использование как сухопутных, так и водных путей, через которые проходит данный транспортный коридор.

С целью обеспечения единообразного толкования вышеупомянутых принципов некоторые международные организации пытались систематизировать международно-правовую практику в данной области и выработать общий подход к определению понятия «транспортный коридор». Соответственно, учитывая необходимость и актуальность решения поставленной задачи, Комитет по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (далее – ООН) сформулировал фундаментальное понятие, согласно которому под транспортным коридором понимается «часть национальной или международной транспортной системы, которая обеспечивает значительные международные грузовые и пассажирские перевозки между отдельными географическими

районами, включает подвижной состав и стационарные устройства всех видов транспорта, работающие на данном направлении, а также совокупности технологических, организационных и правовых условий этих перевозок» [Новиков 2007:3]. Основываясь на вышеизложенном понятии, можно сделать вывод, что транспортным коридором является маршрут, протяженностью через территории двух или более государств, оснащенный необходимой инфраструктурой и транспортно-логистическими цепочками. Такой коридор характеризуется выгодным географическим расположением и используется для регулярных перевозок грузов, а также служит основой для реализации крупных инвестиционных проектов.

В Резолюции «Укрепление связей между всеми видами транспорта для обеспечения стабильных и надежных международных перевозок в целях устойчивого развития в период и после пандемии коронавирусного заболевания (COVID-19)» № A/RES/75/313 от 29 июля 2021 г.¹ Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН) акцентировала внимание государств на «особом значении устойчивой транспортной инфраструктуры и необходимости финансирования ее развития в направлении цифровой трансформации мультимодальных транспортных коридоров» [Винокуров, Ахунбаев, Забоев, Усманов 2022].

В частности, рассматриваемая резолюция ГА ООН рекомендует государствам стремиться к созданию необходимых условий для постоянного функционирования и укрепления системы транспортных коридоров и инфраструктуры, обеспечивая благоприятную обстановку для развития международных транспортных коридоров и необходимое финансирование транспортной сферы внутри государства для реализации постоянных и эффективных внутренних и международных перевозок². Далее, в резолюции указывается на актуальность и целесообразность применения всех мер для того, чтобы содействовать в региональной и межрегиональной экономической интеграции и взаимовыгодному сотрудничеству государств, в том числе при

¹ ООН: Резолюция № A/RES/75/313 75-й сессии ООН «Укрепление связей между всеми видами транспорта для обеспечения стабильных и надежных международных перевозок в целях устойчивого развития в период и после пандемии коронавирусного заболевания (COVID-19)», принятая ГА ООН 29 июля 2021 г. URL: https://www.un.org/ruga/75/docs/75res_nocste.shtml (дата обращения: 20.12.2024).

² Там же. Пункт 5.

помощи развития планов и схем транспортной инфраструктуры³. Государствам также рекомендуется интегрировать в национальную регуляторную практику использование унифицированных транспортных документов в электронном формате, обмен которыми осуществляется через передачу цифровых данных. Данный порядок, безусловно, будет содействовать оптимизации процессов перемещения товаров через таможенные границы, повышению качества оказываемых транспортных услуг и модернизации существующих транспортных и логистических цепочек⁴. В целом положения резолюции направлены на создание правовых условий для сотрудничества государств с целью преодоления современных угроз чрезвычайного и природного характера, а также обеспечения стабильного функционирования систем мультимодальных транспортных маршрутов.

В сущности, общие положения рассматриваемой резолюции ГА ООН применимы ко всем существующим международным транспортным коридорам, которые в настоящее время используются для перевозки грузов и пассажиров по установленным маршрутам. В этом контексте МТК «Север – Юг» полностью соответствует критериям мультимодального транспортного маршрута, обладая стратегически выгодным экономическим положением и простираясь через весь евразийский континент – от Санкт-Петербурга (Россия) на севере до порта Мумбаи (Бомбей, Индия) на юге. Изначально предполагалось, что данный коридор будет оказывать услуги по осуществлению грузоперевозок из Индийского субконтинента, стран Западной Азии, далее транзитом через территорию Азербайджана с выходом на рынки сбыта России и европейских стран. Международный транспортный коридор «Север – Юг» не только представляет собой важный инструмент для увеличения товарооборота между Россией, Индией и странами Центральной Азии, но и имеет стратегическое географическое расположение, соединяя ключевые экономики евразийского континента [Графова, Гладченко 2024:511-516]. Главное преимущество маршрута заключается в значительном сокращении сроков доставки

и расстояний для транспортировки грузов между странами – участниками проекта – почти в два раза.

Еще в 1999 г. несколько российских, индийских и иранских коммерческих компаний договорились о перенаправлении контейнерных перевозок по маршруту «Шри-Ланка – Индия – Иран – Россия». Этот проект представился перспективным не только для бизнеса, но и для государственных структур. В теории грузы могли бы доставляться по железной дороге, обходя перегруженный Суэцкий канал или минуя Африку по морскому пути, что позволило бы сократить расстояние в два раза. Ключевым международно-правовым нормативным документом, который заложил основы и начала правового регулирования данного проекта, стало межправительственное Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг» (далее – Соглашение)⁵. Оно было подписано 12 сентября 2000 г. в ходе второй Международной евроазиатской конференции по транспорту в г. Санкт-Петербурге между Российской Федерацией, Исламской Республикой Иран, Республикой Индия и Султанатом Оман, а в апреле 2001 г. Соглашение было ратифицировано Индией, в октябре 2001 г. – Ираном [Картузов, Шелестова 2023:309]. 12 марта 2002 г. Президент России В.В. Путин подписал Федеральный закон «О ратификации соглашения „О международном транспортном коридоре „Север – Юг“», тем самым было подтверждено участие России в реализации данного проекта. Таким образом, данное Соглашение – это первый официальный нормативно-правовой документ, принятый на уровне глав государств, четко определивший участвующих в строительстве этого мультимодального коридора группу стран и закрепивший правовой статус МТК «Север – Юг».

В преамбуле Соглашения договаривающиеся стороны признают высокую важность проекта и выражают свою волю на приложение усилий для создания и успешного функционирования данного коридора⁶. В положениях ст. 1 Соглашения конкретно представлена география маршрута транспортного коридора «Север – Юг»: из Индии, Омана по морю, в и через Иран, Каспийский

³ ООН: Резолюция № A/RES/75/313. Пункт 6.

⁴ Там же. Пункт 11.

⁵ Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг»: заключено в г. Санкт-Петербург, 12 сентября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. № 11. Электронный фонд нормативно-правовой документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901828641> (дата обращения: 25.12.2024).

⁶ Там же.

регион, Российскую Федерацию и далее, а также по обратному пути следования коридора⁷. Важно также добавить, что под всеми видами транспорта понимается транспортная инфраструктура и транспортные средства, обеспечивающие перевозку пассажиров и товаров по железной дороге, морем, по автомобильной дороге, реке и воздуху, а для Индии – транспортная инфраструктура и транспортные средства, в настоящее время обеспечивающие перевозку товаров только по морским маршрутам⁸.

Согласно ст. 3 Соглашения, стороны закрепили в положениях Соглашения компетентные органы, на которые возлагаются обязанности по координации деятельности по функционированию международного транспортного коридора: Министерство наземного транспорта (Департамент судоходства) и Министерство промышленности и торговли (Департамент торговли) в Индии; Министерство дорог и транспорта в Исламской Республике Иран; Министерство транспорта и жилищного строительства в Султанате Оман и Министерство транспорта Российской Федерации и Министерство путей сообщения Российской Федерации в Российской Федерации⁹.

В Соглашении подробно урегулированы положения, касающиеся объекта МТК «Север – Юг», согласно которым им является «комплекс магистральных маршрутов и транспортных коммуникаций (как существующих, так и вновь создаваемых), оснащенных всеми необходимыми средствами, в том числе различными видами транспорта, и предоставляющих все необходимые услуги для организации перевозок пассажиров и товаров в международном сообщении». В Соглашении также четко урегулирован международно-правовой режим этого мультимодального маршрута. Так, ст. 4 Соглашения закрепляет, что государства-участники наделяют других государств-участников правом международного транзита через свою территорию грузовых единиц, а также обеспечивают эффективное содействие международным транзитным перевозкам товаров по территории своих государств и вводят режим многократных въездных виз для персонала, задействованного в международных

транзитных перевозках грузов¹⁰. Статья 5, в свою очередь, фиксирует, что в отношении транзитных перевозок такого характера не взимаются налоги и сборы, за исключением таких, которые предусматривают расходы на транспортные услуги в связи с перевозкой и платежами за использование транспортной инфраструктуры, а также товары, находящиеся в транзите, не облагаются таможенными платежами, кроме тех сборов, которые требуются для оформления и хранения иных похожих услуг¹¹.

Таким образом, указанное Соглашение определяет существенные правовые начала и основы функционирования МТК «Север – Юг». Оно закрепляет основные принципы международного права в сфере транспортных систем, которые регулируют деятельность и эксплуатацию маршрута государствами-участниками. Бесспорно, это Соглашение стало отправной точкой для начала активного проявления заинтересованности со стороны многих государств к проекту МТК «Север – Юг». Этот документ установил его международно-правовой статус и режим, а также четко определил круг вопросов, сферу деятельности и состав государств-участников с их зонами экономических интересов в рамках данного проекта. Если проследить хронологию формирования данного мультимодального маршрута, то видно, что изначально только четыре государства – Российская Федерация, Исламская Республика Иран, Республика Индия и Султанат Оман – активно участвовали в разработке положений проекта Соглашения, и тем самым они сформировали правовую основу первого нормативно-правового документа в создании международного транспортного коридора. Впоследствии к Соглашению присоединились и другие такие заинтересованные государства, как Азербайджанская, Киргизская и Турецкая Республики, Республики Армения, Белоруссия, Болгария, Казахстан, Таджикистан, Украина и Сирийская Арабская Республика.

Необходимо принять во внимание, что вышеуказанное Соглашение является правовой базой и основой для принятия в дальнейшем более детальных норм и положений, регулирующих дан-

⁷ Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг».

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ную сферу правоотношений. Так, в целях дальнейшей реализации проекта в 2007 г. был подписан трехсторонний меморандум о строительстве новой прикаспийской железнодорожной линии с участием Ирана, Казахстана и Туркмении¹². Значение этого транспортного коридора и заинтересованность в участии в проекте неоднократно отмечалось на самом высоком уровне в Туркмении.¹² В очередной раз официально об этом заявил министр иностранных дел этого государства Р. Мередов в рамках Министерской транспортной конференции развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, (15–16 августа 2022 г., Туркменбаши, Туркмения)¹³. Руководители таможенных органов Азербайджана, Ирана и России 22 августа 2022 г. подписали меморандум об упрощении транзитных перевозок¹⁴. Российская Федерация рассматривает возможность финансирования проектов развития инфраструктуры МТК «Север – Юг» на территории Ирана¹⁵.

Таким образом, упомянутые документы способствовали расширению географии использования международного транспортного коридора, что не только повысило уровень товарооборота между государствами, но и позволило привлечь новых участников в консорциум проекта.

С увеличением числа стран, вовлеченных в реализацию проекта МТК «Север – Юг», а также с целью оптимизации и повышения эффективности управления проектом, оперативного решения

возникающих вопросов и принятия обоснованных решений, по соглашению всех участников консорциума был создан Координационный Совет в качестве основного руководящего органа инвестиционного проекта.

Следует отметить, что для Российской Федерации этот проект мультимодального маршрута рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений государственной транспортной политики на среднесрочную перспективу. Проект реализуется в соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 г.¹⁶ и Стратегией развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 г.¹⁷, а из средств Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы Российской Федерации» осуществляется его финансирование.¹⁸ Безусловно, что в России придают большое значение этому маршруту, в том числе ввиду формирования новой геополитической обстановки на мировой арене, как это закреплено в новой Концепции внешней политики РФ (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229). Как печально показал произошедший в конце 2024 г. инцидент в Керченском проливе¹⁹ в России все еще недостаточно эффективно развита система водного транспорта по классу «река – море», т. е. транспорта, способного проходить как по внутренним водным путям, так и по морским маршрутам. Необходима капитальная модернизация существующего тор-

¹² Открылся железнодорожный коридор «Север – Юг», связавший Иран, Туркменистан и Казахстан. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1620117> (дата обращения: 25.12.2024).

¹³ «Север – Юг»: в инфраструктурный реестр планируется включить Международный морской порт Туркменбаши. – *Бизнес Туркменистан*. URL: <https://business.com.tm/ru/post/11365/severyug-v-infrastrukturnyi-reestr-planiruetsya-vklyuchit-mezhdunarodnyi-morskoi-port-turkmenbashi> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁴ Федеральная Таможенная служба: Россия, Иран и Азербайджан подписали меморандум об упрощении транзитных перевозок. Пресс-релиз, 22 августа. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/354710> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁵ Россия может выделить \$1,5 млрд. на железнодорожные проекты в Иране. Ведомости, 26 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/25/932989-rossiya-videlit-15> (дата обращения: 26.12.2024).

¹⁶ Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. – *Министерство транспорта Российской Федерации*. URL: <https://mintrans.gov.ru/ministry/targets/187/191/documents>. (дата обращения: 26.12.2024).

¹⁷ Об утверждении Стратегии развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 года № 877-р. – *Министерство транспорта Российской Федерации*. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/7/1010>. (дата обращения: 26.12.2024).

¹⁸ О Федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы Российской Федерации (2010–2015 гг.). – *Федеральное дорожное агентство Российской Федерации*. URL: <https://rosavtodor.gov.ru/docs/gosudarstvennye-programmy/1089> (дата обращения: 26.12.2024).

¹⁹ По информации СМИ, 15 декабря 2024 г. около 9 ч. поступило сообщение о том, что грузовое судно «Волгонефть-212» потерпело бедствие в Керченском проливе, в нескольких километрах от берега, из-за 7-балльного шторма. Волны достигали 9 м, а скорость ветра превышала 20 м/с. Спустя пару часов стало известно, что бедствие терпит еще одно судно – «Волгонефть-239». В корпусе «Волгонефти-212» образовалась пробоина, после чего его разломил пополам, и судно стало идти ко дну. У «Волгонефти-239» также корпус сломался на две части. После полученных повреждений

гового флота, включая строительство новых современных судов класса «река – море». Также стоит отметить дефицит коммерческих контейнеров, что требует ускоренного развития соответствующей инфраструктуры грузовых портов России, через которые проходит мультимодальный маршрут. Несомненно, государственные меры, направленные на решение этих задач, способствуют не только развитию транспортной системы России, улучшению ее конкурентоспособности и увеличению контейнерооборота на фоне иностранных портов, но и росту социально-экономических показателей в южных регионах страны, включая новые черноморские и азовские российские территории. Принимая во внимание данные факторы, по информации Правительства Российской Федерации, в стране планомерно ведется работа по улучшению транспортной инфраструктуры в зонах своих экономических интересов и влияний, на постоянной основе привлекаются необходимые инвестиционные вложения, в том числе частные, включая иностранные, в данную отрасль и систематически контролируется деятельность российского участка МТК «Север – Юг»²⁰.

При анализе нормативно-правовых актов государств-участников, регулирующих и обеспечивающих надлежащее функционирование МТК «Север – Юг», был установлен ряд пробелов и недостатков в правовом регулировании данного проекта. Так, в частности, такими проблемами выступали отсутствие единого информационно-правового пространства по данному коридору, единого правового поля в области перевозок, эффективно функционирующей системы операций, осуществляющих порядок ведения валютных расчетов, а также четко установленных норм контроля на пограничных и таможенных пропускных пунктах и взаимодействия таможенных служб государств-участников. Поэтому представители государств-участников активно взаимодействуют между собой на различных региональных и мировых площадках, чтобы решить

круг намеченных и поставленных задач, а также обменяться мнениями по актуальным правовым вопросам на текущей повестке дня. Бесспорно, что необходимо принимать меры по совершенствованию данного инвестиционного проекта. Такими мерами, которые будут направлены на всеобъемлющую операционализацию МТК «Север – Юг» и развитие железнодорожных, автомобильных и мультимодальных перевозок по его трем маршрутам, могут выступить нижеследующие меры [Винокуров, Ахунбаев, Забоев, Усманов 2022]:

1) правовое упорядочивание норм в сфере таможенного оформления, информационного обмена и упрощения процедур пересечения границ по принципу единого окна, а также внедрение института УЭО в странах – участниках коридора;

2) разработка скоординированной тарифной политики на маршрутах МТК «Север – Юг», а также имплементация единых норм в сфере тарифных ставок для грузовых перевозок, которые будут конкурентоспособными по отношению к альтернативным маршрутам;

3) создание механизма платежей и взаиморасчетов для участников внешнеэкономической деятельности с применением клиринговых расчетов, а также системы страхования грузов и транспортных средств;

4) цифровизация транспортно-сопроводительных документов и процедур при осуществлении международных перевозок по коридору;

5) создание координационного механизма управления МТК «Север – Юг» с вовлечением в него транспортного и экспедиторского бизнеса с целью формирования регулярных логистических сервисов и контейнерных линий вдоль маршрутов коридора;

6) проведение маркетинговой политики по привлечению новых грузопотоков на коридор.

Правовая гармонизация в области таможенного оформления и упрощения процедур пересечения границ должна обеспечивать эффективное

судно легло в дрейф. Кормовую часть танкера позже выбросило на мель в районе мыса Панагия в границах морского порта Тамань. «Волгонефть-212» перевозила 4,9 тыс. т мазута (при максимальной грузоподъемности 4,8 тыс. т), а «Волгонефть-239» — 4,3 тыс. т. В результате крушения в море попало значительное количество нефтепродуктов. При этом танкеры данного типа («река – море») предназначены для эксплуатации на реках, водохранилищах и ограничено в прибрежных морских районах. Они не были рассчитаны на плавание в шторм.

²⁰ См., напр.: Доклад о реализации транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: отчетный период 2023 г. – Министерство транспорта Российской Федерации. 2024. URL: <https://mintrans.gov.ru/file/510031> (дата обращения: 26.12.2024).

взаимодействие всех участников логистических цепочек, а также современное информационное обеспечение как для принятия решений, касающихся перевозочного процесса и процедур пересечения границ.

Это также должно включать предоставление перевозчикам, грузовладельцам и экспедиторам, задействованным в перевозках по МТК «Север – Юг», комплекса информационных услуг на основе трех элементов [Винокуров, Ахунбаев, Забоев, Усманов 2022]:

1) формирование единого информационного пространства, которое предусматривает совокупность информации об объектах транспортного рынка (данные о грузопотоках в реальном масштабе времени, о состоянии погрузки/выгрузки, данные о заявках на погрузку и другое). Единое информационное пространство на МТК «Север – Юг» должно обеспечивать взаимный обмен данными о транспортных единицах и грузах, находящихся в пути следования на территории всех участвующих стран, а также гарантировать совместимость информационных систем, используемых транспортными, таможенными и пограничными органами стран, которые принимают участие в развитии транспортного коридора;

2) единое правовое поле в области перевозок (унифицированные перевозочные документы, единые правила взаимодействия в транспортных узлах). В качестве унифицированных транспортных и сопроводительных документов должны быть использованы накладные СМГС и/или ЦИМ/СМГС (для перевозок в направлении Турции) для железнодорожного транспорта, накладные CMR для автомобильного транспорта, морские коносаменты для морской перевозки, мультимодальные коносаменты FIATA, вагонные и упаковочные листы, ветеринарные и фитосанитарные сертификаты и др.;

3) единое правовое поле в области взаимодействия таможенных служб — использование модели данных ВТамО и автоматизированной системы обработки таможенных данных Asysuda, которая обеспечивает повышение эффективности таможенных процедур за счет их автоматизации и сокращения времени на таможенное оформление.

Безусловно, важно и международное содействие в развитии коридора, которое может быть реализовано по нижеследующим направлениям [Винокуров, Ахунбаев, Забоев, Усманов 2022]:

1) создание веб-портала по МТК «Север – Юг», на котором будут размещены условия перевозок, тарифы, необходимая контактная информация;

2) участие в работе ООН, ее региональных комиссий и специализированных международных организаций (Европейской экономической комиссии ООН, Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана ООН, Управлением Секретариата ООН, занимающимся наименее развитыми странами, развивающимися странами, не имеющими выхода к морю, и малыми островными развивающимися государствами и др.);

3) продвижение коридора в рамках региональных и отраслевых международных организаций – Организации сотрудничества железных дорог, Специальной программы ООН для экономик Центральной Азии, «Каспийской пятерки» и др.;

4) многосторонние и двусторонние соглашения, а также меморандумы о развитии МТК «Север – Юг»;

5) инвестиционное сотрудничество с многосторонними банками развития для привлечения инвестиций в развитие коридора;

6) продвижение МТК «Север – Юг» на международных конференциях и публикации о коридоре в прессе и в интернет-ресурсах.

Бесспорно, что важнейшими предварительными условиями успешного использования механизма единого окна, а также полной эффективной реализации данного инвестиционного проекта является политическая воля правительств стран коридора и соответствующих государственных органов, а также всесторонняя поддержка и участие деловых кругов, заинтересованных в развитии данного проекта.

Эффективное нормативно-правовое регулирование проекта МТК «Север – Юг» сегодня солидно подкрепляется доктринальными положениями специалистов и экспертов в данной области. Так, в работе В. Г. Егорова рассматриваются не только правовое регулирование основных базовых теоретических вопросов, связанных с установлением определения таких важных понятий, как «международный транспортный коридор», «транспортный коридор», но также и подчеркивается роль и значение этих маршрутов в целом в геополитическом, правовом и экономическом значениях [Егоров 2021:6-31]. А.Г. Кириллова в своем труде указывает, что вви-

ду сокращения расстояний перевозок, а также благодаря заключению инвестиционных соглашений как со стороны частных инвесторов, так и активно принимающих в реализации данного проекта государств, данный мультимодальный коридор откроет новые перспективные возможности к формированию и развитию новых маршрутов по евроазиатским грузоперевозкам, а это, естественным образом, не может не привести к укреплению геополитических и стратегических позиций государств-участников в регионе [Кириллова 2018:51-54]. Интересно, что рассматриваются не только теоретические, но также и практические аспекты по данной проблематике. В исследовании И.Н. Дианова был проведен реальный практический анализ по эксплуатации этого международного транспортного маршрута. Так, была представлена в работе схема доставки грузов по одному из трех маршрутов МТК «Север – Юг». В результате исследования автор пришел к выводу, что целесообразнее использовать именно западный маршрут данного коридора (вдоль западного побережья Каспийского моря по территориям Ирана, Азербайджана и России), по сухопутным траекториям которого проходят грузоперевозки, ввиду того обстоятельства, что данное разветвление маршрута, в отличие от остальных, выигрывает не только по скорости перевозки и доставки грузов, но так же, как и прямое следствие вышесказанному, данный вариант маршрута выгоден по стоимости предоставления услуг по перевозкам, что делает его намного экономичнее и рентабельнее по сравнению с другими вариантами маршрутов МТК «Север – Юг» (восточный сухопутный или по Каспийскому морю) [Дианов 2018]. В работе коллектива авторов А.С. Синициной, С.В. Дэльза, С.А. Галянта детально изучены все существенно важные правовые аспекты транспортно-логистической цепочки МТК «Север – Юг»: правовое регулирование маршрутов, обзор действующих важнейших портов Каспийского бассейна и Индийского океана, вся транспортная инфраструктура, проходящая по этим маршрутам, степень вовлеченности государств-участников в этот проект, объем инвестиций, вложенных в строительство и обеспечение успешного функционирования транспортного коридора на нормативно-правовом уровне, а также перспективы и новые правовые возможности совершенствования этого мультимодального маршрута. Так, авторы подчеркивают, что с целью успешного функционирования

МТК «Север – Юг» на достаточно высоком уровне, необходимо связать имеющиеся все транспортно-логистические цепочки и инфраструктуру в одну единую транспортную артерию и систему, которая будет поддерживать деятельность коридора на полноценной и постоянной основе и при этом обеспечит систематизацию и гармонизацию нормативных документов и соглашений, регулирующих функционирование коридора [Синицына, Дэльз, Галянт 2018:178-189]. Некоторые авторы рассматривают и другие перспективные варианты развития МТК «Север – Юг». В работе Г.В. Бережнева особо подчеркивается, что в качестве одного из важнейшего критерия развития деятельности этого мультимодального транспорта является активное расширение его функционирования с выходом на международные рынки капиталов, организация беспрепятственного потока капиталовложений в мировой экономике, вовлечение все больших государств в данный проект и заключение региональных и международных договоров по данному предмету, а также максимальное сведение к минимуму ограничений во внешнеэкономической деятельности [Бережнев 2019:197-201].

Особо стоит отметить, что в ряде трудов отмечается не только эксплуатация МТК «Север – Юг» по традиционным нормам и правилам, но также и акцент делается на цифровизации деятельности данного коридора. По мнению С.В. Широких, внедрение института цифровой деятельности и его эффективное функционирование применительно к МТК «Север – Юг» приведет не только к правовому обеспечению защиты персональных данных государств, частных инвесторов и иных лиц, задействованных в развитии данного проекта, и иной важной составляющей информации, но и, как следствие, дальнейшему развитию и росту экономических мощностей государств-участников в данном проекте, а также к упрощению в получении транспортно-накладных и иных документов такого характера для ведения полноценной деятельности [Широких 2019:78-83]. Безусловно, невозможно отрицать, что применение технологий и в целом внедрение цифровых инструментов в деятельность МТК «Север – Юг» не только поспособствует государствам-участникам в лице их физических и юридических лиц пользоваться данным коридором намного целесообразным образом, но также позволит и самим государствам укрепить свой геополитический статус в регионе.

Заслуживают внимания также иностранные научные публикации по этой теме. Индийские авторы A. Sengupta и S. Chatterjee в своей работе “Globalizing Geographies: Perspectives from Eurasia: Perspectives from Eurasia to Delhi” представляют подробный обзор географии маршрута МТК «Север – Юг» от стран Европы и Азии до Дели, перспектив развития данного транспортно-логистического коридора как в юридическом, так и в экономическом плане, вплоть до влияния его на глобальную экономику [Chatterjee, Sengupta 2015].

Особое внимание авторами уделяется странам, участвующим в проекте, их вкладу и роли в решении проблем, с которыми они сталкиваются при функционировании маршрута. Например, ряд специалистов отмечает, что успешный ввод в эксплуатацию мультимодального транспортно-логистического коридора «Север – Юг» не только способствует развитию двусторонних отношений России и Ирана в области логистики и торговли, но и открывает новые возможности для углубления этих отношений, в том числе и для сотрудничества на правовых началах. Это, в свою очередь, создаст перспективы для обсуждения других интересных проектов и заключения соглашений в данной сфере [Андреюк 2023:47-53]. В некоторых исследованиях подчеркивается важная роль и взаимодействие в транспортно-логистическом секторе таких стран, как Иран и Индия [Лунев, Юртаев 2021:121-137], а также анализируются и оцениваются перспективы взаимного сотрудничества и развития в торговой сфере России со странами Азии и Африки [Кожокин 2022:36-55]. Любопытна и работа L.C. Pal “The International North-South Transport Corridor (INSTC) and India: potential and impediments”, в которой подчеркивается, что основной целью строительства транспортного коридора является улучшение транспортного сообщения, торговых и правовых отношений между Севером и Югом [Pal 2024]. Автор указывает, что этот транспортный коридор станет ключевым элементом в укреплении регионального правового сотрудничества и экономической интеграции, а также послужит стимулом для развития как двусторонних, так и многосторонних связей между странами-участниками. Особый акцент следует сделать на работу F. Lasserre “The International North-South Transport Corridor (INSTC): An Iranian perspective on connectivity”, в котором уделяется особое внимание мотивам Ирана в отношении проекта, а также участия в данном проекте Азербайджана и Армении [Lasserre 2024].

Каждое из этих государств рассматривает данный транспортный коридор как стратегическую возможность укрепления своего регионального влияния, стимулирования развития экономического, правового взаимодействия и решения конкретных специфических геополитических задач и вызовов. Автор обращает внимание на то, что без разработки и формирования четкого правового механизма и успешной имплементации нормативно-правовых норм будет крайне затруднительно достичь долгосрочного урегулирования в столь сложном и комплексном регионе.

После анализа трудов вышеуказанных авторов можно прийти к заключению, что хотя проект и обладает огромными перспективами развития и совершенствования в торгово-экономическом секторе, для достижения значимого успеха в создании и улучшении существующей транспортно-логистической инфраструктуры важно четко проанализировать имеющиеся недостатки в нормативно-правовой базе и предложить эффективные механизмы для их устранения. Например, помимо вышеуказанных в работе механизмов совершенствования функционирования коридора, одной из таковых ключевых и значимых проблем является невозможность на сегодняшний день введения в действие института единого транспортного документа для всех направлений функционирования МТК «Север – Юг» ввиду наличия различий в таможенных правилах и обязательствах по прохождению грузов через юрисдикции государств, участвующих в данном проекте. Однако, как было отмечено выше, ряд стран выразили свою готовность по созданию единого таможенного пространства и пришли к соответствующим договоренностям. Кроме того, эксперты подчеркивают наличие таких существенных проблем, как разработка механизмов гибкой тарифной и транспортной политики, необходимость учреждения института единого логистического оператора по МТК «Север – Юг». Строительству и полноценному функционированию МТК «Север – Юг» мешает не только наличие «внутренних» противоречий, но и негативное воздействие ряда «внешних» факторов. В данную категорию можно отнести, к примеру, внешнеполитический фактор государств-участников. Если рассматривать конкретно российско-иранские отношения, то можно для начала подчеркнуть, что политическая система России и Ирана в начале 1990-х гг. имела ряд определенных сходств. Так, у обоих государств она была полна внутренних политических противоречий и сложностей.

В первую очередь, наличие таких обстоятельств было связано с существованием в то время различных политических группировок, которые, прибегая к различным инструментам и рычагам влияния, старались сформировать свое видение направления развития внутренней и внешней политики своих государств. Безусловно, это напрямую оказало влияние и на ход развития межгосударственных отношений России и Ирана, в определенной степени было приостановлено даже развитие ряда проектов [Freedman 2000:66-67]. Но несмотря на имеющиеся тогда трудности между государствами, российско-иранские отношения удалось поднять на новый уровень, по сути, даже удалось «перезагрузить реализацию ряда проектов» [Минеев, Почекаев 2023:105-116]. На сегодняшний день эти проекты развиваются в весьма позитивном ключе и охватывают множество таких сфер деятельности, как транспортную, торговую, правовую, экономическую и военную сферы. Другим таким фактором можно назвать то обстоятельство, что задержка в реализации планов по строительству проекта МТК «Север – Юг» была напрямую связана с введением и поддержанием в течение продолжительного времени так называемого санкционного давления со стороны стран западного блока, в особенности США, на Иран²¹. И естественно утверждение, что ввиду наличия такого санкционного режима экономика Ирана весьма отстала и до сих пор отстает в развитии своего технологического сектора по наиболее важным и существенным вопросам современных вызовов многополярного мира [Мамедова, Федоров, Федченко 2003:12]. Кроме того, начиная с 2014 г. ряд этих недружественных стран предприняли несправедливые действия по внедрению нелегитимных мер в отношении отдельных лиц Российской Федерации, которые также причастны к проекту строительства МТК «Север – Юг». Исходя из сложившейся ситуации, Россия активно принимает дополнительные усилия по поиску новых возможностей по инвестированию данного проекта, а также предпринимает дополнительные меры по защите своих суверенных прав и ведет активные переговоры по поиску дополнительных логистических возможностей со странами Персидского залива [Малышева

2024:10]. Помимо этого, негативное влияние на продвижение проекта оказывают и иные факторы, в том числе отсутствие как необходимого финансирования, так и надлежащей политической воли всех государств-участников²². В целом во многих исследованиях прослеживается единая авторская концепция по рассматриваемой проблематике: с одной стороны, акцентируется вновь возросшая актуальность мультимодального транспортного коридора «Север – Юг» не только в ее сегодняшнем геостратегическом положении, но отмечается несовершенство действующего международного и национального нормативно-правового регулирования – с другой. В связи с этим предлагаются различные варианты совершенствования правового обеспечения на всех ключевых этапах функционирования данного мультимодального маршрута, формулируются новые правовые конструкции, а также, учитывая и перенимая передовой международный опыт в этой сфере, рекомендуется создание современных управленческих институтов. В случае если предложенные в научных исследованиях идеи будут надлежащим образом рассмотрены, а также подкреплены соответствующими необходимыми дополнительными мерами по совершенствованию нормативно-правовой базы, то существует реальная возможность формирования новой, усовершенствованной геостратегической и геополитической конъюнктуры, которая способна изменить динамику и ход деятельности не только региональных, но и международных торгово-экономических, транспортно-логистических отношений между странами-партнерами, основанных на прочной правовой и экономической основе посредством МТК «Север – Юг». Бесспорен и тот факт, что меры такого масштаба не могут не привести к созданию новых дополнительных возможностей и геополитических площадок для равноправного и взаимовыгодного сотрудничества большего количества заинтересованных суверенных государств, по сути, – к образованию мегарегиональной кооперации.

В целом МТК «Север – Юг» представляет собой транспортный путь, который состоит из трех составных частей: транскаспийский, восточный и западный маршруты²³. Если рассматривать

²¹ Sabatini R. Economic Sanctions: Pressuring Iran's Nuclear Program. URL: <http://npsglobal.org/eng/component/content/article/147-articles/872-economic-sanctions-pressuring-irans-nuclearprogram.html> (accessed date: 06.01.2025).

²² Roy M.S. International North-South Transport Corridor: Reenergising India's Gateway to Eurasia. URL: https://idsa.in/issuebrief/InternationalNorthSouthTransportCorridor_msroy_180815 (accessed date: 06.01.2025).

²³ Международный транспортный коридор «Север – Юг». – *Транспортные коридоры*. ОАО «РЖД». URL: <https://cargo.rzd.ru/ru/9789> (дата обращения: 06.01.2025).

транскаспийский маршрут, то из его наименования уже становится ясно, что он проходит по судоходным районам рек Волга и Дон через такие порты Российской Федерации, как Астрахань, Оля, Махачкала и далее по водным путям Каспийского бассейна вплоть до иранских портовых городов Бендер, Амирабад, Ноушехр и Энзели. Восточный маршрут включает в себя сеть железных дорог Казахстана, Туркмении и Узбекистана. Западный маршрут представляет собой маршрут, который проходит через Астрахань, Махачкалу, Самур, далее по территории Азербайджана до азербайджанской станции района Астара, затем по территории Ирана через иранскую станцию района Астара с выходом на города Решт, Казвин и, наконец, страны Персидского залива вплоть до порта Мумбай (Бомбей) Индии. В отличие от первого маршрута, который включает в себя осуществление грузоперевозок по водным путям МТК «Север – Юг», второй и третий маршруты, соответственно, включают в себя прохождение грузопотоков по сухопутным путям данного мультимодального транспортного коридора. Эксперты отмечают, что с практической точки зрения экономически наиболее выгодным считается эксплуатация именно западного маршрута МТК «Север – Юг». При осуществлении транспортно-логистических услуг в данном направлении на практике наблюдается снижение сроков доставки грузовых единиц и, как следствие, логистических затрат при их передвижении через территорию Азербайджана [Веремеенко 2015:15-18]. В целом, несмотря на то обстоятельство, что все три варианта маршрута фактически готовы к эксплуатации в полном объеме, реалии пока таковы, что Индия все еще предпочитает направлять грузы традиционным морским маршрутом через Суэцкий канал. Но вновь целесообразно подчеркнуть, что МТК «Север – Юг» обладает рядом преимущественных технических характеристик, которые были подробным образом изложены выше в процессе исследования данной проблематики. Безусловно, из этого следует, что решение правительства Индии о выборе и переходе на более экономически перспективный транспортный коридор, как МТК «Север – Юг», является лишь вопросом времени. В дополнение к вышесказанному примечателен тот факт, что государства-участники в данном проекте заинтересованы эксплуатировать этот мультимодальный маршрут не только в торговых и в целом внешнеэкономических, но также и в военных и оборонных целях. Так, известно, что Индия является одним

из основных импортеров вооружений российского производства и намерена осуществлять их транспортировку посредством МТК «Север – Юг» [Проскурина 2015:69-70]. Учитывая вышеуказанное обстоятельство, можно заключить, что со временем этот коридор может стать одним из важнейших международных транспортных артерий по организации перевозки оружия, боевых единиц и в целом военной техники государств.

Заключение

Таким образом, в случае разрешения всех поставленных актуальных ключевых проблем, МТК «Север – Юг» может по праву стать новым Великим шелковым путем, соединив все страны, заинтересованные в данном проекте, в одну большую, единую и эффективную логистическую цепочку. Исходя из этой идеи, можно с уверенностью заявить, что данный транспортный коридор уже обладает, по сути, и мегарегиональным значением для совершенствования международных экономических, транспортных и логистических отношений между многими государствами различных географических регионов. Он определяет вектор развития торговых отношений между государствами-участниками в контексте современных геополитических реалий. Принимая участие в развитии данного проекта, государства получают уникальный доступ к транспортной сети современного уровня, повышают уровень экспорта своих национальной продукции на иностранные и международные рынки, а также увеличивают уровень своего экономического благосостояния, развития и процентного соотношения товарооборота с соседними государствами посредством уже налаженных и эффективно функционирующих транспортно-логистических цепочек в рамках МТК «Север – Юг». Отдельно рекомендуется обратить внимание на имеющиеся недостатки и пробелы в правовом регулировании, которые были подробным и детальным образом рассмотрены выше. Принимая их во внимание, а также учитывая их особое значение, в случае внедрения указанных механизмов, имплементации необходимых положений нормативных документов, и, наконец, обеспечив гармонизацию правового регулирования данного инвестиционного проекта, безусловно, будет возможно достичь успешного и эффективного функционирования на всех участках МТК «Север – Юг».

Список литературы

1. Андреев В.Ю. 2023. Экономическое сотрудничество России и Ирана в рамках международного транспортного коридора «Север – Юг» на современном этапе. – *Развитие предпринимательства как фактор роста экономики: сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры экономики и предпринимательства*. М.: Московский государственный областной педагогический университет. С. 47-53.
2. Бережнов Г.В. 2019. Макроэкономические предпосылки развития транспортного коридора «Север – Юг». – *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 3 (60). С. 197-201.
3. Веремеенко Е.Г. 2015. Вопросы моделирования терминально-логистических комплексов. – *Строительство и архитектура – 2015*. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону. С. 15-18.
4. Винокуров Е., Ахунбаев А., Забоев А., Усманов Н. 2022. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. – *Доклады и рабочие документы 22/2*. Алматы, Москва: Евразийский банк развития.
5. Графова Т.О., Гладченко В.А. 2024. Функционирование международного транспортного коридора «Север – Юг» в экономико-интеграционных проектах Евразийского экономического союза: реалии и перспективы. – *Экономика и предпринимательство*. № 4 (165). С. 511-516.
6. Дианов И.Н. 2018. Анализ развития международного транспортного коридора «Север – Юг». – *Студенческий: электрон. научн. журн*. № 7 (27).
7. Егоров В.Г. 2021. Геополитика транспортных коридоров. – *Геоэкономика энергетики*. Т. 14. № 2. С. 6-31.
8. Картузов А.Р., Шелестова Н.А. 2023. Международный транспортный коридор «Север – Юг». Правовые аспекты. – *Мелиорация как драйвер модернизации АПК в условиях изменения климата*. Материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции. Новочеркасск. С. 309.
9. Кириллова А.Г. 2018. Актуальные аспекты развития международных транспортных коридоров на территории России. – *Транспорт Российской Федерации*. № 2 (75). С. 51-54.
10. Кожокин Е.М. 2022. Транспортный коридор Север – Юг в условиях новой реальности. – *Геоэкономика энергетики*. Т. 20. № 4. С. 36-55.
11. Лунев С., Юртаев В. 2021. Перспективы установления партнерских отношений между Индией и Ираном. – *Международные процессы*. Т. 19. № 2 (65). С. 121-137.
12. Малышева Д.Б. 2024. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и страны Центральной Азии. – *Ближний и Постсоветский Восток*. № 4 (8). С. 7-21.
13. Мамедова Н., Федоров Ю., Федченко В. 2003. *Иранская ядерная программа и российско-иранские отношения*. Москва: ИПМИ. С. 12.
14. Минеев В.И., Почакаев Д.А. 2023. Перегрузка международного транспортного коридора «Север – Юг». – *Научные проблемы водного транспорта*. № 74. С. 105-116.
15. Новиков А.В. 2007. *К вопросу о роли международных транспортных коридоров в грузоперевозках*. Москва: МАКС Пресс. С. 3.
16. Проскурина О.В. 2015. Специфика российского рынка транспортно-экспедиционных услуг. – *Строительство. Дороги. Транспорт*. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону. С. 69-70.
17. Резер С.М., Прокофьева Т.А., Гончаренко С.С. 2010. *Международные транспортные коридоры: проблемы формирования и развития*. Москва: ВINITI РАН. 311 с.
18. Синицына А.С., Дэльз С.В., Галаянт С.А. 2018. Мульти-модальные перевозки в коридоре «Север – Юг». – *Мир транспорта*. Т. 16. № 3. С. 178-189.
19. Широких С.В. 2019. Цифровизация международного транспортного коридора «Север – Юг». – *Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии*. № 2 (35). С. 78-83.
20. Chatterjee Ms.S., Sengupta Ms.A. 2015. Globalizing Geographies: Perspectives from Eurasia: Perspectives from Eurasia to Delhi. – *KW Publishers*.
21. Freedman R.O. 2000. Russian-Iranian relations in the 1990s. – *Middle East Review of International Affairs*. Vol. 4, 2. P. 66-67.
22. Lasserre F. 2024. The International North-South Transport Corridor (INSTC): An Iranian perspective on connectivity. – *Revue internationale et stratégique*. № 134.
23. Pal L.C. 2024. The International North-South Transport Corridor (INSTC) and India: potential and impediments. – *Brazilian Journal of Political Economy*. № 44 (3).

References

1. Andrejuk V.Ju. Jekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Irana v ramkah mezhdunarodnogo transportnogo koridora «Sever – Jug» na sovremennom jetape [Economic cooperation between Russia and Iran within the framework of the North–South international transport corridor at the present stage]. – *Razvitie predprinimatel'stva kak faktor rosta jekonomiki: sbornik nauchnyh trudov prepodavatelej i studentov kafedry jekonomiki i predprinimatel'stva [Entrepreneurship development as a factor of economic growth: a collection of scientific papers by teachers and students of the Department of Economics and Entrepreneurship]*. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj pedagogicheskij universitet. 2023. P. 47-53. (In Russ.).
2. Berezhnov G.V. Makroekonomicheskie predposylki razvitiya transportnogo koridora «Sever – Jug» [Macroeconomic prerequisites for the development of the North–South transport corridor]. – *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura [The Caspian region: Politics, economy, culture]*. 2019. № 3 (60). P. 197-201. (In Russ.).
3. Chatterjee Ms.S., Sengupta Ms.A. Globalizing Geographies: Perspectives from Eurasia: Perspectives from Eurasia to Delhi. – *KW Publishers*. 2015.
4. Dianov I.N. Analiz razvitiya mezhdunarodnogo transportnogo koridora «Sever – Jug» [Analysis of the development of the international transport corridor "North – South"]. – *Студенческий [Student]: jelektron. nauchn. zhurn*. 2018. № 7 (27). (In Russ.).
5. Egorov V.G. Geopolitika transportnyh koridorov [The geopolitics of transport corridors]. – *Geojekonomika jenergetiki [Goeconomics of energy]*. 2021. Т. 14. № 2. P. 6-31. (In Russ.).
6. Freedman R.O. Russian-Iranian relations in the 1990s. – *Middle East Review of International Affairs*. 2000. Vol. 4, 2. P. 66-67.

7. Grafova T.O., Gladchenko V.A. Funkcionirovanie mezh-dunarodnogo transportnogo koridora "Sever-Jug" v je-konomiko-integracionnyh proektah Evrazijskogo jeko-nomicheskogo sojuza: realii i perspektivy [Functioning of the North–South international transport corridor in the economic and integration projects of the Eurasian Economic Union: realities and prospects]. – *Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]*. 2024. № 4 (165). P. 511–516. (In Russ.).
8. Kartuzov A.R., Shelestova N.A. Mezhdunarodnyj trans-portnyj koridor «Sever-Jug». Pravovye aspekty [The North–South International Transport Corridor. Legal aspects]. – *Melioracija kak drajver modernizacii APK v us-lovijah izmenenija klimata [Land reclamation as a driver of agricultural modernization in the context of climate change]*. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prak-ticheskoy internet-konferencii. Novocherkassk. 2023. P. 309. (In Russ.).
9. Kirillova A.G. Aktual'nye aspekty razvitija mezhdun-arodnyh transportnyh koridorov na territorii Rossii [Cur-rent aspects of the development of international trans-port corridors in Russia]. – *Transport Rossijskoj Federacii [Transport of the Russian Federation]*. 2018. № 2 (75). P. 51–54. (In Russ.).
10. Kozhokin E.M. Transportnyj koridor Sever – Jug v uslovi-jah novoj real'nosti [The North–South transport corri-dor in a new reality]. – *Geojekonomika jenergetiki [Geo-economics of energy]*. 2022. T. 20. № 4. P. 36–55. (In Russ.).
11. Lasserre F. The International North-South Transport Cor-ridor (INSTC): An Iranian perspective on connectivity. – *Revue internationale et stratégique*. 2024. № 134.
12. Lunev S., Jurtaev V. Perspektivy ustanovlenija partner-skih otnoshenij mezhdru Indij i Iranom [Prospects for establishing partnership relations between India and Iran]. – *Mezhdunarodnye processy [International process-es]*. 2021. T. 19. № 2 (65). P. 121–137. (In Russ.).
13. Malysheva D.B. Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Sever – Jug» i strany Central'noj Azii [The North–South International Transport Corridor and the countries of Central Asia]. – *Blizhnij i Postsovetskij Vostok [The Middle and Post-Soviet East]*. 2024. № 4 (8). P. 7–21. (In Russ.).
14. Mamedova N., Fedorov Ju., Fedchenko V. *Iranskaja jad-ernaja programma i rossijsko-iranskije otnoshenija [The Iranian nuclear program and Russian-Iranian relations]*. Moscow. 2003. IPMI. P. 12. (In Russ.).
15. Mineev V.I., Pochekaev D.A. Perezagruzka mezhdun-arodnogo transportnogo koridora «Sever – Yug» [Re-booting the North–South international transport corri-dor]. – *Nauchnye problemy vodnogo transporta [Scientific problems of water transport]*. 2023. № 74. P. 105–116. (In Russ.).
16. Novikov A.V. *K voprosu o roli mezhdunarodnyh trans-portnyh koridorov v gruzoperevozkah [On the role of in-ternational transport corridors in cargo transportation]*. Moscow: MAK Press. 2007. P. 3. (In Russ.).
17. Pal L.C. The International North-South Transport Cor-ridor (INSTC) and India: potential and impediments. – *Brazilian Journal of Political Economy*. 2024. № 44 (3).
18. Proskurina O.V. Specifika rossijskogo rynka transport-no-jekspedicionnyh uslug [The specifics of the Rus-sian forwarding services market]. – *Stroitel'stvo. Dorogi. Transport [Construction. Roads. Transport]*. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu, 2015. P. 69–70. (In Russ.).
19. Rezer S.M., Prokof'eva T.A., Goncharenko S.S. Mezhdun-arodnye transportnye koridory: problemy formirovanija i razvitija [International transport corridors: problems of formation and development]. Moscow: Viniti RAN. 2010. 311 s. (In Russ.).
20. Shirokih S.V. Cifrovizacija mezhdunarodnogo trans-portnogo koridora «Sever – Jug» [Digitalization of the North – South International Transport Corridor]. – *Aka-demicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj ta-mozhennoj akademii [Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy]*. 2019. № 2 (35). S. 78–83.
21. Sinicyna A.S., Djel'z S.V., Galjant S.A. Mul'timodal'nye perevozki v koridore «Sever – Jug» [Multimodal trans-shipment in the North–South corridor]. – *Mir transporta [The World of Transport]*. 2018. T. 16. № 3. S. 178–189. (In Russ.).
22. Veremeenko E.G. Voprosy modelirovanija terminal'no-logisticheskikh kompleksov [Issues of modeling terminal and logistics complexes]. – *Stroitel'stvo i arhitektura – 2015 [Construction and Architecture – 2015]*. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu. 2015. P. 15–18. (In Russ.).
23. Vinokurov E., Ahunbaev A., Zabojev A., Usmanov N. Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Sever – Jug»: investicionnye reshenija i mjagkaja infrastruktura [The North–South International Transport Corridor: invest-ment solutions and soft infrastructure]. – *Doklady i rabochie dokumenty 22/2 [Reports and working papers 22/2]*. Almaty, Moscow: Evrazijskij bank razvitija. 2022. (In Russ.).

Информация об авторах

Дмитрий Константинович ЛАБИН,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафе-дры международного права, Московский государствен-ный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского п-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Фе-дерация

d.labin@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1493-4221

About the Authors

Dmitry K. LABIN,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

d.labin@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1493-4221

Рамиль Гуммат оглы РЗАЕВ,

аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ramilrzayev1799@mail.ru
ORCID: 0009-0006-0942-1153

Ramil Gummat RZAYEV,

Postgraduate student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

ramilrzayev1799@mail.ru
ORCID: 0009-0006-0942-1153

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-49-68>

Исследовательская статья
УДК: 341.1
Поступила в редакцию: 01.02.2025
Принята к публикации: 20.03.2025

Марк Львович ЭНТИН

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, д. 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Андрей Андреевич ВАДОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, д. 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация
a.a.vadov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0448-1572

МЕТОДЫ ГИБКОЙ ИНТЕГРАЦИИ АССОЦИАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ

ВВЕДЕНИЕ. Юго-Восточная Азия обладает достаточными ресурсами и удачным географическим местоположением для участия в глобальных цепочках добавленной стоимости, что придает значительный импульс технологическому развитию региона. В целях его обеспечения страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН, Ассоциация) работают над решением проблем, связанных с «утечкой мозгов» и медленной коммерциализацией высоких технологий. Во многом эти проблемы обусловлены несовершенством патентных систем и культурно-правовыми разрывами. По этим причинам государства региона сделали осознанный выбор в пользу гибких методов интеграции применительно к правовому регулированию свободы передвижения исследователей и инноваций, модернизации патентной системы, совершенствованию механизмов финансирования

науки, технологий и инноваций. Исследование достижений АСЕАН в этой области позволяет лучше разобраться в том, насколько разнообразен инструментарий интеграции, и определить, как его использование способствует ускоренному развитию государств, участвующих в интеграционном проекте, а также выявить, какие факторы следует принимать во внимание при выстраивании с ними экономического и технологического сотрудничества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Научное исследование основано на изучении международных соглашений, внутренних правовых актов, стратегических и иных официальных документов АСЕАН, предметом которых являются становление и эволюция правового регулирования научно-технологической деятельности, освоение новых технологий, стимулирование инновационного развития, и практики их имплементации.

Проанализированы международные соглашения в сфере патентного права. Обобщены юридически значимые показатели, отобранные из базы данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС). Рассмотрены публикации российских и зарубежных специалистов (преимущественно граждан стран АСЕАН) в области международного и интеграционного права, касающиеся стимулирования научно-технологического прогресса. Используются общенаучные и специально-юридические методы, включая системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, а также юридический позитивизм.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Эволюция правовых актов АСЕАН в сфере регулирования науки, технологий и инноваций показывает, что регион избегает прямого копирования несвойственных для него жестких наднациональных моделей интеграции, отдавая предпочтение гибким ее формам и постепенному внедрению мер по обеспечению свободы движения исследователей и обмена технологиями в соответствии с национальными особенностями. Гибкость интеграционных мер, используемых Ассоциацией, подтверждается сохранением за государствами-членами права на отказ от участия в определенных совместных инициативах.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. С 1997 г. АСЕАН сталкивалась с проблемами культурно-правового разрыва между государствами-членами при формировании единого законодательства в сфере науки, технологий и инноваций. Поэтому в 2010 г. было решено сделать акцент на обращение преимущественного внимания не столько на социокультурный, сколько на экономический базис технологического развития. По этой причине в 2012 г. был подписан договор о свободном передвижении физических лиц, занятых в бизнесе и торговле. В то же время государства-члены – Ассоциации приступили к осуществлению мер, направленных на взаимное признание квалификаций. Особый упор был сделан на приведение

национальных патентных систем в соответствие с международными стандартами. С одной стороны, это привело к ускорению оформления технологических патентов в странах АСЕАН. С другой – к увеличению количества патентов, оформленных иностранными физическими и юридическими лицами. Выход из складывающейся неблагоприятной ситуации нашли через создание специального органа, в компетенцию которого входит выдвижение предложений по совершенствованию национальных патентных систем, обучению научно-технических кадров и оформлению технологических патентов по новым правилам. Этим органом стала Академия АСЕАН по интеллектуальной собственности. Таким образом, страны Юго-Восточной Азии, стремясь развивать собственный технологичный рынок, используют методы гибкой интеграции в рамках права АСЕАН для поиска баланса между встраиванием их экономик в глобальные технологические цепочки и укреплении собственного инновационного потенциала, отталкиваясь от средних и высоких технологий мировых лидеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, наука, технология, инновации, образование, интеграционное право, международное право, инновационное право, патентное право, патентная система, план действий АСЕАН, свобода передвижения исследователей, гибкие методы интеграции

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Энтин М.Л., Вадов А.А. 2025. Методы гибкой интеграции Ассоциации государств Юго-Восточной Азии при формировании правового регулирования развития науки, технологий и инноваций. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 49–68. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-49-68>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-49-68>

Research article

UDC: 341.1

Received 1 February 2025

Approved 20 March 2025

Mark L. ENTIN

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Andrey A. VADOV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
a.a.vadov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0448-1572

FLEXIBLE INTEGRATION METHODS OF ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS IN THE FORMATION OF LEGAL FRAMEWORK ON THE SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION

INTRODUCTION. *Southeast Asia possesses substantial resources and a favorable geographical position, enabling participation in global value chains, which provides a significant impetus for the region's technological development. However, ASEAN member states face challenges such as brain drain, delays in technology commercialization due to underdeveloped patent systems, and cultural-legal gaps. For these reasons, this study investigates ASEAN's flexible integration methods to ensure the free movement of researchers and innovations, develop the patent system, and improve mechanisms for funding science, technology, and innovation.*

MATERIALS AND METHODS. *The research is based on ASEAN agreements, legal acts, strategic and official documents related to the legal regulation of science, technology, and innovation. Additionally, international agreements in the field of patent law and legally significant indicators from the WIPO database were analyzed. The study also considers publications by Russian and international scholars (primarily ASEAN nationals) in international and integration law. General scientific and specialized legal methods,*

including legal positivist, systemic-legal, comparative-legal, and historical-legal methods, were used.

RESEARCH RESULTS. *The evolution of ASEAN's legal acts in the regulation of science, technology, and innovation demonstrates that the region avoids directly replicating EU models. Instead, it combines the gradual implementation of measures to ensure the free movement of researchers and technology exchange, adapted to the national specificities of member states. The flexibility of integration measures is also confirmed by the member countries' right to opt out of specific joint initiatives.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Since 1997, ASEAN has encountered cultural and legal gaps among member states in forming unified legislation in science, technology, and innovation. As a result, in 2010, a decision was made to focus on the economic foundation of technological development rather than the socio-cultural aspects. Consequently, in 2012, ASEAN agreement on the movement of natural persons was signed, and measures for the mutual recognition of qualifications were introduced. National patent systems were harmonized with international*

standards, which accelerated the registration of technological patents within ASEAN. While it also led to an increase in patents filed by foreign entities. A solution emerged through the establishment of a specialized body – the ASEAN IP Academy. Academy proposes improvements to national patent systems and trains scientific and technological personnel to file patents under the new rules. Thus, Southeast Asian countries, striving to develop their own technological markets, employ ASEAN's flexible integration methods to balance embedding their economies into global technological value chains with fostering their own innovation potential based on medium- and high-level technologies from global leaders.

Введение

Юго-Восточная Азия, расположенная на пересечении ключевых логистических путей, обладает достаточными стратегическими ресурсами, производственными мощностями и рабочей силой для активного участия в глобальных цепочках добавленной стоимости. Страны АСЕАН активно поддерживают партнерские отношения с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая такие технологически развитые экономики, как Китай, Япония, Южная Корея и Австралия, что способствует их интеграции в мировую систему торговли и технологического обмена.

Мировые технологические лидеры сосредотачиваются на достижении технологического суверенитета, стремясь минимизировать зависимость от внешних ресурсов. Для реализации своих амбициозных целей они продолжают привлекать технологические, ресурсные и кадровые мощности третьих стран. Этот географический и экономический контекст предоставляет Ассоциации уникальные возможности для научного и технологического сотрудничества.

В то же время страны АСЕАН сталкиваются с рядом вызовов. Одним из наиболее острых является проблема «утечки мозгов» – эмиграция квалифицированных кадров в более развитые страны, что тормозит развитие научного потенциала

KEYWORDS: ASEAN, science, technology, innovation, education, integration law, international law, innovation law, patent law, patent system, ASEAN plan of action, movement of researchers, flexible integration methods

FOR CITATION: Entin M.L., Vadov A.A. Flexible Integration Methods of Association of Southeast Asian Nations in the Formation of Legal Framework on the Science, Technology and Innovation. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 49–68. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-49-68>

The authors declare the absence of conflict of interest.

региона. Еще один вызов связан с задержкой процесса коммерциализации (реализации на рынке) технологий, что приводит к отставанию стран Юго-Восточной Азии в мировой технологической гонке. Данную проблему связывают с отсутствием гармонизации национальных патентных систем и несовершенством механизмов защиты интеллектуальной собственности (далее – ИС).

Основная проблема АСЕАН – это то, что технологический, правовой, экономический и культурный разрыв между государствами тормозит совместный технологический прогресс объединения. Определенные страны препятствуют процессу принятия региональных политических или правовых решений, если эти решения противоречат их культуре или праву. В этих условиях АСЕАН вынужден применять гибкие методы интеграции, которые позволят учитывать различия в уровне экономического и технологического развития участвующих в ней стран. Подобные инструменты также укрепят сотрудничество с крупными технологическими лидерами.

Исследование понятия «гибкие методы интеграции» следует начать с пришедшим из права Европейского союза (далее – ЕС) термина «продвинутое сотрудничество». Продвинутое сотрудничество пришло в право ЕС вместе с Амстердамским договором¹ в 1997 г. Согласно этому понятию, государства – члены интеграционного объединения могут в неполном составе продолжить более углубленное сотрудничество,

¹ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, signed at Amsterdam, 2 October 1997. – *OJ C 340*. 10/11/1997. P. 0001-0144. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:11997D> (accessed date: 22.02.2025).

на которое другие государства-члены не готовы пойти. Однако подобный вид сотрудничества присутствовал в праве Европейских сообществ и раньше, о чем свидетельствует сотрудничество в рамках Бенилюкс.

Гибкое сотрудничество затрагивает не только более тесное сотрудничество между странами, но и может формироваться в виде особых правил для определенных стран по примеру практики изъятия из правил по отношению к определенным государствам-членам в праве ЕС [Bokka 2002:7]. Некоторые авторы также подчеркивают, что в некоторых случаях целесообразнее будет отходить от жестких правовых норм в сторону более гибких и мягких форм интеграции [Harstad 2006:21]. В настоящей работе акцент сделан на изучение гибких форм интеграции АСЕАН в области науки, технологий и инноваций.

Исторические аспекты развития междуна- родно-правового сотрудничества стран АСЕАН в сфере науки, технологий и иннова- ций

В 1967 г. была подписана Бангкокская декларация, которая стала учредительным документом АСЕАН. В ней указаны основные сферы совместной деятельности, включая науку и технологии. На тот момент Ассоциация представляла из себя политическую группу государств Юго-Восточной Азии. В рамках каждой из сфер АСЕАН сформировала по постоянному комитету. В их число в 1971 г. вошел Комитет в области науки и технологий. Комитет состоял из специалистов и представителей государств и выполнял консультативные функции.

С самого начала большое влияние на научно-технологическое сотрудничество между государствами-членами оказывало то, что по количеству средств, выделяемых на стимулирование научно-технологического прогресса, и качеству их распределения страны сильно различаются. Например, Сингапур является фронтиром в этой деятельности, так как он не только тратит больше остальных стран на финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР; свыше 2 % ВВП в сравнении с 1 % и менее ВВП в других странах), но и использует самые передовые практики в области эффективного управления денежными средствами [Dobrzanski, Bobowski 2020:2686].

Страны АСЕАН строили свою экономику на принципе «отверточной» сборки для глобальных цепочек добавленной стоимости. Принцип предполагает, что политическая элита за экономическую «ренту» предоставляла крупным инвесторам возможность монополизации рынка, поэтому технологии развивались только за счет крупных мультинациональных компаний. Такой подход привел к «нетехнологичному» развитию экономики [АСЕАН на ... 2023:388-414].

У Малайзии отсутствовала комплексная национальная инновационная система, которая отвечала бы потребностям предпринимателей страны и побуждала их к внесению инновационного вклада. В Индонезии государственным органам были предоставлены исключительные полномочия по развитию науки и технологии, что привело к излишней бюрократизации и низкой коммерческой отдаче. Таиланд пережил «величайшую историю успеха» и технологической трансформации. Однако затем оказалось, что экономическая структура развивалась неравномерно, так как возникала сильная диспропорция в доходах населения, а институты для обеспечения инновационного развития так и не появились. Итогом этого стало замедление технологических преобразований. Во Вьетнаме переход от преимущественной занятости в сельскохозяйственном производстве к экономике передовых технологий произошел благодаря фабрикам и заводам, остающимся в иностранной собственности (Intel, Apple). Лаос, Камбоджа и Мьянма столкнулись с труднопреодолимыми последствиями индокитайских войн и внутренних политических противоречий [АСЕАН на... 2023:388-414].

Драйвер развития на путях технологического обновления государства-члены попытались отыскать в долгосрочном планировании. В 1997 г. страны АСЕАН формализовали найденное ими видение развития, повышения эффективности и углубления интеграции на период до 2020 г., которое так и назвали Видение 2020 (Vision 2020). В области науки и технологий было принято решение делать более прочными и диверсифицированными узы сотрудничества между научными центрами, обустраивать научно-технологическую инфраструктуру, гармонизировать национальные патентные системы (см. раздел «Создание патентной системы АСЕАН на базе национальных систем» ниже). Для достижения

долгосрочных стратегических целей Видения 2020 в 1997 г. был подписан первый стратегический документ – Ханойский план действий (далее – ХПД)². Он был рассчитан на пять лет (с 1999 по 2004 г.). Основными задачами плана в области науки и технологий стала интенсификация взаимодействия в том, что касается развития инфраструктуры, масштабирования научных сетей, проведения исследований, подготовки и переподготовки персонала и совершенствования методов управления. Ханойский план действий провозглашал амбициозные цели по расширению интеграционных связей, но они оказались нереалистичными. Страны АСЕАН столкнулись с серьезными проблемами из-за слишком большого разрыва в уровнях экономического и научно-технологического развития. Это вынудило их пересмотреть опробованные ранее методы интеграционного строительства и намеченные цели.

В 2003 г. страны Юго-Восточной ассоциации договорились продвигаться вперед в направлении углубления интеграции путем сокращения разрыва в развитии между ними, основываясь на трех столпах (сообществах): Политика и безопасность, Экономика, Общество и культура³. Каждый из них объединяет профильные направления и механизмы сотрудничества⁴. Сближение в области науки, инноваций и технологий (далее – НИТ) изначально стимулировалось в рамках третьего Сообщества – Общество и культура.

Со временем стало очевидным, что некоторые страны АСЕАН продвигаются к созданию современной экономики значительно быстрее, что позволяет им более эффективно углублять интеграцию между собой. Эти государства проявляют интерес к технологической трансформации, опираясь не только на собственный научный и инновационный потенциал, но и привлекая иностранные инвестиции. Поэтому в 2010 г. в г. Краби, Таиланд, была проведена встреча между представителями государственного, частного и академического секторов государств-членов с привлечением внешних партнеров, в частности из ЕС. Она прошла при поддержке Комитета по науке и технологиями АСЕАН. На съезде были

прорисованы видение и роль будущего НИТ. Найден желательный баланс между конкуренцией и развитием человеческого капитала. Определены основные направления исследований, и сформулированы принципы развития. Выбран курс на разработку механизмов привлечения к финансированию НИТ крупных стейкхолдеров. Главным результатом проведенного совещания стало решение о подготовке плана действий АСЕАН в целях развития на 2012–2015 гг.

Через весь план действий АСЕАН до 2015 г. красной нитью проходит гармонизация правовых норм, регулирующих НИОКР. Одновременно приоритетное внимание обращается на освоение новых технологий с помощью частного сектора. Впоследствии поддержка частного сектора и опора на него станут основой будущего стратегического партнерства между государствами-членами.

С 2015 г. область НИТ переносится в Экономическое сообщество АСЕАН (далее – ЭСА). Ее включение в ЭСА означает, что отныне АСЕАН смотрит на сферу НИТ как на продукт экономической интеграции, а не социальной политики. На интеграционном уровне первоочередным становится создание благоприятных условий для инновационного капитала и одаренных личностей. На государственные структуры возлагается ответственность за совершенствование технологической инфраструктуры и укрепление потенциала научных учреждений.

Согласно плану действий на 2016–2025 гг., АСЕАН должен завершить создание правовой экосистемы, облегчающей частному сектору создание, повышение эффективности, передачу и коммерциализацию технологий. Наряду с этим предусмотрено формирование площадки для сотрудничества предпринимателей и партнеров по национальной технологической инициативе (далее – НТИ). В плане делается акцент на поддержке малого и среднего бизнеса для повышения их конкурентоспособности. Намечено проведение большого объема мероприятий, имеющих целью вызывать интерес населения и, прежде всего молодежи, к науке и миру технологий.

² Hanoi Plan of action. Hanoi Vietnam. 15.12.1997. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_1998hanoi.pdf (accessed date: 01.02.2025).

³ ASEAN: Declaration of ASEAN Concord ii (Bali Concord ii). The ASEAN Secretariat. URL: <http://www.asean.org/news/item/declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii> (accessed date: 01.02.2025).

⁴ FAQ: Саммит Россия-АСЕАН. г. Сочи. 19–20 мая 2016 г. URL: <http://russia-asean20.ru/docs/about/faq.html> (accessed date: 01.02.2025).

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии осуществляет сотрудничество в области НТИ с ключевыми международными партнерами через рабочие группы, комитеты и другие специализированные структуры. Ассоциация пользуется различными по своему функционалу механизмами сотрудничества с внешними партнерами, хотя последним дается больше пространства для укрепления своих позиций в регионе. Несмотря на то что Ассоциация не является технологическим лидером, и багаж инновационных решений у нее относительно беден, она способна создавать по-настоящему привлекательную правовую базу не только для внедрения этих решений, но и для создания инфраструктуры, необходимой для их разработки и последующей коммерциализации.

В Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) сотрудничество с третьими странами в основном ведется по линии заключения торговых соглашений и меморандумов о взаимопонимании. При этом последние обычно включают в себя создание совместных комиссий, рабочих групп, комитетов и других специализированных структур. В области НТИ при заключении торговых соглашений и меморандумов ЕАЭС ограничивается лишь вопросами защиты интеллектуальной собственности и регулированием цифровой экономики. В то же время в меморандумах, как правило, прописываются задачи по проведению форумов, конференций, семинаров и консультаций с участием пред-

ставителей бизнес-сообществ. Таким образом, научно-технологическое сотрудничество с третьими странами в ЕАЭС, как правило, ограничивается заинтересованностью самих бизнес-сообществ. В то время как на встречах с представителями третьих стран обычно не затрагивается вопрос проведения совместных проектов в области НТИ.

С другой стороны, в рамках декларации ЕАЭС 2030+⁵ планируется сформировать «общее пространство кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития». Одним из результатов декларации предполагается «принятие и реализации рамочной стратегической программы научно-технического развития ЕАЭС». Было бы целесообразно в рамках данной программы прописать способы и механизмы сотрудничества с третьими странами, перенимая опыт АСЕАН по использованию различных механизмов сотрудничества с внешними партнерами в зависимости от поставленных целей, преимуществ и возможных угроз.

Сопоставление задач, которые ставила перед собой АСЕАН до 2015 г., с тем, как она формулирует их сегодня (суммируемое в табл. 1), указывает на то, что Ассоциация кардинально сместила фокус на формирование комплексной инфраструктуры в сфере инноваций, науки, образования и международного сотрудничества [Ожигина 2021:338-343].

Таблица 1

Деятельность АСЕАН в области науки, технологий и инноваций

Деятельность АСЕАН до 2015 г.	Деятельность АСЕАН в 2016–2025 гг.
Выявление и разработка проектов с разделением затрат через подкомитеты по затратам; выявление и поиск соответствующих коммерческих вызовов совместно с частным сектором	Создание систем поддержки инноваций для поощрения и управления региональными совместными предприятиями
Гармонизация правового регулирования для стратегического партнерства в области исследований и разработок и развития технологий с частным сектором; передача и применение технологических ноу-хау на благо сообщества	Гармонизация правовых норм в области защиты прав интеллектуальной собственности, механизмов распределения рисков и выгод для совместного сотрудничества и передачи технологий между центрами передового опыта
Развитие научно-технического сотрудничества с внешними партнерами	Развитие научно-технического сотрудничества с внешними партнерами
—	Реализация инициатив академической мобильности, программ стипендий и дополнительного образования для студентов, исследователей и участников; стандартизация в сфере образования
—	Повышение осведомленности гражданского сектора

⁵ Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь». 25 декабря 2023 г. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/> (дата обращения: 01.02.2025).

Свобода исследований и инноваций как часть свободы передвижения работников и капитала

В АСЕАН изначально свободу движения предусматривали для «квалифицированной рабочей силы», которая состояла из «представителей деловых кругов» и «особо одаренных личностей» [Рогожин 2010:59]. В 2012 г. было подписано соглашение о передвижении физических лиц⁶. Оно обслуживало интересы бизнеса и торговли. В частности, им устанавливалось право на временный въезд. Вместе с тем в нем отсутствовали положения о передвижении одаренных личностей или иной рабочей силы.

Тем не менее в дальнейшем АСЕАН провела огромную работу по обеспечению свободы передвижения квалифицированной рабочей силы. Ее результатом стали Соглашения о взаимном признании квалификаций по восьми разным рабочим специальностям (ASEAN Mutual Recognition Arrangements)⁷. Согласно Соглашениям, квалифицированный сотрудник, желающий переехать работать в другую страну, имеет право зарегистрироваться в едином реестре профессионалов по его специальности. Соглашения позволяют ему без регистрации в национальных системах других стран устраиваться на работу по своей специальности.

Зарегистрированному в системе сотруднику предоставляется статус «зарегистрированного иностранного специалиста» в органах стран пребывания. С одной стороны, этот статус не позволяет специалисту создавать собственную независимую практику без регистрации в национальных системах. С другой стороны, он имеет право работать в стране пребывания в сотрудничестве с местными практикующими специалистами. Координационные комитеты АСЕАН, занимающиеся вопросами обеспечения

Соглашений о квалификациях, стремятся идентифицировать и устранить процедурные барьеры через дипломатические инструменты АСЕАН. Структурно такие комитеты состоят из национальных представителей мониторинговых комитетов, которые, в свою очередь, создаются государствами-членами самостоятельно. Мониторинговые комитеты занимаются поддержкой и развитием реестров специалистов. Любые противоречия и споры решаются в соответствии с протоколом АСЕАН о расширенном механизме разрешения споров⁸, основанном на англосаксонских методах разрешения споров.

Указанные соглашения покрывают только восемь специальностей, поэтому АСЕАН разработал Стандартизированную систему квалификаций (Qualifications Reference Framework; далее – ССК)⁹, которая обеспечивает сотрудничество между национальными системами квалификаций по специальностям, не отнесенным к ведению указанных выше Соглашений. Стандартизированная система квалификаций реализуется через наднациональный комитет и подотчетные ему национальные комитеты, которые создаются государствами-членами. Соответственно, национальные комитеты собирают данные о национальных стандартах квалификации и передают их в комитет ССК, который определяет различия между ними, подыскивает лучшие решения и рекомендует их для внедрения в национальные системы квалификации. Присоединение к ССК носит добровольный характер. Государства-члены могут не присоединяться к ней, если считают, что углубление интеграции в данной области может навредить их экономике.

Представители экспертного сообщества, в частности Лан Буи, сравнивая свободу передвижения в ЕС и АСЕАН, верно указывает, что в условиях очевидного экономического неравенства между странами Ассоциации южно-азиатский подход имеет больше преимуществ

⁶ ASEAN: Agreement on the Movement of Natural Persons, Phnom Penh, Cambodia. 19 November 2012. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/2012/Economic/sectoral_aem/service/agreement/ASEAN%20AGREEMENT%20ON%20THE%20MOVEMENT%20OF%20NATURAL%20PERSONS.pdf (accessed date: 01.02.2025).

⁷ Полный список соглашений можно найти здесь: ASEAN: Mutual Recognition Arrangements. – ASEAN. URL: <https://investasean.asean.org/asean-free-trade-area-agreements/view/757/newsid/868/asean-mutual-recognition-arrangements.html> (accessed date: 01.02.2025).

⁸ ASEAN: Protocol on Enhanced Dispute Settlement Mechanism, Manila, the Philippines. 20.12.2019. – *Centre for international law of National University of Singapore*. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2022/09/2019-EDSM.pdf> (accessed date: 01.02.2025).

⁹ ASEAN: Qualifications Reference Framework. – ASEAN. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/services/aqrf/> (accessed date: 01.02.2025).

по сравнению с европейским, где ставка сделана на достижение полной свободы передвижения всех категорий работников [Lan 2022]. Действительно, обмен знаниями и опытом положительно влияет на научно-инновационный потенциал страны, вместе с тем снятие всех законодательных и технических барьеров может привести к неконтролируемым потокам и, соответственно, «утечке мозгов».

Более того, те государства, которые выстроили продвинутую систему электронной визовой поддержки, имеют преимущество при организации миграции одаренных личностей. Во-первых, они получают в свое распоряжение необходимую информацию о миграционных потоках. Во-вторых, цифровая система визовой поддержки позволяет облегчить получение визы для иностранных исследователей и экспертов. В-третьих, имея данные об особо одаренной личности, государственный орган миграции имеет возможность предложить эксперту перспективы по трудоустройству в стране или оформлению гранта на исследование, что частично разрешает проблему дефицита высококвалифицированных кадров.

Однако последнее слово в многоукладной регламентации свободы передвижения работников в рамках АСЕАН, конечно, еще не сказано. Рассматриваются самые различные предложения. Так, в исследовании лаборатории Гленды Крослинг выпячиваются достоинства создания единого студенческого визового документа [Atherton, Crossling, Shuib, Azizan, Perring, Gibbs, McDermott, Jr 2020:18-34]. Идея документа заключается в том, что студенты получают возможность оформить единую студенческую визу АСЕАН для перемещения по территории государств-членов. Благодаря этому они смогут участвовать в региональных студенческих проектах, обучаться в других университетах АСЕАН в порядке студенческого обмена или в соответствии с сетевыми образовательными программами, а также путешествовать в иных образовательных

целях. Одновременно страны АСЕАН получают единообразные и достоверные данные об их передвижениях для последующего анализа.

Аналогичную инициативу обдумывают в АСЕАН для поощрения внутренней миграции исследователей и высококвалифицированных сотрудников. Однако и в этом случае встает экзистенциальный вопрос о проблеме «утечки мозгов». Для ее купирования страны АСЕАН обращаются к опыту развитых стран в надежде также воспользоваться теми преимуществами, которые дает последним свобода передвижения ученых и исследователей. Во-первых, цифровые системы таких стран имеют возможность собирать единообразные и достоверные сведения о миграции высококвалифицированных кадров. Далее на основе анализа больших данных государственные и наднациональные структуры определяют проблемные точки и принимают превентивные меры. Во-вторых, ими со знанием дела ведется грантовая политика и политика вовлечения в свои исследовательские проекты иностранных специалистов. Точно также, полагают в АСЕАН, могли бы поступать и государства-члены. Теоретически научные центры и фонды стран АСЕАН имеют возможность выдавать совместные гранты ученым из разных стран и привлекать их к проведению исследований и созданию научных школ, в которых они заинтересованы¹⁰.

Как акцентировалось выше, с 2015 г. вопросы НТИ относятся к ЭСА. Таким образом, в АСЕАН в рамках ЭСА шаг за шагом всё более последовательно реализуются все четыре свободы формируемого общего единого внутреннего рынка. В связи с этим государства-члены принялись активно поддерживать исследовательскую мобильность, поскольку ее преимущества уже смогли себя хорошо проявить в других регионах [Давлетгильдеев, Цыганцова 2020:240-260]. Однако технологическое неравенство между странами АСЕАН ограничивает возможности менее развитых стран в использовании этих преимуществ. Чтобы справиться с данным вызовом, такие

¹⁰ Подобную практику проводили в рамках СНГ между научными фондами двух и более стран, например, совместный конкурс РНФ с Министерством образования и науки Монголии. См.: Объявлен первый совместный конкурс РНФ с Министерством образования и науки Монголии (MES). – *Российский научный фонд*. URL: <https://rscf.ru/news/found/obyavlen-pervyy-sovmestnyy-konkurs-rnf-s-ministerstvom-obrazovaniya-i-nauki-mongolii-mes/#:~:text=Международное%20соглашение%20обеспечит%20основу%20для%20поддержки%20лучших%20российско-монгольских%20исследовательских%20проектов.&text=Гранты%20выделяются%20на%20осуществление%20научных,до%207%20млн%20рублей%20ежегодно> (дата обращения: 01.02.2025).

страны вслед за остальными стали предоставлять образовательные стипендии для обучения в ведущих вузах мира на условиях обязательного возвращения на Родину для трудоустройства (образцом в этом плане может служить финансовая программа SkillsFuture Credit system, запущенная Сингапуром [Iwasaki 2015:2-27]). Другой используемый сегодня инструмент – создание максимально благоприятных условий для возвращения домой высококвалифицированных граждан, которые уехали за рубеж на заработки. Пример его применения дает Таиланд, реализующий проект Reverse the brain drain¹¹. Кроме того, чтобы привить молодому поколению тягу к знаниям и науке, а также открыть перед ним обнадеживающие карьерные перспективы, страны АСЕАН стали внедрять собственные передовые образовательные программы. Так, тот же Сингапур за сравнительно короткий промежуток времени благодаря выверенным действиям сумел решить задачу повышения уровня учреждений высшего образования – институтов и университетов до мирового уровня [Iwasaki 2015:10-14].

На практике страны АСЕАН в упреждающем порядке подготавливались к возможной «утечке мозгов». По мнению вьетнамского исследователя Нам, они даже обдумывали то, как подобную, только контролируруемую «утечку мозгов» переналадить для стимулирования передвижения знаний, в частности, для более эффективного управления рынком труда, поощрения инноваций, совершенствования системы образования и углубления сотрудничества между бизнес-структурами и академическими кругами [Nam 2020:2-27]. Такая логика вполне понятна и обоснована: правильно организованная академическая мобильность между странами помогает университетам и научным центрам повышать качество преподавания и проводимых исследований, на постоянной основе получать прибыльные государственные гранты, устанавливать и поддерживать симбиотические связи с бизнесом, модернизировать научную инфраструктуру, а в итоге наращивать

свою конкурентоспособность на интегрируемых рынках. Неотъемлемыми элементами такой стратегии являются: (1) обмен студентами, преподавателями и исследователями; (2) запуск высококачественных совместных образовательных программ и исследований; (3) интеграция с промышленностью и бизнес-структурами. В какой степени она сработала в АСЕАН, можно будет понять исходя из анализа обобщающей отчетности о реализации плана действий на 2016–2025 гг., а также того, что войдет в план действий на последующее десятилетие.

В ЕАЭС же обеспечивается свобода передвижения рабочей силы. Право ЕАЭС охватывает свободу передвижения трудящихся и членов их семей. При этом соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях¹² дополнительно обеспечивает мобильность исследователей. В ЕАЭС пока рассматривается использование новых образовательных механизмов обеспечения академической мобильности в рамках новоявленного Евразийского сетевого университета (ЕСУ). Евразийский сетевой университет – это научно-образовательный консорциум высших учебных заведений государств – членов ЕАЭС, который организует подготовку квалифицированных кадров в сетевой форме, мониторит развитие рынков труда ЕАЭС, организует научные исследования и разработки и содействует свободному перемещению образовательных услуг.

Еще одним механизмом обеспечения академической мобильности в ЕАЭС является создание центров компетенций в государствах-членах, для формирования экономики будущего, постоянного технологического обновления, повышения глобальной конкурентоспособности промышленности. Эти центры принимают форму Евразийских технологических платформ (далее – ЕТП). В предыдущей работе авторы работы определили, что основными проблемами ЕТП является отсутствие статуса наднационального юридического лица, действующего в законодательствах всех государств – членах ЕАЭС.

¹¹ The Reverse Brain Drain Project. Thailand. 1997–2021. – *National Science and Technology Development Agency (NSTDA; สํานักงานพัฒนาวิทยาศาสตร์และเทคโนโลยีแห่งชาติ)*. URL: <https://stip.oecd.org/stip/interactive-dashboards/policy-initiatives/2023%2Fdata%2FpolicyInitiatives%2F14099> (accessed date: 01.02.2025).

¹² Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах – членах Евразийского экономического союза. Сочи. 8 июня 2023 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449734/ (дата обращения: 22.02.2025).

Данная проблема замедляет процесс миграции научных сотрудников ЕТП [Энтин, Вадов 2023:124-125].

Подобные механизмы указывают на то, что ЕАЭС находится в активном развитии интеграционных процессов в области НТИ, поэтому было бы целесообразно воспользоваться опытом гибкой интеграции АСЕАН в области обеспечения академической мобильности. Стоит иметь в виду, что гибкая интеграция АСЕАН вызвана экономическим и социокультурным разрывом между экономиками государств-членов. В ЕАЭС явного разрыва между экономиками нет, но есть свои особенности, которые стоит учитывать.

Создание патентной системы АСЕАН на базе национальных систем

Становление единой патентной системы АСЕАН началось 15 декабря 1995 г., когда в Бангкоке было подписано первое рамочное соглашение в области интеллектуальной собственности¹³. Оно было основано на принятом чуть ранее Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) 1994 г.¹⁴, которое стало краеугольным камнем международно-правового регулирования прав на ИС в рамках Всемирной торговой организации. Соглашение ТРИПС установило минимальные стандарты для порядка выдачи патентов всеми государствами-участниками (минимальный срок действия патента, обязанность предоставлять патенты во всех технологических областях и др.). Все страны АСЕАН, за исключением Вьетнама, к 1995 г. уже входили в ВТО, поэтому они вполне органично связывали себя обязательствами по имплементации Соглашения ТРИПС. В целях реализации его положений они решили подписать рамочное соглашение в области ИС.

Рамочное соглашение АСЕАН преследовало цель не только гармонизировать нормы права на ИС на территории всего региона Юго-Восточной Азии, но и создать единую патентную систему,

которой бы заведовал новый патентный орган АСЕАН. Для достижения столь амбициозной цели требовалось решить большое количество комплексных задач. Соответственно, в план действий по реализации соглашения вошли, в том числе: создание механизма по поиску и экспертизе патентов, цифровизация патентных систем, расширение обмена информацией, приведение законодательства государств-членов в соответствие с Соглашением ТРИПС, создание электронных баз данных и формирование регионального фонда. Однако учрежденная для этого рабочая группа из представителей административных органов государств-членов по защите прав ИС с ними не справилась, да и не могла справиться. Правительственные круги стран АСЕАН на тот момент не были готовы к форсированию интеграции и приданию ей чуть ли не всеобъемлющего характера. Необходимая политическая воля отсутствовала. Возобладало мнение об избыточности внедрения новых норм по причине наличия уже существующих международных альтернатив (Мадридский протокол и Договор о патентной кооперации) [Ng 2013:142] и преждевременности как гармонизации законодательства сразу на всех направлениях, так и наделения гипотетического регионального органа слишком широкими, тем более всеобъемлющими полномочиями в сфере ИС.

С принятием Плана действий в области прав ИС на 2004–2010 гг.¹⁵ государства-члены существенно скорректировали свои приоритеты. Они переориентировали усилия АСЕАН на стандартизацию и упрощение механизмов регистрации прав ИС, создание инфраструктуры ИС, а равно на интенсификацию сотрудничества в пределах региона. Упор они предпочли сделать на учете различий в уровне экономического развития и необходимости их сглаживания. Основным методом проводимой работы сделали следование принципу «снизу вверх». Под ним предполагалось внедрение механизмов сначала на местном или национальном уровнях, а затем уже на интеграционном.

¹³ ASEAN: Framework Agreement on Intellectual Property Cooperation. Bangkok. Thailand. 15 December 1995. URL: <https://asean.org/asean-framework-agreement-on-intellectual-property-cooperation-bangkok-thailand-15-december-1995/> (accessed date: 01.02.2025).

¹⁴ Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. Marrakesh. Morocco. 15 April 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (accessed date: 01.02.2025).

¹⁵ ASEAN: Intellectual Property Right Action Plan 2004–2010. URL: <https://asean.org/speechandstatement/asean-intellectual-property-right-action-plan-2004-2010/> (accessed date: 01.02.2025).

В Плане действий в области прав ИС на 2011–2015 гг.¹⁶ стратегическая линия АСЕАН вновь подверглась корректировке. На этот раз акцент был сделан на углублении сотрудничества между государствами-членами и зарубежными партнерами и придании интеграционным процессам большей гибкости. Вопросы формирования единой патентной системы затрагивались вскользь. Страны АСЕАН брали на себя обязательства по каждой из согласованных инициатив в соответствии со своими возможностями и загруженностью. Максимальное число обязательств по формированию единой патентной системы взяли на себя Сингапур и Филиппины. Секретариату АСЕАН поручалось заняться вопросами сотрудничества с патентными органами ЕС и Японии.

Ведущую роль в осуществлении мероприятий, предусмотренных планом, сыграли более развитые страны АСЕАН. Они активно делились с остальными государствами-членами получаемым опытом отладки и совершенствования национальных механизмов защиты прав на ИС. Так, после вывода Сингапуром национальной судебной практики защиты прав на ИС на уровень мировых стандартов, другие страны АСЕАН смогли последовать ей, чтобы заимствовать наработанные им институциональные решения в той степени, в какой это позволяли сделать сложившиеся в них политические, экономические и социальные условия [Lim, Sok Eyy, Baharudin 2017:82-103].

В итоге к середине 2010-х гг. государствам-членам удалось в какой-то степени гармонизировать механизмы регистрации прав ИС и создать базовую инфраструктуру по их защите. Благодаря этому они смогли вернуться к вопросу об учреждении единой патентной службы для выполнения части функций национальных патентных систем. То, как они намерены его решать, нашло отражение в Плане действий в области прав ИС на период 2016–2025 гг. В нем они поставили задачи по продолжению улучшения системы ИС, созданию экосистемы в области ИС и внедрению региональных механизмов по созданию и коммерциализации ценностей патентных технологий. Основными вызовами при создании этого

плана был низкий уровень проработанности государственных систем в области ИС и отсутствие единой практики оформления патентов. В частности, в Таиланде ожидание получения патента могло занять до 12 лет, в то время как в Сингапуре это занимало от двух до четырех лет (сходная практика была у Европейской патентной системы и патентной системы США) [Degelsegger-Márquez, Remøe 2017:12]. По данным статистического центра ВОИС¹⁷, с 2017 г. среднее время ожидания первого решения патентного офиса в Таиланде, Вьетнаме, Брунее, Филиппинах и Лаосе не поднимается выше отметки в 3,5 года. При этом Вьетнам и Таиланд демонстрируют наиболее продолжительные сроки рассмотрения заявок на патенты по сравнению с другими странами региона. Различия в национальных подходах к выдаче патентов остаются серьезным препятствием для формирования единого патентного пространства АСЕАН.

Для унификации практики выдачи патентов было принято решение о разработке общих инструкций для сотрудников национальных патентных офисов. Хотя изначальные проблемы, связанные с социально-экономическим и политическим разнообразием государств-членов, тормозили процесс унификации и гармонизации правил. Комплексное решение было найдено путем создания Академии ИС АСЕАН, в работе которой участвуют эксперты по ИС из всех стран-членов. Академия собирает информацию о национальных патентных системах и их особенностях и выдвигает предложения по совершенствованию этих систем. Другой важной функцией Академии является подготовка научных и административных кадров для работы с новыми правилами оформления патентов.

Чтобы прийти к единой патентной системе, Ассоциация была вынуждена провести рутинную работу по сбору всех данных по патентам. Соответственно, был запущен проект по разработке единых офисов для обмена технологиями и патентными библиотеками на основе объединения национальных бирж патентов и создания единых баз данных. С одной стороны, доступ к базам стали предоставлять промышленникам

¹⁶ ASEAN: Intellectual Property Rights Action Plan 2011-2015. Manado. Indonesia. 11.08.2011. URL: <https://www.aseanip.org/docs/default-source/content/ASEAN-IPR-Action-Plan-2011-2015.pdf> (accessed date: 01.02.2025).

¹⁷ WIPO: WIPO IP Statistics Data Center. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/key-search/indicator> (accessed date: 01.02.2025).

и обществу через информационный портал ИС АСЕАН¹⁸. Представители бизнеса используют эти базы для поиска технологий, полезных для их деятельности, в то время как общественность получила возможность свободно проверять наличие существующих патентов на их исследование или технологию. С другой стороны, Секретариат АСЕАН, рабочая группа по вопросам ИС или национальные органы в сфере ИС используют эту информацию для оценки эффективности внедрения новых правовых норм патентования в других странах, что предоставляет значительное преимущество в развитии национальной науки и технологий, позволяя адаптировать передовые практики и улучшать инновационные экосистемы.

Создание единой базы данных еще не гарантирует полного соблюдения прав патентообладателей на локальном уровне. В связи с этим страны АСЕАН предпринимают комплексные меры по защите прав интеллектуальной собственности, включая: противодействие несанкционированному использованию технологий, борьбу с поддельной и контрафактной продукцией, а также предотвращение нарушений в цифровом пространстве. Подобный шаг демонстрирует готовность стран региона обеспечить эффективное исполнение законодательства об интеллектуальной собственности, включая защиту авторских прав в интернете. Такой подход направлен на повышение доверия со стороны международных IT-компаний и укрепление позиций АСЕАН в глобальной цифровой экономике.

Стоит упомянуть также о создании региональных механизмов по повышению осведомленности об ИС, как о финансовом активе. АСЕАН проводит обучение специалистов по оценке ИС на основе международных практик. Другой механизм предполагает продвижение

инноваций и творчества в регионе и проведение программы для повышения потенциала научно-исследовательских и образовательных учреждений по защите и управлению ИС совместно с национальными органами по защите прав на ИС. Пожалуй, это одна из самых результативных инициатив АСЕАН в области патентного права, которая позволила развиваться внутреннему научно-технологическому потенциалу. Ведь патентная система, которая работает на международных стандартах и правилах, может оказаться затруднительной для освоения местным научным сообществом. Без должного уровня подготовки существует риск, что на инновационном рынке доминирующее положение займут иностранные компании или частные лица, что способно затмить достижения местного научно-технического сообщества до его адаптации к новой системе регистрации патентов.

На первый взгляд, указанные стратегические документы оказали положительное влияние на технологическое сообщество стран АСЕАН, что подтверждается увеличением количества вступивших в силу заявок на оформление патентов и промышленного дизайна, согласно статистике ВОИС. На *рис. 1* видно, что в последнее время наблюдается рост количества выданных патентов на изобретения в странах АСЕАН. Однако, как следует из *рис. 2*, основной прирост обеспечивается за счет иностранных патентообладателей, на долю которых приходится более 90 % выданных патентов. Исходя из этих данных, мог бы быть сделан вывод, будто научно-технологический рост за последние годы в странах Ассоциации напрямую зависит от роли иностранных технологических компаний, которые используют дешевый человеческий капитал и удобное расположение в своих интересах. Однако это не совсем так.

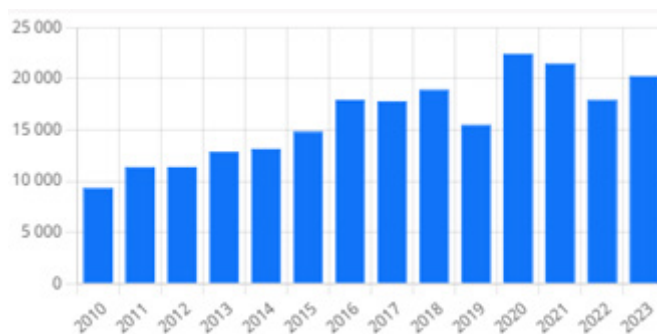

Рис. 1. Количество выданных патентов на изобретения в странах АСЕАН с 2010 по 2023 г.¹⁹

¹⁸ ASEAN: ASEAN IP Register. URL: <https://ip-register.aseanip.org/wopublish-search/public/home?2> (accessed date: 01.02.2025).

¹⁹ WIPO: WIPO IP Statistics Data Center.

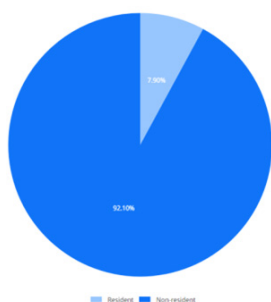

Рис. 2. Количество выданных патентов на изобретения в странах АСЕАН с 2010 по 2023 г. в разрезе гражданства или регистрации патентообладателя²⁰

Данные на рис. 3 и 4 указывают на обратное. В частности, на рис. 3 показано, что права на промышленные дизайны распределяются более или менее равномерно между резидентами и нерезидентами. Согласно опросу, проведенному ВОИС среди обладателей промышленных дизайнов, большинство респондентов отмечали, что подавали заявки на регистрацию сразу после завершения разработки дизайна, стремясь ускорить процесс его одобрения [WIPO 2018:30-31]. В то же время права на полезные модели, являющиеся промежуточной стадией на пути к получению патента, преимущественно принадлежат гражданам государств-членов АСЕАН, что можно увидеть на рис. 4. Подобная конкуренция указывает на то, что местное сообщество активно занимается патентованием своих объектов, но отстает от иностранных компаний в получении патентов на изобретение.

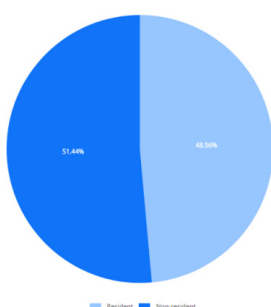

Рис. 3. Количество выданных патентов на промышленные дизайны в странах АСЕАН с 2010 по 2023 г. в разрезе гражданства или регистрации патентообладателя²¹

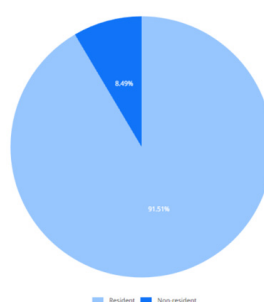

Рис. 4. Количество выданных патентов на полезные модели в странах АСЕАН с 2010 по 2023 г. в разрезе гражданства или регистрации патентообладателя²²

Таким образом, несмотря на активное участие иностранных технологических гигантов, местное научное сообщество демонстрирует значительные успехи и располагает необходимыми ресурсами для дальнейшего научно-технологического роста. Тем не менее конкурировать с мировыми технологическими лидерами на равных пока не представляется возможным. Угроза полной технологической зависимости от мировых лидеров продолжает висеть дамокловым мечом над странами АСЕАН. В связи с этим они осознают необходимость в принятии мер по улучшению правовой и институциональной базы в области интеллектуальной собственности, стимулированию внутренних инноваций и созданию наиболее благоприятных условий для поддержки местных разработок. Такие меры могут включать в себя улучшение системы защиты интеллектуальной собственности и предоставление дополнительных стимулов исключительно для местных изобретателей и исследователей.

В праве ЕАЭС также прописаны вопросы защиты интеллектуальной деятельности. Государства – члены ЕАЭС совместно с тремя другими государствами входят в Евразийскую патентную систему (далее – ЕПС). Если в рамках ЕПС заявителям представляется возможность получить особую форму патента, которая действует на территории нескольких государствах-членах, то Единая патентная система АСЕАН планирует предоставлять возможность патентообладателям, получившим право на ИС на территории одной страны, защиты их прав на территории

²⁰ WIPO: WIPO IP Statistics Data Center.

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

других государств-членов. В связи с этим представляется эффективным запустить механизм сотрудничества между ЕПС и Единой патентной системой АСЕАН.

Результаты и перспективы экономической интеграции АСЕАН

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН) является быстрорастущим рынком инноваций, который зависит от внешних капиталов, технологий и квалифицированных кадров. Вследствие этого экономико-правовая политика АСЕАН преимущественно ориентирована на участие в мировых технологических цепочках, что зачастую затрудняет развитие внутреннего научно-технологического потенциала. Среди примеров международных технологических связей можно выделить атомную разработку в странах Юго-Восточной Азии²³ и инициативы Индии от Look East до Act East [Mistri 2023:57-58].

Несмотря на высокие риски нерентабельности для частного инвестирования в инновационные проекты, АСЕАН удалось увеличить инвестиционную активность в области НИОКР с 2016 г. Причем с 2023 г. Ассоциация продемонстрировала значительный рост инвестиций в секторе высоких технологий, включая область электроники и коммуникаций. В частности, крупные американские (Amkor, Apple, Intel, ON semiconductor), немецкие (Infineon Technologies) и японские компании (Murata, Renesas) вложили колоссальное количество средств в постройку и развитие ИТ-парков и заводов полупроводниковой индустрии²⁴.

Страны АСЕАН расширяют количество специальных экономических зон; присоединяются к унификации налоговой политики (глобальный минимальный налог); привлекают мультинациональные корпорации, которые способствуют созданию и развитию транспортной, коммунальной, информационной и другой критически важной инфраструктуры; проводят либерализацию торговли с третьими тихоокеанскими странами

в рамках Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (далее – ВРЭП); создают информационные порталы для облегчения доступа к информации об АСЕАН и оказанию государственных услуг^{25, 26}.

Пятерка лидирующих стран АСЕАН в сфере науки и технологий (Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд)²⁷ за последние пять лет увеличила количество и качество научных публикаций в мировом научном пространстве, как пишет в своем исследовании П. Стек [Stek 2024:7-9,12-23]. Он основывается на данных Национального центра научной и инженерной статистики в США. Он особо подчеркнул, что в 90-е годы XX в. страны АСЕАН активно развивали внутригрупповые научные и инженерные коллаборации, в то время как сейчас они предпочитают расширение научных связей со странами Азии (Китай, Индия, Япония, Пакистан, Иран и др.).

Тем не менее стоит учитывать вклад в улучшение качества научных публикаций, который внесла центральная региональная база научных метаданных – Индекс цитирования АСЕАН (ASEAN Citation Index; далее – АСІ). Он индексирует библиографическую информацию и цитируемость исследований, опубликованных в научных журналах стран Ассоциации. Эта база интегрирована в международные базы данных (Scopus и Thomson's Reuter's SCI) для упрощения доступа к международным научным данным и улучшения качества научных журналов региона. Поскольку АСІ уже имеет опыт интеграции своих данных в международные базы данных, то аналогичным образом Российский индекс научного цитирования (далее – РИНЦ) может запустить процесс обмена научными метаданными с АСІ в рамках сближения научно-технологических систем по линии ЕАЭС – АСЕАН.

Более того, представляется целесообразным разработать аналог региональной наукометрической базы в ЕАЭС на базе РИНЦ. Примером подобного наднационального решения может стать АСІ. Однако стоит учитывать, что АСІ был создан для интеграции в международные базы

²³ A Special ASEAN Investment report 2023. Jakarta, 2023. 107 p.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

²⁶ ASEAN: Intellectual Property Portal. URL: <https://www.aseanip.org> (date of accessed: 01.02.2025).

²⁷ ASEAN: TALENT POOL DASHBOARD. – ASEAN Talent Pool. URL: <https://asean-talent.nxpo.or.th/dashboard> (accessed date: 01.02.2025).

данных (далее – МБД), в то время как не все страны ЕАЭС преследуют цель интеграции национальных баз данных в МБД. В таком случае логичнее ставить целью создание собственной МБД, содержащей в себе данные о мировых журналах, признанных научным сообществом стран ЕАЭС.

В отличие от ЕС, где знания консолидируются благодаря единой централизованной региональной политике, в АСЕАН придерживаются гибких децентрализованных методов. По этой причине за государствами-членами остается полная ответственность за развитие науки и технологий, а вопросы научно-технологической интеграции (например, обеспечение свободы движения одаренных личностей, создание единой патентной системы или проведение совместных научно-технологических программ с иностранными партнерами) ложится на плечи государственных органов государств только по их собственной воле и желанию.

Ассоциация также имеет механизм финансирования НТИ, который был сформирован еще в 1989 г. на встрече министров науки и технологий, – Фонд АСЕАН по науке (The ASEAN Science Fund²⁸ – ASTIF). Он ежегодно получает прямые поступления средств от государств-членов²⁹. Решения о финансировании научно-технологических программ или исследований принимаются на основе консенсуса стран в рамках деятельности Комитета по науке и технологиям. К тому же Фонд имеет широкий охват технологических отраслей при относительно низком объеме денежных средств. По этим причинам задерживается процесс выделения средств на научно-технологические проекты, так как обычно государства-члены требуют, чтобы в исследовании принимали участие именно их научные специалисты. Соответственно, это приводит к тому, что многие проекты блокируются

государствами. Поэтому средства Фонда в основном тратятся на научные исследования для обеспечения государственных или региональных политических решений, например, исследование об индексе атмосферного рассеивания для обеспечения ядерной безопасности³⁰ или постковидное исследование о готовности государств к будущей пандемии³¹, нежели на критические инновации и технологии для развития экономики государств.

Фонд АСЕАН по науке также используется третьими странами. В частности, Индия разработала совместный механизм финансирования ASEAN-India Science & Technology Development Fund (AISTDF), средства которого могут получить только с разрешения Правления по научным и инженерным исследованиям, в который входит департамент науки и технологий Индии и секретариат АСЕАН. Другим сходным примером сотрудничества по выделению средств для проведения выгодных своей стране научных исследований является сотрудничество с Международным научным партнерским фондом Великобритании³². Британский фонд заявил о значительном финансировании, направленном на проведение целевых исследований реформирования экономики и правовых систем стран АСЕАН в области ИИ и здравоохранения.

Внешним стратегическим партнерам удобно использовать Фонд АСЕАН по науке или другие методы финансирования исследований с тем, чтобы быстрее освоить новый густонаселенный рынок. В то время как страны региона активно используют эту возможность, чтобы включиться в мировые средне- и высокотехнологичные цепочки добавленной стоимости.

С 2023 г. Секретариат АСЕАН запустил подготовку нового плана действий по науке, технологиям и инновациям на период 2026–2035 гг. Работа над ним ведется в два этапа. Ассоциация

²⁸ Полное название – The ASEAN Trust Fund for Science and Technology.

²⁹ ASEAN: Agreement on the augmentation of the ASEAN Science Fund. Highlands. Malaysian. 08.04.2000. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140119170708.pdf> (accessed date: 01.02.2025).

³⁰ Kampanart S. Atmospheric Dispersion Benchmark Problem of the ASEAN Network on Nuclear Power Safety Research. – *Thailand Institute of Nuclear Technology*. Nakhon Nayok. Thailand. URL: https://inis.iaea.org/collection/NCLCollectionStore/_Public/51/079/51079346.pdf (accessed date: 01.02.2025).

³¹ Fu J., Pukhari et al. Charting the path forward in Southeast Asia: Learning from the COVID-19 vaccination challenges in six ASEAN countries. – *Journal of Global Health*. 2024. Vol. 14. DOI: 10.7189/jogh.14.03016 (accessed date: 01.02.2025).

³² Freeman G. *Association of Southeast Asian Nations (ASEAN): Science, technology and global health reception*. Выступление Министра Великобритании по науке, инновациям и технологиям перед секретариатом АСЕАН. Лондон. 03.11.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/association-of-southeast-asian-nations-asean-science-technology-and-global-health-reception> (accessed date: 01.02.2025).

стран при поддержке Австралии находится в поисках исполнителей тендера по разработке нового плана действий³³, причем первая фаза разработки плана уже завершена под руководством Кембриджской группы по промышленной инновационной политике³⁴. Таким образом, страны АСЕАН обращаются к своим западным коллегам для разметки долгосрочных планов в области науки и технологий. Получается, что АСЕАН опирается на западное видение устойчивого развития [Charting the Sustainable ... 2020], в то время как Россия совместно с Китаем имеют свои представления об устойчивом развитии в мире³⁵. Подобные различия надо будет преодолевать, чтобы они не помешали развитию сотрудничества между странами АСЕАН, ЕАЭС и ШОС. Для этого потребуются провести «синхронизацию целеполагания»³⁶ ESG-повесток и других инструментов устойчивого развития.

Выводы

Страны АСЕАН за последние 25 лет добились впечатляющего роста за счет расширения своей научной сети и встраивания ее в мировые технологические цепочки. Для этого страны Ассоциации были вынуждены провести колоссальную работу по обеспечению свободы движения исследователей. Подлежали также реформированию национальные патентные системы под мировые стандарты для последующего создания единой оцифрованной патентной системы. Государства-члены развивали тесное научно-техническое сотрудничество с третьими странами и иностранными технологическими компаниями.

Ассоциация не проводила единую научно-технологическую политику по примеру ЕС. Наоборот, государства-члены воспользовались практикой гибкой интеграции, основанной на принципе субсидиарности, т.е. передавали на

уровень АСЕАН только те задачи, которые необходимо было решить на наднациональном уровне и с участием только тех стран, которые были заинтересованы в продолжении реформ. Так, механизмы признания квалификаций реализуются в государствах-членах только тогда, когда они в инициативном порядке вступают в ССК или подписывают соглашения о взаимном признании квалификаций. Соглашение о передвижении физических лиц же регулировало и упрощало передвижение рабочих ресурсов исключительно в интересах торговли и бизнеса.

Научно-технологическое развитие АСЕАН и входящих в нее стран было бы невозможным без создания единой продвинутой оцифрованной патентной системы. Ассоциация столкнулась с огромной проблемой разнообразия национальных патентных систем, поэтому внедрение единой патентной системы потребовало значительного количества времени. Страны АСЕАН стали использовать методы гибкой интеграции с участием представителей всех стран-членов.

Евразийский экономический союз может частично перенять такой опыт гибкой интеграции в научно-технологической сфере. Тем более что властные структуры России демонстрируют заинтересованность в юридическом закреплении единой системы публичной власти, которая подразумевает пересмотр нынешних конституционных норм относительно распределения полномочий между федеральными органами и органами власти субъектов [Бабелюк 2023:112]. Эти нововведения могут инициировать дискуссию о возможной передаче части полномочий наднациональным органам ЕАЭС, в том числе в области научно-технологической политики.

Было бы нецелесообразным хоть как-то копировать курс научно-технологической политики АСЕАН из-за отличий в экономических, политических и институциональных реалиях евразийского региона. С одной стороны, в отличие

³³ Revised terms of reference: Development of the ASEAN Plan of Action on Science, Technology and Innovation (APASTI) 2026-2035: Phase II. – *Australia for ASEAN Futures*. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/08/RevisedRetendering_TOR_APASTI_Consultant-1.pdf (accessed date: 01.02.2025).

³⁴ Whellams E. *ASEAN Plan of Action on Science, Technology and Innovation (APASTI) 2026–2035*. University of Cambridge. 2023. URL: <https://www.ciip.group.cam.ac.uk/what-we-do/services/recent-projects/asean-plan-of-action-on-science-technology-and-innovation-apasti-2026-2035/> (accessed date: 01.02.2025).

³⁵ Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development. Beijing. China. 04.02.2022. URL: <http://www.en.kremlin.ru/supplement/5770> (accessed date: 01.02.2025).

³⁶ ESG по-русски: в стране появляются новые подходы к устойчивому развитию. – *РБК Отрасли: Устойчивое развитие*. 14.07.2023. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fbbc19a7947008ce7ba0f> (дата обращения: 01.02.2025).

от Юго-Восточной Азии, в евразийском регионе уже функционирует евразийское патентное ведомство, что упрощает процесс интеграции науки и технологий. Также в ЕАЭС были запущены механизмы о взаимном признании ученых степеней и узкого спектра квалификаций, что является первым шагом к обеспечению свободы передвижения исследователей.

С другой стороны, было бы рациональным инициировать в ЕАЭС научно-технологическое сотрудничество с иностранными государствами по примеру практик, реализованных в рамках АСЕАН. В частности, форматами такого сотрудничества могут стать рабочие группы по науке с иностранными партнерами или инвестиционный фонд в области науки и технологий с предусмотренным механизмом иностранного инвестирования. При этом важно учитывать интересы государств-членов, принимая ключевые решения в рамках указанных институтов на основе консенсуса, что обеспечит баланс между национальными приоритетами и общими целями ЕАЭС.

Актуальным также представляется создание единой системы мониторинга и анализа миграции научных и технологических кадров. Такая система могла бы стать инструментом для разработки превентивных или стимулирующих мер, направленных на предотвращение утечки квалифицированных специалистов за пределы ЕАЭС.

Целесообразно разработать аналог региональной наукометрической базы в ЕАЭС на базе РИНЦ³⁷. Долгосрочными результатами таких решений может стать упрощение обмена научными знаниями, улучшение качества научных публикаций и привлечение иностранных специалистов для участия в совместных инновационных проектах.

Симбиоз этих решений позволит не только привлечь иностранных инвесторов в развитие науки и технологий на внутренний рынок ЕАЭС путем установления взаимовыгодных отношений, но и внести свою лепту в развитие правового инструментария стимулирования инновационных проектов в странах ЕАЭС.

В целях более плотного сотрудничества по линиям Россия – АСЕАН и ЕАЭС – АСЕАН в области науки и технологий желательно в первую очередь разработать способы обмена научными метаданными между ASEAN Citation Index

и РИНЦ. При этом первым этапом может стать включение журналов АСИ в «Белый список» журналов Минобрнауки³⁸ и журналов ВАК в список индексируемых журналов АСИ. Впоследствии сотрудничество может перерасти в гармонизацию стандартов оценивания научных журналов для совместного улучшения их качества, повышения рейтингов университетов и развития академического сотрудничества.

Другой потенциальной сферой сотрудничества обещает стать возможное соглашение о взаимном признании патентов между ЕПС и Единой патентной системой АСЕАН. В положениях соглашения было бы целесообразно прописать принципы взаимного признания патентов, выданных в странах – участниках ЕАЭС и АСЕАН, без необходимости проведения дополнительной экспертизы. При этом заключению соглашения должна предшествовать разработка единых требований к содержанию и оформлению патентных заявок, включая стандарты подачи, форматов описания изобретений, чертежей и заявок на изобретение, а также предоставление переводов заявок на один или несколько рабочих языков ЕАЭС и АСЕАН. Для предотвращения научной миграции было бы важно предусмотреть минимальный срок рассмотрения патентных заявок. Соглашение закрепило бы порядок обмена результатами экспертизы и документами между патентными ведомствами. Регламентация порядка разрешения споров в АСЕАН устанавливается на базе расширенного механизма разрешения споров, что может стать прообразом двустороннего механизма разрешения споров по интеллектуальным правам.

Для стимулирования взаимного инвестирования в инновационные проекты рекомендуется разработать механизмы оказания информационно-консультационной и правовой поддержки. Чтобы минимизировать риски, целесообразно предоставлять такую поддержку только тем технологическим компаниям, которые аргументированно доказали необходимость поиска квалифицированных партнеров на зарубежных рынках, расширения производства с использованием иностранных мощностей или коммерциализации инновационных продуктов за рубежом. Такой подход будет отвечать стратегическим интересам ЕАЭС и укрепит позиции государств-членов на глобальной научно-технологической арене.

³⁷ eLIBRARY.RU. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?ysclid=m7rlstrlqn924172207> (дата обращения: 01.02.2025).

³⁸ Петрова В. Науке добавляют суверенности. – *Коммерсантъ*. 26.08.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6917983> (дата обращения: 01.02.2025).

Список литературы

1. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы. Коллективная монография. 2023. Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдунова. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 608 с.
2. Бабелюк Е.Г. 2023. Место единой системы исполнительной власти Российской Федерации в единой системе публичной власти Российской Федерации. – *Ленинградский юридический журнал*. № 1(71). С. 101-115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-edinoi-sistemy-ispolnitelnoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii-v-edinoi-sisteme-publichnoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.02.2025).
3. Давлетгильдеев Р.Ш., Цыганцова С.И. 2020. Мобильность исследователей как проявление интегрированности правового регулирования в Европе. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 4. С. 240-260.
4. Ожигина В.В. 2021. Стратегия развития науки, технологий и инноваций в АСЕАН. – *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. № 14. С. 338-343.
5. Рогожин А.А. 2010. АСЕАН на пути к экономическому обществу. – *Международная жизнь*. Т. 10. С. 56-63.
6. Энтин М.Л., Вадов А.А. 2023. Перспективы правового обеспечения технологического суверенитета ЕАЭС на основе протекционного опыта ЕС. – *Международная жизнь*. Т. 12. С. 118-127.
7. Atherton G., Crosling G., Shuib M., Azizan S.N., Perring G., Gibbs A., McDermott D., Jr R. 2020. *Study on Enhancing Intra-ASEAN University Student Mobility*. 136 p. URL: https://connectivity.asean.org/wp-content/uploads/2020/10/Study-on-Enhancing-Intra-ASEAN-University-Student-Mobility_Final.pdf (date of accessed: 01.02.2025).
8. Bokka P. 2002. *Flexible integration in the European Union*. 35 p. URL: <https://www.rgs.liv.ac.uk/uploads/working-papers-list/25/rwp5bokka.pdf> (date of accessed: 22.02.2025).
9. Charting the Sustainable Future of ASEAN in Science and Technology. 2019. Ed. by N.A. Zawani, R. Yusof. Singapore: Springer Singapore. 571 p.
10. Degelsegger-Márquez A., Remøe S.O. 2019. ASEAN's science, technology and innovation policy: tension and integration between intergovernmentalism and sub-regional cooperation. – *Asia Pacific Business Review*. Vol. 25. № 5. P. 637-655.
11. Dobrzanski P., Bobowski S. 2020. The Efficiency of R&D Expenditures in ASEAN Countries. – *Sustainability*. Vol. 12. № 7. P. 2686.
12. Harstad B. 2006. *Flexible Integration*. 25 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/45138645_Flexible_Integration (date of accessed: 22.02.2025).
13. Iwasaki K. 2015. Singapore's Strategies for Attracting Highly-Skilled Foreign Human Resources – How does Singapore Recruit Foreign Talent? – *RIM Pacific Business and Industries*. Vol. XV. № 56. P. 2-27.
14. Lan B.T.N. 2022. The Features of Free Movement of Labour in ASEAN and the European Union under Comparative Perspective. – *ASEAN Law Academy Conference 2022: ASEAN in the Rules-based Global Order*. Vol. 3.
15. Lim M., Sok Eyy S.T., Baharudin D.B. 2017. Singapore's Intellectual Property Dispute Resolution Experience and ASEAN Interoperability. – *International Intellectual Property and the ASEAN Way*. Ed. by E. Siew-Kuan Ng, G.W. Austin. Cambridge: Cambridge University Press. P. 82-103.
16. Mistri M. 2023. Look East to Act East: India's Commitment to ASEAN and the China Conundrum. – *ASEAN and Regional Actors in the Indo-Pacific*. Ed. by S. Sudo, C. Yamahata. Nisshin, Japan: Springer Singapore. P. 51-64.
17. Nam N.T. 2020. Social mobility of science and technology human resource in Asean countries. – *Asean countries Journal SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICIES AND MANAGEMENT*. Vol. 9. № 2. P. 92-109.
18. Ng E.S.-K. 2013. ASEAN IP Harmonization: Striking the Delicate Balance. – *Pace International Law Review*. Vol. 25. № 1. P. 129-160.
19. Stek P.E. 2024. Science and Engineering Knowledge Production in ASEAN. – *Journal of Southeast Asian Economies*. Vol. 41. № 1. P. 70–86.
20. WIPO. 2018. Understanding the Use of Industrial Design in ASEAN Countries: National Report for Thailand. Development Studies Series. Geneva: World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4367> (date of accessed: 01.02.2025).

References

1. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы [ASEAN on the Way to integration: Achievements, Challenges, Dilemmas]. Коллективная монография. Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдунова. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2023. 608 с. (In Russ.).
2. Atherton G., Crosling G., Shuib M., Azizan S.N., Perring G., Gibbs A., McDermott D., Jr R. *Study on Enhancing Intra-ASEAN University Student Mobility*. 2020. 136 p. URL: https://connectivity.asean.org/wp-content/uploads/2020/10/Study-on-Enhancing-Intra-ASEAN-University-Student-Mobility_Final.pdf (date of accessed: 01.02.2025).
3. Бабелюк Е.Г. Место единой системы исполнительной власти Российской Федерации в единой системе публичной власти Российской Федерации [The place of the unified system of executive power of the Russian Federation in the unified system of public power of the Russian Federation]. – *Ленинградский юридический журнал [Leningrad Law Journal]*. 2023. № 1(71). С. 101-115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-edinoi-sistemy-ispolnitelnoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii-v-edinoi-sisteme-publichnoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.02.2025). (In Russ.).
4. Bokka P. *Flexible integration in the European Union*. 2002. 35 p. URL: <https://www.rgs.liv.ac.uk/uploads/working-papers-list/25/rwp5bokka.pdf> (date of accessed: 22.02.2025).
5. Charting the Sustainable Future of ASEAN in Science and Technology. Ed. by N.A. Zawani, R. Yusof. Singapore: Springer Singapore. 2019. 571 p.
6. Давлетгильдеев Р.Ш., Тсыганцова С.И. Мобильность исследователей как проявление интегрированности правового регулирования в Европе [Researchers mobility as a manifestation of integrated legal regulation in Europe]. – *Право. Журнал Высшей школы экономики [Right. Journal of the Higher School of Economics]*. 2020. № 4. С. 240-260. (In Russ.).

7. Degelsegger-Márquez A., Remøe S.O. ASEAN's science, technology and innovation policy: tension and integration between intergovernmentalism and sub-regional cooperation. – *Asia Pacific Business Review*. 2019. Vol. 25. № 5. P. 637-655.
8. Dobrzanski P., Bobowski S. The Efficiency of R&D Expenditures in ASEAN Countries. – *Sustainability*. 2020. Vol. 12. № 7. P. 2686.
9. Entin M.L., Vadov A.A. Perspektivy pravovogo obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta EAEs na osnove protektsionnogo opyta ES [Outlook for legal ensuring the technological sovereignty of the EAEU based on the EU experience]. – *Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]*. 2023. T. 12. S. 118-127. (In Russ.).
10. Harstad B. *Flexible Integration*. 2006. 25 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/45138645_Flexible_Integration (date of accessed: 22.02.2025).
11. Iwasaki K. Singapore's Strategies for Attracting Highly-Skilled Foreign Human Resources – How does Singapore Recruit Foreign Talent? – *RIM Pacific Business and Industries*. 2015. Vol. XV. № 56. P. 2-27.
12. Lan B.T.N. The Features of Free Movement of Labour in ASEAN and the European Union under Comparative Perspective. – *ASEAN Law Academy Conference 2022: ASEAN in the Rules-based Global Order*. 2022. Vol. 3.
13. Lim M., Sok Eyy S.T., Baharudin D.B. Singapore's Intellectual Property Dispute Resolution Experience and ASEAN Interoperability. – *International Intellectual Property and the ASEAN Way*. Ed. by E. Siew-Kuan Ng, G.W. Austin. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. P. 82-103.
14. Mistri M. Look East to Act East: India's Commitment to ASEAN and the China Conundrum. – *ASEAN and Regional Actors in the Indo-Pacific*. Ed. by S. Sudo, C. Yamahata. Nisshin, Japan: Springer Singapore. 2023. P. 51-64.
15. Nam N.T. Social mobility of science and technology human resource in Asean countries. – *Asean countries Journal SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICIES AND MANAGEMENT*. 2020. Vol. 9. № 2. P. 92-109.
16. Ng E.S.-K. ASEAN IP Harmonization: Striking the Delicate Balance. – *Pace International Law Review*. 2013. Vol. 25. № 1. P. 129-160.
17. Ozhigina V.V. Strategiya razvitiya nauki, tekhnologii i innovatsii v ASEAN [Strategy of science, technology and innovation in ASEAN]. – *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Scientific papers of the Belarusian State University of Economics]*. 2021. № 14. P. 338-343. (In Russ.).
18. Rogozhin A.A. ASEAN na puti k ekonomicheskomu obshchestvu [ASEAN on the Way to Economic community]. – *Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]*. 2010. T. 10. P. 56-63. (In Russ.).
19. Stek P.E. Science and Engineering Knowledge Production in ASEAN. – *Journal of Southeast Asian Economies*. 2024. Vol. 41. № 1. P. 70-86.
20. WIPO. Understanding the Use of Industrial Design in ASEAN Countries: National Report for Thailand. Development Studies Series. Geneva: World Intellectual Property Organization. 2018. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4367> (date of accessed: 01.02.2025).

Информация об авторах

Марк Львович ЭНТИН,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация

entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Андрей Андреевич ВАДОВ,

аспирант кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация

a.a.vadov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0448-1572

About the Authors

Mark L. ENTIN,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Integration Law and Human Rights, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Andrey A. VADOV,

Postgraduate student of the Department of Integration Law and Human Rights, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

a.a.vadov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0448-1572

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-69-82>

Исследовательская статья
УДК: 341.1
Поступила в редакцию: 12.02.2025
Принята к публикации: 20.03.2025

Дарья Андреевна ЗАВЕРШИНСКАЯ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация
dzavershinskaya@hse.ru
ORCID: 0009-0006-3856-9376

Дарья Сергеевна БОКЛАН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация
dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

ДОКТРИНА «ПОЛИЦЕЙСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ» В ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРАХ, СВЯЗАННЫХ С САНКЦИЯМИ: БИЛЕТ, КОТОРЫЙ СТОИТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ?

ВВЕДЕНИЕ. *Взросла популярность инвестиционного арбитража как площадки для разрешения споров, связанных с санкциями. Однако до сих пор ни один из таких споров, переданных на рассмотрение инвестиционных трибуналов, не закончился вынесением арбитражного решения. Таким образом, инвестиционный арбитраж, несмотря на упомянутую привлекательность и растущую популярность, в значительной степени остается terra incognita для лиц, желающих разрешить с его помощью санкционные споры. Авторы вносят свой вклад в эту развивающуюся дискуссию, анализируя практику инвестиционных арбитражей. Цель настоящей статьи – рассмотреть, каким образом инвестиционные трибуналы толкуют добросовестность как критерий правомерной реализации прав в рамках доктрины «полицейских полномочий», и изучить, как инвестор может использовать эти выводы в спорах, связанных с санкциями. Выбор данной темы основан на том,*

что должностные лица государства-санкционера обычно сопровождают принятие таких санкций публичными заявлениями, которые могут быть использованы подсанкционными инвесторами, чтобы разоблачить отсутствие добросовестности со стороны государства-санкционера и продемонстрировать необоснованность его ссылки на доктрину «полицейских полномочий». По мнению авторов, именно эти заявления могут показать, что государство, применяющее санкции, по словам трибунала по делу «Эско-сол», действует в скрытых целях, которые простираются далеко за пределы санкционного регулирования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В представленном исследовании использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), специально-юридические методы (формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии), сравнительно-правовой и, прежде всего, метод кейс-стади*

(анализ судебной практики). Авторы уделяют особое внимание доказательственной силе, которую арбитражные суды придают публичным заявлениям. Они также рассматривают конкретные доказательства, на которые ссылаются инвесторы, чтобы обосновать отсутствие добросовестности государства и на этой основе отличить проигранные дела от успешных. Предстоящий анализ будет состоять из обзора следующих дел, в которых требование добросовестности тщательно изучалось инвестиционными арбитражами: *Марфин Инвестмент Груп против Кипра*, *Международный центр по урегулированию инвестиционных споров* (далее – МЦУИС), *Решение от 26 июля 2018 г.*; *Дойче Банк против Шри-Ланки*, МЦУИС, *Решение от 31 октября 2012 г.*; *Касинос против Аргентины*, МЦУИС, *Решение трибунала от 5 ноября 2021 г.* и *Содекс против Венгрии*, МЦУИС, *Выдержки из решения от 28 января 2019 г.* Выбор этих дел обусловлен тем, что в них анализируется добросовестность как требование к поведению государства, принимающего инвестиции, и уделяется достаточное внимание обсуждению доказательств, представленных инвесторами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Представленный анализ показал, что разбирательства в инвестиционном арбитраже не приводят к снятию санкций. Инвестиционные договоры, которые являются основой для юрисдикции инвестиционных арбитражных споров, предусматривают компенсацию в качестве основного средства правовой защиты. В то же время инвестиционный арбитраж может предоставить инвесторам возможность получить компенсацию от государства, применяющего санкции, или, по крайней мере, побудить это государство начать переговоры и убедить отменить санкции в рамках мирного разрешения спора. Для тех инвесторов, которые не смогли добиться желаемого результата путем переговоров, важно учесть, какие «козыри» или средства защиты государство, применяющее санкции, может предъявить в арбитраже. Несомненно, главным «козырем» является доктрина «полицейских полномочий», которую заслуженно называют признанным элементом государственного суверенитета. На этот «элемент» государство-ответчик ссылается практически в каждом споре, затрагивающем публичные интересы,

такие как общественный порядок или безопасность. Ссылка на доктрину «полицейских полномочий» – естественный, почти интуитивный шаг для государства, поскольку доктрина позволяет осуществлять регулирование для защиты общественных интересов без привлечения государства к ответственности за нарушение международных инвестиционных обязательств перед иностранными инвесторами.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Авторы пришли к выводу, что государства не обладают чрезвычайно широкими полномочиями вмешиваться в деятельность инвестора в рамках осуществления доктрины «полицейских полномочий». Стандартом доказывания недобросовестности являются ясные и убедительные или неопровержимые доказательства. Важны не только требования, предъявляемые к качеству доказательств, но и их количество. Какой бы достойной ни была цель, декларируемая принимающим государством, трибунал может установить, что подлинная, скрытая цель, была политической. Кроме того, арбитражные трибуналы придают различное значение публичным заявлениям государственных чиновников в СМИ. Наконец, принцип соразмерности (пропорциональности) может сыграть на руку инвестору даже в отсутствие четких и недвусмысленных публичных заявлений высших должностных лиц. Привлечение внимания арбитражного суда ко времени событий, связанных с оспариваемыми мерами, также может способствовать успеху инвестора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвестиционные споры, добросовестность, доктрина «полицейских полномочий», стандарт доказывания, принцип соразмерности (пропорциональности)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Завершинская Д.А., Боклан Д.С., Доктрина «полицейских полномочий» в инвестиционных спорах, связанных с санкциями: билет, который стоит добросовестного поведения? – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 69–82. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-69-82>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-69-82>

Research article

UDC: 341.1

Received 12 February 2025

Approved 20 March 2025

Daria A. ZAVERSHINSKAIA

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000
dzavershinskaya@hse.ru
ORCID: 0009-0006-3856-9376

Daria S. BOKLAN

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000
dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

POLICE POWERS IN THE SANCTIONS-RELATED INVESTMENT DISPUTES: A TICKET WHICH COSTS GOOD FAITH BEHAVIOR?

INTRODUCTION. *This article discusses growing popularity of investment arbitration as a forum for resolving sanctions-related disputes. The crunch point, however, is that so far none of such disputes brought before investment tribunals has resulted in the arbitral award. Thus, investment arbitration, despite its mentioned attractiveness and growing popularity, largely remains terra incognita for persons wishing to pursue sanctions-related disputes. The authors contribute to this emerging discussion providing analysis of relevant recent case law. The purpose of this Article is to examine how investment tribunals have interpreted good faith as a requirement for a lawful exercise of police powers and to explore how these findings can be used in the sanctions-related disputes from an investor's perspective. The choice of this topic is based on the hypothesis that governmental officials of the sanctioning state typically accompany the adoption of sanctions with public statements that can be used by the sanctioned investors to expose the lack of good faith on the part of the sanctioning state and crush the state's invocation of the police powers. It is these statements that may reveal that a sanctioning state, in the words of the Eskosol tribunal, acts for ulterior purposes.*

MATERIALS AND METHODS. *General scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, and deduction), special legal methods (formal-legal, technical-legal, method of legal analogy), comparative legal and primarily case study method were used in the presented research. The authors focus on the probative value that arbitral tribunals ascribe to public statements. They also examine other evidence relied upon by investors to prove the absence of good faith of the state and, on this basis, to distinguish lost cases from successful ones. The forthcoming analysis will consist of a review of the following cases in which the good faith requirement has been scrutinized by arbitral tribunals: Marfin Investment Group v. Cyprus, ICSID: Award, 26 July 2018, Deutsche Bank v. Shri Lanka, ICSID: Award, 31 October 2012, Casinos v. Argentina, ICSID: Award of the Tribunal, 5 November 2021 and Sodexo v. Hungary, ICSID: Excerpts of Award, 28 January 2019. These cases are chosen because they analyze good faith as a requirement for the conduct of the state receiving investments and they pay sufficient attention to the discussion of the evidence presented by investors.*

RESEARCH RESULTS. *Presented analysis has shown that investment arbitration proceedings do not result in elimination of sanctions. Investment treaties which serve as a jurisdictional basis for investment arbitration disputes provide for compensation as a primary remedy. At the same time, investment arbitration may provide investors with an opportunity to obtain compensation from the sanctioning state, or, at least, to encourage that state to initiate consultations and persuade it to lift sanctions in a friendly manner. For those investors who have been unsuccessful in achieving the desired outcome through negotiations, it is important to consider what “trump cards” or defences the sanctioning state may rise in arbitration. Undoubtedly, the main “trump card” is the police powers doctrine, which has been deservedly referred to as a recognized component of State sovereignty. This “component” is invoked by the respondent state in virtually every dispute involving a public interest, such as public order or security. To invoke the police powers as a defence is a natural, almost intuitive step for a state as the doctrine allows for regulation to protect the public interest without being held liable for breach of international investment obligations to foreign investors.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Authors came to the conclusion that states do not possess extremely broad discretion to interfere with investments*

in the exercise of legitimate regulatory authority. The standard of proof for bad faith allegations is clear and convincing or cogent evidence. Not only is the standard important, but also the quantity – the evidence must be sufficient. No matter how laudable the goal that a host state declares, this fact would not prevent a tribunal from finding that a genuine, behind-the-scenes aim was political. Tribunals ascribe different weight to public media statements of state officials. The principle of proportionality can serve the investor’s position even in the absence of clear and unambiguous public statements from top officials. To draw the tribunal’s attention to the timing of the events surrounding the challenged measures may contribute to the investor’s success.

KEYWORDS: *Investment disputes, good faith, police powers doctrine, standard of proof, principle of proportionality*

FOR CITATION: Zavershinskaia D.A., Boklan D.S., Police Powers in the Sanctions-related Investment Disputes: a Ticket which Costs Good Faith Behavior? – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 69–82. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-69-82>

The authors declare the absence of conflict of interest.

I. Introduction. Investment arbitration and sanctions: can they cross paths?

The emergence of numerous sanctions¹ regimes has led to the growing popularity of investment arbitration as a forum for resolving sanctions-related disputes.

To illustrate this statement, the authors will give two striking examples. The first is the investment dispute initiated by Mikhail Fridman in 2024 against

Luxembourg over the freezing of Mr Fridman’s US\$15.8 billion in assets². The sanctions lie at its very core as the Grand Duchy of Luxembourg froze Mr Fridman’s assets precisely to comply with the European Union’s sanctions. Now the co-founder of Russia’s Alfa Group is arguing before the *ad hoc* tribunal that the freezing constitutes “a grave injustice” and an indirect expropriation that violates Luxembourg’s obligations under the investment treaty concluded with Union of Soviet Socialist Republics in 1989³. The amount of compensation requested by Mr Frid-

¹ The use of the term “sanctions” to denote unilateral restrictive (coercive) measures in this paper is used in an attempt to present a consensus definition. From a legal point of view, this term should not be used in international relations, since this contradicts the foundations of international law. “Sanctions” can be used in national legal orders, since they have the function of punishment, which does not apply to unilateral measures of states [Boklan, Koval 2024:8].

² See Russian Oligarch Launches €15bn Lawsuit Against Luxembourg. – *Bilaterals.org*. 14 August 2024. URL: <https://www.bilaterals.org/?russian-oligarch-launches-eur15bn> (accessed date: 9.01.2025).

³ Agreement between the Governments of the Kingdom of Belgium and the Grand Duchy of Luxembourg, and the Government of the Union of Soviet Socialist Republics, Concerning the Mutual Encouragement and Protection of Investments. 1989. URL: <https://edit.wti.org/document/show/bc883946-ac64-4e50-9b78-8f13137f128e> (accessed date: 9.01.2025).

man exceeds half of Luxembourg's annual budget for 2024⁴. The second example is the claim submitted before the International Center for the Settlement of Investment Disputes (ICSID) by Luxembourg-based ABH Holdings against Ukraine⁵. The dispute arose from Ukraine's nationalization of Sense Bank owned by ABH Holdings on the ground that the bank's indirect owners, Mikhaïl Fridman and Petr Aven, were placed under the sanctions regime⁶.

The mentioned disputes concern so-called "unilateral restrictive measures" [Olmedo 2023:95], that is coercive measures adopted without the United Nations' approval. These unilateral sanctions, imposed by one state on entities/individuals or another state outside its jurisdiction, have increasingly been used as a foreign policy tool to influence the behavior and policies of other states. It is more of a political tool [Kritskiy 2016:204]. In the "sanctions" context, extraterritoriality refers to claims by a state to enforce purely domestic restrictive acts outside its territory, as well as situations where that state makes foreign participants in proceedings with a "sanctions" element liable in its territory [Kritskiy 2021:101]. Unilateral sanctions represent a departure from traditional conceptions of state sovereignty and non-intervention [Keshner 2015:147], as they extend the reach of a country's laws and regulations beyond its borders. These measures typically involve trade restrictions, financial sanctions, asset freezes, or limitations on specific transactions, aiming to coerce or penalize targeted entities or individuals in third countries [Boklan, Koval 2024:9]. Unilateral sanctions serve as an effective foreign policy tool used as a political signal or to put pressure on another state to change its behavior [Boklan, Murashko 2022:144]. The present-day discussion on the use of the term "unilateral sanctions" to designate unilateral coercive

measures could be the sign of a new evolution in the law of enforcement, even though no consensual rules have so far developed in this respect [Miron 2022:14]. Some scholars indicating the difference between sanctions imposed by the United Nations Security Council and unilateral "sanctions" define the latter as "restrictive measures" [Beaucillon 2021:6-8]. Still, investment arbitration has faced the sanctions authorised by the United Nations Security Council as well. For instance, Libyan Investment Authorities has launched investment arbitral proceedings against Belgium, whose court seized Libyan assets in the course of domestic criminal proceedings in Belgium. The attachment of these assets became possible due to fact that they were deposited in a Belgian financial company Euroclear in compliance with the United Nations Security Council sanctions against the Gaddafi regime of 2011⁷. The United Nations Security Council has the primary responsibility for maintaining international peace and security, and it can impose sanctions on states or entities that engage in activities deemed to be a threat to peace [Ivanova 2016:185]. This is further evidence of the popularity of investment arbitration as a mechanism for resolving of various sanctions-related disputes. The crunch point, however, is that so far none of such disputes brought before investment tribunals has resulted in the arbitral award. Thus, investment arbitration, despite its mentioned attractiveness and growing popularity, largely remains *terra incognita* for persons wishing to pursue sanctions-related disputes.

The key thing to know to unravel this uncertainty is that investment arbitration proceedings do not result in elimination of sanctions. To clarify, investment treaties which serve as a jurisdictional basis for investment arbitration disputes provide for compensation as a primary remedy. At the same time,

⁴ Russian Oligarch Launches €15bn Lawsuit Against Luxembourg. – *Luxembourg Times*. 14 August 2024. URL: <https://www.luxtimes.lu/luxembourg/russian-oligarch-launches-15bn-lawsuit-against-luxembourg/17751745.html> (accessed date: 9.01.2025).

⁵ ICSID: ABH Holdings v. Ukraine. 29 December 2023. – *ICSID Case No. ARB/24/1*. URL: <https://www.italaw.com/cases/11130> [hereinafter – *ABH Holdings v. Ukraine*].

⁶ ABH Holdings Considered the SBU's Search for Fridman a Guise for the Takeover of Ukraine's Sense Bank. – *Forbes*. 21 December 2021. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/503001-abh-holdings-scel-rozysk-fridmana-cbu-prikrytiem-dla-zahvata-ukrainskogo-sense-bank> (accessed date: 9.01.2025). See The Law on Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on Improving the Procedure for Withdrawing a Bank from the Market under Martial Law No 3111-IX. 11 April 2023. URL: <https://itd.rada.gov.ua/billInfo/Bills/Card/41670> (accessed date: 9.01.2025).

⁷ ICSID: Libyan Investment Authority v. Kingdom of Belgium. – *ICSID Case No. ARB(AF)/23/3*. URL: <https://www.italaw.com/cases/11042>. See The Libya Observer. *Libya Take Legal Action Against Belgium Over Frozen Assets*. 9 December 2023. URL: <https://libyaobserver.ly/economy/libya-take-legal-action-against-belgium-over-frozen-assets> (accessed date: 13.01.2025). See also Libya's Wealth Fund Says Belgian Court Lifts Euroclear Asset "Seizures". – *Reuters*. 22 January 2025 (accessed date: 26.01.2025). URL: <https://www.reuters.com/business/finance/libyas-wealth-fund-says-belgian-court-lifts-euroclear-asset-seizures-2025-01-22/> (accessed date: 26.01.2025).

investment arbitration may provide investors with an opportunity to obtain compensation from the sanctioning state, or, at least, to encourage that state to initiate consultations and persuade it to lift sanctions in a friendly manner. For instance, Qatar Airways which challenged in investment arbitration the air, sea and land blockade undertaken by the UAE, Bahrain, Saudi Arabia, and Egypt⁸, eventually resolved the conflict diplomatically while using investment proceedings as a leverage.

For those investors who have been unsuccessful in achieving the desired outcome through negotiations, it is important to consider what “trump cards” or defences the sanctioning state may raise in arbitration. Undoubtedly, the main “trump card” is the police powers doctrine which was widely discussed in the literature [Melville 2023; Lehmann 2021; Titi 2015; Titi 2018; Zamir 2017; Ranjan 2018], and has been deservedly referred to as “a recogni[s]ed component of State sovereignty”⁹. In earlier indirect expropriation cases, investment tribunals had tended to focus solely on the economic effect of the challenged measures, without taking into account the respondent state’s intent or the purpose of such measures [Zamir 2017; Wigati, Amalia 2022]. Tribunals’ reliance on a single element of analysis – economic impact – was reflected in the name of this approach – the sole effects doctrine. The police powers doctrine emerged as an antagonist to this one-sided view. According to this doctrine, a lawful exercise of a state’s regulatory power does not constitute expropriation giving rise for a state’s duty to compensate [Zhu 2024]. In order to determine whether the doctrine is legitimately invoked, investment tribunals must inquire into the purpose underlying the respondent state’s regulation, thus, looking well beyond its economic impact. Despite investment tribunals favouring the sole effects doctrine over the police powers in some recent cases [Godinez 2024], since 2000, there has been “a ‘consistent trend’ in awards and treaty practice in differentiating between an exercise of police powers from an indirect expropriation” that ‘reflects the

position under general international law”¹⁰. Thereby, this “component of State sovereignty” is currently invoked by the respondent state in virtually every dispute involving a public interest, such as public order or security.

II. Police powers doctrine: what “trump cards” it hides for the sanctioned investors?

The police powers doctrine is often perceived by scholars as “a free ticket for states to evade their responsibility towards investors” [Bulut 2022:585]. This perception is not completely unfounded. Since the *SD Myers v. Canada* case [UNCITRAL: Partial Award. 13 November 2000], arbitral tribunals have recognised “the high measure of deference that international law generally extends to the right of domestic authorities to regulate matters within their borders”¹¹. Plainly speaking, this “deference” implies that an arbitral tribunal cannot step into the shoes of a national legislator and review its measures de novo as if an arbitral tribunal were a national appellate court¹². This is why the arbitral tribunal’s mandate is limited to determining whether the respondent state has violated its international obligations. This concept of deference to the decisions of the respondent state’s domestic authorities can best be illustrated by quoting from the *Invesmart v. Czech Republic* case [UNCITRAL: Award. 26 June 2009]:

“A decision to revoke a bank’s licence, which takes place within a detailed national legal framework that includes administrative and judicial remedies, is not reviewed at the international law level for its ‘correctness’, but rather for whether it offends the more basic requirements of international law. *Numerous tribunals have held that when testing regulatory decisions against international law standards, the regulators’ right and duty to regulate must not be subjected to undue second-guessing by international tribunals.* Tribunals need not be satisfied that they would have made precisely the same decision as the regulator in order for them to uphold such decisions”¹³.

⁸ Arbitrations Against UAE, Bahrain, Saudi Arabia, and Egypt. – *Qatar Airways*. 22 July 2020. URL: <https://www.qatarairways.com/en/press-releases/2020/July/qatarairwaysarbitrations.html> (accessed date: 9.01.2025).

⁹ ICSID: *Casinos Austria International GmbH and Casinos Austria Aktiengesellschaft v. Argentine Republic*. Award. 5 November 2021. – *ICSID Case No. ARB/14/32*. Para. 331 [hereinafter – *Casinos v. Argentina*].

¹⁰ See e.g. ICSID: *Philip Morris Brands Sàrl, Philip Morris Products S.A. and Abal Hermanos S.A. v. Oriental Republic of Uruguay*. Award. 8 June 2016. – *ICSID Case No. ARB/10/7*. Para. 295.

¹¹ UNCITRAL: *SD Myers v. Canada*. Partial Award. 13 November 2000. Para. 263.

¹² UNCITRAL: *Invesmart v. Czech Republic*. Award. 26 June 2009. Para. 501 [hereinafter – *Invesmart v. Czech Republic*].

¹³ *Ibid.* Para. 501.

This “high deference” approach gives rise to a presumption that the regulatory measures of the respondent’s governmental authorities are lawful¹⁴. It is the investor that bears the burden of rebutting that presumption. Importantly, the standard of proof required to refute the presumption and, thus, to demonstrate that a state’s regulatory measure falls short of its police powers is extremely high, namely clear and convincing or conclusive evidence¹⁵. As in this regard was pointed out in *Mondev v. USA* [ICSID: Award. 11 October 2002], “a State may treat foreign investment unfairly and inequitably *without necessarily acting in bad faith*”¹⁶. It is therefore not surprising that of many investors who claim that the respondent state is guided by political motives rather than by the protection of public interest, only few succeeded in arbitration on this ground. Furthermore, arbitral tribunals are always on guard against unduly restricting the state’s right to regulate. For example, in *Charanne v. Spain* [SCC: Award. 21 January 2016], the tribunal concluded that recognising the provision of certain guarantees to a limited group of investors as amounting to the creation of legitimate expectations, “would impose excessive limitations to the state’s right to regulate the economy in the public interest”¹⁷. This tension between the protection of investor and “the legitimate scope of democratic decision-making” is indeed a “recurring theme” in investment arbitration [Bonnitcha, Williams 2020:77-100].

Nonetheless, despite this seemingly pessimistic caveat, the authors dare to suggest that the “police powers” ticket is not “out of charge” for the state. First, “the fact that a tribunal acknowledges the state’s right to regulate does not mean that it will necessarily also find in favour of the respondent” as “no case can be decided in abstract” [Titi 2022:26]. Second,

as discussed below, the high standard of proof for bad faith allegations has been met in several cases. Finally, to avail itself of the “police powers” benefits, a state invoking this doctrine must fulfil several requirements of varying degrees of complexity. One of them is to convince the arbitral tribunal that the state has acted in good faith towards the investor¹⁸. This “good faith” requirement has unfairly earned little attention in both academic writings and arbitral practice. In particular, investment tribunals have considered good faith in the context of the investor’s illegitimate conduct in making an investment¹⁹, as a part of the due process obligation of the state receiving investments, when analysing instances of fraud, corruption, unclean hands and abuse of process [Smutny, Polasek 2012:277-296]²⁰. However, good faith as a requirement for a lawful exercise of police powers remains largely uncovered. Thus, the purpose of this Article is to examine how investment tribunals have interpreted good faith as a requirement for a lawful exercise of police powers and to explore how these findings can be used in the sanctions-related disputes from an investor’s perspective. Ahead of the curve, we note that in *Eskosol v. Italy* [ICSID: Award. 4 September 2020], the tribunal clarified what stands for accusations of a state’s bad faith behavior: “an allegation that *a State acted on a pretext* is close to alleging that it acted in bad faith”²¹.

The choice of this topic is based on the hypothesis that governmental officials of the sanctioning state typically accompany the adoption of sanctions with public statements that can be used by the sanctioned investors to expose the lack of good faith on the part of the sanctioning” state and crush the state’s invocation of the police powers. It is these statements that may reveal that a sanctioning state, in the words of

¹⁴ See e.g. ICSID: *Phillip Morris v. Uruguay*. Concurring and Dissenting Opinion of Co-Arbitrator Gary Born. 8 July 2016. – ICSID Case No. ARB/10/7. Para. 141: “This observation reflects the *presumptive lawfulness of governmental authority under customary international law, as well as respect for a state’s sovereignty, particularly with regard to legislative and regulatory judgments regarding its domestic matters*. Or, as another tribunal noted, a state would not violate its obligations towards an investor if the government authorities made “a decision which is different from the one the arbitrators would have made if they were the regulators”; “*arbitrators are not superior regulators*” and “*they do not substitute their judgment for that of national bodies applying national laws*”.

¹⁵ See *Casinos v. Argentina*.

¹⁶ ICSID: *Mondev v. United States of America*. Award, 11 October 2002. – ICSID Case No. ARB(AF)/99/2. Para. 116.

¹⁷ SCC: *Charanne B.V. and Construction Investments S.A.R.L. v. Kingdom of Spain*. Award. 21 January 2016. – SCC Case No. 062/2012. Para. 497.

¹⁸ See e.g. ICSID: *Marfin Investment Group Holdings S.A., Alexandros Bakatselos and others v. Republic of Cyprus*, Award. 26 July 2018. – ICSID Case No. ARB/13/2. Para. 826 [hereinafter – *Marfin Investment Group v. Cyprus*].

¹⁹ *Marfin Investment Group v. Cyprus*. Para. 830.

²⁰ The “Bona fide” (Good faith) Principle. – *Jus mundi*. 23 September 2024. URL: <https://jusmundi.com/en/document/publication/en-bona-fide-principle#> (accessed date: 13.01.2025); [Smutny, Polasek 2012:277-296].

²¹ ICSID: *Eskosol S.P.A. in Liquidazione v. Italy*. Award. 4 September 2020. – ICSID Case No. ARB/15/50. Para. 386.

the *Eskosol* tribunal, acts for ulterior purposes. For example, in the aforementioned *ABH Holdings v. Ukraine*, the sanctioning state allegedly launched a “concerted smear campaign” against the expropriated bank, where Ukrainian governmental officials, including the head of the National Bank of Ukraine, stated that “the Russian market is toxic, and their money is poisonous”, and that “the presence on the market of [Russia]... poisons even those businesses that are not directly related to Russia”²². In the claimant’s view, these statements demonstrate that the genuine intention of the sanctioning state was to drive the investor out of the market, and not the safeguarding of the banking system²³.

Thus, the authors will focus on the probative value that arbitral tribunals ascribe to public statements. The authors will also examine other evidence relied upon by investors to prove the absence of good faith of the state and, on this basis, to distinguish lost cases from successful ones. The forthcoming analysis will consist of a review of the following cases in which the good faith requirement has been scrutinised by arbitral tribunals: *Marfin Investment Group v. Cyprus* [ICSID: Award, 26 July 2018], *Deutsche Bank v. Shri Lanka* [ICSID: Award, 31 October 2012]²⁴, *Casinos v. Argentina* [ICSID: Award of the Tribunal, 5 November 2021]²⁵ and *Sodexo v. Hungary* [ICSID: Excerpts of Award, 28 January 2019]²⁶. These cases are chosen because they analyse good faith as a requirement for the conduct of the state receiving investments and they pay sufficient attention to the discussion of the evidence presented by investors. Nonetheless, it should be noted that some of the mentioned cases have been criticised by scholars. Where appropriate, the authors will touch upon the reasons for such criticism and discuss its objectivity. General conclusions on the mentioned cases will be presented in the final part of this article.

III. Good faith requirement for a lawful exercise of the police powers doctrine: analysis of arbitral tribunals

1. *Marfin Investment Group v. Cyprus* [ICSID: Award, 26 July 2018]

Marfin Investment Group v. Cyprus revolved around the measures taken by the Cypriot authorities during the Eurozone crisis against a bank owned by one of the claimants (“the Bank”). The disputed measures consisted of the removal of the Bank’s senior management and the introduction of the recapitalization programme which resulted in the nationalisation of the Bank.

The claimants argued that all these measures cumulatively and individually constituted an unlawful creeping expropriation of their investment in Cyprus and a violation of the fair and equitable treatment. Notably, the claimants’ argument was that Cyprus had acted in bad faith generally by intentionally nationalising the Bank, as well as on specific instances, such as when Cyprus removed the senior management of the Bank for allegedly political reasons. Cyprus’ principal position in this respect boiled down to the “protect[ion of] the health of Cyprus’ financial system during a time of profound economic crisis”²⁷. In Cyprus’ view, the alleged measures constituted a legitimate exercise of its police powers. The claimants, in turn, argued that Cyprus had deliberately taken advantage of the economic crisis to nationalise the Bank²⁸. It follows that the allegations that Cyprus failed to act in good faith were at the heart of the claimants’ submission²⁹.

The tribunal began the analysis of the case by affirming that “a distinction exists between the reasonable *bona fide* exercise of police powers, which does

²² *ABH Holdings v. Ukraine*. Claimant’s Request for Arbitration. Para. 67(iv).

²³ *Ibid.* Para. 66: “Throughout 2022 and 2023, the State undertook what can only be described as a concerted smear campaign against the Bank, with various State officials making public statements that the Bank was associated with Russian hostilities and drumming up public support for the nationalisation of the Bank, and making clear that it was the State’s intention to do so”.

²⁴ ICSID: *Deutsche Bank AG v. Democratic Socialist Republic of Sri Lanka*. Award, 31 October 2012. – ICSID Case No. ARB/09/2 [hereinafter – *Deutsche Bank v. Shri Lanka*].

²⁵ ICSID: *Casinos Austria International GmbH and Casinos Austria Aktiengesellschaft v. Argentine Republic*. Award, 5 November 2021. – ICSID Case No. ARB/14/32 [hereinafter – *Casinos v. Argentina*].

²⁶ ICSID: *Sodexo Pass International SAS v. Hungary*. Excerpts of the Award, 28 January 2019. – ICSID Case No. ARB/14/20 [hereinafter – *Sodexo v. Hungary*].

²⁷ *Marfin Investment Group v. Cyprus*. Para. 830.

²⁸ *Ibid.* Para. 825.

²⁹ *Ibid.* Para. 832.

not amount to a compensable taking, and indirect expropriation”³⁰. The tribunal went on to explain that in order to find whether a state exercises its police powers in good faith, it is necessary to examine “the nature and the purpose of the State’s action”³¹.

Unfortunately for the claimants, “the nature and the purpose” of Cyprus’ measures did not raise the tribunal’s concerns. The main reason for this was that the allegations of Cyprus’ bad faith were supported solely by evidence that the tribunal assessed as “circumstantial” and, thus, not meeting the “convincing evidence” standard of proof³². Specifically, the claimants relied on the following evidence to show “over-arching plan [of Cyprus] to nationalise [the Bank]”:

– *Minutes of the Cypriot Cabinet meeting held on the Eve of the Eurozone summit*. The minutes reflect the discussion of a draft of the Financial Crisis Management Law which allowed for state intervention in banks, including by appointing new management and acquiring ownership of the bank in exchange for investment support. This draft, which subsequently became the current legislation, was used against the Bank in this case. The claimants relied on those parts of the minutes which specifically mentioned the Bank’s opposition to the passage of the draft law and the name of Mr Vgenopoulus, the then Chairman of the Bank, as an individual “that to be relieved” if the law would not be passed. The claimants also relied on those excerpts of the minutes that discussed nationalisation of Cypriot banks as a primary purpose of this draft law. All the referred excerpts, in claimants’ view, evinced “the intent to nationalise Cypriot banks...by removing top management”³³. This did not persuade the tribunal which stated that “the minutes only reflect a discussion of the options available to the Government under the then draft of the Management of Financial Crises Law for intervention in troubled banks upon the latter’s request”³⁴;

– *The testimony of the then Minister of Finance indicating that he had prior knowledge of the removal of the bank’s top management*. However, the tribunal decisively rejected the testimony as “the lack of

opposition to the decision [to remove the top management of the Bank] ... cannot be equated with the existence of a conspiracy to expropriate the Bank between the two officials in the country”³⁵;

– *The “Secret report” prepared at the instructions of the President of Cyprus* which, as the tribunal observed, contained “a bold claim” that the then Minister of Finance “had prepared on behalf of the government the plan for nationali[s]ing the [Bank]”³⁶;

– *An email from the bank’s then chairman to the bank’s majority shareholder*, which the tribunal did not analyse in detail, only briefly noting that the Bank’s chairman’s position could not be indicative of Cypriot intent.

All of the evidence referred to was rejected because none of it proved that there was a conspiracy among governmental officials to acquire the Bank for ulterior motives. Rejecting this evidence due to its low probative value, the tribunal proceeded to examine each of the measures challenged by the investors. For example, the removal of senior management has been analysed through the lens of each of the criteria for the legitimate exercise of police power. In general, the tribunal recognised that “had been removal... not based on objective considerations, the Tribunal may well have found a breach of the Treaty obligations”³⁷. However, the existence of objective considerations does not exhaust the analysis. There should have been “clear and convincing evidence” that the Central Bank of Cyprus acted improperly or arbitrarily³⁸. Unfortunately, the arbitral tribunal did not specify what “convincing” evidence it expected from the claimants. We can only refer to the contrary, namely, to the evidence that the claimants submitted to demonstrate Cyprus’ intent to nationalise the Bank. It was:

– Public statements of the Governor of the Central Bank of Cyprus that “if there was stronger political support, this [removal of Mr. Vgenopoulos] would have been a risk which the regulator could have taken”³⁹;

³⁰ Marfin Investment Group v. Cyprus. 828.

³¹ Ibid. Para. 828.

³² Ibid. Para. 838.

³³ Ibid. Para. 848.

³⁴ Ibid. Para. 840.

³⁵ Ibid. Para. 854.

³⁶ Ibid. Paras. 1344-1345.

³⁷ Ibid. Para. 931.

³⁸ Ibid. Para. 937.

³⁹ Ibid. Para. 927.

– The correspondence between Central Bank of Cyprus and the Bank which, in claimants' view, did not reveal any objective reasons for removal of the Bank's top management. Remarkably, the tribunal managed to discern eight reasons for such a removal from that single letter⁴⁰.

Nevertheless, at least the following can be inferred from the above-mentioned observations of the arbitral tribunal. If the Claimants had succeeded in proving that the Central Bank of Cyprus did not have sufficient grounds to remove the senior management because, for example, it had acted effectively and had not contributed to the economic collapse of the Bank, this might have convinced the arbitral tribunal. However, this did not happen.

2. *Deutsche Bank v. Sri Lanka* [ICSID: Award. 31 October 2012]

In *Deutsche Bank v. Sri Lanka*, good faith appeared in the context of Sri Lanka's obligation to accord fair and equitable treatment to the investor and not to unlawfully expropriate the investment. Notably, the award was accompanied by a dissenting opinion of Makhdoom Ali Khan which discussed the probative value of public statements in arbitration and criticised the tribunal's approach to this issue in that case. The key observations of this dissenting opinion will be explored in details below.

The background of the dispute is as follows. Ceylon Petroleum Corporation ("CPC"), a wholly state-owned oil company, entered into hedging agreements with several local and foreign banks, including Deutsche Bank, in 2008 to protect Sri Lanka from the effects of the oil price spike. After the oil prices began to fall, Deutsche Bank exercised its right to terminate the hedging agreement, leaving CPC with an outstanding debt. Against this backdrop, the CPC and the banks involved in this hedging program have been heavily criticised by the Sri Lankan media and politicians and even accused of corruption. Several individual petitioners went further and successfully challenged before the Supreme Court the authority of the CPC to enter into hedging agreements and of the competence of the CPC Chairman to execute them himself. As a result of that, the court ordered the suspension of all the payments under the hedging agreements and the commencement of an in-

vestigation into the hedging agreements. Before the results of the investigation became publicly known, the Central Bank of Sri Lanka informed the management of Deutsche Bank that the bank failed to comply with the proper procedures in executing hedging agreements. It was this fact, in particular, that gave the claimant the ground to argue that investigation into the hedging agreements was conducted in bad faith since its outcome "was a foregone conclusion", and the genuine motivation of the Governor of the Central Bank of Sri Lanka was to exonerate the governmental authorities pressured by the media for entering into a "disastrous agreement". Deutsche Bank thus challenged both the Central Bank's and the Supreme Court's measures in arbitration and argued, *inter alia*, that they were not bona fide. In setting out its allegations, the claimant laid particular emphasis on the timing of the events surrounding the said investigation. In particular, the claimant relied on the fact that only a week before the investigation began, the Governor of the Central Bank instructed the CPC to suspend outstanding payments to Deutsche Bank.

The tribunal dismissed Sri Lanka's argument about host state's "extremely broad discretion to interfere with investments in the exercise of 'legitimate regulatory authority'"⁴¹. With respect to the interim order of the Supreme Court by which all the outstanding payments from CPC to Deutsche Bank were suspended, the tribunal noted that the order was only five-page long, issued just in 48 hours, satisfied all the claims based on the "extremely limited" evidence without even hearing from the banks affected by the order. The tribunal also relied on the public statements made by Chief Justice Silva who presided over the hearing. In particular, the Chief Justice stated: "*the Government was forced to comply with the hedging agreements. We will stop that on a judicial order, just pass on to benefit to the people. The Government said you stop the hedging agreements we won't pass on the benefit*". The Chief Justice further stated that "internationally, Sri Lanka had no defence to present in the arbitration proceedings, that it was a difficult fight"⁴². The tribunal inferred from these statements that "the decision was issued for political reasons"⁴³.

In sum, the tribunal devoted two pages to the analysis of the claimant's bad faith allegation with respect to Sri Lanka's investigation. On these two

⁴⁰ Marfin Investment Group v. Cyprus. 945.

⁴¹ Deutsche Bank v. Sri Lanka. Para. 522.

⁴² Ibid. Para. 479.

⁴³ Ibid. Para. 479.

pages the tribunal reiterated the facts thrown by the claimant and abruptly came to the conclusion that “the Governor had obviously decided that the payments to the banks should be stopped and that from the moment he reali[s]ed he could not achieve this result by way of an order he had to do it by means of an investigation”⁴⁴.

Arbitrator Makhdoon Ali Khan in his Dissenting Opinion seriously questioned the probative value of the statements of the former Chief Justice of the Supreme Court to which the tribunal referred to impute a bad faith to the respondent⁴⁵. In this respect, the arbitrator highlighted that the standard of proof for bad faith allegations is “cogent and credible evidence”, while the analysis to discharge this standard must be “rigorous”⁴⁶:

“In any event, relying solely on such contested evidence to impute bad faith to the highest court of a country does not meet the standard for rigorous analysis and reasoning that should be the *sine qua non* for any international tribunal recording such a damaging finding about the Supreme Court of a Sovereign State”⁴⁷.

Arbitrator affirmed that a “high measure of deference” to the decisions of domestic authorities exists giving rise to the presumption that their conduct is proper and in good faith. This presumption cannot be rebutted with “subjective view”⁴⁸ inferred from an Internet newspaper run by a person for whom warrant was issued by Interpol.

In addition to questioning the tribunal’s reliance on this interview, arbitrator called into question its content and the overall context. This way arbitrator concluded that “political nature” of the Supreme Court’s decision was in fact the Court’s involvement in the matter of public concern triggered by the high taxes that the Treasury officials heightened to meet the claims arising out of the hedging agreement. It is not surprising that the Chief Justice as the judge of the highest court in the country considered domestic courts a more suitable forum to resolve this issue. Thus, in arbitrator’s view, there was no ground to believe that “[the Court’s] intervention was motivated by any behind the scenes dialogue or by political considerations”⁴⁹.

3. *Casinos v. Argentina* [ICSID: Award of the Tribunal. 5 November 2021]

Casinos v. Argentina arose from the revocation of the investor’s 30-year licence for operation of gaming facilities and lottery activities. In the investor’s view, the revocation of the licence constituted an unlawful indirect expropriation, one of the milestones of the respondent’s comprehensive campaign to oust the claimant from the market and replace with domestic enterprises.

The Tribunal agreed should this discriminatory plan be proved, this would indeed constitute an act of bad faith rendering the respondent’s exercise of police powers unlawful⁵⁰. At the same time, having proclaimed the “conclusive evidence” standard of proof (the one which tribunals routinely choose when dealing with bad faith allegations), the tribunal decisively rejected the evidence submitted by the investor as “insufficient”. To prove that since 2007 when the new governor took new office the claimant was being constantly harassed, the claimant, in particular, submitted the following arguments:

1) in 2008, the government replaced fixed licence fee by the dynamic fee depending on the claimant’s income. As a result, the financial burden on the claimant increased;

2) VideoDrome, an Argentine gaming operator, sent a letter to the Argentinian regulator offering to take over some of the claimant’s operations on the terms more favorable to respondent. This happened two weeks before the investigations that led to the revocation of the licence. After the licence was revoked, VideoDrome received the claimant’s licence exactly on those conditions it proposed in the letter earlier;

3) The Governor publicly announced the revocation of the claimant’s licence 40 minutes afterwards disregarding the claimant’s right to challenge the revocation of the licence before administrative or judicial bodies. The Governor then simply repeated the regulator’s allegations which pointed to a political nature of the revocation;

⁴⁴ *Deutsche Bank v. Shri Lanka*. 483.

⁴⁵ *Ibid.* Dissenting Opinion of Makhdoon Ali Khan. Para. 107.

⁴⁶ *Ibid.* Para. 108.

⁴⁷ *Ibid.* Para. 113.

⁴⁸ *Ibid.* Para. 106.

⁴⁹ *Ibid.* Para. 111.

⁵⁰ *Casinos v. Argentina*. Para. 360.

4) The Minister was quite explicit in stating that the fees should be increased (he even pinpointed a social project which would be funded at the expense of the increase) and until the company is found liable for a breach of the licence, the only way to reconsider the fee is to renegotiate.

Ultimately, the tribunal qualified these arguments as “circumstantial” evidence, and therefore insufficient to infer any bad faith motives on the part of the respondent. Nonetheless, this did not prevent the Tribunal from finding that the respondent had acted in bad faith, yet, on a different legal basis – the principle of proportionality. In concluding that the principle of proportionality was not respected, the tribunal took into account the following factors:

1) three investigations by the respondent did not establish any serious violations by the investor that could serve as a ground for a revocation of the licence;

2) the respondent failed to adopt less intrusive measures against the investor before revoking the licence. The respondent also failed to warn the investor in advance about the revocation and did not offer to eliminate violations;

3) There was no urgency that could prompt the revocation of the claimant’s licence because the claimant complied with Argentinian law.

Thus, the Tribunal concluded: “After having known and accepted for such a long time these three operators, *ENREJA could not in good faith*, without any warning and without possibility to amend matters, take the most drastic sanction of revoking ENJASA’s license”⁵¹.

4. *Sodexo v. Hungary* [ICSID: Excerpts of Award. 28 January 2019]

Sodexo v. Hungary arose from Hungarian tax legislation that gave preferential treatment to a Hungarian state-owned company to the detriment of private operators like Sodexo. The approach of the Sodexo tribunal was different from the one in the *Casinos v. Argentina* [ICSID: Award of the Tribunal. 5 November 2021]. Remarkably, the tribunal devoted less than five pages to discussion of the bona fide requirement in contrast to extensive analysis in *Casinos v. Argentina* [ICSID: Award of the Tribunal. 5 November 2021]. Although the tribunal quite tentatively declared that

“object, context and intent” of the measures shall be explored⁵², in practice, the tribunal discerned the intent of the Respondent’s governmental officials though their multiple statements in the media. Those statements of the ministers and other senior officials unambiguously revealed that they wanted the voucher system to be state-owned rather than involve French issuers. In this regard, the tribunal stated that “Many politicians and ministers stated their goal for profits from the voucher system to remain in Hungary, for the voucher system to be state-owned rather than involve French issuers, and for foreign companies to no longer profit from the voucher system”⁵³.

The fact that the *prima facie* declared goal of Hungarian legislation was laudable, i.e. to provide healthy meals to the Hungarian population, did not stop the tribunal from finding that the genuine, leading, aim was discriminatory. The tribunal also considered that Hungarian officials rejected the investor’s attempts to negotiate and find a compromise before the reform was enacted. Hence, the spirit of proportionality from the *Casinos* tribunal is also reflected in this case.

IV. Conclusions: the key observations from the arbitral tribunal’s practice for subsequent use in the sanctions-related disputes

The purpose of this Article from the outset was to examine how arbitral tribunals treat evidence supporting allegations of bad faith in the context of the police powers, for subsequent use in the sanctions-related disputes. Provided analysis leads authors to the following conclusions. Despite the tribunals unanimously recognise high deference to the decisions of domestic authorities of the host state, as was observed by the *Deutsche Bank* tribunal, states do not possess “extremely broad discretion to interfere with investments in the exercise of ‘legitimate regulatory authority’”. In addition, the standard of proof for bad faith allegations is clear and convincing or cogent evidence. Not only is the standard important, but also the quantity – the evidence must be sufficient. Tribunals regularly treat the evidence presented by investors as “circumstantial”. Nonetheless, an investor’s chances of meeting the standard increase if he or she bases the evidence on “objective considerations”. Recall that in *Marfin v. Cyprus*, the arbitral tribunal emphasised: if the investors had demonstrated objective

⁵¹ *Casinos v. Argentina*. 391.

⁵² *Sodexo v. Hungary*. Para. 272.

⁵³ *Ibid.* Para. 280.

facts of non-involvement of the bank's senior management in its collapse, the removal of that management by Cyprus would have been recognised as unlawful. However, in that case it was the Central Bank of Cyprus that "relied on objective factors" and concluded that the bank's management was at least partially responsible for the bank's liquidity crisis and, thus, lawfully removed the management. No matter how laudable the goal that a host state declares, this fact would not prevent a tribunal from finding that a genuine, behind-the-doors aim was political. For instance, in *Sodexo v. Hungary*, the tribunal unveiled Hungarian genuine goal for discrimination of Sodexo disguised under the protection of the public health. In addition, tribunals ascribe different weight to public media statements of state officials. For instance, in *Sodexo v. Hungary*, the existence of multiple public statements was sufficient for the tribunal to discern the absence of good faith on behalf of respondent state. In *Deutsche Bank v. Shri Lanka*, the official statements of the Chief Justice of the Supreme Court became one of the key, though not the only,

pieces of evidence that proved Shri Lanka's political motivation. Remarkably, those statements were very clear as they did not provide for a double meaning and made by senior officials at the minister's level. To recall, the Chief Justice explicitly stated that the government prejudged the court's decision. To the contrary, in *Marfin v. Argentine*, the statements cited by the claimants were rather ambiguous and allowed only for very cautious inferences. On top of that the principle of proportionality can serve the investor's position even in the absence of clear and unambiguous public statements from top officials. In *Casinos v. Argentina*, the tribunal rejected the investor's evidence as circumstantial, though, nonetheless, concluded that the Argentinian authority acted in bad faith based on the proportionality principle: it adopted the most drastic measures without a prior notification and without a possibility to remedy the investor's violation of legislation. Alongside with that drawing the tribunal's attention to the timing of the events surrounding the challenged measures may contribute to the investor's success.

References

1. Beaucillon C. An introduction to unilateral and extraterritorial sanctions: definitions, state of practice and contemporary challenges. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2021. P. 6-8.
2. Boklan D., Murashko E. Sankcii v otnoshenii uslug i nacional'naja bezopasnost': opravdanie ili zloupotreblenie? [Sanctions on trade in services and national security: justification or abuse?]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice]*. 2022. № 3. P.139-156. (In Russ.).
3. Wigati A., Amalia P., The police powers doctrine as a state's protection against the claim of indirect expropriation under the international investment arbitration. – *South East Asia Journal of Contemporary Business, Economics and Law*. 2022. Vol. 28. Issue 1.
4. Boklan D.S., Koval V.V. Unilateral Sanctions under International Law and Effectiveness of Blocking. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 6-23. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-4-6-23>.
5. Bonnitcha J, Williams Z.P., State Liability for "Politically" Motivated Conduct in the Investment Treaty Regime. – *Leiden Journal of International Law*. 2020. Vol. 33. Issue 1.
6. Bulut O.E. Drawing Boundaries of Police Powers Doctrine: A Balanced Framework For Investors and States. – *Journal of International Dispute Settlement*. 2022. Vol. 13. Issue 4.
7. Ivanova E.M. Problema sankcij v mezhdunarodnom prave: terminologicheskij aspekt [The Problem of Sanctions in International Law: Aspect of Terminology]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016. № 2. P. 181-187. (In Russ.).
8. Keshner M. Legitimnost' sankcij v otnoshenii Rossijskoj Federacii: mezhdunarodno-pravovoj analiz [The Sanctions against the Russian Federation: International Legal Analysis of Legitimacy]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2015. № 7. P. 141-152. (In Russ.).
9. Kritskiy K.V. Sankcii i odносторонnie ogranichitel'nye меры v sovremennom mezhdunarodnom prave [Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law]. PhD thesis. Kazan. 2021. 226 p. (In Russ.).
10. Kritskiy K.V. Terminy «mezhdunarodnye sankcii» i «odносторонnie ogranichitel'nye меры» [International Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: Problems of Definition]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016. № 2. P. 204-213. (In Russ.).
11. Lehmann T. Police Powers Doctrine: a reliable State Defense in times of Covid-19? – *Revista de Direito Internacional*. 2021 No. 18(2). DOI:10.5102/rdi.v18i2.7416.
12. Melville K. The Police Powers Doctrine: Balancing Regulatory Chill with Rising Temperatures. – *Transnational Dispute Management*. 2023.
13. Miron A. *Countermeasures and Sanctions*. Courses of the Summer School on Public International Law. Vol. X. Moscow: The International and Comparative Law Research Center. 2022. 80 p.
14. Olmedo J.G., The Legality of EU Sanctions under International Investment Agreements. – *European Foreign Affairs Review*. 2023. Vol. 28. Special Issue.
15. Ranjan P. Police Powers, Indirect Expropriation in International Investment Law, and Article 31(3)(c) of the VCLT: A Critique of Philip Morris v. Uruguay. – *Asian Journal of International Law*. 2018. No. 9(01). P. 1-27. DOI:10.1017/S2044251318000139.
16. Titi C. Courses of The Summer School on Public International Law: The Right to Regulate. – *International Investment Law*. 2022. Vol. 18 (Revisited).

17. Titi C. International Investment Law and the European Union: Towards a New Generation of International Investment Agreements. – *European Journal of International Law*. – 2015. No. 26(3). P. 639-661. DOI:10.1093/ejil/chv040.
18. Titi C. Police Powers Doctrine and International Investment Law. – *General Principles of Law and International Investment Arbitration*. 2018. P. 323-343. DOI:10.1163/9789004368385_015.
19. Smutny A.C., Polasek P., Unlawful or Bad Faith Conduct as a Bar to Claims in Investment Arbitration. – *A Liber Amicorum: Thomas Walde*. 2012. URL: https://law.yale.edu/sites/default/files/documents/pdf/sela/Smutny_Polasek_Unlawful_or_Bad_Faith.pdf (accessed date: 13.01.2025).
20. Zamir N. The police powers doctrine in international investment law. – *Manchester Journal of International Economic Law*. 2017. No. 14(3). P. 318-337.
21. Zhu Y. A Quasi-Normative Conflict: Resolving The Tension Between Investment Treaties And Climate Action. – *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. 2024.
22. Godinez R.Q. A Case Note on the ICSID Tribunal's Decision in *Hydro and Others v. Albania: Indirect Expropriation and Proportionality*. – *Journal of International Arbitration*. Vol. 41. Issue 2.

Информация об авторах

Дарья Андреевна ЗАВЕРШИНСКАЯ,

аспирант, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация

dzavershinskaya@hse.ru
ORCID: 0009-0006-3856-9376

Дарья Сергеевна БОКЛАН,

доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Департамента международного права, заведующая Лабораторией по изучению защиты публичных интересов в условиях экономических санкций, заместитель главного редактора Журнала международного права НИУ ВШЭ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация

dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

About the Authors

Daria A. ZAVERSHINSKAIA,

Postgraduate student, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000

dzavershinskaya@hse.ru
ORCID: 0009-0006-3856-9376

Daria S. BOKLAN,

Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the School of International Law, Head of the Laboratory for the Study of Public Interest Protection under Economic Sanctions, Deputy editor-in-chief of the HSE University Journal of International Law, National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000

dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Владислав Ардашевич КАЧАЛЯН

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского п-т, д. 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация

kachalyan.v.a@odin.mgimo.ru

ORCID: 0009-0002-3845-4932

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. Одним из главных драйверов развития индустрии инвестиционных фондов в Европе стали организации коллективного инвестирования в обращающиеся ценные бумаги (далее – ОКИОЦБ), число которых в настоящее время превышает 35 тысяч, а сумма активов в их управлении составляет немногим больше 9,5 трлн евро. ОКИОЦБ – это один из главных игроков на европейском инвестиционном рынке, их значительное влияние на развитие европейской экономики проявляется на протяжении нескольких десятилетий. Выявление основных правовых причин высокой эффективности указанных организаций коллективного инвестирования является ключевой целью исследования. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: 1) изучить правовые основания деятельности ОКИОЦБ на разных этапах развития и оценить основные правила, которые лежат в основе их деятельности; 2) определить специфику функционирования данных субъектов коллективного инвестирования на современном этапе.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. Помимо общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция и пр.), в процессе исследования также использовались следующие специально-научные методы: историко-правовой, формально-юридический, а также технико-юридический методы, детерминировавшие логику повествования, содержание и научную достоверность настоящей статьи.

Представленная ниже оценка законодательных актов, прочих правовых актов институтов Европейского союза (далее – ЕС), белых книг, а также официальных документов CESR и ESMA опирается на российскую и зарубежную доктрину главным образом в части, касающейся категоризации различных видов фондов ОКИОЦБ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Наиболее значимые выводы исследования сводятся к следующему: 1) в ЕС действует детально разработанный свод правил, регулирующих деятельность ОКИОЦБ; 2) созданы условия для справедливой конкуренции между ОКИОЦБ на уровне ЕС, а также между данными организациями и различными видами фондов, действующих в США; 3) обеспечена эффективная и единообразная защита прав инвесторов; 4) сняты ограничения в отношении свободного перемещения ОКИОЦБ в пределах ЕС.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Правовые основания деятельности ОКИОЦБ постоянно совершенствуются и представляют собой хорошо проработанный свод юридических норм. Высокая степень зрелости правовой базы определяется не только значимостью ОКИОЦБ для европейской экономики, но и тем, что указанные фонды коллективных инвестиций привлекают денежные средства большого числа розничных инвесторов, а значит, требуются дополнительные гарантии защиты прав и интересов последних.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, интеграция, инвестиционная деятельность, инвестиционное право, фонды коллективного инвестирования, ОКИОЦБ, Европейский союз

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Качалян В.А. 2025. За рубежом опыт правового регулирования ин-

вестиционной деятельности. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 83–95. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-83-95>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-83-95>

Research article

UDC: 341

Received 10 January 2025

Approved 5 March 2025

Vladislav A. KACHALYAN

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
kachalyan.v.a@odin.mgimo.ru
ORCID: 0009-0002-3845-4932

FOREIGN EXPERIENCE IN THE LEGAL GOVERNANCE OF INVESTMENT ACTIVITIES

INTRODUCTION. *One of the catalysts of the development of the European investment fund industry has been the inception of the undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS), the number of which currently exceeds 35,000 funds, who manage assets worth more than 9,5 trillion euros. UCITS are central to the European investment market with their substantive impact on the European economy having been evident for several decades. The identification of the legal factors contributing to the high efficacy level of these undertakings constitutes the primary objective of the research. To achieve this goal, the following tasks shall be addressed: 1) to examine the legal framework governing the activities of UCITS schemes at various stages of its development, so as to estimate the fundamental rules underpinning their operations; 2) to determine the specifics of the functioning of the collective investment vehicles under consideration in terms of modern legislation.*

MATERIALS AND METHODS. *Apart from general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.), the specific methods employed within the research are as follows: historical-legal, formal-legal and technical legal methods, which determined the logical structure, content and scientific integrity of this article. The assessment of legislation, other legal acts of EU institutions, white papers, so as official documents*

of CESR and ESMA presented below is based on Russian and foreign doctrine, mainly in terms of categorization of various types of UCITS schemes.

RESEARCH RESULTS. *The most significant findings of the research are summarized hereinbefore. 1. The European Union has implemented a comprehensive compendium of rules governing the activities of UCITS. 2. Conditions ensuring fair competition among UCITS at the EU level, as well as between these schemes and different types of funds operating in the US have been established. 3. Effective and uniform protection of investors has been provided. 4. Restrictions imposed on the free movement of UCITS within the EU have been eliminated.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The legal framework for UCITS funds, which embodies a comprehensive set of rules, is continuously evolving. The high level of maturity of the regulatory framework for UCITS is determined not only by their significance to the European economy, but also because the collective investment schemes, in general, raise capital from retail investors. It requires additional safeguards to protect the latter's rights and interests.*

KEYWORDS: law, integration, investment activity, investment law, collective investment schemes, UCITS, European Union

FOR CITATION: Kachalyan V.A. Foreign Experience in the Legal Governance of Investment Activities. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 83–95. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-83-95>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Introduction

For decades, the undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) have played a prominent role in the European collective investment market. These undertakings allow for the financing of economic development of the EU Member States and, due to their reliability, have become a popular choice for numerous investors, including those from third countries. Several years before the global economic and financial crisis of 2008–2009, UCITS funds (as of 2006) accounted for 74 % of all collective investment schemes in Europe¹. Currently, their number exceeds 35 thousand² funds in operation with a total asset value being slightly over 10 trillion euros³.

2. Legal Basis and Key Stages in the Evolution of the Legal Framework for UCITS Funds

In the European Union, the legal basis for the activities of UCITS is notable for its comprehensive nature. To date, six revisions of the original legal act of 1985 – Council Directive 85/611/EEC of 20 December 1985 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) – which underpinned the legal governance of these collective investment entities, have been passed, thus, significantly contributing to the development of the investment fund industry in Europe.

The primary objective of the *initial stage of the reform* (1993–1994) was to grant a European passport to UCITS depositaries. The concept of “European

passport” stands for the compendium of rules, which entitle the EU single market for financial services (SMFS) participants to provide cross-border activities without hindrance once they have obtained a relevant authorization. Notwithstanding the fact that the issuance of a special permit, which is essentially an administrative act, falls within the purview of the national supervisory bodies, the legal validity of such document is recognized across all Member States [Chetverikov 2024:228]. The introduction of the European passport for UCITS funds became one of the crowning achievements of the Directive 85/611/EEC, since this concept paved the way for the establishment of the European single market for investment funds, which entailed the creation of a depositary services sub-sector at the EU level. Additionally, it was suggested to expand the scope of the Directive 85/611/EEC to cover funds of funds, money market funds, cash funds and master-feeder funds. Despite the fact that these modifications proposed by the Commission during the first stage may not appear to be significant, the EU Member States considered them to be quite ambitious. As a result, the legislative act amending the provisions of the Directive 85/611/EEC was not adopted.

The *second phase* (1998–2001) was marked by the Commission submitting two proposals amending the 1985 Directive. In 2001, these were adopted as two directives: 1) the Directive governing the activities of UCITS management companies (MC), providing them with the access to the SMFS and establishing a uniform simplified prospectus⁴; and 2) the Directive, which provisions increased the number of funds falling under the definition of UCITS through the expansion of asset types such undertakings could

¹ White paper on enhancing the single market framework for investment funds (Brussels, 15.11.2006). – COM (2006) 686.

² EFAMA: Quarterly Statistical Release. Trends in the European Fund Industry in the Fourth Quarter of 2023 & Results for the Full Year of 2023. Brussels, March 2024. P. 22. URL: <https://www.efama.org/sites/default/files/Quarterly%20Statistical%20Release%20Q4%202023.pdf?clid=964f1ecb> (accessed date: 10.12.2024).

³ ECB: Total Assets Held by UCITS Funds in the Euro Area (Stock), Euro area (Changing Composition), Quarterly (19 November 2024). URL: <https://data.ecb.europa.eu/data/datasets/IVF/IVF.Q.U2.N.TC.T00.A.1.Z5.0000.Z01.E?clid=fca17d07> (accessed date: 09.12.2024).

⁴ Directive 2001/107/EC of the European Parliament and of the Council of 21 January 2002 amending Council Directive 85/611/EEC on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) with a view to regulating management companies and simplified prospectuses. – OJ L 41. 13.2.2002. P. 20–34.

invest in⁵. A major portion of amendments proposed by the Commission were incorporated into two 2001 directives; however, the introduction of a European passport for MCs proved to be an extremely contentious issue. One could argue that such passport was *ipso-facto* granted to the aforementioned companies, nevertheless, the harmonization in this area necessitated the formation of the exhaustive list of services that could be provided by MCs.

In course of *stage three* of the reform (2008–2009), as a result of global economic and financial crisis, the UCITS legal framework underwent substantial changes. Austerity policies pursued by various Member States of the EU affected the overall confidence in the financial services market of the Union leading to a swift response from investors, who withdrew their funds en masse from the establishments under consideration. The resulting losses for UCITS sub-sector were dramatic, with a total of approximately 335 billion euros being withdrawn. As some scholars have rightly noted, the long-term economic progress of most nations was largely disrupted and undermined by the 2008 financial crisis [Krugman 2008:184]. Understanding events that occurred during this period is essential, not only because they triggered a reconfiguration of the economy on a global scale, but also because, having induced certain implications for the integration process within the EU, such events catalyzed the development of the SMFS.

It was during the aforementioned timeframe that the Commission tabled the proposal⁶, which reconsidered the legal framework for UCITS fundamentally. The alterations proposed were conventionally classified by the Commission into two categories: 1) improvements of the provisions of UCITS Directive in force; and 2) those aimed at the implementation of new market freedoms. The first group included modifications as to the simplification of UCITS prospectus, facilitation of notification procedure

designed to inform the host Member States of the UCITS intention to carry out its activities in their jurisdictions, as well as the introduction of the European passport for the MCs of the undertakings, where the latter, by increasing market supply and, therefore, competition, could materially reshape the balance of interests within UCITS sub-sector. Alterations eliminating the impediments for pooling assets within one UCITS fund and those addressing the capacity of the schemes at issue to engage in cross-border mergers were covered by the second group. The measures proposed were all incorporated into European legislation through the adoption of the 2009 Directive⁷.

During *the fourth period* of the reform (2012–2014) careful actions were taken to polish legal rules regarding the operation of depositaries. It was proposed to clarify specific provisions with respect to their liability before UCITS funds and investors. As before, depositaries remain responsible for damages incurred by UCITS schemes, that may result from depositary's failure to fulfill its obligations or from the improper performance of such commitments, the liability for which shall be established independently by each Member State of the EU. The 2014 Directive⁸ is, thus, novel in that it identifies specific circumstances that may eventuate, say, in case of loss of the fund's assets [Buttigieg, Agius 2020:597], or in the liability being imposed on the depositaries.

At the latest stage of the reform, the Directive (EU) 2021/2261 of the European Parliament and of the Council of 15 December 2021 amending Directive 2009/65/EC as regards the use of key information documents by management companies of undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS)⁹ was adopted. With the Directive in effect on January 1, 2023, it has enhanced the regulatory regime set forth for UCITS schemes, for instance, through the establishment of a mandatory

⁵ Directive 2001/108/EC of the European Parliament and of the Council of 21 January 2002 amending Council Directive 85/611/EEC on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS), with regard to investments of UCITS. – *OJ L* 41. 13.2.2002. P. 35–42.

⁶ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS). – *COM/2008/0458*.

⁷ Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS). – *OJ L* 302. 17.11.2009. P. 32–96.

⁸ Directive 2014/91/EU of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 amending Directive 2009/65/EC on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) as regards depositary functions, remuneration policies and sanctions. – *OJ L* 257. 28.8.2014. P. 186–213.

⁹ Directive (EU) 2021/2261 of the European Parliament and of the Council of 15 December 2021 amending Directive 2009/65/EC as regards the use of key information documents by management companies of undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS). – *OJ L* 455. 20.12.2021. P. 15–17.

requirement for these funds to issue the so-called key information document, where major features and securities of such scheme are briefly described allowing investors to assess the risks associated with the acquisition of UCITS assets and make an informed investment decision.

In total, five stages of the reform undergone by the EU regulatory framework for UCITS activities may be identified, which, in conjunction with the 1985 Directive, constitute six generations of the relevant legislation. A high degree of legislative focus on this area is due to UCITS, almost immediately after their inception, having had a considerable impact on the European economy. The cornucopia of reforms is also attributable to the rapid pace of changes within the financial market, as well as to the potential of systemic crises.

3. UCITS As a Unique Subject of Investment Activities

Within the scope of current EU legislation, the term “UCITS” stands for the undertaking 1) with the exclusive objective of investing pooled funds, attracted from the general public, into transferable securities or other liquid financial assets; 2) the activities of which shall be subject to the risk allocation principle; 3) which units, at the request of their holders, may be (in)directly redeemed or repurchased [Gheorghe 2022:142]. Certain types of funds are excluded from the UCITS legal framework. These include 1) close-ended funds, 2) collective investment schemes (CISs), that bring in investors’ funds, but make no public offer as to the purchase of the establishments’ units within the territory of the EU; 3) CISs, the units of which, pursuant to their constitutional documents, may be sold exclusively in third countries; 4) CISs that do not comply with a) common requirements as to the implementation of investment policy; and b) rules, subject to which the due level of UCITS borrowings shall be maintained [Kasyanov, Kachalyan 2024:346]. A special place is held here by the close-ended funds, which may not redeem issued units, including those acquired by the unitholders as part of the initial public offering, thus, investors “may not sell them [even in the secondary market] until the expiration of the fund’s operational period” [Zhurbin, Merekina 2017:78]. In other words, close-ended funds are those CISs, which units may not be repurchased or redeemed immediately after their

primary allocation, but only upon the termination of the schemes’ activities as to the specific investment product.

The concept of “UCITS” shall be considered as a generic term, which encompasses a plethora of fund types. With respect to the *investment object* (or the type of assets in which the fund is authorized to invest), UCITS schemes include money market funds, exchange-traded funds and other types of funds specified hereinbefore. Most doctrinal sources focus on the above-mentioned classification of UCITS. This was justifiable at the early stages of the sub-sector’s construction due to the lack of those CISs, that could have been established as UCITS, having been attributed at the same time to any other categorization of investment funds. Being deemed substantive, this gap shall be addressed through the provision of the following classification of those CISs which fall under the UCITS regulatory regime set forth.

From the perspective of *organizational structure*, UCITS differ primarily in terms of methods utilized by the schemes under consideration to allocate their liquidity among various sub-funds, existing within one fund. The 2009 Directive, thus, differentiates between funds of funds, master-feeder funds and umbrella funds. Let us examine each of these fund types in more detail.

As introduced by the Directive 2001/108/EC¹⁰, *funds of funds* have two distinct characteristics: firstly, these funds acquire specific type of assets, i.e., units issued by other UCITS; secondly, such schemes enjoy a coherent system, where one UCITS invests in another one with no sub-funds of their own. In this case, it may be argued that the investment object itself determines a specific (horizontal) structure of the given fund type (*figure 1*). Consequently, from a theoretical standpoint, funds of funds are sometimes referred to as “UCITS of UCITS” [Amenc, Sender 2010:40]. Despite the apparent simplicity of the funds of funds organizational structure, the European legislature has laid down certain limitations to prevent the potential misuse or abuse of any kind. Say, UCITS may not invest in those CISs (either of UCITS or of non-UCITS type), where they have already invested in other CISs, and the total amount of the acquired units exceeds 10 % of the fund’s total asset value. This requisite of the Directive was prompted by the concerns of the potential emergence on the market of the pyramid-type investment schemes (or the so-called “funds of funds of funds”) [Anderberg, Bolton 2006:15].

¹⁰Directive 2001/108/EC. Op. cit.

Figure 1. Funds of Funds

Restrictions were also imposed on investments in non-EU CISs, being subject to Art. 1(2)(a) and (b) of the 2009 Directive. Funds of funds are entitled to invest only in units of those non-EU CISs, the countries of origin of which are covered by the so-called “equivalence regime”, the application of which, essentially, implies that the regulatory framework of the third country is considered equivalent to that of the EU [Moloney 2021:3]. The imposition of the foregoing regime involves the Commission making unilateral, indisputable decisions, regarding certain fractions of the financial services sector, and providing market access to those areas, the regulation of which in the third country is deemed equivalent [Galushko 2022:35]. However, the implementation of this regime in terms of the Directive in force does not imply that non-EU CISs may sell their units directly to European retail investors. On the contrary, UCITS, established within the EU, are granted the right to acquire units of non-EU CISs upon the establishment of equivalence regime against their countries of origin. Furthermore, it can be argued that one of the shortcomings of current UCITS legislation is the lack of specific provisions on establishing the equivalence regime with respect to the marketing of units of non-EU CISs within the territory of the Union. As a result, to date, if non-EU CISs, even where they are structurally comparable to UCITS and the level of investor protection offered by the laws of their third countries is congruent, wish to market their units within the territory of the Union, they are generally treated as Alternative investment funds. In this case access to the SMFS is granted on the basis of bilateral agreements made between the competent authorities of the EU Member States and third countries [Schmies 2024:171].

Regarding *master-feeder structures* (figure 2), it shall be identified that, in concordance with Art. 58 of the Directive 2009/65/EC, the term “feeder” refers to those CISs, who direct 85 % of the funds obtained through sale and purchase of the latter’s units into the master-fund, which, in its turn, may not act as

a feeder-fund and, therefore, have its pooled capital allocated to other feeders. The feeder is authorized to invest the remaining 15 % of the contributed funds to other highly liquid transferable securities or derivative financial instruments [Alshaleel 2016:17].

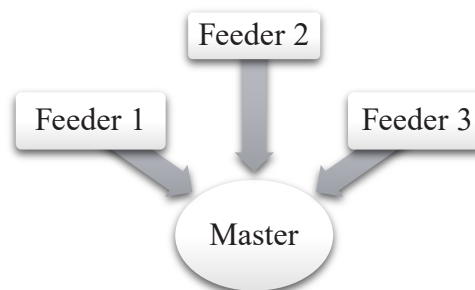

Figure 2. Master-feeder funds

This type of CIS constitutes a complex (vertical) structure, wherein all feeders direct most of the investors’ funds into their master, which is in charge of the portfolio management.

Turning to the analysis of *umbrella funds*, the examination of constraints set out on the national dimension is illustrative enough in terms of the schemes’ organizational structure. Assume that within one umbrella fund, incorporated in conformity with the Cypriot legislation as a single legal entity, sub-funds A, B and C are operational (figure 3). Firstly, sub-fund A is empowered to contribute to sub-funds A and B less than 20 % of its net assets, due to which sub-funds B and C are not allowed to direct their investments to sub-fund A. If this is the case, the cumulative investment of sub-fund A in other sub-funds shall not exceed 25 % of the net asset value of the whole fund. Secondly, sub-funds B and C are entitled to invest in each other a maximum of 10 % of their net asset value, given the funds have already been allocated to the latter by the sub-fund A¹¹. In order to prevent the situation, where all invested funds continuously circulate within the umbrella fund, the satisfaction of the requirements provided hereinbefore is deemed crucial, since otherwise this could be used by some CISs as an unfair practice aimed at the overstatement of the scheme’s assets, which, essentially, shall be considered as a market abuse carried out under the false pretense of the accretion of the capital within the sub-funds. Consequently, the fundamental distinction between the umbrella funds

¹¹ KPMG: A guide to UCITS funds in Cyprus. Fund Services. Cyprus, March 2017. P. 14. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cy/pdf/2023/A%20guide%20to%20UCITS%20funds%20in%20Cyprus%2010_07_23.pdf?clickid=2dc9190c (accessed date: 07.12.2024).

and master-feeder structures is that in the former case, subject to certain restrictions laid down by the EU Member States, sub-funds are allowed to invest in other sub-funds, all belonging to the same umbrella fund.

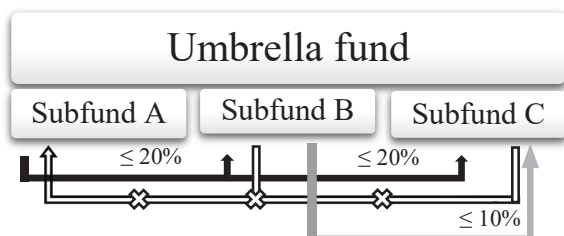

Figure 3. Umbrella funds

At the same time, the umbrella funds may operate as multi-class funds, meaning that these CISs issue two or more classes of shares (for more detail, please see below), acquiring which implies that the fee, being dependent upon the type of the financial instrument chosen for the investment and the legal framework of the UCITS home Member State, shall be paid by the investors¹². Multiple classes of securities may be issued by the umbrella fund itself, so as by the schemes qualified as its sub-funds [De Luca 2019:732], thus, the issuance of new classes of securities does not necessitate the incorporation of another sub-fund [De Luca 2019:734]. However, where the umbrella fund has two or more investment objectives, it requires the formation of new compartments, so as the issuance of the funds' respective share classes.

UCITS funds may be also classified pursuant to their *legal form*. Where the designated undertakings are formed as a common fund or unit trust, they issue units, since these schemes lack legal personality [Adema 2009:12]. If the fund is set up as an investment company, which is the incorporated business entity, it is the *shares* of UCITS that are issued¹³.

In the common fund, the asset management is carried out in accordance with its founding documents with a legal title to such assets being held by the scheme itself. All income received by UCITS is then distributed among investors. These rules also

pertain to investment companies. Within the unit trust, the corpus (familarly referred to as the trust property) is held by a person empowered to administer such assets, aka the trustee, who exercises this right in favor of the scheme's beneficiaries and not in his or her own interest, unless trust agreement specifies otherwise.

In Luxembourg, which is a major European hub for investment funds (most of which are classified as umbrella ones [Hazenberg 2013:121]), UCITS fraction of the financial market has seen a significant development. As of 2021, Luxembourg accounts for 36 % of the European sub-sector for UCITS schemes, amounting to € 4.7 trillion in assets¹⁴. From a legal standpoint, Luxembourg domiciled UCITS may be set up as: 1) common funds (*"fonds commun de placement"*), which, having no legal identity of their own, shall be managed by Luxembourg MCs (or by MCs situated in other Member States of the EU); and 2) investment companies with variable capital (*"société d'investissement à capital variable"*) or fixed capital (*"société d'investissement à capital fixe"*), which are both constituted as artificial bodies [Grec, Marquais 2020:403].

It shall be mentioned that, despite the absence of direct equivalents of the funds under consideration in the Russian Federation, some prominent Russian financial institutions have embraced the benefits offered by this concept by having their own UCITS funds registered in the European Union. For instance, in 2014, the MC "Sberbank Asset Management" (now known as the MC "Pervaya") incorporated two funds within the territory of Luxembourg, namely: Sberbank Russian Equity Fund and Sberbank Russian Fixed Income Fund, which, correspondingly, invested in shares and bonds of domestic companies¹⁵. Both of these schemes were incorporated as UCITS ones and, pursuant to Luxembourg legislation, assumed the legal form of SICAVs. Although both funds ceased to exist in 2023, the establishment of such funds serves as a testament to the reliability of UCITS schemes as collective investment vehicles.

¹² ZEW/OEE: Current Trends in the European Asset Management Industry Report. Lot 1. 2006. P. 9. URL: https://web.archive.org/web/20180505175850/http://ec.europa.eu/internal_market/investment/docs/other_docs/report_en.pdf (accessed date: 12.12.2024).

¹³ CESR Consultation Paper on MiFID complex and non-complex financial instruments for the purposes of the Directive's appropriateness requirements, May 2009. – CESR/09-295. P. 18.

¹⁴ EFAMA: Fact Book 2022. Brussels, June 2022. P. 21. URL: https://www.efama.org/sites/default/files/files/Fact%20Book%202022%20lowres_2.pdf (accessed date: 10.12.2024).

¹⁵ IPE D.A.C.H. Asset Management Guide 2014. Sberbank Asset Management. 2014. P. 2. URL: https://www.institutional-investment.de/uploads/tx_instamg/176-177-Sberbank-final.pdf (accessed date: 09.02.2025).

The latter is also substantiated by the fact that numerous US corporations, functioning in the country's financial market, have also taken notice of the UCITS brand, introduced under the authority of the European legislature. Say, Goldman Sachs, world-renowned investment bank, has established the Goldman Sachs ETF ICAV (Irish Collective Asset-Management Vehicle), which, being domiciled in Ireland, encompasses at least 10 sub-funds, operating as separate UCITS. These funds engage in diverse range of investments, spanning from green bonds to bonds issued by the government of China.

The type of security instruments issued by UCITS rests on the legal form of such CISs. At the EU level, there is currently no legislation, that could arrange miscellaneous share classes in a sufficient, carefully ordered fashion. As a result, a multitude of approaches to addressing this issue, which have emerged at the national level, have been implemented. With this issue having been raised on several occasions by the European Securities and Markets Authority (ESMA), following extensive debate in 2014¹⁶ and 2016¹⁷, two documents, which endeavored to delve into this matter, were made public. In 2017, ESMA published its opinion on "Share classes of UCITS"¹⁸, having this concept explicated as "different types of units or shares, belonging to the same UCITS", which "attribute different rights or features to sub-sets of investors in relation to their investment", despite the fact that all investors contribute their funds to a single investment portfolio. In other words, distinct share classes, existing within a single fund, to a certain extent allow for the "individualization" of investment strategy of a specific investor, albeit this matter is predominantly governed by the soft law of the EU and domestic legislation of the EU Member States.

A unique status of UCITS schemes is also contingent upon the specific nature of those contributing to the CISs at issue. Since offers on the acquisition of units/shares of funds, falling under this category, as detailed above, shall be made publicly, the majority of those purchasing such assets are retail investors, who tend to adhere to more conservative investment practices and lack the expertise and skills required. Having acknowledged the substantial risks associated with the investments of the kind, the European legislator has provided for a series of safeguards to protect the legal rights and interests of non-sophisticated investors.

4. The Fundamental Rules Governing the Operation of UCITS Schemes

UCITS that intend to provide their services within the territory of the EU Member States, other than those, where such entities were established and obtained their license, shall submit the relevant *notification* to such countries. This requirement, introduced as a part of the initial UCITS Directive, has proven its efficacy over time on a market-wide scale, enabling numerous financial institutions with a "European passport" to conduct their operations throughout the EU. While taking its first steps, the UCITS sub-sector encountered challenges, related to protectionist measures employed by some states, leading to delays in obtaining a special permit to carry out investing activities in the host Member States, to discrepancies in the national marketing rules, so as to the lack of convergence in terms of the supervisory practices, thus, giving rise to uncertainty within the sub-sector. Consequently, the impediments for trans-border execution of UCITS activities persisted for 24 years, spanning from 1985 to 2009.

With the Directive 2009/65/EC entering into force, the fundamental modification as to the existing notification procedure was introduced. Instead of the burdensome procedure, whereby the UCITS should have notified the host Member State's supervisory authorities on the intent to conduct its activities there, it is the appropriate governmental body of UCITS home Member State, which is now bound to forward such notice. The aforesaid alteration has eliminated the possibility of the host country imposing excessive requirements on the schemes involved, thereby ensuring compliance with domestic legislation of the host. This rule has enhanced the efficiency of the sub-sector by having reduced the transaction costs, which, in its turn, facilitated the creation of the level playing field and promoted fair competition among UCITS funds both within and outside the territory of the EU [Krupa 2024:664].

To be more specific, the entire simplified notification procedure may be now broken down into two steps.

Step 1. A UCITS (or its management company) notifies the financial supervisor of the state of such undertaking's origin. The competent body of the home country shall, within 10 business days

¹⁶ ESMA: Discussion Paper: Share classes of UCITS, 23 December 2014. – ESMA/2014/1577.

¹⁷ ESMA: Discussion Paper: UCITS share classes, 6 April 2016. – ESMA/2016/570.

¹⁸ ESMA: Opinion: Share classes of UCITS, 30 January 2017. – ESMA-34-43-296.

of receiving the notice, direct it to the appropriate agency of the country, where UCITS intends to provide services. Note should be made here as regards the Commission, adopting a range of supplementary regulations and directives, which clarify the specific provisions of the legal act under analysis. One such example is the (implementing) Commission Regulation (EU) No 584/2010 of 1 July 2010¹⁹ on the standard notification form and the exchange of information between competent authorities, covering the procedure for and the content of notification. As it is inferred from the title, this Regulation provides for the *standard notification form*, which the home supervisor shall send to the host authority. The form enclosed to the Regulation as Annex I must include: the undertaking's name, its compartments (if any), scheme's constituent documents, details requested by the competent bodies of the host Member State, etc. Pursuant to Art. 3 of the Regulation 584/2010 the home supervisor is empowered to communicate the standard form of notice via E-mail²⁰.

Step 2. The competent body of the host MS undertakes to confirm the receipt of such notifications within five working days. As soon as it has been brought to the attention of the UCITS that the notices explicated herein have been *submitted* to the appropriate governmental agency of the host Member State, this entity is deemed to have been granted the right to commence its activities in host country. Therefore, UCITS are now vested with the power to operate in the host Member States of the EU without awaiting regulatory approval²¹. In this regard, the intention of the European legislator is obviously that of addressing the artificial obstacles, that may arise from the insufficient level of approximation of supervisory practices.

Still, where the enforcement practices applied by the supervisory bodies have been further refined, some Member States of the EU act inconsistently.

Say, in 2012 the Irish Funds Industry Association indicated that “the approach taken by some countries has been that a UCITS is not permitted to access the market until it has been notified by the home regulator that the host Member State has received the complete notification package”²². The host has five business days to notify the home of the *receipt* of such notifications, resulting in UCITS waiting a maximum of 15 business days upon the submission of the identified instruments to access the market of the host country. The foregoing circumstances contravene the provisions of the Directive, being deemed incompatible with the smooth functioning of the SMFS fund industry.

Despite this, the degree of harmonization of legal relations affected by the 2009 Directive demonstrates the legislative body's intent to reduce the number of such limitations, which stem from the insufficiency of supervisory convergence. Besides, a deliberate movement towards the unification of the legal basis evidences that the regulatory approach taken within the sub-sector for UCITS funds is suited to the needs of the time and may serve as an example of transition to the second phase in the development of the EU SMFS [Kasyanov, Kachalyan 2024:2]. The simplified notification procedure has significantly decreased the administrative burden on the relevant undertakings, however certain restrictions regarding the marketing of UCITS remain. To facilitate the admission of foreign undertakings of the kind to the market of the host country, the 2009 Directive requires the EU nations to ensure unimpeded access to the internal regulations, governing their marketing practices, through Internet. Such acts shall be published in English, which in Art. 5(7) of the Directive is discreetly referred to as “a language customary in the sphere of international finance”²³.

¹⁹ Commission Regulation (EU) No 584/2010 of 1 July 2010 implementing Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council as regards the form and content of the standard notification letter and UCITS attestation, the use of electronic communication between competent authorities for the purpose of notification, and procedures for on-the-spot verifications and investigations and the exchange of information between competent authorities. – *OJ L* 176. 10.7.2010. P. 6-27.

²⁰ See, e.g., National rules for marketing of units of UCITS units/shares in Hungary and other specific national regulations related to the notification procedure. P. 7. URL: <https://www.mnb.hu/letoltes/national-rules-for-marketing-of-units-of-ucits-units-1.pdf?clid=abe15c79> (accessed date: 05.12.2024).

²¹ Buttigieg C. The development of the EU regulatory and supervisory framework applicable to UCITS: a critical examination of the conditions and limitations of mutual recognition. DPhil in Law Thesis. University of Sussex. 2014. P. 169.

²² Irish Funds Industry Association. Consultation Document UCITS, Product Rules, Liquidity Management, Depository, Money Market Funds, Long-term Investments. Brussels, 18 October 2012. P. 39. URL: https://web.archive.org/web/20220118234512/https://ec.europa.eu/finance/consultations/2012/ucits/docs/contributions/registered-organisations/irish-funds-industry-association_en.pdf (accessed date: 03.12.2024).

²³ Directive 2009/65/EC. Op. cit.

A unique position in terms of the governance of UCITS activities is held by the policy on mergers. Before delving into the analysis of the proposed mechanism, it is necessary to justify the rationale behind harmonization in this area. The fact is that the stock market – not only that of the EU – is generally arranged in the manner, whereby the fund's expenses are reciprocally proportional to its size. That is, the larger the net asset value of the CIS, the lower the cost of the services it provides. In 2007, the Commission raised concerns regarding the average size of the European fund being one-fifth that of the American fund²⁴, with 54 % of European schemes having managed the assets worth less than € 50 million, at the end of 2004. All these resulted in the Europe-domiciled investors having to pay more than their American counterpart. Relatively modest UCITS asset value hindered the economic growth, reduced the opportunities for such CISs and affected the interests of private investors. Through the introduction of the mechanism for merger, the costs incurred by such schemes, in conjunction with various estimates, could decrease by € 8,6 billion per annum²⁵.

For this purpose, the UCITS Directive provides for two types of mergers: 1) cross-border merger of at least two UCITS schemes set up in different states of the EU, and 2) domestic one, which implies that at least two undertakings, established in the same Member State, merge into one UCITS. In the latter case, no less than one of the UCITS involved in such reorganization shall have authorization to conduct its operations in another Member State of the EU [Stefanini 2015:25], or, by virtue of Art. 2(1)(r), shall be notified subject to the provisions of Art. 93.

Given the diverse legal traditions of the Member States, the right to determine the *methods of merger* is reserved by the 2009 Directive with the aforementioned states, thus, leading to the imposition of certain constraints regarding the legal form of the undertakings under analysis. The latter is the case, where the laws of some of the EU Member States do not imply that UCITS may choose between all three legal forms outlined above, e.g., in countries that belong to Romano-Germanic legal system, which

constitute the vast majority of the EU nations, unit trusts are less common in contrast to mutual funds and investment companies, meaning that in such states mergers are possible, albeit effectuated with due regard for the forms of funds recognized by the legal framework of a jurisdiction. In order to ensure the unhindered operation of the mechanism at issue, the Directive places the Member States under an obligation to acknowledge cross-border mergers whatever legal structure or mode of merger have been opted for by the parties involved.

To protect the investors' interests, the Directive 2009/65/EC sets out a range of prerequisites to be met prior to a merger. These requirements entail, *inter alia*, *procuring authorization* from the pertinent regulatory body of the home country of UCITS, with regard to which the agreement has been executed and the merger is being undertaken. This is a significant regulatory provision, since the very process of amalgamation may have a stronger impact on the unitholders of such undertaking. As indicated in Art. 39(3) of the Directive, this process shall be overseen in close cooperation with the relevant authorities of the states of origin of the entities involved. Furthermore, Art. 42(1) of the 2009 Directive introduces the rule regarding mandatory *monitoring of mergers* of UCITS by a depositary or by an independent auditor. In having its activities carried out, the auditor shall adhere to the provisions of the Directive 2006/43/EC of 17 May 2006 on statutory audits of annual accounts and consolidated accounts²⁶. Prior to the conclusion of a relevant transaction, the depositary or the independent auditor shall draw up the report, estimating the agreement for merger upon the following criteria: the standards employed by the parties to determine the value of assets and liabilities of the schemes, the method for the exchange ratio calculation, etc.

In order to obtain approval from the relevant authorities, UCITS is required to fulfill another condition precedent prescribed in the Directive. All information regarding the merger shall be provided in a transparent manner, that is to say, not only must it be available to the competent authorities, but also to

²⁴ European Commission. Initial orientations for discussion on possible adjustments to the UCITS Directive (Exposure Draft). – P. 2. URL: https://web.archive.org/web/20180525010716/http://ec.europa.eu:80/internal_market/investment/docs/legal_texts/orientations/mergersexposure_en.pdf (accessed date: 05.12.2024).

²⁵ Ibid. P. 5.

²⁶ Directive 2006/43/EC of the European Parliament and of the Council of 17 May 2006 on statutory audits of annual accounts and consolidated accounts, amending Council Directives 78/660/EEC and 83/349/EEC and repealing Council Directive 84/253/EEC. – OJ L 157. 9.6.2006. P. 87-107.

the investors of UCITS. As far as it is concerned with the cross-border merger, the foregoing requirement is especially important as it allows to address or mitigate the risk of information asymmetry, which may increase considerably, where retail investors of the UCITS involved in reorganization lack proficiency in the language of UCITS home state.

It is due to this reason that the Commission adopted the (implementing) Directive 2010/42/EU of 1 July 2010²⁷, which clearly sets forth the requirements on what data shall be communicated to investors: 1) the analysis of all expenses the investors might incur; 2) the details specifying any changes in the scope of unitholders' rights which may result from the merger; 3) the current specimen of the key investor information document of target UCITS, etc.

In some countries mergers may take place exclusively upon the result of the vote. In such cases, the unitholders shall be informed of the voting procedure. In compliance with Art. 7 of the Directive 2010/42/EU, this information may be communicated to the undertakings' investors either in the form of hard copy or through any other durable medium, provided that the investors have explicitly stated such willingness. All preliminary requirements designated hereinbefore shall serve as additional safeguards for the protection of retail investors [Annuziata 2019:7], the practical application of which enables consumers of UCITS services to make informed investment decisions.

5. Conclusion

For approximately 40 years, European lawmakers have been enhancing the UCITS legal framework through either the adoption of amendments to the existing directives, or the enactment of novel legislation specifically tailored to address the needs of the sub-sector. To date, there have been six revisions to the 1985 Directive, which have paved the way for the formation of the modern compendium of rules, governing the activities of one of the most significant actors within the European collective investment market. The global economic and financial crisis of 2008–2009 made European legislative bodies take decisive action in the financial market. Where once EU Member States could hinder financial integration, taking into account parochial interests inherent to their national markets, the bitter aftermath of the

crisis underscored the necessity for deeper cooperation in this sensitive area, especially for retail investors. All these substantiates the *meticulous design of the legal framework for UCITS schemes*.

The concept of European passport, the introduction of which has significantly altered the balance of interests on the market, constitutes one of the underlying principles of such regulation. Upon obtaining the passport, UCITS gains the right to conduct its operation within the entire SMFS. As time passed, having recognized its substantive benefits, the lawmakers of the EU expanded the scope of this concept to encompass management companies, *effectively eliminating another barrier to the free movement of UCITS within the Union*.

The legislative focus on this area shall also be viewed in light of the unique nature of entities investing in UCITS. The maintenance of a due level of protection for the rights and interests of private investors is a paramount objective of the regulatory framework governing UCITS activities, since collective investment typically falls outside the purview of such persons, thereby increasing the likelihood of potential risks. To prevent such scenarios, a comprehensive scope of investor protection measures has been implemented at pan-European level, namely: specific categories of funds exempt from the relevant regulation have been clearly delineated; stringent requirements pertaining to the volume of investments in specific assets have been imposed on the majority of complex UCITS schemes, which may be classified not only on the basis of their investment object, but also their organizational structure and legal form.

The introduction of the procedure for the notification of the host Member State of UCITS intention to carry out its operations therein (which constitutes the fraction of the regulatory design granting various financial institutions acting within the SMFS full access to the benefits afforded by the European passport) and subsequently of the simplified procedure have significantly reduced the expenses incurred by UCITS funds. The latter was due to the inception of a requirement under which the competent authorities of the host shall be notified by the respective bodies of the home state. Being some sort of a novelty, this imperative serves as one of the means of fostering *fair competition among UCITS schemes within the EU*, which is essential to maintain an adequate level of investor protection.

²⁷ Commission Directive 2010/42/EU of 1 July 2010 implementing Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council as regards certain provisions concerning fund mergers, master-feeder structures and notification procedure. – OJ/L 176.10.7.2010. P. 28-41.

Adoption of the procedure for merger of UCITS, of both cross-border and domestic type, prompted by the Commission's concerns regarding the average size of European funds, has led to the enhancement of *bona fide competition between the aforesaid undertakings and various types of funds operating within the US*. This advancement is especially important in terms of safeguarding the investors. To ensure transparency and accountability, several measures have been put in place. These include obtaining the approval from home supervisory bodies of target UCITS; monitoring of reorganization through a designated depositary or independent auditor; communicating

the details of merger to the undertakings' investors; as well as addressing information asymmetry being resultant from the investors' lack of knowledge of the language utilized in the agreement, etc.

The establishment of a competitive environment with American funds, the rise of new complex fund types qualified as UCITS at the supranational level, the facilitation of the procedures enabling such undertakings to engage in cross-border activities, together with the implementation of the European passport, all further a goal of the legal framework for such undertakings, i.e., *to ensure efficacy and uniformity of safeguards vested with UCITS investors*.

References

- Adema R. *UCITS and Taxation: Towards Harmonization of the Taxation of UCITS*. Kluwer Law International. 2009. P. 12.
- Alshaleel M.K. Undertakings for the Collective Investment in Transferable Securities. Directive V: Increased Protection for Investors. – *European Company Law*. 2016. Vol. 13. Issue 1. P. 17.
- Amenc N., Sender S. Are Hedge-Fund UCITS the Cure-All? – *EDHEC Risk Institute Publication*. March 2010. P. 40.
- Anderberg K.L., Bolton L.E. UCITS: A Developing Model for the Future of the European Investment Fund Marketplace. – *Euromoney International Investment & Securities Review*. 2006. P. 15.
- Annuziata F. Cross-Border Mergers between Investment Funds in Europe: A complicated Enigma. – *Bocconi Legal Studies Research Paper*. 2019. № 3470794. P. 7.
- Buttigieg C., Agius J., Saliba S. Establishing an EU internal market for depositaries. – *Journal of Financial Regulation and Compliance*. 2020. Vol. 28. Issue 4. P. 597.
- Chetverikov A.O. *Integratsiya i upravlenie na rynkakh kapitala: politiko-pravovye mekhanizmy [Integration and Management in Capital Markets: Political and Legal Mechanisms]*. Moscow: RuScience. 2024. P. 228. (In Russ.).
- De Luca N. Share Classes in Investment Funds and Fair Treatment of All Investors. – *European Business Law Review*. 2019. Vol. 32. Issue 4. P. 732.
- Galushko D.V. Problemy pravovogo regulirovaniya finansovykh uslug v kontekste brekzita [Problems of Legal Regulation of Financial Services in the Context of Brexit]. – *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Studies]*. 2022. Vol. 9. Issue 3. P. 35. (In Russ.).
- Gheorghe C. European Venture Capital Funds (EuVECA). – *Challenges of the Knowledge Society*. Bucharest: Nicolae Titulescu University Publishing House. 2022. P. 142.
- Grec A., Marquais O. Investment Management and Corporate Structuring Considerations for Third-Party Litigation Funders in Luxembourg. – *ASA Bulletin*. 2020. Vol. 38. Issue 2. P. 403.
- Hazenberg J.J. Independence and focus of Luxembourg UCITS fund boards. – *European Journal of Law and Economics*. 2013. Vol. 41. P. 121.
- Kasyanov R.A. Itogi poluvekovoi integratsii finansovykh rynkov v Evrope (1973–2023) [The Outcomes of Semicentenary Integration of Financial Markets in Europe (1973–2023)]. – *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2024. №1. P. 62. (In Russ.).
- Kasyanov R.A., Kachalyan V.A. Evolution of the Legal Framework for UCITS Funds in the European Union (1985–2023). – *Kutafin Law Review*. 2024. Vol. 11. Issue 2. P. 346.
- Krugman P. *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*. New York: W.W. Norton & Company. 2008. P. 184.
- Krupa D. Cross-Border Distribution of Investment Funds. – *Organization and Management*. 2024. Issue 192. P. 664.
- Moloney N. Financial Services under the Trade and Cooperation Agreement: Reflections on Unfinished Business for the EU and UK. – *Brexit Institute Working Paper Series*. 2021. № 3. P. 3.
- Schmies C. Third Country Relations and the Equivalence Regime: Treatment of Collective Investment Schemes. – *European Business Organization Law Review*. 2024. Vol. 25. Issue 1. P. 171.
- Stefanini F. *From UCITS Directive to UCITS III Provisions*. – *Newcits: Investing in UCITS Compliant Hedge Funds*. John Wiley & Sons. 2015. P. 25.
- Zhurbin M.M., Merekina E.V. Skhodstva i razlichiya rossiiskogo i zarubezhnogo rynka investitsionnykh fondov [Similarities and Discrepancies Between Russian and Overseas Investment Fund Market]. – *Den'gi i kredit [Money and Credit]*. 2017. № 12. P. 78. (In Russ.).

Информация об авторе**Владислав Ардашевич КАЧАЛЯН,**

преподаватель кафедры английского языка в сфере юриспруденции Одинцовского филиала МГИМО МИД России, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского п-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

kachalyan.v.a@odin.mgimo.ru
ORCID: 0009-0002-3845-4932

About the Author**Vladislav A. KACHALYAN,**

Lecturer, Legal English Department, MGIMO Odintsovo; Postgraduate Student, Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

kachalyan.v.a@odin.mgimo.ru
ORCID: 0009-0002-3845-4932

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-96-109>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 14.01.2025

Принята к публикации: 13.03.2025

Павел Сергеевич КОРОЛЁВ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Миклухо-Маклая ул., д. 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

1142220711@rudn.ru

ORCID: 0009-0006-5260-2582

ФИНАНСИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВВЕДЕНИЕ. Финансирование развития является важнейшим аспектом глобального экономического управления, обеспечивающим социально-экономический прогресс государств. Современная международная финансовая архитектура, сформировавшаяся после Второй мировой войны, сталкивается с новыми вызовами, включая рост долгового бремени развивающихся стран, недостаточную доступность финансовых ресурсов и дисбаланс в механизмах принятия решений международными финансовыми институтами. В статье рассматриваются международно-правовые проблемы финансирования развития, включая необходимость реформирования Международного валютного фонда (далее – МВФ) и Всемирного банка, а также расширение механизмов специальных прав заимствования (далее – СПЗ).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Настоящее исследование основано на анализе большого объема материалов, включая международно-правовые акты, акты рекомендательного характера, а также современные доктринальные исследования российских и зарубежных авторов. Методологическую основу исследования составили общенаучные (метод логического и системного анализа, дедукции и индукции) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы) методы познания, с помощью которых была определена эволюция международной финансовой системы и проанализированы оценки предложений по ее реформированию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе проведенного исследования автор изучил международные инициативы, направленные на реформирование финансовых институтов, включая изменения в системе квот МВФ, пересмотр принципов управления Всемирным банком и разработку новых инструментов глобального экономического регулирования. Было установлено, что существующая международная финансовая архитектура не отвечает потребностям современного глобального экономического управления. По итогам исследования были выявлены ключевые структурные недостатки действующей международной финансовой системы: высокие издержки заимствования для развивающихся стран, недостаточная инклюзивность механизмов принятия решений, ограниченный доступ государств к международным финансовым ресурсам.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор в рамках настоящей статьи попытался обосновать необходимость создания более прозрачной и инклюзивной глобальной финансовой системы, ориентированной на устойчивое развитие и защиту экономических интересов всех государств; отметил, что современные механизмы распределения финансовых ресурсов требуют пересмотра с учетом глобальных экономических реалий, а дальнейшее совершенствование международно-правового регулирования в этой сфере потребует активного взаимодействия государств, международных организаций и финансовых институтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *финансирование развития, международная финансовая архитектура, реформирование МВФ, реформирование Всемирного банка, специальные права заимствования (СПЗ), глобальное экономическое управление*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Королёв П.С. 2025. Финансирование развития: международно-

правовые проблемы. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-96-109>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-96-109>

Research article

UDC: 341

Received 14 January 2025

Approved 13 March 2025

Pavel S. KOROLYOV

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198

1142220711@rudn.ru

ORCID: 0009-0006-5260-2582

FINANCING FOR DEVELOPMENT: INTERNATIONAL LEGAL ISSUES

INTRODUCTION. *The global financial system plays a crucial role in development financing, ensuring economic stability and growth. However, the existing international financial architecture, primarily shaped by the Bretton Woods institutions, has been criticized for its inefficiencies, lack of inclusivity, and inability to meet the financial needs of developing economies. This article explores the legal dimensions of development financing, focusing on the governance of the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank, the role of Special Drawing Rights (SDRs), and the broader implications of financial reforms on global economic governance.*

MATERIALS AND METHODS. *This study employs a multidisciplinary legal approach, integrating international legal analysis with economic perspectives. The methodology includes a review of primary legal sources such as treaties, institutional regulations, and UN resolutions, alongside secondary sources, including academic literature and reports from international financial organizations. Comparative and historical analyses are used to assess past and present reform efforts.*

RESEARCH RESULTS. *The findings indicate that the current financial system disproportionately favors*

developed economies, limiting access to development financing for low-income and emerging economies. High borrowing costs, inadequate debt relief mechanisms, and restricted access to SDRs exacerbate economic inequalities. Recent reform proposals within the IMF and World Bank seek to address these disparities by adjusting voting rights, expanding SDR allocations, and revising financial regulations to promote fairer global economic governance.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The study underscores the need for a fundamental restructuring of the international financial system to ensure equitable access to development financing. While recent proposals signal progress, their implementation depends on political will and international consensus. Future reforms should focus on enhancing transparency, strengthening financial resilience, and ensuring that global financial institutions serve the collective interests of all nations, not just the most economically powerful ones.*

KEYWORDS: *development financing, international financial architecture, IMF reform, World Bank reform, Special Drawing Rights (SDRs), international economic regulation*

FOR CITATION: Korolyov P.S. Financing for Development: International Legal Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-96-109>

The author declares the absence of conflict of interest.

Введение

Наличие у государств достаточных ресурсов, включая финансовые, является определяющим условием экономического и социального прогресса и развития их народов. Одним из важных каналов получения финансовых средств в различных формах являются международные финансовые организации, (учреждения) прежде всего Бреттон-Вудская система¹, в которую входят Международный валютный фонд (далее – МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (далее – МБРР, МБ). В документах Организации Объединенных Наций (далее – ООН), где речь идет о развитии, и на доктринальном уровне [Buirá 2005:328] все чаще стали появляться призывы о реформировании международных финансовых структур с целью их превращения в эффективные международные механизмы финансирования экономического и социального прогресса и развития, провозглашенных Уставом ООН (ст. 55 (a)).

Реформа международной финансовой архитектуры

В одном из последних документов, принятых в рамках ООН, также содержится призыв к Генеральному секретарю ООН представить предложения по реформированию международной

финансовой системы². В ответ на этот призыв Генеральный секретарь ООН представил доклад³, в котором подтвердил свою готовность разработать рекомендации по данному вопросу для рассмотрения на Саммите в 2024 г. Впоследствии ему было предложено внести вклад в подготовку предстоящего Саммита через проработку вопроса реформирования международной финансовой системы. В мае 2023 г. Генеральным секретарем ООН была представлена Концептуальная записка⁴.

В качестве причин необходимости проведения реформы международной финансовой системы в представленной Генеральным секретарем ООН Концептуальной записке названы следующие: данная система (обозначенная как «международная финансовая архитектура») созданная после Второй мировой войны промышленно развитыми государствами для общего развития «не выдерживает возрастающей нагрузки»⁵; на фоне потребностей современного мира эта международная финансовая архитектура является «совершенно непригодной» для мобилизации предсказуемого долгосрочного и масштабного финансирования. Она (международная финансовая архитектура) в Концептуальной записке в целом характеризуется как «несправедливая» и «неэффективная»⁶.

В Концептуальной записке также названы существенные недостатки международной финансовой архитектуры, такие как высокая

¹ Бреттон-Вудская система (англ. *Bretton-Woods system*) – международная система организации денежных отношений и торговых расчетов, установленная в результате Бреттон-Вудской конференции, проходившей с 1 по 22 июля 1944 г.

² ООН: Декларация о праздновании семьдесят пятой годовщины ООН. Принята резолюцией ГА ООН A/RES/75/1 от 21 сентября 2020 г. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/248/83/pdf/n2024883.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).

³ ООН: Доклад Генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня» A/75/982 от 20 октября 2021 г. URL: https://www.un.org/ru/content/common-agenda-report/assets/pdf/our_common_agenda_ru.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

⁴ Концептуальная записка⁶ для «Нашей общей повестки дня»: реформирование международной финансовой архитектуры от 11 мая 2023 г. С. 2. URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/our-common-agenda-policy-brief-international-finance-architecture-ru.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же.

стоимость кредитов, с которыми сталкиваются развивающиеся страны на финансовых рынках; нестабильность финансовых рынков и потоков капитала; повторяющиеся глобальные финансовые кризисы; кризисы суверенного долга и др.⁷

Констатируется, что многие правительства вынуждены направлять львиную долю доходов на выплаты по обслуживанию долга, что негативно сказывается на таких важных областях, как здравоохранение, социальная защита и образование⁸. Отметим, что Россия в недавнем прошлом на себе испытала все эти «прелести»⁹.

Отмечается проблема ограниченной доступности развивающихся стран к СПЗ [Igbinenikaro, Adewusi 2024:1040]. В подтверждение приводится статистика: Африка с 1,4 млрд населения, 60 % которого живут в условиях крайней нищеты, в 2021 г. получила всего 5,2 % от общего объема эмиссии СПЗ¹⁰.

Предложение о необходимости реформирования международной финансовой архитектуры [Williamson 1990:445] в Концептуальной записке представлено в интересах всех государств (развитых и развивающихся), в целях восстановления доверия к ней и недопущения фрагментации международных финансовых и экономических отношений. При этом следует заметить, что речь идет о проведении «масштабных реформ» международной финансовой архитектуры (включая «механизмы управления»), состоящей из «международных финансовых рамок, правил, учреждений и рынков»¹¹.

Согласно Концептуальной записке «международная финансовая архитектура» институционально состоит из международных финансовых учреждений (например, многосторонние банки развития, МВФ), глобальных фондов (например,

Зеленый климатический фонд) [Солнцев 2018:75]; органов, устанавливающих финансовые стандарты (например, Совет по финансовой стабильности, Банк международных расчетов, Международная организация комиссий по ценным бумагам); валютных механизмов (например, региональные финансовые институты); неформальных объединений (например, Группа семи, Группа двадцати); формальных, но не универсальных нормоустанавливающих органов (например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)); групп кредиторов (например, Парижский клуб, Лондонский клуб); и самой ООН как универсальной организации, устанавливающей и реализующей нормы. Вместе с тем уточняется, что международная финансовая архитектура не охватывает все области действия, предусмотренные в Аддис-Абебской программе действий третьей Международной конференции по финансированию развития¹².

В Концептуальной записке даны рекомендации по реформированию международной финансовой (а также международной налоговой) структуры [Emelianova, Dementyev 2020:730]. В частности, предлагается: глобальное экономическое регулирование; облегчение долгового бремени; создание глобальной системы финансовой безопасности; создание нормативно-правовых рамок, которые позволят решить проблему краткосрочности на рынках капитала; создание глобальной налоговой архитектуры для развития¹³.

Далее считаем целесообразным изложить ключевые положения каждого раздела Концептуальной записки, где говорится о реформировании отдельных элементов архитектуры и приводятся аргументы в пользу реформы [Suleymanov 2024:40].

⁷ Концептуальная записка 6 для «Нашей общей повестки дня»: реформирование международной финансовой архитектуры от 11 мая 2023 г. С. 3.

⁸ Там же.

⁹ Арсентьев Ю.А. *Международные организационно-правовые механизмы кредитования и финансирования и Российская Федерация*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. РУДН. Москва, 2000. 182 с.

¹⁰ Концептуальная записка 6 для «Нашей общей повестки дня»: реформирование международной финансовой архитектуры от 11 мая 2023 г. С. 3.

¹¹ Там же.

¹² ООН: Аддис-Абебская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/69/313 от 27 июля 2015 г. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares69d313_ru.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

¹³ Концептуальная записка 6 для «Нашей общей повестки дня»: реформирование международной финансовой архитектуры от 11 мая 2023 г. С. 3.

Перспективы реформирования МВФ

Начнем с познавательной информации о том, что в создании международных финансовых структур 80 лет тому назад участвовали всего 44 государства, а ныне число государств-членов МВФ и Всемирного банка составляет 191¹⁴. Эта статистика, на наш взгляд, должна быть принята во внимание при рассмотрении вопроса об адекватной представленности государств в органах международной финансовой архитектуры и об их возможности участвовать в принятии решений этих органов. Признается, что механизмы глобального экономического регулирования не поспевают за изменениями в мировой экономике, включая рост политического влияния Глобального Юга, а также отмечается факт, что несмотря на постоянные заявления о намерении серьезно реформировать международную финансовую систему, конкретные шаги в этом направлении не предпринимаются, а развитые страны по-прежнему сохраняют право вето в директивных органах МВФ и МБ¹⁵.

Названа еще одна серьезная проблема: отсутствие координации в управлении мировой экономикой и фрагментарность мер реагирования на экономические, финансовые, продовольственные и энергетические кризисы¹⁶. Применительно к отсутствию координации напоминает о его причине: в 1971–1978 гг. Бреттон-Вудскую систему сменила Ямайская валютная система, основанная на свободной торговле (конвертации) валютой. Тем самым были подорваны согласованные в 1940-х гг. механизмы координации [James 1996:779], которые сами по себе были неудовлетворительными. Это изменение, в свою очередь, породило ряд неформальных групп (Группа пяти, Группа шести, Группа семи, Группа восьми, Группа двадцати), а также формальных структур, таких как Базельский комитет банковского надзора, Международная организация комиссий по ценным бумагам,

Совет по финансовой стабильности, Комитет по вопросам развития и др., в которых почти не представлены развивающиеся страны [Ghulam, Dhruva 2024:1090].

Предлагаемая в Концептуальной записке реформа подкреплена действиями: например, Действием № 1 предусмотрено преобразование механизмов управления международными финансовыми учреждениями путем обновления формулы определения квот МВФ и реформирования правил голосования и принятия решений, доступа к ресурсам независимым от квот и увеличения представительства развивающихся стран в директивных органах¹⁷. Предлагается также улучшение институциональной прозрачности этой системы.

В рассматриваемом документе выражена лишь «надежда» на укрепление финансового положения МВФ, основанном на согласованной в 2008 г. Формуле, по которой 50 % квот выделяются на основе показателей ВВП, 30 % – на основе показателей транспарентности торговли, 15 % – на основе показателей волатильности потоков капитала и 5 % – на основе показателей уровня резервов. При этом утверждается, что эта Формула обеспечивает сбалансированность двух потенциально противоречивых критериев – платежеспособности страны и ее потребности в ресурсах [Liang, Yunbao Zhou, Hongxia Zeng, Jun Wang, Chuanbin 2024:838]. В связи с этим подчеркивается потребность в том, чтобы страны – члены МВФ отделяли аспект платежеспособности от аспекта права голоса и ассигнований, что предполагает необходимость разработки соответствующих инструментов. Отмечается необходимость предусмотрения данной Формулой автоматической корректировки размеров квот с учетом текущей ситуации. Предпочтение отдается правилу, согласно которому решения в МВФ должны приниматься двойным большинством голосов, что обеспечит стимул для принятия решений на основе консенсуса¹⁸.

¹⁴ What is the IMF? – IMF: [Official website]. URL: <https://www.imf.org/en/About/Factsheets/IMF-at-a-Glance> (accessed date: 29.01.2025).

¹⁵ Концептуальная записка 6 для «Нашей общей повестки дня»: реформирование международной финансовой архитектуры от 11 мая 2023 г. С. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Там же.

Для адекватного восприятия предложенных в Концептуальной записке рекомендаций разъясняются действующие ныне правила голосования и количество голосов у государств – членов МВФ, которое определяется комбинацией квот и количества базовых голосов вне зависимости от экономического положения страны. В контексте вопроса о количестве базовых голосов сообщается, что оно упало до половины от уровня, существовавшего на момент создания МВФ, и потому эта доля должна быть возвращена на первоначальный уровень (до $\frac{1}{9}$ от общего числа голосов). Одно из предложений для оставшихся $\frac{8}{9}$ заключается в том, чтобы добавить компонент численности населения в Формулу квоты, что в конечном счете приведет к уменьшению значимости механизма распределения квот в МВФ [Дементьев 2022:185].

В Концептуальной записке подчеркивается, что доступ к СПЗ МВФ не должен зависеть от квот; чтобы распределение кредитов и СПЗ было более эффективным, а оценки потребностей должны быть увязаны с уровнем дохода и уязвимости стран¹⁹.

В части реформирования системы управления напоминает о принятой в Лиме в 2015 г. так называемой динамической формулы для проведения акционерных обзоров, которая представлена в Концептуальной записке как «хороший» инструмент для определения способности вносить вклад, однако используемого «неэффективно»²⁰.

Для увеличения веса голосов развивающихся стран в МБ предлагается увеличить капитал многосторонних банков развития, необходимый для расширения предоставления недорогого финансирования в целях развития. Увеличение капитала, таким образом, должно использоваться для реализации динамической формулы, чтобы выборочное увеличение капитала стало основным элементом увеличения капитала МБ. Для МБ также предлагается внедрение механизма принятия решений на основе двойного большинства, что является новым элементом в деятельности МБ [Kapur, Lewis, Webb 1997:1276].

В отношении состава правления МВФ и МБ [Mason, Asher 1973:915] в Концептуальной записке напоминает о том, что в их первоначальный состав входили 12 директоров из 44 стран-членов, а ныне 24 члена и 25 членов правления представляют 190 стран – членов МВФ и МБ. Чтобы сохранить первоначальное соотношение членов правления и стран-членов, в правлении должно быть не менее 52-х членов.

Устойчивое финансовое развитие

В Концептуальной записке также отмечена необходимость реформирования системы управления в других международных финансовых учреждениях, устанавливающих стандарты (например, Банк международных расчетов, Совет по финансовой стабильности и т.д.), для обеспечения того, чтобы универсальность и инклюзивность не оставались камнем преткновения в управлении финансами, налогообложением и борьбой с отмыванием денег²¹.

Поскольку данная Концептуальная записка была подготовлена Генеральным секретарем ООН для предстоящего в 2024 г. Саммита будущего, в ней была выражена надежда, что на нем (Саммите) будут согласованы вопросы, касающиеся создания координационного органа по экономическим решениям, который будет заседать раз в два года с участием глав государств и правительств стран, входящих в Группу двадцати, государств – членов Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), Генерального секретаря ООН и руководителей международных финансовых учреждений с целью разработки мер по созданию более «устойчивой» (от англ. *sustainable*), «инклюзивной» и «крепкой» (от англ. *resilient*) глобальной экономики.

Впоследствии на Саммите будущего в сентябре 2024 г. был принят Пакт во имя будущего (далее – Пакт)²², в котором заявлено следующее: «Мы, главы государств и правительств, представляющие народы мира, собрались в Центральные учреждения Организации Объединенных Наций, чтобы защитить потребности и интересы

¹⁹ Концептуальная записка 6 для «Нашей общей повестки дня»: реформирование международной финансовой архитектуры от 11 мая 2023 г. С. 7.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же. С. 8.

²² ООН: Пакт во имя будущего. Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/79/1 от 22 сентября 2024 г. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf> (дата обращения: 30.01.2025).

Следует отметить, что РФ согласна со многими положениями Пакта во имя будущего и поддерживает их, однако во время принятия этого документа она дистанцировалась, так как текст Пакта не был детально обсужден с участием всех государств.

нынешнего и будущих поколений посредством действий, предусмотренных этим Пактом во имя будущего»²³.

Пактом предусмотрены 56 Действий в различных сферах и по различным аспектам. Первый раздел Пакта обозначен так: «Устойчивое развитие и финансирование развития», что еще раз подтверждает актуальность вопроса финансирования развития. В нем представлены 12 Действий. Эти действия изложены достаточно объемно, потому далее мы приведем лишь ключевые положения и назовем некоторые из Действий в оригинальной формулировке, указывающей на их характер.

В начале содержится предупреждение о том, что достижение целей в области устойчивого развития (далее – ЦУР) находится под угрозой [Абашидзе, Солнцев, Киселева, Конева, Круглов 2016:70]. Прогресс в достижении большинства этих целей либо идет слишком медленно, либо показал откат до уровня ниже базовых показателей 2015 г.²⁴

В Действиях, к сожалению, многие положения носят декларативный характер, выражающийся в следующих формулировках: «Мы будем предпринимать смелые, решительные, ускоренные, справедливые и ориентированные на преобразования действия...»²⁵ или же «В наших усилиях по осуществлению Повестки дня на период до 2030 г. мы поставим на первое место ликвидацию нищеты»²⁶. Разве среди 17 ЦУР ликвидация нищеты не стоит на первом месте? ЦУР 1 – «ликвидация нищеты»!

В Действии 4 заявлено: «Мы устраним дефицит финансовых средств для достижения целей в области устойчивого развития в развивающихся странах»²⁷. Неужели с самого начала реализации Повестки дня 2030 не стояла эта задача? Что было сделано в течение 9 лет ее реализации? И здесь, в Действии 4, под громким заявлением читаем декларативные положения, такие как, например: «Мы глубоко обеспокоены растущим дефицитом финансовых средств для достижения

целей в области устойчивого развития...»; «Мы отмечаем предпринимаемые в настоящее время усилия по устранению дефицита финансовых средств для достижения целей в области устойчивого развития...»; «Мы постановляем... продолжать обсуждения по вопросу о модернизации исчисления официальной помощи в целях развития..., обеспечивать, чтобы помощь в целях развития была ориентирована на развивающиеся страны..., создавать более благоприятные условия на глобальном, региональном и национальном уровнях для более активной мобилизации внутренних ресурсов и укрепления потенциала»²⁸. Ничего нового, никакой конкретики!

Действия 47–52 посвящены непосредственно реформе международной финансовой архитектуры. Многие положения в указанных Действиях повторяют подробно нами изложенные положения Концептуальной записки Генерального секретаря ООН. Чтобы не повторяться, мы выделим лишь те положения Действий, которые являются новыми.

В Действии 47 высоко оцениваются реформаторские усилия и содержится призыв к принятию «более срочных и смелых мер», чтобы сделать международную финансовую архитектуру «более эффективной» и «более справедливой», «отвечающей требованиям современности», включая проблемы, с которыми сталкиваются развивающиеся страны при доступе к финансовым средствам для развития. Признается необходимость «глубокой реформы» международной финансовой архитектуры для реализации ЦУР и построения «более инклюзивного, справедливого, миролюбивого, жизнеспособного и устойчивого мира»²⁹.

В Действии 48 говорится об «ускоренной реформе» международной финансовой архитектуры для расширения представленности развивающихся стран и усиления их влияния в принятии глобальных экономических решений, нормотворчестве и глобальном экономическом регулировании в международных экономических

²³ ООН: Пакт во имя будущего. П. 1.

²⁴ Там же. П. 18.

²⁵ Там же. Действие 1.

²⁶ Там же. Действие 2.

²⁷ Там же. Действие 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Действие 47.

и финансовых учреждениях, включая МВФ и МБ, с тем чтобы сделать их более «эффективными», «авторитетными», «подотчетными» и «легитимными». Приветствуется включение 25-го члена в состав Исполнительного совета МВФ для стран Африки к югу от Сахары. Совету МВФ рекомендуется расширять представленность развивающихся стран в рамках усилий Исполнительного совета Фонда по разработке руководства для дальнейшего перераспределения квот, в том числе с помощью новой формулы квот при одновременной защите долей квот беднейших членов. Отдельно отражен призыв к МБ принять дополнительные меры по обеспечению более широкого представительства развивающихся стран в его руководящих органах³⁰.

В Действии 49 отмечается тенденция уменьшения притока капитала во многие развивающиеся страны и повышение оттока капитала из этих стран, который превышает объем поступающих средств. В сложившейся ситуации предлагается рассмотреть вопрос о доступе к финансовым ресурсам на более приемлемых условиях. Признана необходимость дальнейших банковских реформ в дополнение к укреплению механизмов мобилизации внутренних ресурсов. В частности, предложены следующие меры: укрепление потенциала Международной ассоциации развития путем внесения взносов донорами; ускорение многосторонними банками развития темпов реформирования своих концепций и структур; стимулирование операционных подходов и введение ими дополнительных мер с тем, чтобы повысить доступность финансовых ресурсов для развивающихся стран; рассмотрение многосторонними банками развития вопросов о планировании дальнейшего общего увеличения капитала; представление многосторонними банками развития возможных вариантов в отношении новых подходов к расширению доступа развивающихся стран к льготному финансированию; оказание многосторонними банками развития своевременной поддержки развивающимся странам за

счет увеличения объема и оптимизации долгосрочного льготного финансирования, в том числе путем кредитования в местных валютах³¹.

Действие 50 касается заемных средств, которые необходимы для долгосрочного развития. Страны должны иметь возможность заимствовать на устойчивой основе и иметь доступ к кредитам на приемлемых условиях для обеспечения полной транспарентности. Заявлено о неприемлемости долговой обремененности многих развивающихся стран и о необходимости реструктуризации долга. Предлагается обеспечение применения более предсказуемого, скоординированного, транспарентного подхода с тем, чтобы позволить странам-задолжникам избежать формирования избыточной задолженности. Международному валютному фонду предлагается провести обзор путем совершенствования архитектуры суверенного долга на основе существующих международных процессов; продолжение применения предложенной Группой двадцати Общего механизма урегулирования долговых вопросов для скоординированности процессов реструктуризации; использование в необходимых случаях положений об учете платежеспособности стран в рамках кредитования, в том числе положений об отсрочке погашения долга в случае чрезвычайных ситуаций; содействие более широкому привлечению практики конверсии долга в интересах достижения ЦУР³².

В Действии 51 признается роль специальных прав заимствования (далее – СПЗ)³³ в укреплении глобальной системы финансовой безопасности в мире. Действие содержит призыв к странам на добровольной основе перераспределить не менее половины своих СПЗ, в том числе по линии многосторонних банков развития; МВФ рекомендовано изучить все варианты дальнейшего укрепления глобальной системы финансовой безопасности с целью помочь развивающимся странам путем рассмотрения вопроса о целесообразности ускорения эмиссии СПЗ и содействия их добровольному перераспределению в пользу

³⁰ ООН: Пакт во имя будущего. Действие 48.

³¹ Там же. Действие 49.

³² Там же. Действие 50.

³³ Специальные права заимствования (от англ. *Special Drawing Right*) – это международный резервный актив, который не является валютой, однако его стоимость основана на корзине из пяти валют – доллара США, евро, китайского юаня, японской иены и фунта стерлингов.

развивающихся стран во время финансового кризиса. Приветствуется обзор практики МВФ в отношении надбавок³⁴.

В Действии 52 говорится об ускорении реформы международной финансовой архитектуры с целью ее приспособления к урегулированию проблемы изменения климата³⁵.

В контексте сказанного считаем необходимым изложить соответствующие положения Казанской Декларации «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности», принятой на XVI Саммите БРИКС в Казани в октябре 2023 г. Отдельное внимание в этом документе уделено роли МВФ в рамках поддержания прочной и эффективной глобальной системы финансовой безопасности. Так, в нем содержится «...призыв к реформе Бреттон-Вудских институтов, включая расширение представленности развивающихся стран и государств с формирующимся рынком на руководящих постах, с тем чтобы отразить их вклад в мировую экономику. <...> Такие назначения должны быть инклюзивными и справедливыми, основанными на принципах профессиональной пригодности кандидатов, расширения географической представленности. Приветствуется решение о создании должности 25-го исполнительного директора в Исполнительном совете МВФ с целью повысить роль и расширить представленность стран Африки к югу от Сахары»³⁶. Отмечается необходимость, и важность перераспределения долей квот, и в связи с этим «...приветствуется работа Исполнительного совета МВФ по разработке к июню 2025 года возможных подходов в качестве руководства для дальнейшего перераспределения квот...»³⁷, которые передают долю квот от стран с развитой экономикой развивающимся странам. Выражена надежда на успешное проведение обзора структуры акционерного капитала МБРР в 2025 г.

В Декларации также подчеркивается важность эффективного участия развивающихся стран в четвертой Международной конференции по финансированию развития, которая будет проходить в Испании в июне-июле 2025 г. В связи с этим в Декларации содержится призыв «...к развитым странам выполнять взятые ими на себя обязательства по финансированию развития и сотрудничать с развивающимися странами в различных областях развития, включая налогообложение, задолженность, торговлю, официальную помощь развитию, передачу технологий и реформирование международной финансовой архитектуры»³⁸.

Вместе с тем в Казанской Декларации подчеркивается ключевая роль «...Нового банка развития (НБР) в содействии развитию инфраструктуры и устойчивому развитию стран акционеров, а также решимость сообща трансформировать НБР в МБР нового типа XXI века»³⁹.

А как же оценивается деятельность МВФ и МБ зарубежными специалистами, в том числе теми, кто ранее работал в этих структурах? Вот что пишет, в частности, господин Джомо Кваме Сундарам в своей статье: Всемирный банк побуждает правительства обеспечивать незаконный отток финансовых средств в офшорные налоговые убежища за счет снижения контроля за движением капитала. Выплаты помощи странам совпадают с резким увеличением банковских депозитов в офшорных финансовых центрах. В частности, в 22-х странах, наиболее зависимых от помощи Всемирного банка, выплаты помощи этим странам совпадают с увеличением депозитов на счетах в иностранных банках в налоговых убежищах⁴⁰.

Такие «утечки» составили 7,5 % притоков, и их рост увеличивался по мере увеличения зависимости от помощи. Выплаты Всемирного банка, составляющие скромную долю всей

³⁴ ООН: Пакт во имя будущего Действие 51.

³⁵ Там же. Действие 52.

³⁶ Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». XVI Саммит БРИКС. Казань. 23 октября 2023 г. П. 11. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

³⁷ Там же. П. 11.

³⁸ Там же. П. 58.

³⁹ Там же. П. 62.

⁴⁰ Sundaram J.K. World Bank Enables Foreign Aid Theft. 17 January 2024. URL: <https://www.ipsnews.net/2024/01/world-bank-enables-foreign-aid-theft/> (accessed date: 31.01.2025).

помощи, в среднем составляют более 2 % годового ВВП стран с низкими доходами. При выплатах банкам в размере не менее 1 % ВВП, утечки из 46 стран привели к увеличению депозитов в налоговых убежищах на 3,4 %. Но при пороге в 3 % ВВП утечки из семи стран выросли до 15 %⁴¹.

Международный консорциум журналистов-расследователей опубликовал свое расследование «Панамские документы» с данными об офшорных корпорациях, показывающее множество секретных офшорных убежищ, используемых для сокрытия незаконных оттоков, особенно в Швейцарии и Люксембурге⁴².

Статья завершается выводом: «Большинство бедных стран сталкиваются с жестокими условиями рыночного кредитования в условиях масштабного международного экономического спада из-за политики, проводимой США и их европейскими союзниками»⁴³.

Доктрина о реформе международной финансовой архитектуры

Очевидна важность обеспечения стабильного функционирования финансовой архитектуры в условиях реального или возможного финансово-экономического кризиса. Очевиден и тот факт, что в глобальной системе финансовой безопасности центральную роль играет МВФ. К сожалению, МВФ не обеспечивает финансовую безопасность всем государствам. В частности, новое распределение СПЗ, произведенное в 2021 г., не способно укрепить систему финансовой безопасности. Дело в том, что механизм распределения СПЗ пропорционально долям квот стран в МВФ позволяет развивающимся странам получить лишь около $\frac{1}{3}$ от выделенных на этот год (2021) средств. При этом наиболее уязвимые страны получили гораздо меньше. В связи с этим напомним, что государства, входящие в Группу семи и Группу двадцати, призвали

к добровольному перераспределению неиспользованных СПЗ на сумму до \$100 млрд⁴⁴. Однако на деле к январю 2023 г. в распоряжении МВФ было передано СПЗ лишь на \$30 млрд. Заметим, что в рамках МВФ СПЗ *считаются основным резервным активом* в международной валютной системе [Кузнецов 2020:61-69].

В своде правил ОЭСР по либерализации движения капитала содержится призыв к полной либерализации, что указывает на отсутствие согласованности международной финансовой системы [Pare, Petry 2024:250]. Напомним, что во время пандемии страны, которые использовали механизмы управления потоками капитала, получили более низкие показатели стоимости финансирования и волатильности обменного курса и тем самым смогли сохранить доступ к внешнему финансированию. Во время кризисов в 2008–2009 гг. и 2020–2021 гг. решения по эмиссии СПЗ занимали 11 и 17 месяцев соответственно, когда для этого требовалась оперативность. Поэтому необходима выработка механизма оперативной эмиссии СПЗ⁴⁵.

По нынешним правилам общий размер МВФ зависит от объема взноса, который, в свою очередь, определяет право голоса. Предлагается устранить эту связку, отказаться от двусторонних механизмов кредитования и перейти к полному многостороннему финансированию Фонда. В качестве первоначального средства МВФ рассматривается продажа золотых активов Фонда. Следует отказаться от множителей квот в качестве ориентиров для определения лимитов заимствования, а также от надбавок⁴⁶.

Предлагается также широко использовать своповые механизмы центральных банков, которые позволяют решать проблемы ликвидности в срочном порядке и без затрат⁴⁷. Главное, чтобы развивающиеся страны имели возможность создавать такие механизмы и имели доступ к двусторонним своповым кредитным линиям.

⁴¹ Sundaram J.K. Op. cit.

⁴² The Panama Papers: Exposing the Rogue Offshore Finance Industry. – *International Consortium of Investigative Journalists*. URL: <https://www.icij.org/investigations/panama-papers/> (accessed date: 31.01.2025).

⁴³ Sundaram J.K. Op. cit.

⁴⁴ Концептуальная записка 6 для «Нашей общей повестки дня»: реформирование международной финансовой архитектуры от 11 мая 2023 г. С. 23.

⁴⁵ Там же. С. 24.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 4.

И МВФ может держать существенный объем ресурсов в свопоподобных инструментах с доступом, не связанным с правом голоса в МВФ (многосторонние валютные свопы).

Сложилось твердое убеждение в том, что надо отказаться в региональных финансовых системах от наличия программы МВФ, иначе региональные системы будут неэффективными.

Следует также обратить внимание на то, что в Группе двадцати была создана рабочая группа по вопросам сотрудничества, чтобы усилить координацию макроэкономической политики между странами Группы двадцати. Но Группа не справилась с задачей. Поэтому предлагается использовать Совет МВФ или Саммит, проводимый раз в два года в ООН для организации встречи на уровне министров финансов и глав центробанков.

На фоне сказанного возникает закономерный вопрос: должны ли правительства брать больше займов для инвестиций в развитие, или им следует отказаться от них, чтобы достичь «устойчивого» уровня государственного долга? [Damjanovic 2024:15]

Вот как отвечает на этот вопрос господин Ватчарин Сириманитам⁴⁸, сотрудник по экономическим вопросам Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (далее – ЭСКАТО). Он утверждает, что инвестиции в содействие справедливому и зеленому развитию не сулят ничего хорошего с нынешними подходами к анализу устойчивости государственного долга, принятыми международными финансовыми институтами и рейтинговыми агентствами. Автор объясняет причину этого: она связана с тем, что отдача от инвестиции в развитие становится заметной только в долгосрочной перспективе, а нынешние подходы отдают приоритет способности страны погашать долговые обязательства в ближайшем будущем. По его мнению, существует риск того, что слишком много внимания будет уделяться снижению риска краткосрочного долгового кризиса за счет социального благополучия.

Автор для решения этой проблемы предлагает так называемый расширенный подход ЭСКАТО в дополнение к существующим подходам, что нашло отражение в экономическом и социальном обзоре АТР 2023 г. Этот расширенный подход, по мнению автора, должным образом учитывает масштаб инвестиционных потребностей страны для достижения ЦУР и то, как такие инвестиции могут снижать, а не увеличивать соотношение государственного долга к ВВП в будущем. Уточняется, что в отличие от традиционных подходов, расширенный подход квалифицирует страны-должники на группы с низким или высоким риском возникновения государственного долга на основе некоторых общих пороговых значений. Это связано с тем, что «устойчивый» уровень долга должен зависеть от конкретной страны, и, среди прочего, от разрыва между прогрессом и целями развития [Абашидзе, Солнцев, Черных, Юсифова, Михеева, Юдина 2023:10].

Авторы совместной статьи⁴⁹ доктор экономических наук (ранее работал в МВФ) Омар Джавед и директор по международным коммуникациям Центра экономических и политических исследований (Вашингтон) Дэн Битон обращают внимание на решающую роль США, чтобы деятельность МВФ имела продуктивный характер, а не «климатическое лицемерие». Чтобы МВФ действительно начал участвовать в борьбе с климатическим кризисом, по мнению авторов, он (МВФ) «должен сначала положить конец своей бессмысленной, несправедливой и разрушительной политике дополнительных сборов»⁵⁰. Они считают, что администрация США способна обеспечить, чтобы МВФ вместо этого играл решающую роль в реагировании на климатические проблемы, поддерживая новый крупный выпуск резервных активов МВФ. По утверждению авторов, в настоящее время решение МВФ состоит в том, чтобы предложить больше долга странам, которые уже серьезно обременены долгом⁵¹. Согласно данным Глобальной политической сети Программы развития ООН, 54 развивающихся экономик страдают от серьезных долговых проблем, из

⁴⁸ Sirimaneetham V. *Assessing Public Debt Sustainability with a Long-Term View*. 10 January 2024. URL: <https://www.ipsnews.net/author/vatcharin-sirimaneetham/> (accessed date: 31.01.2025).

⁴⁹ Javed O., Beeton D. *Advanced Economies Must Let the IMF Play a Productive Role on Climate*. 12 January 2024. URL: <https://www.ipsnews.net/2024/01/advanced-economies-must-let-imf-play-productive-role-climate/> (accessed date: 31.01.2025).

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem.

которых 28 входят в «топ-50» наиболее уязвимых к климату стран мира [Jensen 2022:16]. Более 70 % климатического финансирования в этих странах было в форме кредитов. Согласно докладу *Development Finance International*, имеет место односторонность приоритетов расходования средств, навязанное развивающимся странам, многие из которых очень уязвимы к изменению климата⁵². Среди них обслуживание долга в 12,5 раз превышает сумму, потраченную на адаптацию к изменению климата [Otrashevskaya, Solntsev, Yusifova 2024:650].

Авторы также затронули взносы в климатический фонд «потерь и ущерба» [Digitemie, Ekemezie 2024:415], которые, по их мнению, далеки от удовлетворительных. Авторы напоминают, что США, государства Европейского союза и другие богатые страны не выполняли своих обязательств по выделению \$100 млрд в год⁵³.

По оценкам чиновников ООН, этим странам фактически придется тратить около \$1 млрд в год на борьбу с изменением климата к 2025 г.⁵⁴ и около \$2,4 млрд в год к 2030 г.⁵⁵ Эти страны сталкиваются с долговым кризисом отчасти потому, что МВФ требует, чтобы они следовали слишком широкой политике жесткой экономики в качестве условия получения кредитов. Этой проблемы можно избежать с помощью выпуска резервного актива во время кризиса в виде СПЗ.

Фонд выделил СПЗ на сумму \$650 млрд в августе 2021 г. в ответ на пандемию COVID. Однако затем страны, пострадавшие от климатического кризиса (такие как Пакистан, 1/3 территории которого была затоплена в 2022 г.) вынуждены брать на себя еще больше долгов, в то время как Министерство финансов США отказывало дать зеленый свет новому крупному выпуску СПЗ⁵⁶.

В качестве заключения данной статьи приведем мнение этих же авторов – О. Джаведа и Д. Битона. По их убеждению, все вышесказанное

указывает на корень проблемы: структуры управления МВФ и Всемирного банка. Соединенные Штаты Америки сами по себе имеют право вето на решения и на практике могут контролировать большую часть того, что делает МВФ, поскольку другие страны с высокими доходами – в основном в Европе – почти всегда выстраиваются в ряд с США, отдавая странам с высокими доходами 60 % голосов, в результате чего большая часть мира остается без права голоса в МВФ⁵⁷.

Вместе с тем известно, что большая часть СПЗ 2021 г. досталась богатым странам, поскольку они обеспечили большую часть ресурсов МВФ (их квот членства); в то время как усилия по перенаправлению этих СПЗ также были недостаточными как с точки зрения скорости, так и с точки зрения количества. Хуже того, механизмы перенаправления МВФ превращают СПЗ – международный резервный актив, который страны получают без каких-либо долгов или условий – в кредиты с определенными условиями⁵⁸.

Международный валютный фонд, к сожалению, вносит свой вклад в глобальный долговой кризис и другими способами. В частности, он продолжает взимать дополнительные сборы, по сути, «мусорные сборы», добавляемые к его нелюбимому кредитованию. Например, пострадавший от климатического кризиса Пакистан столкнулся с дополнительными сборами в размере \$122 млн в 2023 г. и еще \$69 млн в 2024 г. [Абашидзе, Солнцев 2024:235]

По мнению авторов, МВФ должен прекратить свою «карательную, ненужную и контрпродуктивную политику дополнительных сборов». И должно быть проведено новое крупное распределение СПЗ, чтобы позволить развивающимся странам лучше справляться с долговыми трудностями и достигать своих целей по расходам, устойчивым к изменению климата.

⁵² The Worst Ever Global Debt Crisis: putting climate adaptation spending out of reach. 2024. URL: https://www.development-finance.org/files/Debt_Service_Watch_Briefing_Climate_COP28_FINAL_281123.pdf (accessed date: 31.01.2025).

⁵³ Javed O., Beeton D. Op. cit.

⁵⁴ UN Climate Change High-Level Champions present a finance blueprint to narrow the climate & nature funding gap. 17 September 2023. URL: <https://climatechampions.unfccc.int/un-climate-change-high-level-champions-present-a-finance-blueprint-to-narrow-the-climate-nature-funding-gap/> (accessed date: 31.01.2025).

⁵⁵ Second report of the Independent High-Level Expert Group on Climate Finance «A climate finance framework: decisive action to deliver on the Paris Agreement». November 2023. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2023/11/A-Climate-Finance-Framework-IHLEG-Report-2-SUMMARY.pdf> (accessed date: 31.01.2025).

⁵⁶ Javed O., Beeton D. Op. cit.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibidem.

Заключение

Все сказанное подтверждает необходимость «глубокой реформы» Бреттон-Вудских институтов, как об этом говорится в документе, подготовленном в Секретариате ООН, представленном

Генеральным Секретарем на Саммите будущего. Вопрос заключается лишь в следующем: возможна ли эта реформа, когда она полностью зависит от США и их союзников? Захотят ли они добровольно отказаться от эффективных неокOLONиальных средств в лице МВФ и МБ?

Список литературы

- Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. 2024. Борьба с колониализмом и неокOLONиализмом как средство установления более справедливого миропорядка (вклад научной школы международного права РУДН). – *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. № 2 (66). С. 232–240.
- Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. 2016. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. № 1. С. 65–78.
- Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Черных И.А., Юсифова П.Н.К., Михеева В.И., Юдина Е.Д. 2023. Пробелы концептуального и практического характера в повестке дня в области устойчивого развития до 2030 г. – *Международный правовой курьер*. № 1. С. 5–13.
- Дементьев А.А. 2022. Интеграционное перерождение: из НАФТА в USMCA. – *Государство и право*. № 1. С. 179–187.
- Кузнецов А.В. 2020. Специальные права заимствования: нереализованный потенциал наднациональных денег. – *Теоретическая экономика*. № 9 (69). С. 61–69.
- Солнцев А.М. 2018. Изменение климата: международно-правовое измерение. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 60–78.
- Buira A. 2005. *Reforming the Governance of the IMF and World Bank*. London: Anthem Press. 328 p.
- Damjanovic I. 2024. The Reform of International Investment Law: Whose Rule of Law? – *European Journal of Risk Regulation*. P. 1–17.
- Digitem W.N., Ekemezie I.O. 2024. Assessing the role of climate finance in supporting developing nations: a comprehensive review. – *Finance & Accounting Research Journal*. Vol. 6. Issue 3. P. 408–420.
- Emelianova N.N., Dementyev A.A. 2020. Cryptocurrency, taxation and international law: contemporary aspects. – *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1100. P. 725–731.
- Ghulam Y., Dhruva K. 2024. Banking sector reforms in a challenging environment: An emerging financial market experience. – *International Review of Economics & Finance*. Vol. 92. P. 1074–1096.
- Igbinenikaro E., Adewusi A.O. 2024. Developing international policy guidelines for managing cross-border insolvencies in the digital economy. – *International Journal of Management & Entrepreneurship Research*. Vol. 6. Issue 4. P. 1034–1048.
- James H. 1996. *International Monetary Cooperation Since Bretton Woods*. Oxford, Oxford University Press. 779 p.
- Kapur D., Lewis J.P., Webb R. 1997. *The World Bank: Its first Half Century*. Washington, DC: Brookings Institution. 1276 p.
- Liang, Yunbao Zhou, Hongxia Zeng, Jun Wang, Chuanbin 2024. Do natural resources rent increase green finance in developing countries? The role of education. – *Resources Policy*. Vol. 91(C). P. 104–137.
- Mason E., Asher R. 1973. *The World Bank Since Bretton Woods*. Washington, DC: Brookings Institutions. 915 p.
- Otrashevskaya A.M., Solntsev A.M., Yusifova P.N. 2024. International legal problems of the climate change effects on the environment (on the examples of biological diversity degradation and chemicals and waste management). – *Kutafin Law Review*. Vol. 11. Issue 4. P. 633–656.
- Pape F., Petry J. 2024. East Asia and the politics of global finance: a developmental challenge to the neoliberal consensus? – *Review of International Political Economy*. Vol. 31. Issue 1. P. 224–252.
- Suleymanov I. 2024. Contemporary issues in global geo-financial policy and their impact on international financial relations. – *Theoretical aspects in the formation of pedagogical sciences*. Vol. 3. Issue 5. C. 35–43.
- Williamson J. 1990. *Latin America Adjustment: How Much Has Happened?* Washington, DC: Institute for International Economics. 445 p.

References

- Abashidze A.H., Solncev A.M., Chernyh I.A., Jusifova P.N.K., Miheeva V.I., Judina E.D. Probely konceptual'nogo i prakticheskogo haraktera v povestke dnja v oblasti ustojchivogo razvitija do 2030 g. [Conceptual and practical gaps in the 2030 sustainable development agenda]. – *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er [International Law Courier]*. 2023. № 1. P. 5–13. (In Russ.).
- Abashidze A.H., Solncev A.M., Kiseleva E.V., Koneva A.E., Kруглов Д.А. Dostizhenie celej ustojchivogo razvitija (2016–2030): mezhdunarodno-pravovoe izmerenie [Achieving the Sustainable Development Goals (2016–2030): International Legal Dimension]. – *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences]*. 2016. № 1. P. 65–78. (In Russ.).
- Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. Bor'ba s kolonializmom i neokolonializmom kak sredstvo ustanovlenija bolee spravedlivogo miroporjadka (vklad nauchnoj shkoly mezhdunarodnogo prava RUDN) [Combating Colonialism and Neocolonialism as a Means of Establishing a More Just World Order (Contribution of the PFUR Scientific School of International Law)]. – *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2024. № 2 (66). P. 232–240. (In Russ.).

4. Buira A. *Reforming the Governance of the IMF and World Bank*. London: Anthem Press. 2005. 328 p.
5. Damjanovic I. The Reform of International Investment Law: Whose Rule of Law? – *European Journal of Risk Regulation*. 2024. P. 1-17.
6. Dement'ev A.A. Integracionnoe pererozhdenie: iz NAFTA v USMCA [Integration rebirth: from NAFTA to the USMCA]. – *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2022. № 1. P. 179-187. (In Russ.).
7. Digitemie W.N., Ekemezie I.O. Assessing the role of climate finance in supporting developing nations: a comprehensive review. – *Finance & Accounting Research Journal*. 2024. Vol. 6. Issue 3. P. 408-420.
8. Emelianova N.N., Dement'ev A.A. Cryptocurrency, taxation and international law: contemporary aspects. – *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1100. P. 725-731.
9. Ghulam Y., Dhruva K. Banking sector reforms in a challenging environment: An emerging financial market experience. – *International Review of Economics & Finance*. 2024. Vol. 92. P. 1074-1096.
10. Igbinenikaro E., Adewusi A.O. Developing international policy guidelines for managing cross-border insolvencies in the digital economy. – *International Journal of Management & Entrepreneurship Research*. 2024. Vol. 6. Issue 4. P. 1034-1048.
11. James H. *International Monetary Cooperation Since Bretton Woods*. Oxford, Oxford University Press. 1996. 779 p.
12. Kapur D., Lewis J.P., Webb R. *The World Bank: Its first Half Century*. Washington, DC: Brookings Institution. 1997. 1276 p.
13. Kuznecov A. V. Special'nye prava zaimstvovaniya: nerealizovannyj potencial nadnacional'nyh deneg [Special drawing rights: the unrealized potential of supranational money]. – *Teoreticheskaja jekonomika [Theoretical economics]*. 2020. № 9 (69). P. 61-69. (In Russ.).
14. Liang, Yunbao Zhou, Hongxia Zeng, Jun Wang, Chuanbin. Do natural resources rent increase green finance in developing countries? The role of education. – *Resources Policy*. 2024. Vol. 91(C). P. 104-137.
15. Mason E., Asher R. *The World Bank Since Bretton Woods*. Washington, DC: Brookings Institutions. 1973. 915 p.
16. Otrastevskaya A.M., Solntsev A.M., Yusifova P.N. International legal problems of the climate change effects on the environment (on the examples of biological diversity degradation and chemicals and waste management). – *Kutafin Law Review*. 2024. Vol. 11. Issue 4. P. 633-656.
17. Pape F., Petry J. East Asia and the politics of global finance: a developmental challenge to the neoliberal consensus? – *Review of International Political Economy*. 2024. Vol. 31. Issue 1. P. 224-252.
18. Solncev A.M. 2018. Izmenenie klimata: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie [Climate change: international legal dimension]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2018. № 1. C. 60-78. (In Russ.).
19. Suleymanov I. Contemporary issues in global geo-financial policy and their impact on international financial relations. – *Theoretical aspects in the formation of pedagogical sciences*. 2024. Vol. 3. Issue 5. C. 35-43.
20. Williamson J. *Latin America Adjustment: How Much Has Happened?* Washington, DC: Institute for International Economics. 1990. 445 p.

Информация об авторе

Павел Сергеевич КОРОЛЁВ,

аспирант кафедры международного права Юридического института, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Миклухо-Маклая ул., д. 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

1142220711@rudn.ru

ORCID: 0009-0006-5260-2582

About the Author

Pavel S. KOROLYOV,

postgraduate student of the International Law Department of Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198

1142220711@rudn.ru

ORCID: 0009-0006-5260-2582

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-110-124>

Исследовательская статья

УДК: 341.1/8

Поступила в редакцию: 10.01.2025

Принята к публикации: 05.03.2025

ШТОДИНА Дарья Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, Москва, 109028, Российская Федерация

dashashtodina96@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4730-9614

КОНВЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПРОТИВ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ 2024 ГОДА – ИТОГ «КИБЕРКОМПРОМИССА»?

ВВЕДЕНИЕ. Международно-правовой режим киберпространства сегодня нуждается в дополнительной правовой регламентации, поскольку по некоторым аспектам, в частности, по борьбе с киберпреступностью, до 2024 г. не был принят универсальный международный договор. По мнению автора, искусственное затягивание переговорного процесса обосновывается стремлением ряда государств заблаговременно «осваивать» новую территорию в международном праве, руководствуясь при этом положениями внутреннего нормативно-правового регулирования. Поскольку на уровне Организации Объединённых Наций (далее – ООН) у международного сообщества длительное время не было универсальных «механизмов воздействия» на неправомерную деятельность в киберпространстве, то количество совершаемых киберпреступлений стремительно возрастало, а киберпреступники, в свою очередь, использовали анонимность данного пространства для совершения кибератак. Признание государствами как первичными субъектами международного права проблемы роста кибернетической преступности в отсутствие действующего универсального источника международного права спустя более двадцати лет привело к созданию в 2024 г. нового документа – «Конвенции ООН против киберпреступности»; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными

преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям» (далее – Конвенция ООН против киберпреступности 2024 г.). Таким образом, в данной работе исследуется проблема толкования новой Конвенции как итогового и эффективного компромисса, к которому пришли государства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье используются работы российских и зарубежных специалистов, исследующих положения Конвенции ООН против киберпреступности 2024 г., а также некоторые теоретические исследования в сфере международного уголовного права, посвященные проблеме применения государствами «принципа активной юрисдикции» и «принципа пассивной юрисдикции». Помимо общенаучных методов исследования (анализ, синтез, индукция и дедукция) автор использует специальные методы исследования (сравнительно-правовой метод) для всестороннего изучения международно-правовой позиции государств по вопросу борьбы с киберпреступностью. Предметом исследования выступают международные отношения государств – членов ООН, связанные с сотрудничеством по пресечению и борьбе с кибернетической преступностью. К объекту исследования отнесена киберпреступность в государствах – членах ООН.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате исследования были выделены два основных проблемных аспекта реализации положений нового документа: применение «принципа пассивной юрисдикции» и вопрос, связанный с защитой персональных данных пользователей Интернета. Существует вероятность того, что вместо заявленной государствами цели – борьбы с преступностью, основные усилия данных субъектов будут направлены на отстаивание права толковать положения Конвенции против киберпреступности, руководствуясь нормами внутреннего законодательства, сужая при этом возможность конкретному пользователю получить защиту своих прав.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Сегодня тенденции изменения международно-правового режима киберпространства диктуются не столько государствами как носителями суверенитета в отношении национального сегмента Интернета, сколько ведущими ИТ-компаниями и организациями, отстаивающими право на автономное регулирование с минимальным участием первичных субъектов международного права. Несмотря на принятие Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции против киберпреступности, не приходится констатировать достижение компромисса, поскольку при составлении текста документа каждое государство по-разному воспринимало его итоговую цель. Некоторые государства скептически относятся к итоговому

документу ООН и предпочитают использовать Будапештскую конвенцию 2001 г. как механизм по борьбе с преступлениями в киберпространстве. Основная проблема универсальной Конвенции касается толкования целого ряда положений, затрагивающих проблему применения «принципа пассивной юрисдикции», условий и гарантий соблюдения прав человека в случае привлечения к ответственности по политическим мотивам пользователей, а также возможности сотрудничества США, западных государств по данным вопросам с Россией и Китаем в текущих реалиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: киберпространство, информационно-коммуникационные технологии, киберпреступность, Конвенция ООН против киберпреступности, «принцип пассивной юрисдикции», защита персональных данных, информационно-коммуникативная система, *cyber-enabled crimes, cyber-dependent crimes*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Штодина Д.Д. 2025. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года – итог «киберкомпромисса»? – Московский журнал международного права. № 1. С. 110–124. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-110-124>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

MASS INFORMATION AND INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-110-124>

Daria D. SHTODINA

National Research University Higher School of Economics
3, Bolshoy Tryokhsvyatitsky Ln., Moscow, Russian Federation, 109028
dashashtodina96@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-4730-9614

Research article

UDC: 341.1/8

Received 10 January 2025

Approved 5 March 2025

UNITED NATIONS CONVENTION AGAINST CYBERCRIME, 2024 – THE OUTCOME OF “CYBER COMPROMISE”?

INTRODUCTION. *Today the international legal regime of cyberspace is in need of more accurate, additional regulation, since there are some particular aspects, such as cybercrime, where there is no universal legal source of law (i.e. international treaty). According to the author's opinion, the artificial prolongation of the negotiation process can be justified by the desire of certain states to «master» a new territory of international law in advance, while being guided by the provisions of domestic legal regulation. For a long time the international community at the UN level had no mechanisms of influence on illegal activities in this domain. Thus, the number of cybercrimes committed in cyberspace was rapidly increasing, since cybercriminals resorted to the anonymity of this space. The recognition by states as primary subjects of international law of the growing problem of cybercrimes in the absence of the valid universal source of international law more than twenty years later led to the creation of the United Nations Convention against Cybercrime; Strengthening International Cooperation for Combating Certain Crimes Committed by Means of Information and Communications Technology Systems and for the Sharing of Evidence in Electronic Form of Serious Crimes, 2024.*

MATERIALS AND METHODS. *This article is based on the references to the works of Russian and foreign specialists studying new provisions of the UN Convention against Cybercrime, 2024, as well as some theoretical issues in the field of international criminal law, devoted to the problem of application by states of the so-called «principle of active jurisdiction» and «principle of passive (personality) jurisdiction». In addition to general, basic research methods such as analysis, synthesis, induction and deduction, the author uses special research methods, such as comparative legal method for a comprehensive study of the international legal position of states on the issue of cybercrime. The subject of this study is international relations of the UN member states related to cooperation in suppressing and combating cybercrimes.*

1. Введение: правовые механизмы борьбы с киберпреступностью в рамках ООН

Изучение международно-правовых аспектов сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью становится все более

RESEARCH RESULTS. *As a result of the study, the author identifies two main problematic aspects of the implementation of the document: 1) passive personality jurisdiction, and 2) the issue related to the protection of personal data. There is a probability that instead of the stated goals of the UN member states to fight crimes, committed in cyberspace, the main efforts of these actors will be aimed at the right to construe the provisions of the Convention against Cybercrime, guided by the norms of domestic legislation.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The current legal tendency is that the rules of the legal regime of cyberspace are dictated not only by states as the main subjects of international law, but by leading IT companies and private organizations asserting the right to autonomous regulation with only minimal participation of states as well as international organizations. Despite the fact that the UN Convention against Cybercrimes has been adopted, each state perceived its final goal differently when drafting the text of the document. Some states remain skeptical and suppose that the final convention has certain legal lacunae and thus prefer to use the 2001 Budapest Convention to combat cybercrimes.*

KEYWORDS: *cyberspace, information and communication technologies, cybercrime, UN Convention against Cybercrime, passive personality jurisdiction principle, personal data protection, information and communication system, cyber-enabled crimes, cyber-dependent crimes*

FOR CITATION: Shtodina D.D. United Nations Convention against Cybercrime, 2024 – the Outcome of «Cyber Compromise»? – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 110–124. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-110-124>

The author declares the absence of conflict of interest.

актуальным [Иноземцев 2021:18-28]. Согласно данным глобального индикатора Estimated Cost of Cybercrime, уровень кибернетической преступности в период с 2024 г. по 2029 г. неизменно будет увеличиваться с каждым годом на 6,4 трлн долл. США (т.е. на 69,41 %)¹.

¹ Statista: Estimated cost of cybercrime worldwide 2018–2029. URL: <https://www.statista.com/forecasts/1280009/cost-cybercrime-worldwide> (accessed date: 10.02.2025).

В основном кибернетические атаки наносят ущерб производителям товаров, крупнейшим финансовым секторам и компаниям, предоставляющим услуги по страхованию. Особенно актуальна проблема создания так называемых программ-вымогателей (ransomware attacks), которые используются киберпреступниками в 70 % случаев². Согласно данным Statista, большая часть компаний стали выделять финансирование на борьбу с кибернетическими атаками. Например, в 2023 г. одним из приоритетов для компаний различных секторов экономики стало повышение устойчивости к киберугрозам посредством увеличения расходов, направленных на борьбу с кибератаками³.

Правовой режим кибернетического пространства (cyberspace) рассматривается в международном праве в качестве «новой территории», или объекта владения (domain) наряду с другими пространствами, изучаемыми в классическом курсе международного права. Очевидно, что киберпространство по своим «физическим» характеристикам значительно отличается от иных территорий [Данельян 2020:261-269] (например, cyberspace наделено такими чертами, как анонимность, трансграничность, невозможность осуществления централизованного контроля за действиями всех акторов, т.е., прежде всего, IT-гигантов, снижением роли государства в регулировании кибернетического пространства и т.д.) [Khanna 2018:139-154]. Из этого напрямую следует, что подобное пространство, или domain (термин, используемый в американских правовых документах по данной проблематике [Clarke, Knake 2019:320]), становится своеобразным *paradisus* для преступников, искусно пользующихся анонимностью и иными гарантиями конфиденциальности [Комова, Сидоренко 2023:74-85].

На универсальном уровне, в рамках ООН, начало дискуссии о необходимости противодействия киберпреступности и определения правовых рамок для деятельности пользователей и юридических лиц было положено в 2010 г., когда Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН) приняла резолюцию A/65/230, в которой была подчеркнута роль Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию как органа, ответственного за выработку и осуществление мер, направленных на создание «... новых национальных и международных правовых или иных мер по противодействию киберпреступности»⁴. Именно на основании данного источника soft law Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию в 2011 г. была учреждена Межправительственная группа экспертов открытого состава для проведения всестороннего исследования проблемы киберпреступности (далее – Группа экспертов по киберпреступности).

В 2011 г. Группой экспертов по киберпреступности был подготовлен документ «Проекты тем для рассмотрения в рамках всестороннего исследования проблемы киберпреступности и ответных мер», в котором были выделены четыре источника (или формы) борьбы с киберпреступностью: 1) многосторонние договоры о международном сотрудничестве в борьбе с преступностью; 2) многосторонние договоры о судебном преследовании за определенные преступления; 3) специализированные двусторонние договоры; и 4) национальное законодательство, положения которого могут регулировать механизмы международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью⁵. Примечательно, что Группа экспертов по киберпреступности особо подчеркивала роль частного сектора для осуществления международного кибернетического сотрудничества.

² Statista: Sectors worldwide frequently affected by industrial ransomware incidents in 2023, by number of attacks. URL: <https://www.statista.com/statistics/1368824/industries-targeted-industrial-ransomware-attacks-by-number-of-attacks/> (accessed date: 10.02.2025).

³ Statista: Areas of priority spending for improving cyber resilience in 2023, by priority level. URL: <https://www.statista.com/statistics/1387069/top-spending-priorities-for-cyber-resilience/> (accessed date: 10.02.2025).

⁴ ООН: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Третьего комитета (A/65/457)] 65/230. Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/AGMs/A_RES_65_230r.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ Группа экспертов по киберпреступности: Проекты тем для рассмотрения в рамках всестороннего исследования проблемы киберпреступности и ответных мер. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/organized_crime/EGM_cybercrime_2011/UNODC_CCPCJ_EG4_2011_2/UNODC_CCPCJ_EG4_2011_2_R.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

2. Предыстория создания Конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью 2024 г.: позиции государств-членов

Современная повестка ООН по противодействию кибернетической преступности будет рассмотрена ниже, возвращаясь к предыстории вопроса отметим, что в 2019 г. на основании резолюции ГА ООН A/74/247 был создан Межправительственный комитет экспертов открытого состава для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в преступных целях (т.е. *ad hoc* комитет)⁶. На основании резолюции ГА ООН A/75/282 от 2021 г. был учрежден Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, который приступил к работе в январе 2022 г.⁷ и представил проект Конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью в 2024 г.⁸

Россия и Китай, следуя повестке ООН по вопросу борьбы с киберпреступностью, всегда выступали за создание универсальной правовой базы, которая позволила бы регулировать международно-правовой режим киберпространства и режим использования информационно-коммуникационных технологий [Мозолина 2004: 152-163]. В отличие от российской и китайской позиций, США как государство, в национально-исследовательских лабораториях которого было

«создано» киберпространство и Всемирная сеть, до сих пор неизменно придерживается принципа допустимости лишь минимального вмешательства государства в киберпространство и Интернет [Jackson, Davey, Sykes 1995:44-45].

Очевидно, что на начальном этапе данные противоречия не могли послужить основой для старта переговорного процесса по созданию текста Конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью. Дискуссия по киберпроблематике продолжалась более двадцати лет и только в 2024 г. на 79-й сессии ГА ООН резолюцией 79/243 была принята Конвенция ООН против киберпреступности⁹. Означает ли это, что государствам удалось разработать и принять универсальный международный договор по кибертематике, или существует риск того, что Конвенция может рассматриваться как компромисс ради компромисса?

Правовой анализ истории подготовки данного документа представляет особый интерес. До 2024 г. не существовало единого, универсального международно-правового договора, направленного на пресечение киберпреступности. На региональном уровне, в рамках Совета Европы, действовала (и продолжает действовать) Будапештская конвенция по киберпреступности 2001 г., в которой участвуют 78 государств (что составляет 47 % от общего числа государств – членов ООН)¹⁰. В начале 2025 г., 10 января, к Будапештской конвенции присоединилась Руанда¹¹.

Поскольку с момента принятия данного договора прошло более двадцати лет, киберпреступниками были созданы новые механизмы для осуществления противоправной деятельности

⁶ ООН: Резолюция, принятая ГА 27 декабря 2019 г. [по докладу Третьего комитета (A/74/401)] 74/247. Противодействие использованию информационнокоммуникационных технологий в преступных целях. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/440/31/pdf/n1944031.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ ООН: Резолюция, принятая ГА 26 мая 2021 г. [без передачи в главные комитеты (A/75/L.87/Rev.1 и A/75/L.87/Rev.1/Add.1)] 75/282. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. URL: <https://docs.un.org/r/A/RES/75/282> (дата обращения: 10.02.2025).

⁸ Обновленный проект текста Конвенции ООН против киберпреступности (преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационной системы). URL: <https://ifap.ru/pr/2024/n240729a.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

⁹ ООН: Резолюция, принятая ГА 24 декабря 2024 г. [по докладу Третьего комитета (A/79/460, пункт 15)] 79/243. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/426/76/pdf/n2442676.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁰ Совет Европы: Будапештская конвенция 2001 г. URL: <https://www.coe.int/en/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#/> (дата обращения: 10.02.2025).

¹¹ T-CY News: Rwanda becomes the 78th Party to the Convention on Cybercrime and accedes to the First Protocol. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/-/rwanda-becomes-the-78th-party-to-the-convention-on-cybercrime-and-accedes-to-the-first-protocol> (accessed date: 10.02.2025).

на «новой территории» в международном праве. С учетом того, что в 2022 г. Россия перестала быть государством – членом Совета Европы, вопрос создания Конвенции против киберпреступности на уровне ООН для российской стороны стал еще более актуальным¹².

Разногласия на этапе разработки текста Конвенции против киберпреступности первоначально носили непримиримый характер. Один из важнейших вопросов заключался в том, какие составы преступлений могут быть отнесены к «кибернетическим»? Россия и Китай, например, исходили из того, что это могут быть *все незаконные акты, которые связаны с использованием кибертехнологий*. Подобный перечень включает в себя высказывание «противоправных» суждений и разжигание неприязни по политическим, социальным, этническим и другим мотивам в Интернете, что было отражено в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 2016 г.¹³

Так, изначально наименование данного договора – Конвенция против киберпреступности (полное наименование: Конвенция против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям) вызвало разногласия России и Китая с рядом других государств, прежде всего, США. Российская и китайская стороны предлагали иное наименование – Проект Конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях¹⁴.

Согласование наименования новой Конвенции можно отнести к одному из ключевых дискуссионных вопросов в подходах России и США к киберпространству в целом и к киберпреступности в частности. Как известно, ряд западных государств (Канада, Великобритания,

государства – члены Европейского союза), а также США используют более широкую формулировку «киберпространства» (*cyberspace*) [Assaf 2023:4-21], который включает в себя *технологическую составляющую (т.е. сами компьютерные системы)*, тогда как Россия и Китай используют такое понятие как термин «информационно-коммуникационные технологии» с возможностью ограничения использования ИКТ в преступных целях, т.е. посредством использования данного понятийного аппарата в государстве вводится возможность некоего «цензурирования» Интернета, против которого категорически выступают США и другие «западные государства» [Godwin, Kulpin, Rauscher, Yaschenko 2014:11].

В рамках переговорного процесса было выбрано одно из промежуточных наименований документа – Проект Конвенции ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям.

По мнению заместителя директора департамента Международной информационной безопасности (далее – МИБ) МИД России Д.В. Букина, Россия при подписании документа планирует сделать соответствующее толковательное заявление относительно наименования конвенции¹⁵. Несогласие с наименованием Конвенции помимо России выразили Китай и Иран, обозначив необходимость пересмотреть наименование договора. Применительно к защите пользователей Интернета данный спор государств на уровне ООН представляется отнюдь не теоретическим, а практическим, поскольку юридическое наполнение терминов «ИКТ» и «киберпространство» различно. В случае пресечения противоправной деятельности в сегменте Даркнета подобный подход российской стороны оправдан защитой интересов государства и общества в целом,

¹² МИД России: О выходе России из Совета Европы (справочный материал). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 10.02.2025).

¹³ Российская газета: Доктрина информационной безопасности. Утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁴ Черненко Е. Под статью подвели не все. Россия недовольна проектом конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью. – *Коммерсантъ*. 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6452715> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁵ Черненко Е. Киберчувствительная тема. Проект конвенции ООН по борьбе с компьютерной преступностью не нравится ни России, ни ее оппонентам. – *Коммерсантъ*. 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6864552> (дата обращения: 10.02.2025).

однако в случае применения данного подхода к так называемому «белому сегменту», существует риск «цензурирования» киберпространства и привлечения пользователей к ответственности по различным основаниям.

Следует обозначить, что к 2025 г. образовались три группы государств, каждая из которых ожидает от новой Конвенции реализации поставленных государством в киберпространстве задач: 1) государства, выступающие за усиление криминализации противоправной деятельности, к которым относятся Россия и Китай; 2) «западные государства», стремящиеся связать текст нового документа с имеющимся правовым регулированием в Будапештской конвенции 2001 г.; и 3) государства, рассматривающие переговорный процесс в ООН и итоговый документ в качестве механизма преодоления цифрового неравенства и усиления технического сотрудничества (например, развивающиеся страны)¹⁶.

3. Основные положения Конвенции ООН против киберпреступности 2024 г.

Конвенция против киберпреступности 2024 г. состоит из 68 статей и 9 глав, а также Приложения «Примечания для толкования по конкретным статьям Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности...»¹⁷, в котором в примечании к ст. 2 Конвенции указывается, что «Государства-участники не обязаны дословно воспроизводить в своем внутреннем законодательстве те же термины, определения которых даны в ст. 2 конвенции при условии, что их законодательство охватывает эти понятия таким образом, что это соответствует принципам и целям конвенции и обеспечивает эквивалентные рамки для ее осуществления». Цели Конвенции обозначены в ст. 1 следующим образом: 1) *содействие принятию и укреплению мер, направленных на повышение эффективности и результативности предупреждения*

киберпреступности и борьбы с ней; 2) поощрение и укрепление международного сотрудничества в предупреждении и борьбе с киберпреступностью; 3) поощрение и поддержка технической помощи и создания потенциала для предупреждения и борьбы с киберпреступностью, особенно в интересах развивающихся стран.

Перед тем как перечислить составы деяний, содержащиеся в тексте Конвенции 2024 г., необходимо провести различие между теми преступлениями, которые «обязаны своим существованием» появлению компьютеров (так называемые *cyber-dependent crimes*), например, получение незаконного доступа, перехват, вмешательство в компьютерные системы и теми преступлениями, которые «совершаются с применением компьютеров» (так называемые *cyber-enabled crimes*), например, распространение детской порнографии¹⁸.

При согласовании проекта Конвенции США и ряд других западных государств предложили ограничить перечень преступлений, т.е. сфокусироваться на преступлениях, совершаемых хакерами или иными лицами в Интернете, но не журналистами, ведущими расследование, или лицами, занимающимися общественной деятельностью, которые могут стать потенциальными жертвами (*potential victims*) некорректного толкования положений новой Конвенции.

По итогам данной дискуссии, в Конвенции были выделены 10 составов преступлений (первоначально Россия предлагала включить 23 состава): 1) незаконный доступ к ИКТ; 2) незаконный перехват (данных); 3) воздействие на электронные данные; 4) воздействие на информационно-коммуникационную систему (далее – ИКС); 5) неправомерное использование устройств; 6) подлог с использованием ИКС; 7) хищение и мошенничество с использованием ИКС; 8) преступления, связанные с размещением в интернете материалов со сценами сексуальных надругательств над детьми или их

¹⁶ Bannelier K., Lostri E. So Close, So Far: UN Committee Tasked With Cybercrime Convention Hits Snooze. – *Lawfare*. 2024. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/so-close-so-far-un-committee-tasked-with-cybercrime-convention-hits-snooze> (accessed date: 10.02.2025).

¹⁷ ООН: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 декабря 2024 г. [по докладу Третьего комитета (A/79/460, п. 15)] 79/243. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁸ UN News: Global Cybercrime Treaty: A delicate balance between security and human rights. URL: <https://news.un.org/en/interview/2024/02/1146772> (accessed date: 10.02.2025).

сексуальной эксплуатации (т.е. детская порнография); 9) домогательство или создание доверительных отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении ребенка; 10) распространение интимных изображений без согласия (лица).

Россия и двадцать других государств (например, упомянутые ранее Китай и Иран) при обозначении наименования новой Конвенции выступали за более широкое определение «киберпреступлений» и за включение в перечень составов преступных деяний тех, совершение которых может быть фактически «упрощено» посредством использования технологий (например, осуществление экстремистской деятельности в Интернете на условиях анонимности)¹⁹.

При сравнении текста новой Конвенции 2024 г. с текстом Будапештской конвенции 2001 г.²⁰ можно констатировать, что акцент в первом источнике был сделан, прежде всего, на cyber-dependent crimes, поэтому основные составы преступлений были связаны с неправомерным использованием компьютера (перехват, неправомерный доступ, мошенничество с использованием компьютеров и т.д.). Вместе с тем в Будапештской конвенции перечислены (по остаточному принципу) и cyber-enabled crimes (например, детская порнография). Стоит отметить, что данный компромиссный вариант был использован ООН, т.е. практически все виды составов преступлений, перечисленных в Будапештской конвенции 2001 г., были перенесены в текст новой Конвенции 2024 г. кроме преступлений, связанных с нарушением авторских прав.

Некоторые государства (например, Индия) при обсуждении проекта предложили внести еще такой состав, как отправление электронных сообщений, носящих грубый и оскорбительный характер с целью причинения «раздражения» [Scher-Zagier 2024:12].

Обозначим, что несмотря на длительность переговорного процесса государств – членов ООН, длившегося более двадцати лет, скорость разработки итогового текста Конвенции поражает. За 2023–2024 гг. удалось представить полноценную версию текста проекта. На официальном сайте ООН приводятся пять основных задач документа, которые будут реализованы в ближайшем будущем: 1) борьба с растущей угрозой киберпреступности по всему миру; 2) «круглосуточное» сотрудничество государств; 3) защита интересов детей в Интернете; 4) реагирование на нарушение прав пострадавших пользователей; и 5) улучшение механизма предупреждения киберпреступности²¹.

На фоне положительной оценки рядом государств – членов ООН первого универсального документа, направленного на борьбу с киберпреступностью, и его (документа) единогласным принятием на заседании ГА ООН, ряд ведущих IT-компаний, транснациональных корпораций и объединений государств сохраняют сдержанный оптимизм по данному вопросу.

По оценке компании Microsoft, Конвенция против киберпреступности 2024 г. в будущем так и не даст ответы на многие существующие вопросы. Вместо этого компания предлагает развивать уже существующие механизмы защиты. Основная проблема заключается в том, что (по мнению многих IT-гигантов) в одну конвенцию невозможно включить компьютерные преступления и преступные деяния, совершаемые с использованием компьютеров, а также эффективно реализовывать уголовное преследование лиц (то, на чем настаивали Россия и Китай)²². Обеспеченность в Европейском союзе вызывает применение ст. 23, в которой предусмотрена возможность осуществления государством полномочий и процедур в случае совершения «других уголовных правонарушений с использованием информационно-коммуникационной системы»,

¹⁹ Объединенные Нации. Цифровая библиотека: Letter dated 30 July 2021 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations addressed to the Secretary-General. URL: <https://digital-library.un.org/record/3942230?v=pdf> (accessed date: 10.02.2025).

²⁰ Совет Европы: Будапештская конвенция 2001 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#/> (дата обращения: 10.02.2025).

²¹ UN News: Making the digital and physical world safer: Why the Convention against Cybercrime matters. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/12/1158526> (accessed date: 10.02.2025).

²² Greig J. Microsoft Joins Opposition to Current Version of UN Cybercrime Treaty. – *The Record. Recorded Future News*. 2023. URL: <https://therecord.media/microsoft-opposes-draft-cybercrime-treaty> (accessed date: 10.02.2025).

поскольку в тексте документа государствами не были определены примерные составы таких деяний.

Помимо абстрактных примеров, связанных с обеспокоенностью компании Microsoft и Европейского союза²³, существуют реальные риски, вызванные имплементацией положений Конвенции.

С одной стороны, данный документ позволит государствам расширить сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью, если между ними не были заключены так называемые договоры о взаимной правовой помощи (далее – Mutual legal assistance treaties, MLATs), или, в случае наличия таковых, будет рассматриваться как дополнительное средство правовой помощи.

С другой стороны, первая и основная проблема – возможность установления трансграничной электронной слежки за лицами, совершившими преступление, носящее «серьезный характер». Какие составы преступлений могут быть отнесены к носящим «серьезный характер»? По смыслу понятийного аппарата ст. 2 п. “h” к «серьезному преступлению» относится такое противоправное деяние, за совершение которого предусматривается лишение свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгая мера наказания; в то же время более конкретный ответ на поставленный выше вопрос будет дан на национальном уровне каждым государством, что на практике может позволить экстерриториально применять национальное уголовное законодательство²⁴.

Данный тезис можно попытаться опровергнуть, ссылаясь на ст. 24 Конвенции 2024 г. «Условия и гарантии»²⁵, в которой предусматривается, что государства на основании внутреннего (национального) законодательства обязуются неукоснительно соблюдать принцип

международного права – защиты прав человека и основных свобод, не допуская возможности привлечения к ответственности невиновных лиц, однако в любом случае важно понимать не только содержание новой Конвенции, процесс корректного толкования которого займет некоторое время у государств – членов ООН, но и контекст ее применения. Так, в случае с Будапештской конвенцией 2001 г. толкование осуществляется в соответствии с текстом Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и практикой Европейского суда по правам человека.

Для принятия дополнительных протоколов по отдельным аспектам имплементации Конвенции 2024 г. потребуются получение 60 ратификаций от государств – членов ООН. Предусматривается, что документ вступит в силу через 90 дней после получения 40 ратификаций²⁶.

4. Правовые лакуны принятого ООН документа: есть ли решение?

Поскольку сегодня невозможно предсказать, как будет соблюдаться исполнение положений Конвенции против киберпреступности 2024 г., то следует обратить внимание на отдельные правовые лакуны документа, которые связаны, прежде всего, с двумя аспектами: 1) вопрос, связанный с реализацией так называемого «принципа пассивной юрисдикции», и 2) вопрос, связанный с защитой персональных данных пользователей Интернета.

Э.Ш. Загир в статье “Jurisdictional Creep: The UN Cybercrime Convention and the Expansion of Passive Personality Jurisdiction” (2024) анализирует возможность злоупотребления применением «принципа пассивной юрисдикции» [Scher-Zagier 2024:3-53].

²³ Human Rights Watch: EU: Member States Should Vote “NO” on UN Cybercrime Treaty. URL: <https://www.hrw.org/news/2024/10/21/eu-member-states-should-vote-no-un-cybercrime-treaty> (accessed date: 10.02.2025).

²⁴ Rodriguez K. The UN Cybercrime Convention: Analyzing the Risks to Human Rights and Global Privacy. – *Just Security*. 2024. URL: <https://www.justsecurity.org/98738/cybercrime-convention-human-rights/> (accessed date: 10.02.2025).

²⁵ «Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы полномочия и процедуры, указанные в настоящей главе, устанавливались, осуществлялись и применялись в соответствии с условиями и гарантиями, предусмотренными в его внутреннем законодательстве, которые должны обеспечивать защиту прав человека в соответствии с его обязательствами по международному праву прав человека и включать в себя принцип соразмерности» (ООН: Резолюция, принятая ГА 24 декабря 2024 г. [по докладу Третьего комитета (A/79/460, п. 15)] 79/243. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243> (дата обращения: 10.02.2025)).

²⁶ Центр Глобальной ИТ-кооперации: В ООН принята Конвенция по борьбе с киберпреступностью. URL: <https://cgitc.ru/media/v-on-prinyata-konventsiya-po-borbe-s-kiberprestupnostyu/> (дата обращения: 10.02.2025).

Проблема применимости юрисдикционных принципов требует отдельного пояснения. В международном праве по итогам рассмотрения дела о судне «Лотус» Постоянной палатой международного правосудия в 1927 г. было сформулировано разрешительное правило, которое предполагает рассмотрение юрисдикционных принципов при установлении уголовной юрисдикции как неких общих рамок, общего правила, от которого государства могут отступать при условии соблюдения норм международного права²⁷.

В отечественной науке уголовного права были сформулированы два противоположных по юридическому наполнению термина: «принцип активной юрисдикции» и «принцип пассивной юрисдикции» [Татаринов 2019:6-10]. Первый термин («принцип активной юрисдикции») означает возможность «...государства гражданства предполагаемого преступника устанавливать уголовную юрисдикцию в отношении поведения своих граждан за рубежом»; тогда как второй термин («принцип пассивной юрисдикции») означает осуществление юрисдикции «...государством гражданства жертвы преступления, совершенного не его гражданином за рубежом» [Волеводз 2009:303-323]²⁸.

Дж.Р. Ватсон рассматривая «принцип пассивной юрисдикции», определяет его следующим образом: *пассивная юрисдикция* – это возможность государства осуществлять уголовную юрисдикцию, основанную исключительно на гражданстве жертвы, подчеркивая при этом, что США всегда выступали с критикой «пассивной юрисдикции», ссылаясь на необходимость следования «классическим» нормам международного права [Watson 1993:2].

Первоначально юрисдикция государства распространялась только на его территорию и была связана с «принципом активной правосубъектности», поскольку деяние совершалось гражданами данного государства, а отдельно в уголовном праве выделялись преступления

международного характера (например, пиратство). Постепенно в правовой науке был сформулирован принцип защиты (*protective principle*), на основании которого государство могло осуществлять юрисдикцию в отношении тех деяний, которые затрагивали наиболее важные интересы государства или «оказывали существенное влияние на территории государства» (*has a substantial effect within a state's territory*), однако данный подход получил критическую оценку в науке международного права [Lenhoff 1964:5-23].

Пассивная юрисдикция, по смыслу Конвенции 2024 г., относится к возможности государства осуществлять преследование лиц в отношении всех преступлений, совершение которых было направлено против интересов гражданина или граждан данного государства. До недавнего времени данное исключение из общего правила активно применялось в гражданском праве, т.е. в системе национального права, но не в системе международного права. Подобный подход к юрисдикции государства закреплён в ст. 22 «Юрисдикция»²⁹.

Несмотря на то что практика применения «принципа пассивной юрисдикции» – относительно новое явление в международном праве, некоторые юристы-международники утверждают, что она может стать международным обычаем при условии соответствия субъективному и объективному элементам, предусмотренным ст. 38 Статута Международного суда ООН [Scher-Zagier 2024:32].

Комиссией международного права ООН в докладе 2006 г. уже была признана возможность существования подобной юрисдикции государства (*passive personality jurisdiction*). American Law Institute's Restatement также признает данную практику частью международного права, применение которой вместе с тем должно быть ограничено исключительно совершением особо тяжких преступлений, например, терроризма [Scher-Zagier 2024:22].

²⁷ Affaire du «Lotus». – *Recueil des arrêts*. Série A. N° 70. Le 7 septembre 1927. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_10/30_Lotus_Arret.pdf (accessed date: 10.02.2025).

²⁸ Автор использует два термина: «принцип активной юрисдикции» (*“active jurisdiction principle”*) и «принцип пассивной юрисдикции» (*“passive (personality) jurisdiction principle”*).

²⁹ ООН: Резолюция, принятая ГА 24 декабря 2024 г. [по докладу Третьего комитета (A/79/460, п. 15)] 79/243. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243> (дата обращения: 10.02.2025).

Правоприменительная практика США сегодня отличается от подхода, изложенного Дж. Р. Ватсоном в 1993 г.: США отказались от возражений против «принципа пассивной юрисдикции» в отношении террористических преступлений, но не от возражений в отношении в других видов преступлений (за применение данной концепции выступает также К. Галлант [Gallant 2022:441-460]). Европейским государством, признавшим возможность использования «пассивной юрисдикции», является Франция. С 1975 г. в национальное уголовное законодательство государства было включено положение о возможности осуществления юрисдикции в отношении любого преступления, совершенного против граждан государства [Blakesley 1987:938].

При обсуждении проекта Конвенции Китай выступил с инициативой рассматривать возможность государства осуществлять юрисдикцию, руководствуясь принципом места возникновения последствий преступного деяния. Египет при обсуждении проекта Конвенции предложил использовать термин «*транснациональные преступления*», в отношении которых у государства есть право на осуществление юрисдикции, т.е. такие деяния, которые влекут за собой серьезные последствия в другой стране. В рамках переговорного процесса в ООН Индия предложила использовать юрисдикцию, основанную на местонахождении данных, а не классический территориальный подход, что было обусловлено необходимостью установления контроля над данными граждан ввиду невозможности получить доступ к трансграничным данным на основе MLATs³⁰.

Россия выступила за возможность осуществления пассивной юрисдикции в случае совершения преступлений в отношении юридических лиц, учрежденных или имеющих постоянное представительство на территории Российской Федерации, а также в отношении государств и правительственных органов. Если попытаться пояснить подобную аморфную формулировку,

то можно сформулировать общий подход: осуществление пассивной юрисдикции в отношении любых предполагаемых преступников или выдача всех лиц, в отношении которых может быть осуществлена юрисдикция³¹.

Признавая неоднозначность указанного выше подхода, в юридической практике уже были рассмотрены дела, основанные на «принципе пассивной юрисдикции». В США, например, активно обсуждалось дело Каттинга (Cutting Case), датируемое XIX в. Краткое изложение сути дела состоит в следующем: А.К. Каттинг (гражданин США) подготовил материал в техасской газете El Paso, содержащий нелицеприятные отзывы о мексиканском издателе Э. Медина. В дальнейшем мексиканское правительство заявило о своем праве на осуществление юрисдикции в отношении всех преступлений, совершаемых против интересов мексиканцев, и, по возвращении журналиста в Мексику, ему были предъявлены обвинения в клевете. Гражданин США был первоначально приговорен к тюремному заключению, однако затем освобожден в связи с отзывом Э. Медина заявления. [Moore 1887:125].

Примером продолжения практики, основанной на Cutting Case, является арест в 2021 г. в Пакистане журналистов по обвинению в совершении киберпреступлений, хотя их действия затрагивали только некоторые политические комментарии в Интернете³².

С учетом расширительного толкования уголовной юрисдикции и международного права в целом в отсутствие четких гарантий и критериев соблюдения норм права, существует риск преследования со стороны государства иностранных журналистов, общественных деятелей, которые могут привлекаться по «киберстатьям», изложенным в Конвенции против киберпреступности 2024 г.

На основе анализа Electronic Frontier Foundation, ст. 6 «Соблюдение прав человека» на практике предоставит государствам свободу действий в принятии решений о гарантиях

³⁰ Mahadik K. Should India vote to adopt the UN cybercrime treaty? Tech policy expert weighs in. – *The Indian Express*. 2024. URL: <https://indianexpress.com/article/technology/tech-news-technology/should-india-vote-to-adopt-un-cybercrime-treaty-9527899/> (accessed date: 10.02.2025).

³¹ Ad Hoc Committee to Elaborate a Comprehensive International Convention on Countering the Use of Information and Communications Technologies for Criminal Purposes Sixth session New York, 21 August–1 September 2023. URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/6th_Session/DTC/DTC_rolling_text_01.09.2023_PM.pdf (accessed date: 10.02.2025).

³² Committee to protect Journalists: Pakistan authorities detain, investigate journalists Amir Mir and Imran Shafqat. URL: <https://cpj.org/2021/08/pakistan-authorities-detain-investigate-journalists-amir-mir-and-imran-shafqat/> (accessed date: 10.02.2025).

соблюдения прав человека. Третьи государства могут активно включаться в сотрудничество при осуществлении расследований по киберпреступлениям и проводить таковые совместно с запрашивающим государством за пределами территории запрашивающего государства, однако в таком случае возникают коллизии вопросы и проблема конкурирующей юрисдикции³³.

В практике современных международных договоров, посвященных преступлениям международного характера, уже предусмотрено ограничение пассивной юрисдикции. Например, в ст. 2 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических и психотропных веществ 1988 г. содержится следующий принцип: «Сторона не осуществляет на территории другой Стороны юрисдикции и функций, которые входят исключительно в компетенцию органов этой другой Стороны в соответствии с ее национальным законодательством»³⁴.

Более того, если обратиться к тексту Будапештской конвенции 2001 г. или Таллинского руководства в редакции 2017 г. [Schmitt 2017:51-78], то применение пассивной юрисдикции оценивается как возможное только в определенных случаях (например, в случае совершения террористического акта).

Другим, не менее важным вопросом является экстрадиция лиц, совершивших преступления. Как будет регулироваться данный вопрос, если по некоторым составам выдача по национальному законодательству невозможна (например, политические преступления, военные, налоговые)?

В новой Конвенции подобные положения (а именно по налоговым преступлениям) были одобрены *ad referendum* (т.е. с возможностью последующего одобрения государством). За включение политических преступлений в перечень тех деяний, которые могут повлечь за собой выдачу лица, выступали Россия, Пакистан и Уругвай³⁵. Можно привести еще один пример – п. 2 ст. 6 Конвенции, против включения которой выступал Иран. В ней речь идет о возможном отказе в международных запросах на предоставление персональных данных в том случае, если существует риск преследования по политическим взглядам, на основании расовой, этнической принадлежности и т.д.³⁶

Помимо применения «принципа пассивной юрисдикции», в Конвенции 2024 г. ряд государств (прежде всего, государств – членов Европейского союза) выступили с критикой статей, посвященных защите персональных данных пользователей и дальнейшей возможности передачи данных о потенциальных киберпреступниках. Правовая позиция европейских государств заключается в том, что данный источник не посвящен проблеме борьбы с киберпреступностью как таковой³⁷. Вместо этого целью государств было установление электронной слежки за конечными пользователями и наказание лиц по составам, которые не предполагают прямую использование ИКТ. Упомянутая ранее ст. 23 также относится к вопросу защиты данных, с одной стороны, и к получению доказательств, с другой стороны: «За исключением случаев, когда в настоящей Конвенции предусмотрено иное,

³³ Electronic Frontier Foundation: The UN General Assembly and the Fight against the Cybercrime Treaty. URL: <https://www EFF.org/deeplinks/2024/08/un-general-assembly-and-fight-against-cybercrime-treaty> (accessed date: 10.02.2025).

³⁴ ООН: Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических и психотропных веществ 1988 г. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

³⁵ Ad Hoc Committee to Elaborate a Comprehensive International Convention on Countering the Use of Information and Communications Technologies for Criminal Purposes Fifth session Vienna, 11–21 April 2023 Consolidated negotiating document on the preamble, the provisions on international cooperation, preventive measures, technical assistance and the mechanism of implementation and the final provisions of a comprehensive international convention on countering the use of information and communications technologies for criminal purposes. URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/5th_session/Documents/CND_2_-_21.04.2023.pdf (accessed date: 10.02.2025).

³⁶ «Ничто в настоящей Конвенции не толкуется как допускающее подавление прав человека или основных свобод, включая права, касающиеся свободы выражения, совести, мнений, религии или убеждений, мирных собраний и объединений, в соответствии с применимыми нормами международного права прав человека» (ООН: Резолюция, принятая ГА 24 декабря 2024 г. [по докладу Третьего комитета (A/79/460, п. 15)] 79/243. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243> (дата обращения: 10.02.2025)).

³⁷ Hassan T. Upcoming Cybercrime Treaty will be Nothing but Trouble. – *Human Rights Watch*. 2024. URL: <https://www.hrw.org/news/2024/08/07/upcoming-cybercrime-treaty-will-be-nothing-trouble> (accessed date: 10.02.2025).

каждое Государство-участник применяет полномочия и процедуры, указанные в пункте 1 настоящей статьи, в отношении: а) уголовных правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией; б) других уголовных правонарушений, совершенных с помощью информационно-коммуникационной системы; и с) сбора доказательств в электронной форме, относящихся к любому уголовному правонарушению». Предложение некоторых общественных организаций, занимающихся вопросами защиты прав человека, заключалось в том, чтобы внести в п. “b” и “c” указание на возможность получения данных только в случае наличия серьезных оснований полагать, что преступление носит «серьезный характер»³⁸. Безусловно, передать данные можно будет в случае совершения именно подобной категории преступлений («серьезных» согласно терминологии Конвенции), т.е. срок наказания по которым по внутреннему законодательству составляет от четырех лет и выше, однако в дальнейшем (например, при разработке дополнительных протоколов) было бы целесообразно повысить уровень гарантий для лиц, осуществляющих свою деятельность в Интернете (блогеры, журналисты, общественные деятели).

5. Заключение

Подводя итог изложенному выше, следует попытаться оценить итоги «кибернормотворчества» государств – членов ООН.

С одной стороны, на универсальном уровне был впервые подготовлен и принят документ, который направлен на борьбу с киберпреступностью. С другой стороны, ведущее значение государства в киберпространстве постепенно

утрачивается, тогда как роль не субъектов международного права (в частности, IT-гигантов и занимающих их сторону общественных организаций) увеличивается. Следовательно, возможно следовать общемировым тенденциям по борьбе с киберпреступностью и, в частности, тем мерам, которые предпринимаются крупнейшими компаниями, занимающимися киберпроблематикой.

Если позиция США и ряда других западных государств изначально заключалась в отрицании возможности представить в ООН для рассмотрения подобный документ, то сейчас фокус внимания данных государств сместился в сторону использования Конвенции против киберпреступности 2024 г. в целях защиты, прежде всего, государственных интересов. К. Баннелль и Е. Лостри отмечают, что включение в переговорный процесс США и Великобритании было обусловлено желанием «не остаться в стороне» и сосредоточить внутригосударственные усилия на стадии «наиболее выгодного толкования» данного источника международного права³⁹. Ряд американских представителей заявили, что «договор лишь позволит увеличить число государств, которые будут реагировать на американские ордера на арест, связанные с киберпреступлениями»⁴⁰.

Возможно, что с учетом того правового хаоса, который связан с освоением киберпространства, выражающегося, например: 1) в невозможности согласовать единый подход к терминологическому аппарату; 2) отсутствии единства в возможности «цензурирования» Интернета; 3) смещении фокуса внимания с киберпространства в сторону искусственного интеллекта и нейрорправ [Ситников 2024:69-93], Конвенция ООН против киберпреступности 2024 г. может стать еще одним камнем преткновения в позициях государств, а не итогом заявленного компромисса.

Список литературы

1. Волеводз А.Г. 2009. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки. – *Международное уголовное правосудие: Современные проблемы*. Москва: Институт права и публичной политики. С. 303-323.
2. Данельян А.А. 2020. Международно-правовое регулирование киберпространства. – *Образование и право*. № 1. С. 261-269.
3. Иноземцев М.И. 2021. Цифровое право: в поисках определенности. – *Digital Law Journal*. Vol. 2. № 1. С. 18-28.
4. Комова Е.Ю., Сидоренко Э.Л. Использование цифровых технологий на фондовом рынке: уголовно-правовой аспект. – *Digital Law Journal*. Vol. 4. № 1. С. 74-85.
5. Мозолина О.В. 2004. Вопросы международно-правового регулирования Интернета. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 152-163.

³⁸ Hassan T. Op. cit..

³⁹ Bannelier E., Lostri E. Is Anyone Happy With the UN Cybercrime Convention? – *Lawfare*. 2024. URL: <https://www.lawfare-media.org/article/is-anyone-happy-with-the-un-cybercrime-convention> (accessed date: 10.02.2025).

⁴⁰ Greig J. Controversial UN Cybercrime Treaty Clears Final Hurdle Before Full Vote as US defends Support. – *The Record. Recorded Future News*. 2024. URL: <https://therecord.media/un-cybercrime-treaty-clears-vote> (accessed date: 10.02.2025).

6. Ситников М.С. 2024. Как и зачем регулировать сферу метавселенных? – *Digital Law Journal*. Vol. 5. № 1. С. 69-93.
7. Татаринов М.К. 2019. Традиционные и новые подходы к понятию и классификации юрисдикции. – *Международное публичное и частное право*. № 1. С. 6-10.
8. Assaf A. 2023. Violations of Sovereignty in "Cyberspace" under the United Nations Charter. – *Журнал ВШЭ по международному праву*. Vol. 1. № 3. С. 4-20.
9. Blakesley C.L. 1987. Jurisdiction as Legal Protection Against Terrorism. – *Connecticut Law Review*. Vol. 19. P. 895-943.
10. Clarke R.A., Knake R.K. 2019. *The Fifth Domain: Defending Our Country, Our Companies, and Ourselves in the Age of Cyber Threats*. Publ. Penguin Press. 352 p.
11. Gallant K.S. 2022. *International Criminal Jurisdiction. Whose Law Must We Obey?* Oxford University Press. 808 p.
12. Godwin III J.B., Kulpin A., Rauscher K.F., Yaschenko V. 2014. *Critical Terminology Foundations 2. Russia. U.S. Bilateral on Cybersecurity*. Policy report. 82 p.
13. Jackson J.H., Davey W.J., Sykes A.O. 2008. *Legal Problems of International Economic Relations*. 1st ed. West Academic Publishing. 1304 p.
14. Khanna P. 2018. State Sovereignty and Self-Defence in Cyberspace. – *BRICS Law Journal*. № 5 (4). P. 139-154.
15. Lenhoff A. International Law and Rules on International Jurisdiction. – *Cornell Law Quarterly*. 1964. Vol. 50. P. 5-23.
16. Moore J.B. 1887. *Report on Extraterritorial Crime and the Cutting Case*. Washington DC. Government Printing Office. 130 p.
17. Scher-Zagier E. 2024. Jurisdictional Creep: The UN Cybercrime Convention and the Expansion of Passive Personality Jurisdiction. – *Yale Journal of Law & Technology*. Vol. 27. 53 p.
18. Schmitt M.N. 2017. *Tallin Manual 2.0. On the International Law Applicable to Cyber Operations*. 2nd ed. Cambridge University Press. 598 p.
19. Shaw M.N. 2021. *International Law*. 9th ed. Cambridge University Press. 1213 p.
20. Watson G.R. The Passive Personality Principle. – *Texas International Law Journal*. Vol. 28:1. P. 1-46.
5. Gallant K.S. *International Criminal Jurisdiction. Whose Law Must We Obey?* Oxford University Press. 2022. 808 p.
6. Godwin III J.B., Kulpin A., Rauscher K.F., Yaschenko V. *Critical Terminology Foundations 2. Russia. U.S. Bilateral on Cybersecurity*. Policy report. 2014. 82 p.
7. Inozemtsev M.I. Cifrovoe pravo: v poiskah opredelenosti [Digital Law: The Pursuit of Certainty]. – *Digital Law Journal*. 2021. Vol. 2. № 1. P. 18-28. (In Russ.).
8. Jackson J.H., Davey W.J., Sykes A.O. *Legal Problems of International Economic Relations*. 1st ed. West Academic Publishing. 2008. 1304 p.
9. Khanna P. State Sovereignty and Self-Defence in Cyberspace. – *BRICS Law Journal*. 2018. № 5(4). P. 139-154.
10. Komova E. Yu., Sidorenko E.L. Ispol'zovanie cifrovyykh tehnologiy na fondovom rynke: ugovovno-pravovoy aspect [Using Digital Technologies in the Stock Market: the Criminal Law Aspect]. – *Digital Law Journal*. Vol. 4. № 1. P. 74-85. (In Russ.).
11. Lenhoff A. International Law and Rules on International Jurisdiction. – *Cornell Law Quarterly*. 1964. Vol. 50. P. 5-23.
12. Moore J.B. *Report on Extraterritorial Crime and the Cutting Case*. Washington DC. Government Printing Office. 1887. 130 p.
13. Mozolina O.V. Voprosy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya Interneta [Issues of international Legal Regulation of the Internet]. – *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2004. № 4. P. 152-163. (In Russ.).
14. Scher-Zagier E. Jurisdictional Creep: The UN Cybercrime Convention and the Expansion of Passive Personality Jurisdiction. – *Yale Journal of Law & Technology*. 2024. Vol. 27. 53 p.
15. Schmitt M.N. *Tallin Manual 2.0. On the International Law Applicable to Cyber Operations*. 2nd ed. Cambridge University Press. 2017. 598 p.
16. Shaw M.N. *International Law*. 9th ed. Cambridge University Press. 2021. 1213 p.
17. Sitnikov M.S. Kak i zachem regulirovat' sferu metavselennykh? [How and why should we regulate the metaverse?]. – *Digital Law Journal*. 2024. Vol. 5. № 1. P. 69-93. (In Russ.).
18. Tatarinov M.K. Tradicionnye i novye podhody k ponjatiju i klassifikacii jurisdikcii [Traditional and New Approaches to the Concept and Classification of Jurisdiction]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International Public and Private Law]*. 2019. № 1. P. 6-10. (In Russ.).
19. Volevodz A.G. Sovremennaja sistema mezhdunarodnoj ugovovnoj justicii: ponjatie, pravovye osnovy, struktura i priznaki [Modern system of international criminal justice system: legal basis, structure and features]. – *Mezhdunarodnoe ugovovnoe pravosudie: Sovremennye problemy [International Criminal Justice: Modern Problems]*. Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. 2009. P. 303-323. (In Russ.).
20. Watson G.R. The Passive Personality Principle. – *Texas International Law Journal*. 1993. Vol. 28:1. P. 1-46.

References

1. Assaf A. Violations of Sovereignty in "Cyberspace" under the United Nations Charter. – *Zhurnal VSHE po mezhdunarodnomu pravu [The HSE Journal of International Law]*. 2023. Vol. 1. № 3. P. 4-20.
2. Blakesley C.L. Jurisdiction as Legal Protection Against Terrorism. – *Connecticut Law Review*. 1987. Vol. 19. P. 895-943.
3. Clarke R.A., Knake R.K. *The Fifth Domain: Defending Our Country, Our Companies, and Ourselves in the Age of Cyber Threats*. Publ. Penguin Press. 2019. 352 p.
4. Danelyan A.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie kiberprostranstva [International Legal Regulation of Cyberspace]. – *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*. 2020. № 1. P. 261-269. (In Russ.).

Информация об авторе**Дарья Дмитриевна ШТОДИНА,**

кандидат юридических наук, научный сотрудник Департамента Международного права ВШЭ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, Москва, 109028, Российская Федерация

dashashtodina96@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4730-9614

About the Author**Daria D. SHTODINA,**

Candidate of Legal Sciences, Research Associate, Department of International Law, National Research University Higher School of Economics

3, Bolshoy Tryokhsvyatitsky Ln., Moscow, Russian Federation, 109028

dashashtodina96@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-4730-9614

Константин Константинович ЛАЗАРЬ

Дипломатическая академия МИД России

Остоженка ул., д. 53/2, стр. 1, г. Москва, 119021, Российская Федерация

lazariconstantin@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-4763-1922

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена анализу концепции «киберсуверенитета» как совокупности юридических претензий и механизмов, посредством которых государства стремятся обеспечить контроль и защиту своих интересов в цифровой сфере. На фоне стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, транснационального характера киберпространства и отсутствия единых международных норм усиливаются дискуссии о применимости классического понятия государственного суверенитета к цифровой среде. Рассматриваются различные подходы государств (Россия, Китай, США, страны Европейского союза (далее – ЕС) и др.) к регулированию киберпространства, подчеркивается рост значения кибербезопасности в международном праве, анализируется роль международных организаций (включая Организацию Объединенных Наций (далее – ООН)) и ключевых документов, таких как «Таллиннское руководство 2.0».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на качественном анализе научной литературы, международно-правовых актов (Устав ООН, решения Международного суда ООН, доктринальные документы), национальных стратегий в области кибербезопасности (России, США, Китая и др.), а также сравнительном изучении практик и позиций государств в сфере киберсуверенитета. Использовались общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ

и синтез, системный и сравнительно-правовой подход, позволяющие выявить правовые пробелы и противоречия в регулировании цифровой среды.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенный анализ показывает, что государства все более стремятся проецировать классический суверенитет на киберпространство, развивая национальное законодательство и формируя самостоятельные киберюрисдикции. Эта тенденция отражается в стратегиях и доктринах ряда стран (Китай, Россия), которые пытаются обеспечить контроль над своим сегментом интернета. Одновременно сохраняется противоречие между государствами, выступающими за открытость и свободное функционирование сети (США, страны ЕС), и теми, кто считает приоритетным укрепление национального контроля в цифровой сфере. Выявлено, что на практике государствам трудно достичь единого понимания границ допустимого вмешательства и масштабов правомерного применения принципа невмешательства и суверенитета в кибероперациях.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Анализ свидетельствует о правовой неопределенности в определении киберопераций, нарушающих суверенитет, а также в квалификации кибершпионажа и кибератак низкой интенсивности. В рамках ООН и специальных групп экспертов (GGE, OEWG) ведется работа по согласованию

подходов, однако единый универсальный механизм пока не выработан. Наиболее острые противоречия касаются признания суверенитета в цифровой сфере как самостоятельной нормы международного права и установления четких критериев допустимости киберопераций. Для преодоления правовых пробелов и снижения риска конфликтов необходимо формировать универсальные принципы, учитывающие специфику киберпространства, а также углублять международное сотрудничество, в том числе в области обмена информацией и выработки механизмов быстрого реагирования на киберугрозы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: киберсуверенитет, международное право, кибербезопасность, киберпространство, кибершпионаж, суверенитет, информационная безопасность, ООН, национальные стратегии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лазарь К.К. 2025. Кибербезопасность и суверенитет в киберпространстве: вызовы и перспективы международного права. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 125–137. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-125-137>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-125-137>

Research article

UDC: 341.6

Received 11 November 2024

Approved 25 February 2025

Constantin C. LAZARI

Federal State Educational Public Institution of Higher Education

“Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021

lazariconstantin@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-4763-1922

CYBERSECURITY AND SOVEREIGNTY IN CYBERSPACE: CHALLENGES AND PROSPECTS OF INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *This article explores the concept of “cyber sovereignty”, understood as the set of legal claims and mechanisms through which states seek to control and protect their interests in the digital domain. Amid the rapid development of information and communication technologies, the transnational nature of cyberspace, and the lack of unified international norms, debates on the applicability of classical state sovereignty to the digital realm are intensifying. The paper examines various approaches taken by different countries (Russia, China, the United States, EU member states, etc.) in regulating cyberspace, highlighting the growing importance of cybersecurity in international law, and analyzing the role of*

international organizations (including the UN) and key documents such as the Tallinn Manual 2.0.

MATERIALS AND METHODS. *The study is based on a qualitative analysis of academic literature, international legal instruments (UN Charter, International Court of Justice rulings, doctrinal documents), national cybersecurity strategies (Russia, the USA, China, among others), and a comparative examination of state practices and positions regarding cyber sovereignty. General and specific scientific methods – analysis and synthesis, systematic and comparative-legal approaches – were employed to identify legal gaps and contradictions in the regulation of the digital environment.*

RESULTS. *The analysis shows that states increasingly aim to extend the concept of classical sovereignty to cyberspace by developing national legislation and creating independent cyber jurisdictions. This trend is reflected in the strategies and doctrines of several countries (China, Russia), which seek to control their segment of the internet. At the same time, a rift remains between states that advocate for an open and free internet (the USA, EU states) and those that prioritize strengthening national control over the digital sphere. In practice, it is difficult for states to reach consensus on the permissible scope of intervention and the application of the principles of non-intervention and sovereignty in cyber operations.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The analysis reveals legal uncertainty in defining what kinds of cyber operations violate sovereignty, as well as in the categorization of cyber espionage and low intensity cyberattacks. The UN and its specialized expert groups (GGE, OEWG) are working on harmonizing approaches; however, no single universal mechanism has yet been established. The most acute controversies*

concern recognizing sovereignty in the digital sphere as a distinct norm of international law and establishing clear criteria for legitimate cyber operations. Overcoming legal gaps and reducing the risk of conflict require the development of universal principles that account for the unique characteristics of cyberspace, as well as the deepening of international cooperation, including the exchange of information and the creation of rapid response mechanisms to cyber threats.

KEYWORDS: *cyber sovereignty, international law, cybersecurity, cyberspace, cyber espionage, sovereignty, information security, United Nations, national strategies*

FOR CITATION: Lazari C.C. Cybersecurity and Sovereignty in Cyberspace: Challenges and Prospects of International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 125–137. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-125-137>

The author declares the absence of conflict of interest.

Введение

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий за последние десятилетия привело к возникновению нового пространства взаимодействия – киберпространства. Эта виртуальная среда стала неотъемлемой частью современной жизни, оказывая значительное влияние на экономику, политику, культуру и повседневное общение. В российской научной традиции ему нередко соответствует более широкое понятие «информационное пространство», включающее не только технологическую инфраструктуру, но и социально-правовые отношения. В настоящей статье мы будем использовать термин «киберпространство», поскольку он закреплён в ключевых международных источниках, таких как «Таллиннское руководство 2.0»¹ и доклады ООН². Однако это не означает, что мы ограничиваем его исключительно

технологическим аспектом. Напротив, мы признаём, что киберпространство включает в себя и социальные компоненты, связанные с обменом информацией и взаимодействием людей, но, следуя принятой международной терминологии, придерживаемся данного обозначения.

Различия в терминологии могут влиять на дискуссии о том, в какой мере государство способно (и должно ли) осуществлять свою власть и защиту национальных интересов в цифровой среде. В то же время цифровая эра несёт не только преимущества, но и серьёзные вызовы, связанные с обеспечением безопасности и регулированием отношений в киберпространстве.

Один из центральных вопросов, стоящих перед международным сообществом, – применимость традиционного понятия государственного суверенитета к киберпространству. В классическом понимании суверенитет государства основан на территориальных границах и контроле над населением и ресурсами. Однако

¹ Руководство Таллинн 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям. Cambridge University Press, 2017. 562 с.

² ООН: Имеется в виду Доклад группы правительственных экспертов ООН **A/68/98 (2013)**, Доклад группы правительственных экспертов ООН **A/70/174 (2015)**, а также Итоговый доклад Рабочей группы открытого состава ООН (2021).

киберпространство по своей природе транснационально, не ограничено физическими рубежами, что затрудняет применение существующих норм международного права к его регулированию и требует новых подходов.

В данной работе под «киберсуверенитетом» понимается совокупность юридических претензий и механизмов, посредством которых государство стремится обеспечить контроль и защиту своих интересов в цифровой сфере. Такие механизмы включают национальное регулирование интернет-инфраструктуры, законы об обработке данных и кибербезопасности. Некоторые исследователи, в том числе российские и китайские, используют термин «информационный суверенитет», акцентируя внимание на более широком понимании информационного пространства [Данельян 2020а]³. Однако, учитывая специфику международных дискуссий, в статье сохраняется термин «киберсуверенитет», так как он чаще фигурирует в глобальном контексте (ООН, Таллинское руководство, западная научная литература).

Отсутствие единых международных норм и различие подходов к киберсуверенитету среди государств создают правовые пробелы, осложняющие эффективное регулирование киберпространства. Одни страны (Россия, Китай) настаивают на расширении понятия суверенитета на цифровую сферу, стремясь установить контроль над национальными сегментами интернета и защитить критически важные информационные ресурсы. Другие (США, страны ЕС) выступают за сохранение открытого и свободного киберпространства, опасаясь, что усиление государственного контроля приведет к ограничению свобод и нарушению прав человека.

Актуальность темы обусловлена не только теоретическими противоречиями, но и практическими вызовами. Киберугрозы все чаще затрагивают критическую инфраструктуру, финансовые системы и национальную безопасность [Горелик

2021а:32]. Отсутствие единых подходов порождает неопределенность:

- что считать нарушением суверенитета в случае кибератаки?
- где проходит грань между легитимным сбором разведданных и недопустимым кибершпионажем?
- каковы критерии допустимого государственного вмешательства в цифровую сферу других стран?

Пробелы в правовом регулировании становятся причиной конфликтов и взаимных обвинений, особенно если одно государство не признает за другим права на вмешательство в его сети.

Цель данной статьи – анализ современных подходов к киберсуверенитету, изучение позиций государств и международных организаций, а также оценка перспектив международно-правового регулирования киберпространства. Особое внимание уделяется адаптации классических принципов суверенитета к цифровой реальности и выявлению шагов, необходимых для формирования эффективных механизмов регулирования.

Методологически исследование основано на качественном анализе, включающем доктринальный подход и сравнительное изучение международных практик. В работе рассматриваются:

- ключевые международно-правовые документы (включая Устав ООН и решения Международного суда ООН⁴);
- стратегии ведущих государств (Россия, США, Китай) в сфере кибербезопасности⁵;
- роль международных организаций в преодолении правовых пробелов и формировании новых норм.

Таким образом, данная статья стремится проанализировать существующие концепции киберсуверенитета, выявить ключевые противоречия и предложить возможные пути адаптации международного права к вызовам цифровой эпохи.

³ Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве (март 2017 г.)

⁴ МС ООН: Решения по делам «Военные и паравоенные действия в Никарагуа и против нее (1986)», «Дело пролива Корфу (1949)», «С.С. Лотус (Франция против Турции) (1927)», «Дело о ядерных испытаниях (1974)» и др.

⁵ См., напр., Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646; Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве (март 2017 г.); Международная стратегия киберпространства. Белый дом США (май 2011 г.); Закон CLOUD (Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act, 2018 г.); Руководство по ведению войны (июнь 2015 г.).

1. Кибербезопасность и рост значения киберсуверенитета

В научной литературе существует множество определений киберпространства. Например, Д.Е. Добринская отмечает, что «киберпространство – это особый тип пространства, возникающий в результате развития информационно-коммуникационных технологий» [Добринская 2018:59]. В другом исследовании М.В. Мигулева киберпространство определяется как «всемирная система в информационной среде, состоящая из взаимозависимой сети информационно-коммуникационных инфраструктур, включая интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы и встроенные процессоры и контроллеры» [Мигулева 2018:43].

В рамках данного исследования под киберпространством понимается глобальная система взаимосвязанных информационных технологий, обеспечивающих обмен данными и коммуникацию между людьми по всему миру. Однако ключевой вопрос, связанный с его правовым статусом и регулированием в международном праве, остается открытым, что порождает многочисленные дискуссии среди ученых и практиков [Mueller 2010:100]. При этом некоторые исследователи отмечают, что неоднородность киберпространства осложняет формирование универсальных норм, поскольку оно выходит за классические государственные границы [Hathaway, Crootof, Levitz, Nix, Nowlan, Perdue, Spiegel 2012:820].

Первоначально киберпространство рассматривалось как общее достояние человечества (*res communis omnium*), аналогично открытому морю или космосу. Такой подход исключал возможность его присвоения отдельными государствами и предполагал, что управление киберпространством должно осуществляться на основе международных соглашений и коллективного регулирования [Данельян 2020б:263].

В частности, Д.Р. Джонсон и Д.Г. Пост утверждали, что киберпространство выходит за рамки территориальных границ и должно регулироваться через многосторонние механизмы, а не отдельными государствами [Johnson, Post 1996:1390]. Эта концепция основывалась на децентрализованной природе киберпространства, технологической архитектуре интернета и сложности применения к нему традиционных механизмов территориального контроля.

Однако данное представление оказалось недостаточным для описания реальной структуры управления киберпространством. В отличие от Договора об Антарктике (1959) или Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967), известного как Договор о космосе, которые регулируют использование пространств общего пользования, киберпространство не подпадает под действие единого международного соглашения, что создает правовой вакуум и затрудняет разработку универсальных норм регулирования цифровой сферы.

Со временем идея киберпространства как *res communis* стала подвергаться критике. На практике его управление оказалось сконцентрированным в руках отдельных структур. Ключевые организации, определяющие технические и административные аспекты интернета, такие как ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) и Internet Society, зарегистрированы в Соединенных Штатах [Mueller 2010:110]. Это вызвало озабоченность со стороны ряда государств по поводу концентрации контроля над интернетом в пределах юрисдикции одной страны и возможного влияния Вашингтона на глобальные процессы.

На фоне этих процессов возникли разногласия по поводу модели управления киберпространством. Некоторые страны (например, США, Германия, Великобритания) выступают за многосторонний (multistakeholder) подход, включающий участие не только государств, но и частного сектора, гражданского общества и технического сообщества. Другие (например, Россия, Китай) настаивают на межправительственной модели, где ключевую роль играют государства, аргументируя это необходимостью защиты национальных интересов и обеспечения безопасности [Данельян 2020б:266].

Таким образом, осознание концентрации власти в киберпространстве привело к переосмыслению подходов и послужило катализатором перехода к концепции киберсуверенитета.

В ответ на дискуссии о власти в киберпространстве возникло требование его суверенизации. Это повлекло за собой адаптацию традиционной концепции государственного суверенитета (закрепленной в Вестфальской системе международных отношений) к цифровой сфере [Kello 2017].

Принцип государственного суверенитета традиционно подразумевает полный контроль государства над своей территорией, населением и ресурсами, что зафиксировано в Конвенции о правах и обязанностях государств (Конвенция Монтевидео, 1933) и Уставе ООН (1945). Однако киберпространство не имеет физических границ – информация может перемещаться в режиме реального времени, что ставит под сомнение применимость классических принципов [Schmitt 2009:435].

На практике переход от идеализированной модели открытого интернета к концепции киберсуверенитета проявился в изменении стратегий регулирования цифрового пространства различными государствами.

Китай в «Стратегии международного сотрудничества в киберпространстве 2017 г.»⁶ закрепил принцип «информационного суверенитета», подчеркивая право государства контролировать национальный сегмент интернета. Китайская позиция основывается на том, что каждое государство имеет право самостоятельно определять политику в области кибербезопасности, регулировать интернет на своей территории и защищать свои национальные интересы в цифровой сфере. Китай выделяет четыре основных принципа: мир, суверенитет, совместное управление и общий прогресс.

Россия также активно продвигает идею киберсуверенитета. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации»⁷ 2016 г. подчеркивается важность обеспечения национального суверенитета в информационном пространстве и развития независимой национальной информационной инфраструктуры.

Более того, если в «Международной стратегии киберпространства»⁸ США опубликованной в 2011 г., основной акцент делался на свободе информации, защите частной жизни и гражданских правах, при этом суверенитет как концепция не играл ключевой роли, то с усилением геополитической конкуренции и ростом киберугроз США отошли от принципа открытого интернета в пользу расширения национального контроля.

Этот переход зафиксирован в «Облачном акте» CLOUD Act (2018)⁹, который расширил юрисдикцию США на данные, хранящиеся за пределами страны, фактически распространив американское законодательство на трансграничные цифровые потоки. В результате Вашингтон перешел к модели контроля над цифровыми ресурсами, утверждая национальный приоритет над данными независимо от их местоположения.

Таким образом, тенденция к национализации киберпространства становится глобальной, отражая отход от концепции единого цифрового пространства в пользу фрагментированной сети цифровых юрисдикций. Однако возникает вопрос: каким образом принцип территориального суверенитета может быть адаптирован к киберпространству и какие правовые механизмы необходимы для его реализации?

2. Применение принципа территориального суверенитета в киберпространстве

В международном праве суверенитет государства традиционно имеет два измерения: внутреннее и внешнее. Внутренний суверенитет подразумевает исключительную власть государства над своей территорией и населением, включая право устанавливать законы и регулировать внутренние дела без вмешательства извне. Внешний суверенитет связан с независимостью государства в международных отношениях и его правом свободно взаимодействовать с другими государствами при соблюдении международного права.

В контексте киберпространства внутренний суверенитет означает право государства контролировать и регулировать киберинфраструктуру на своей территории, а также деятельность, связанную с киберпространством, осуществляемую физическими и юридическими лицами под его юрисдикцией. Внешний суверенитет отражается в способности государства защищать свои интересы в киберпространстве на международной арене, участвовать в разработке международных норм и сотрудничать с другими государствами в области кибербезопасности.

⁶ Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве.

⁷ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

⁸ США. Белый дом: Международная стратегия киберпространства (май 2011 г.).

⁹ Закон CLOUD (Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act) (2018).

Определение того, какие действия в киберпространстве могут считаться нарушением территориального суверенитета, остается предметом дискуссий. Традиционно нарушение суверенитета ассоциируется с физическим вторжением на территорию другого государства без его согласия, как это было определено в решениях Международного суда ООН по делам «Никарагуа против США»¹⁰, «О проливе Корфу»¹¹ и С.С. Лотус (Франция против Турции)¹².

Однако в киберпространстве физическое присутствие не всегда необходимо для причинения ущерба. Кибератаки могут осуществляться удаленно, при этом их последствия могут быть сопоставимы с традиционными вооруженными действиями. Некоторые исследователи предлагают рассматривать несанкционированные кибероперации, приводящие к значительному ущербу, как нарушение суверенитета [Данельян 2020б:265]. Одновременно указывается, что отсутствие универсальных критериев затрудняет единообразие правоприменения [Lin 2016:78].

Несмотря на отсутствие всеобъемлющих международных норм, государства начинают формировать свою практику и позиции по этому вопросу. Франция в своем документе «Международное право, применимое к операциям в киберпространстве»¹³ заявляет, что несанкционированные кибероперации, нарушающие функционирование ее информационных систем, могут рассматриваться как нарушение суверенитета.

Нидерланды, ссылаясь на «Таллинское руководство 2.0», также признают, что кибероперации, причиняющие значительный ущерб или затрагивающие критическую инфраструктуру, могут представлять собой нарушение суверенитета¹⁴. Такие позиции отражают стремление

государств установить определенные границы допустимого поведения в киберпространстве и защитить свои национальные интересы.

3. Дебаты о суверенитете: принцип или норма?

В международном праве суверенитет традиционно рассматривается как фундаментальный принцип, на котором основываются отношения между государствами. Однако возникает вопрос: является ли суверенитет самостоятельной юридически обязательной нормой или же он служит общим принципом, из которого вытекают конкретные правовые нормы?

Этот вопрос приобретает особую значимость в контексте киберпространства, где традиционные границы и механизмы регулирования часто не работают. От ответа на него зависит, какие действия в киберпространстве могут считаться нарушением международного права и какие меры могут предприниматься государствами для защиты своих интересов [Moynihan 2019:5].

Генеральный прокурор Великобритании Дж. Райт в 2018 г. отметил, что хотя суверенитет является фундаментальным принципом международного права, трудно выделить конкретную норму, запрещающую любые формы кибердеятельности на территории другого государства без его согласия, за исключением случаев, когда такая деятельность приводит к значительному ущербу или нарушает другие международные обязательства¹⁵.

Министерство обороны Великобритании в 2020 г. также заявило, что в настоящее время нет достаточно распространенной и последовательной практики государств, свидетельствующей о существовании нормы обычного

¹⁰ МС ООН: Военные и паравоенные действия в Никарагуа и против нее (Никарагуа против США) (1986). Суд признал противоправным вмешательство государства во внутренние дела и подрыв независимости другого. По аналогии, кибератаки, направленные на дестабилизацию, могут трактоваться как незаконное вмешательство.

¹¹ МС ООН: Дело пролива Корфу (Великобритания против Албании) (1949). Государство обязано не допускать, чтобы с его территории осуществлялись действия, наносящие ущерб другому государству. Это может быть экстраполировано на кибератаки или киберпреступную деятельность, исходящую из национальной инфраструктуры.

¹² Постоянная палата международного правосудия: Дело С.С. Лотус (Франция против Турции) (1927). Государства не вправе осуществлять власть на территории другого государства без специального разрешения, если иное не предусмотрено нормами международного права. Для киберпространства это означает, что несанкционированные кибероперации против иностранных систем потенциально могут расцениваться как нарушение суверенитета.

¹³ Министерство вооруженных сил Франции: Международное право, применимое к операциям в киберпространстве. (сентябрь 2019 г.).

¹⁴ Руководство Таллинн 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям.

¹⁵ Дж. Райт QC МР. Киберпространство и международное право в XXI веке (май 2018 г.)

международного права, запрещающей кибероперации на территории другого государства без его согласия¹⁶. Таким образом, Великобритания склоняется к тому, что суверенитет в киберпространстве следует рассматривать скорее как принцип, чем как конкретную правовую норму.

В противоположность этому, некоторые исследователи и государства считают, что суверенитет в киберпространстве должен рассматриваться как юридически обязательная норма, нарушение которой влечет за собой международно-правовую ответственность. Они аргументируют это тем, что суверенитет является основой международного порядка и его нарушение недопустимо независимо от сферы, будь то физическое пространство или киберпространство [Schmitt 2009:439].

Аналогично тому, как принцип невмешательства запрещает государствам вмешиваться во внутренние дела других государств, суверенитет может интерпретироваться как запрет на несанкционированные кибероперации, которые затрагивают территорию или интересы другого государства. Такой подход требует признания того, что киберпространство не является правовой пустотой и подчиняется общепризнанным принципам международного права. Как указывает Rid, подобный спор во многом упирается в проблему доказательства физического или экономического ущерба, сопоставимого с «классическими» нарушениями [Rid 2012:12].

4. Различия в трактовках киберсуверенитета среди государств

Государства предлагают свои интерпретации понятия киберсуверенитета, отражающие их национальные интересы и приоритеты. Финляндия, например, утверждает, что киберпространство в целом не может быть объектом присвоения каким-либо государством¹⁷. Она признает, что государства обладают юрисдикцией над своей киберинфраструктурой и лицами, осуществляющими кибердеятельность на их территории, но не претендует на контроль над глобальным киберпространством.

Этот подход основан на признании транснациональной природы киберпространства и необходимости международного сотрудничества для его эффективного регулирования. Финляндия выступает за сохранение открытого и свободного интернета, поддерживая многосторонний подход к управлению цифровой сферой.

Франция предлагает более комплексную концепцию киберсуверенитета. В документе «Международное право, применимое к операциям в киберпространстве» она заявляет об осуществлении суверенитета над информационными системами, расположенными на ее территории¹⁸. Это включает не только физическую инфраструктуру, но и связанные с ней логические компоненты и данные.

Таким образом, Франция подчеркивает право государства на регулирование и защиту как материальных, так и нематериальных элементов киберпространства на своей территории. Этот подход отражает стремление обеспечить безопасность и защиту национальных интересов в цифровой сфере, учитывая сложность и многоуровневость киберпространства.

Нидерланды ссылаются на «Таллинское руководство 2.0», в котором расширяется понятие суверенитета, включая физический, логический и социальный уровни киберпространства. Согласно этому подходу, государство обладает суверенными правами не только над физической инфраструктурой, но и над программным обеспечением, данными и киберактивностью, связанной с его гражданами.

Этот многоуровневый подход позволяет более полно учитывать все аспекты киберпространства и отражает необходимость комплексного регулирования в условиях цифровизации [Lotsberg, Jellinek 2017]. Нидерланды поддерживают идею о том, что государство должно иметь возможность защищать свои интересы на всех уровнях киберпространства.

Разнообразие терминов и определений, таких как «киберсуверенитет», «суверенитет в киберпространстве», «цифровой суверенитет», свидетельствует об отсутствии единого понимания этой концепции на международном уровне.

¹⁶ Министерство обороны Великобритании: Подход Великобритании к беспилотным летательным аппаратам, Joint Doctrine Note 2/11 (2020).

¹⁷ Заявление Финляндии о международном праве и киберпространстве (2020).

¹⁸ Министерство вооруженных сил Франции: Международное право, применимое к операциям в киберпространстве (сентябрь 2019 г.).

Различия в подходах отражают национальные интересы, культурные особенности и политические приоритеты различных государств.

Однако отсутствие согласованной терминологии и общепринятых принципов затрудняет разработку международных норм и может приводить к конфликтам и недопониманию между государствами. Это подчеркивает необходимость продолжения диалога и сотрудничества для достижения консенсуса в вопросах регулирования киберпространства. Отдельно подчеркивается, что правовая фрагментация может негативно отразиться на глобальной экономике и информационных потоках [Shackelford, Richards, Studio, Craig 2015:12].

5. Кибероперации низкой интенсивности и нарушение суверенитета

Кибероперации низкой интенсивности – это действия, которые не достигают уровня применения силы или вооруженного нападения, но могут причинять ущерб и нарушать суверенитет государства. «Таллиннское руководство 2.0» предлагает классифицировать такие операции следующим образом:

- кибероперации, вызывающие физический ущерб: например, использование вредоносного программного обеспечения, которое выводит из строя оборудование;
- операции, приводящие к утрате функциональности систем: как в случае с вирусом Shamoon, который порастил нефтяную компанию Saudi Aramco в 2012 г. [Bronk, Tikk-Ringas 2013:85];
- кибероперации, не вызывающие физического ущерба, но влияющие на данные или доступность систем: такие как DDoS-атаки или изменение информации.

Государства по-разному оценивают, какие кибероперации следует считать нарушением суверенитета. Некоторые придерживаются позиции, согласно которой любое несанкционированное вмешательство в их киберинфраструктуру является нарушением суверенитета. Финляндия придерживается сходной позиции, признавая нарушение суверенитета в случаях, когда кибероперации приводят к материальному ущербу¹⁹.

Другие считают, что для признания нарушения суверенитета необходимо, чтобы кибероперация причинила значительный ущерб или затронула критически важные функции государства. Чехия, например, считает нарушением суверенитета кибероперации, которые причиняют ущерб ее критической инфраструктуре²⁰.

Такое разнообразие подходов подчеркивает необходимость международного диалога для выработки общепринятых критериев. В частности, Taddeo указывает на важность согласованных определений «допустимого» вмешательства в цифровую инфраструктуру, иначе «низкоинтенсивные» атаки могут так и остаться в серой зоне [Taddeo 2018:506].

6. Кибершпионаж и его правовая оценка

Кибершпионаж представляет собой одну из наиболее сложных и спорных тем в международном праве. В отличие от традиционного шпионажа, кибершпионаж может осуществляться удаленно и массово, затрагивая огромные объемы данных.

Некоторые исследователи, в том числе Г. Браун и К. Поэллет, рассматривают кибершпионаж как сложившуюся международную практику, которая фактически приобрела характер международного обычая [Brown, Poellet 2012:130]. Они утверждают, что несмотря на вызванные им угрозы, кибершпионаж не получил четкого запрета в международном праве, а его широкое использование государствами свидетельствует о фактическом признании его допустимости в рамках существующей международной системы.

Однако данная позиция вызывает разногласия, поскольку ряд государств рассматривают кибершпионаж как прямое нарушение их суверенитета, особенно в контексте атак на критически важную инфраструктуру и утечки конфиденциальных данных [Buchan 2016:477]. Согласно «Таллиннскому руководству», удаленный кибершпионаж, если он не наносит физического ущерба, формально не считается нарушением суверенитета²¹. Тем не менее, учитывая рост таких операций, на международном уровне продолжают дискуссии о необходимости формирования новых правовых норм, направленных на регулирование кибершпионажа.

¹⁹ Заявление Финляндии о международном праве и киберпространстве (2020).

²⁰ Чешская Республика. Позиция по международному праву, применимому в киберпространстве (2020).

²¹ См.: Руководство Таллинн 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям.

Соединенные Штаты придерживаются позиции, согласно которой шпионаж, включая кибершпионаж, не запрещен международным правом, хотя его отдельные аспекты могут регулироваться на национальном уровне²². Эта точка зрения основана на давней практике государств, которые занимаются разведывательной деятельностью в целях обеспечения национальной безопасности, однако остается предметом международных дискуссий.

Несмотря на это многие государства и международные организации выражают обеспокоенность в связи с кибершпионажем. После разоблачений Э. Сноудена в 2013 г., которые показали масштабные программы электронного слежения, ряд государств осудили такие действия как нарушение суверенитета и прав человека [Buchan 2016:480].

Южный общий рынок (МЕРКОСУР) в декларации 2013 г. осудил шпионаж в интернете как противоправное действие, подрывающее доверие между государствами²³. Такие реакции свидетельствуют о растущем понимании того, что кибершпионаж может иметь серьезные последствия для международных отношений и требует правового регулирования.

Существует противоречие между ограничениями на правоохранительную деятельность государств в отношении других государств и относительно свободной разведывательной деятельностью. Если правоохранительные органы не могут проводить операции на территории другого государства без его согласия, то почему разведывательные службы могут осуществлять кибероперации без такого согласия?

Принцип, установленный в деле С.С. Лотус (Франция против Турции), гласит, что государство не может осуществлять свою власть на территории другого государства без его разрешения, если это не предусмотрено международным правом²⁴. Это подразумевает, что несанкционированные кибероперации, включая кибершпионаж, могут рассматриваться как нарушение суверенитета и международного права.

Некоторые исследователи считают, что необходимо установить четкие международно-правовые нормы, регулирующие разведывательную деятельность в киберпространстве, чтобы избежать эскалации конфликтов и обеспечить уважение суверенитета государств [Moynihan 2019:5].

7. ООН и международные усилия по обеспечению кибербезопасности

Организация Объединенных Наций играет важную роль в обсуждении вопросов, связанных с кибербезопасностью и регулированием киберпространства на международном уровне. Впервые вопрос о международной информационной безопасности был поднят Россией в 1998 г., когда она внесла проект резолюции в Генеральную Ассамблею ООН²⁵.

С тех пор были созданы несколько групп правительственных экспертов (GGE), задачей которых является изучение и разработка мер по укреплению доверия и безопасности в использовании информационно-коммуникационных технологий. В 2013 г. группа экспертов представила доклад, в котором подтвердилось, что международное право, включая принципы государственного суверенитета, применимо к действиям государств в киберпространстве²⁶.

Несмотря на достигнутые договоренности, между государствами сохраняются разногласия по ряду ключевых вопросов. В 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН было подтверждено, что государства обязаны соблюдать принципы международного права при использовании информационно-коммуникационных технологий, включая суверенитет, невмешательство и мирное разрешение споров²⁷.

Однако отсутствие единого понимания того, как именно эти принципы должны применяться в киберпространстве, приводит к продолжению дискуссий. В 2018 г. была создана Рабочая группа открытого состава (OEWG) с целью разработки рекомендаций по ответственному поведению

²² Министерство обороны США: Руководство по ведению войны.

²³ МЕРКОСУР: Декларация о деятельности по кибершпионажу в интернете (2013).

²⁴ Постоянная палата международного правосудия: Дело S.S. Lotus (Франция против Турции).

²⁵ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/53/70 «Достижения в области информатики и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (1998).

²⁶ ООН: Доклад группы правительственных экспертов ООН A/68/98 (2013).

²⁷ ООН: Доклад группы правительственных экспертов ООН A/70/174 (2015).

государств в цифровой сфере. В итоговом докладе группы за 2021 г. признается необходимость дальнейшей работы над детализацией и согласованием позиций государств²⁸.

Борьба с киберпреступностью является одним из важных направлений международного сотрудничества. В 2019 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию A/RES/74/247 «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»²⁹. Между тем, как отмечается в ряде исследований, формирование единой международно-правовой системы противодействия киберпреступности по-прежнему остаётся на раннем этапе и требует дальнейшей унификации подходов [Горелик 2021б:65]. На ее основе была создана специальная межправительственная группа экспертов для разработки всеобъемлющей международной конвенции по противодействию киберпреступности.

Эти инициативы свидетельствуют о признании международным сообществом необходимости совместных действий для обеспечения безопасности в киберпространстве и создания эффективных правовых механизмов противодействия киберугрозам.

Заключение

Стремительная цифровизация и растущая зависимость общества от киберпространства ставят перед международным сообществом сложные вызовы. Вопрос о применимости государственного суверенитета к киберпространству остается нерешенным, а отсутствие единых международных норм создает правовые вакуумы и увеличивает риск конфликтов.

Разнообразие трактовок киберсуверенитета среди государств отражает их различные интересы и приоритеты. Одни страны стремятся расширить суверенитет на киберпространство, усиливая контроль и регулирование, тогда как другие выступают за сохранение открытого и свободного интернета, опасаясь, что излишнее

вмешательство государства может ограничить права и свободы граждан.

Необходимо признать, что традиционные принципы международного права не всегда эффективно применимы к киберпространству. Требуется разработка новых подходов и норм, учитывающих особенности цифровой среды. Международное сотрудничество и диалог между государствами являются ключевыми элементами в этом процессе.

В связи с этим рекомендуется продолжать активную работу в рамках ООН и других международных организаций по выработке общепринятых норм и правил поведения в киберпространстве, которые будут учитывать интересы всех государств. Укрепление международного сотрудничества в сфере кибербезопасности, включая обмен информацией, проведение совместных учений и разработку механизмов быстрого реагирования на киберугрозы, станет важным шагом на пути к обеспечению глобальной безопасности.

Кроме того, необходимо разработать четкие международно-правовые нормы, регулирующие кибершпионаж и кибероперации низкой интенсивности. Это позволит предотвратить эскалацию конфликтов и обеспечить уважение суверенитета государств в цифровой сфере. Поиск баланса между национальной безопасностью и защитой прав и свобод человека в цифровом пространстве также является приоритетной задачей. Обеспечение устойчивого и безопасного развития киберпространства возможно только при условии, что будут учтены как потребности государства в безопасности, так и права граждан на свободу информации и приватность.

Только через совместные усилия и взаимопонимание международное сообщество сможет преодолеть существующие разногласия и создать эффективную правовую основу для безопасного, свободного и справедливого киберпространства, способствующего развитию и благополучию всех государств и народов.

²⁸ ООН: Итоговый доклад Рабочей группы открытого состава ООН (2021).

²⁹ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/74/247 (2019).

Список литературы

1. Горелик И.Б. 2021а. Роль международных организаций в процессе противодействия киберпреступности. – *Международное право и международные организации*. № 3. С. 28-41.
2. Горелик И.Б. 2021б. Формирование международной правовой системы противодействия киберпреступности. – *Право и политика*. № 5. С. 60-71.
3. Дanel'ян А.А. 2020а. Киберпространство и международное право. – *Международное право и международные организации*. № 2.
4. Дanel'ян А.А. 2020б. Международно-правовое регулирование киберпространства. – *Образование и право*. № 1. С. 261-269.
5. Добринская Д.Е. 2018. Киберпространство: территория современной жизни. – *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. Т. 24. № 1. С. 52-70.
6. Мигулева М.В. 2018. История определения понятия «киберпространство». – *Этносоциум и межнациональная культура*. № 6 (120). С. 41-45.
7. Bronk C., Tikk-Ringas E. 2013. The Cyber Attack on Saudi Aramco. – *Survival*. Vol. 55. No. 2. P. 81-96.
8. Brown G., Poellet K. 2012. The Customary Law of Cyberspace. – *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 6. No. 1. P. 126-145.
9. Buchan R. 2016. Cyber Espionage and International Law. – *Journal of Conflict and Security Law*. Vol. 21. No. 3. P. 461-493.
10. Hathaway O.A., Crootof R., Levitz P., Nix H., Nowlan A., Perdue W., Spiegel J. 2012. The Law of Cyber Attack. – *California Law Review*. Vol. 100, No. 4. P. 817-886.
11. Johnson D.R., Post D.G. 1996. Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace. – *Stanford Law Review*. Vol. 8. No. 5. P. 1367-1402.
12. Kello L. 2017. *The Virtual Weapon and International Order*. New Haven: Yale University Press.
13. Lin H. 2016. Attribution of Malicious Cyber Incidents: From Soup to Nuts. – *Journal of International Affairs*. Vol. 70, No. 1. P. 75-92.
14. Lotsberg K., Jellinek H. 2017. Jurisdiction in Cyberspace. – *Journal of High Technology Law*. Vol. 17. No. 2.
15. Moynihan H. 2019. The Application of International Law to State Cyberattacks: Sovereignty and Non-intervention. – *Chatham House Research Paper*. December. P. 1-40.
16. Mueller M. 2010. *Networks and States: The Global Politics of Internet Governance*. Cambridge (MA): MIT Press. P. 1-280.
17. Rid T. 2012. Cyber War Will Not Take Place. – *Journal of Strategic Studies*. Vol. 35. No. 1. P. 5-32.
18. Schmitt M.N. 2009. Grey Zones in the International Law of Cyberspace. – *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 42. P. 427-448.
19. Shackelford S.J., Richards E., Studio J.D., Craig A.N. 2015. Using BITs to Protect Bytes: Promoting Cyber Peace and Safeguarding Trade Secrets Through Bilateral Investment Treaties. – *American Business Law Journal*. Vol. 52. No. 1. P. 1-86.
20. Taddeo M. 2018. Cybersecurity and Individual Rights, Striking the Right Balance. – *Philosophy & Technology*. Vol. 31. No. 4. P. 503-507.

References

1. Bronk C., Tikk-Ringas E. 2013. The Cyber Attack on Saudi Aramco. – *Survival*. Vol. 55. No. 2. P. 81-96.
2. Brown G., Poellet K. 2012. The Customary Law of Cyberspace. – *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 6. No. 1. P. 126-145.
3. Buchan R. 2016. Cyber Espionage and International Law. – *Journal of Conflict and Security Law*. Vol. 21. No. 3. P. 461-493.
4. Danel'yan A.A. Kiberprostranstvo i mezhdunarodnoe pravo [Cyberspace and International Law]. – *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii [International Law and International Organizations]*. 2020a. No 2. (In Russ.).
5. Danel'yan A.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie kiberprostranstva [International Legal Regulation of Cyberspace]. – *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*. 2020b. No 1. P. 261-269. (In Russ.).
6. Dobrinskaya D.E. Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoi zhizni [Cyberspace: Territory of Contemporary Life]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]*. 2018. Vol. 24, No 1. P. 52-70. (In Russ.).
7. Gorelik I.B. Formirovanie mezhdunarodno-pravovoi sistemy protivodeistviya kiberprestupnosti [Formation of an International Legal System for Combating Cybercrime]. – *Pravo i politika [Law and Politics]*. 2021. No 5. P. 60-71. (In Russ.).
8. Gorelik I.B. Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v protsesse protivodeistviya kiberprestupnosti [The Role of International Organizations in Countering Cybercrime]. – *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii [International Law and International Organizations]*. 2021. No 3. P. 28-41. (In Russ.).
9. Hathaway O.A., Crootof R., Levitz P., Nix H., Nowlan A., Perdue W., Spiegel J. 2012. The Law of Cyber Attack. – *California Law Review*. Vol. 100, No. 4. P. 817-886.
10. Johnson D.R., Post D.G. 1996. Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace. – *Stanford Law Review*. Vol. 48. No. 5. P. 1367-1402.
11. Kello L. 2017. *The Virtual Weapon and International Order*. New Haven: Yale University Press.
12. Lin H. 2016. Attribution of Malicious Cyber Incidents: From Soup to Nuts. – *Journal of International Affairs*. Vol. 70, No. 1. P. 75-92.
13. Lotsberg K., Jellinek H. 2017. Jurisdiction in Cyberspace. – *Journal of High Technology Law*. Vol. 17. No. 2.
14. Miguleva M.V. Istoriya opredeleniya ponyatiya "kiberprostranstvo" [History of Defining the Concept of "Cyberspace"]. – *Etnosotsium i mezhdunarodnaya kul'tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]*. 2018. No 6 (120). P. 41-45. (In Russ.).
15. Moynihan H. 2019. The Application of International Law to State Cyberattacks: Sovereignty and Non-intervention. – *Chatham House Research Paper*. December. P. 1-40.
16. Mueller M. 2010. *Networks and States: The Global Politics of Internet Governance*. Cambridge (MA): MIT Press. P. 1-280.
17. Rid T. 2012. Cyber War Will Not Take Place. – *Journal of Strategic Studies*. Vol. 35. No. 1. P. 5-32.

-
18. Schmitt M.N. 2009. Grey Zones in the International Law of Cyberspace. – *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 42. P. 427-448.
19. Shackelford S.J., Richards E., Studio J.D., Craig A.N. 2015. Using BITs to Protect Bytes: Promoting Cyber Peace and Safeguarding Trade Secrets Through Bilateral Investment Treaties. – *American Business Law Journal*. Vol. 52. No. 1. P. 1-86.
20. Taddeo M. 2018. Cybersecurity and Individual Rights, Striking the Right Balance. – *Philosophy & Technology*. Vol. 31. No. 4. P. 503-507.
-

Информация об авторе

Константин Константинович ЛАЗАРЬ,
аспирант кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России

Остоженка ул., д. 53/2, стр. 1, г. Москва, 119021, Российская Федерация

lazariconstantin@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-4763-1922

About the Author

Constantin C. LAZARI,
Post-graduate student of the Department of International Law, Federal State Educational Public Institution of Higher Education, "Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021

lazariconstantin@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-4763-1922

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 31.01.2024

Принята к публикации: 11.02.2025

Вячеслав Константинович ЗИЛАНОВ

Мурманский государственный технический университет
Спортивная ул., д. 13, Мурманск, 183010, Российская Федерация
vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Алексей Юрьевич ПЛОТНИКОВ

Московский государственный лингвистический университет
Остоженка ул., д. 38 стр. 1, Москва, 119034, Российская Федерация
al.yu.plotnikov@yandex.ru
ORCID: 000-0002-0909-9567

Анастасия Петровна ГЛАЗОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
22-Линия Васильевского острова, д. 7, Санкт-Петербург, 199106, Российская Федерация
angla.1892@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7789-9323

РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1998 ГОДА О ПРОМЫСЛЕ МОРСКИХ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ МОРЕ РОССИИ У ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНЫХ КУРИЛ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов было подписано 21 февраля 1998 г. (далее – Соглашение 1998 г.). Район действия Соглашения 1998 г. – российское территориальное море у островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (Малая Курильская гряда). Мнения, высказанные в научно-правовой литературе, а также представителями российской рыбной*

отрасли относительно Соглашения 1998 г., его значимости и целесообразности исполнения, были разными. Высказывалась, например, точка зрения о том, что Соглашение 1998 г. было политической уступкой Японии со стороны российской власти в надежде на создание благоприятного климата для инвестиций в экономику России [Зиланов 1998:50-53]. Высказывалась и иная точка зрения: о том, что Соглашение 1998 г. является компромиссом между позициями России и Японии [Вылегжанин, Неверова

2016:35-62]. В 2022 г. Россией принято решение о приостановке реализации Соглашения 1998 г. в связи с невыполнением японской стороной финансовых обязательств. В условиях, предпринятых правительством Японии недружественных мер, Россия проинформировала Японию о невозможности согласовать межправительственные консультации по рыбному промыслу в названных районах российского территориального моря.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основу настоящего исследования положен анализ Соглашения 1998 г. как источника международного права в общем системном контексте его норм о сохранении морских живых ресурсов и управлении ими. Детально рассматривается пространственное измерение и материально-правовое содержание Соглашения 1998 г., а также приводятся различные мнения относительно его современного значения с точки зрения национальных интересов России.

Методологическую основу составили общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также специально-юридические методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ. Современная политико-правовая оценка Соглашения 1998 г., Приложения к нему, а также ежегодных Меморандумов обусловлена общим контекстом международно-правовых норм, применимых к отношениям России и Японии в области сохранения морских живых ресурсов и управлении ими.

При этом констатируется, что в Соглашении 1998 г., в Приложении к нему, в ежегодных «Меморандумах о понимании» не содержится обязательств Японии о предоставлении аналогичных прав на ведение промысла морских живых ресурсов российским судам в территориальном море Японии, к примеру, у японского острова Хоккайдо.

Выявлено незначительное экономическое значение Соглашения 1998 г. для обеих договаривающихся сторон в общем контексте рыбохозяйственных отношений, вытекающих из других межправительственных двусторонних соглашений России и Японии.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Сохранение и управление морскими живыми ресурсами в районах, примыкающих к Южно-Курильским островам, осложнено разными взглядами России и Японии на статус этих островов. Япония, как известно, оспаривает суверенитет России над ними; в связи с этим Соглашение 1998 г. является уникальным международным договором России в том смысле, что ни в его тексте, ни в Приложении к нему нет упоминания о суверенитете России над «спорными» островами и вместе с тем в силу Соглашения 1998 г. Япония приняла обязательство о том, что ее рыбаки при осуществлении промысла у берегов «спорных» островов подчиняются юрисдикции России; и о том, что правоохранительные меры в отношении рыбаков-нарушителей будет применять российская сторона на основе норм и международного, и российского права. Этот хрупкий договорно-правовой компромисс поставлен, однако, под угрозу после недружественных действий Японии в отношении России. Кроме того, и после заключения Соглашения 1998 г. Япония продолжает заявлять притязания на упомянутые острова Южно-Курильской гряды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Соглашение 1998 г., промысел, рыболовство, морские живые ресурсы, территориальное море Российской Федерации, Южно-Курильские острова, российско-японские рыбохозяйственные отношения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зиланов В.К., Плотников А.Ю., Глазова А.П. 2024. Российско-японское соглашение 1998 года о промысле морских живых ресурсов в территориальном море России у побережья южных Курил: современные международно-правовые вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 5. С. 138–154. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

Research article

UDC: 341

Received 31 January 2024

Approved 11 February 2025

Vyacheslav K. ZILANOV

Murmansk State Technical University

13, Sportivnaya St., Murmansk, Russian Federation, 183010

vkzilan@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1025-550

Aleksey Yu. PLOTNIKOV

Moscow State Linguistic University

38, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119034

al.yu.plotnikov@yandex.ru

ORCID: 000-0002-0909-9567

Anastasia P. GLASOVA

St. Petersburg State University

7, 22 Line Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russian Federation, 199106

angla.1892@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7789-9323

THE 1998 RUSSIAN-JAPANESE AGREEMENT ON FISHERIES IN THE TERRITORIAL SEA OF RUSSIA ADJACENT TO THE SOUTH KURIL: CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW ISSUES

INTRODUCTION. *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Japan on some issues of fisheries was signed on February 21, 1998 (hereinafter referred to as the 1998 Agreement). The area of application of the 1998 Agreement encompasses the Russian territorial sea around the islands of Iturup, Kunashir, Shikotan, and Habomai (the Lesser Kuril Islands). Opinions expressed in the scientific and legal literature as well as by representatives of the Russian fishing industry regarding the 1998 Agreement, its significance, and the advisability of its implementation varied. For instance, it was argued that the 1998 Agreement was a political concession made by the*

Russian government to Japan with the hope of creating a favorable climate for investments in Russia's economy. [Zilanov 1998:50-53]. Another viewpoint was expressed, suggesting that the 1998 Agreement represents a compromise between the positions of Russia and Japan. [Vylegzhanin, Neverova 2016:35-62]. In 2022, Russia made the decision to suspend the implementation of the 1998 Agreement due to the failure of the Japanese side to fulfill its financial obligations. In light of the unfriendly measures taken by the Japanese government, Russia informed Japan of its inability to arrange intergovernmental consultations regarding fishing in the specified areas of the Russian territorial sea.

MATERIALS AND METHODS. *The present study is based on an analysis of the 1998 Agreement as a source of international law within the overall systemic context of its norms regarding the conservation and management of marine living resources. The spatial dimension and substantive legal content of the 1998 Agreement are examined in detail, and various perspectives on its contemporary significance in terms of Russia's national interests are presented. The methodological framework comprises general scientific methods of research (analysis, synthesis, induction, and deduction), as well as specialized legal methods (formal-legal and comparative legal).*

RESEARCH RESULTS. *The current political and legal assessment of the 1998 Agreement, its Annex, as well as the annual Memoranda is determined by the general context of international legal norms applicable to relations between Russia and Japan in the field of conservation and management of marine living resources.*

It is noted that the 1998 Agreement, its Annex, as well as the annual Memoranda do not contain any obligations of Japan to grant similar rights to fish for marine living resources to Russian vessels in the territorial sea of Japan, for example, near the Japanese island of Hokkaido.

The insignificant economic importance of the 1998 Agreement for both contracting parties is revealed in the general context of fisheries relations arising from other intergovernmental bilateral agreements between Russia and Japan.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The conservation and management of marine living resources in the areas adjacent to the Southern Kuril Islands is*

complicated by the differing views of Russia and Japan regarding the status of these islands. Japan, as is well known, disputes Russia's sovereignty over them; in this context, the 1998 Agreement is a unique international treaty of Russia, in the sense that neither its text nor its Annex mentions Russia's sovereignty over the "disputed" islands. At the same time, as shown by the analysis of the 1998 Agreement, it is evident that by signing this document, Japan agreed that Japanese fishermen, when fishing off the shores of the "disputed" islands, are subject to Russia's jurisdiction; that law enforcement measures against violating fishermen will be applied by the Russian side based on both international and Russian law. However, this fragile legal compromise is now under threat following Japan's unfriendly actions towards Russia. Moreover, Japan continues to lay claim to the aforementioned islands of the South Kuril Ridge even after the conclusion of the 1998 Agreement.

KEYWORDS: *The 1998 Agreement, fishing, marine living resources, the territorial sea of the Russian Federation, the South Kuril Islands, Russian-Japanese fisheries relations*

FOR CITATION: Zilanov V.K., Plotnikov A.Yu., Glazova A.P. The 1998 Russian-Japanese Agreement on Fisheries in the Territorial Sea of Russia adjacent to the South Kuril: Contemporary International Law Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 138–154. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Морские природные ресурсы, особенно живые ресурсы моря, – это «древний» объект международного права¹. Правовой режим природных ресурсов мирового океана далеко не статичен: заключаются все новые международные соглашения между государствами по поводу их сохранения и использования, особенно на региональном и двустороннем уровне. Очевидно, что

договорно-согласованные основы международного сотрудничества снижают вероятность межгосударственных конфликтов по поводу морского природопользования, в том числе при разном толковании норм, регулирующих сохранение и использование морских живых ресурсов, облегчают обмен соответствующей информацией, а также применение правоохранительных мер [Borg 2014:356-357]. Вопрос о том, на какой правовой основе прибрежное государство принимает меры по сохранению и управлению морскими

¹ О понятии «объект международного права» см.: Вылегжанин А.Н., Колосов Ю.М. 2015. Понятие международного права, его предмет, объекты, система. – *Международное право. Учебник для академического бакалавриата*. В 2 т. Т. 1. М.: Юрайт. С. 16-27.

живыми ресурсами в районах, находящихся под его суверенитетом и юрисдикцией, особенно важен для иностранного государства, заинтересованного пользоваться этими ресурсами.

До сих пор и на уровне международно-правовой политики государств [Вылегжанин, Магомедова 2022:112-126], и в науке [Rafaly 2022:295] существуют разные понимания вопроса о содержании принимаемых государствами мер по «управлению», «сохранению», «использованию» морских живых ресурсов. По сути, всякий международный договор о морских биоресурсах, даже если он заключен только между двумя государствами, вносит свой вклад в общий свод международного правотворчества и правореализации в обозначенной области взаимоотношений государств. Не является исключением в этом смысле и российско-японское рыболовное Соглашение 1998 г. В настоящей статье Соглашение 1998 г. оценивается в общем контексте общепринятых норм международного права в части деятельности иностранного государства в суверенных территориальных водах России. Авторы также рассматривают вопросы толкования Соглашения 1998 г., в том числе дискуссионные. Отдельно анализируется содержание и юридическое значение Меморандумов о понимании, принятых во исполнение Соглашения. В заключительном разделе предложены выводы по итогам исследования.

2. Соглашение 1998 г. как компонент норм международного права о сохранении и управлении морскими живыми ресурсами

Следует, прежде всего, подчеркнуть, что Соглашение 1998 г. не рассматривает вопросы сохранения и использования живых морских ресурсов; оно касается исключительно вопросов предоставления иностранному государству – в данном случае Японии – права осуществления морского промысла в территориальных водах России у побережья южных островов Курильского архипелага и оговаривает условия предоставления этого права.

Следует также отметить, что взаимоотношения с Японией в районах и акватории южных Курил осложняются принципиальным расхождением позиции двух соседних государств – России и Японии – в отношении статуса этих островов, а также нежеланием Японии признавать беспорность суверенитета РФ над этими

островами – и прилежащем территориальном море – приобретенным по итогам Второй мировой войны.

В юридической научной литературе обозначены различные подходы к тому, какие именно природные «ресурсы» могут определяться как «морские живые ресурсы». Зарубежные ученые-правоведы чаще всего данным понятием определяют рыб, головоногих моллюсков, ракообразных и морских млекопитающих [Matz-Luck, Fuchs 2015:493]. В отечественной науке отмечено, что нормы об управлении морскими живыми ресурсами ошибочно ограничивать только перечисленными видами; что и морские водоросли, иные виды морской флоры могут стать объектом многоуровневых правоотношений по поводу сохранения и использования морских живых ресурсов [Вылегжанин 2001a:69-81]. Отмечено также, что международно-правовые клаузулы об управлении биоразнообразием мирового океана – это новелла в международном праве, договорно обозначенная после 1958 г., поскольку ни в одной из Женевских морских конвенций 1958 г. такие нормы не были предусмотрены. [Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. 2000:13] Как пояснялось, в начале XX в. под влиянием идей, комбинирующих успехи морской биологии, математики и морской техники, русским ученым Ф.И. Барановым разработана «первая математическая модель зависимости между состоянием запаса рыб и промысловой нагрузкой на него»; юридические нормы об управлении запасами рыбы и морских млекопитающих, обеспечивавшие «максимальную выгоду» от рыболовства, появились позднее, сначала на двустороннем и региональном уровне сотрудничества государств [Вылегжанин 2001b:71, 72]. В целостном виде идея «управления морскими живыми ресурсами» получила свое универсальное воплощение в Конвенции по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.). Положениями Конвенции 1982 г. установлено право прибрежного государства принимать законы и правила о его суверенных правах в целях разведки, разработки и сохранения живых природных ресурсов в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе данного государства, а также обеспечивать путем надлежащих мер по сохранению и управлению безопасность состояния живых ресурсов в этих районах от чрезмерной эксплуатации, но при этом достигалась бы цель «оптимального использования живых ресурсов» моря. В целом,

Конвенция 1982 г. устанавливает «базовую систему управления морскими живыми ресурсами»: 1) «зональный» подход к такому управлению в территориальном море, исключительной экономической зоне и т. д. и 2) «видовой» подход (режим далеко мигрирующих видов, например, отличается от режима анадромных видов и т. д.) [Tanaka 2011:294].

В 1995 г. положения Конвенции 1982 г. о морских живых ресурсах были дополнены еще одним, очень значимым универсальным международным договором – Соглашением об осуществлении положений Конвенции 1982 г., «которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими». Это Соглашение предусматривает норму об «осторожном подходе» к сохранению морских живых ресурсов и управлению ими с тем, чтобы защищать морские живые ресурсы, сохранять среду их обитания, в том числе и в тех случаях, когда полученные данные о состоянии таких природных ресурсов неполные или их вообще нет [Вылегжанин 2001б:71, 72]. При этом прибрежные государства применяют «осторожный подход» с некоторыми вариациями: он может проследиваться, как отмечено, в «духе законов» прибрежного государства, или обозначаться как «риск-ориентированный», или же рассматриваться как компонент «экосистемного» управления морскими биоресурсами и т. д. [Allen 2001:648] На какой нормативно-правовой основе современное государство обязано сохранять прибрежные морские биоресурсы и рационально управлять ими, и как осуществлять нормы международного права об управлении ими – в этом вопросе практика государств и ее оценки в юридической науке разные. У каждой правовой модели такого управления есть свои достоинства и недостатки. Как предложено в науке, однозначно то, что «возникает острая необходимость» отказаться от подхода, ориентированного лишь на эксплуатацию биоресурсов моря; это, как образно сказано, «вопрос мудрости человечества в целом» [Tanaka 2011:330].

На таком общем фоне проблема управления морскими живыми ресурсами и их сохранения в тех морских районах, которые примыкают к Южно-Курильским островам, осложнена, прежде всего, разными позициями двух соседних государств – России и Японии – в отношении статуса этих островов.

Япония оспаривает суверенитет России над группой четырех Южно-курильских островов: Итурупом, Кунаширом, Шикотаном и Хабомаи («Хабомаи» – это группа скал и мелких островов, имеющих в Японии такое наименование; в России официально используется иное их наименование – «Малая Курильская гряда»).

Как отмечается в научной литературе, «формально получилось так, что суверенитет СССР над Курильскими островами недвусмысленно не был подтвержден» Сан-Францисским мирным договором 1951 г. (The 1951 Treaty of Peace with Japan), заключенным без участия Советского Союза, хотя суверенитет Советского Союза над этими островами «четко предусмотрен Ялтинским соглашением 1945 г.». Но в силу договора 1951 г. (СССР не является его участником) «Япония получила «возможность ссылаться на это обстоятельство в свою пользу, опираясь на поддержку США, изменивших свое отношение к бывшему союзнику – Советскому Союзу» (что политически объяснимо в тот период); при этом США нарушили обязательство по Ялтинскому соглашению 1945 г., а это, как отмечено в науке, «юридически не допустимо» [Вылегжанин, Неворова 2016:35].

При оценке Соглашения 1998 г. нельзя не учитывать и историко-правовые обстоятельства. При заключении между Россией и Японией Портсмутского мирного договора 1905 г. Япония получила привилегированные права на ведение рыболовства даже в прибрежных районах России от Камчатки до Приморья. Потерпев поражение во Второй мировой войне и подписав Акт о безоговорочной капитуляции 1945 г., Япония, тем не менее добила по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. положения о заключении с ней договоренностей в области рыболовства с тем, чтобы продолжить промысел морских живых ресурсов своим флотом в тех районах, в которых она вела его ранее.

Поскольку обязательства по Сан-Францисскому договору на Советский Союз не распространяются, в 1956 г. СССР и Япония заключили Совместную декларацию о прекращении «состояния войны между двумя государствами» и восстановлении между ними «мира и добрососедских дружественных отношений». Совместная декларация 1956 г. стала важным компромиссным шагом на пути нормализации отношений между двумя соседними странами,

послужила развитию договорно-правовой базы сотрудничества, в том числе в области сохранения и использования морских живых ресурсов. По смыслу декларации 1956 г. СССР и Япония согласились «в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения» [Русские Курилы ... 2015:188].

В последующий период, в контексте такой тенденции к нормализации советско-японских отношений были заключены значимые двусторонние договоры, предусматривающие права и обязательства двух соседних государств в области сохранения морских живых ресурсов и управления ими: Соглашение между Министерством рыбного хозяйства СССР и Хоккайдской ассоциацией рыбопромышленников о промысле «морской капусты» японскими рыбаками 1981 г.; Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии по ведению рыбопромысловых операций 1975 г.; Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережий обеих стран 1984 г.; Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии о сотрудничестве в области рыбного хозяйства 1985 г.²

После распада Советского Союза в 1991 г. в дополнение к уже названным соглашениям на двустороннем уровне были заключены: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов 1998 г.; Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об основах дальнейшего сотрудничества в области предотвращения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла морских живых ресурсов и незаконного вывоза продукции из них 2009 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в Северо-Западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами 2012 г.³

В перечисленных двусторонних правовых документах особое значение в рамках исследуемой темы имеет Соглашение между Министерством рыбного хозяйства СССР и Хоккайдской ассоциацией рыбопромышленников о промысле «морской капусты» японскими рыбаками 1981 г. (далее – Соглашение 1981 г.), прежде всего потому, что его заключение привнесло существенные правовые новеллы в отечественную международно-правовую политику: а) в морских районах, примыкающих к обозначенным спорным Южно-Курильским островам, японские суда стали подчиняться законам и правилам СССР (ст. 5 Соглашения 1981 г.); б) японские рыбаки получили договорно-правовую возможность легитимно осуществлять промысел вблизи этих островов, тем самым создавая условия для снижения уровня браконьерских набегов в морские районы у побережья Южно-Курильских островов.

Внешним катализатором разработки этого Соглашения послужили, с одной стороны, территориальные притязания Японии на эти острова, создававшие напряженность во взаимоотношениях с Россией, а с другой – достаточно многочисленные «браконьерские набеги» в названные районы японских рыболовных судов, базирующих в основном в порту Немуро (остров Хоккайдо). В отдельные годы число браконьерских «набегов» японских судов на морские живые ресурсы в российских территориальных водах, примыкающих к островам, достигало около нескольких тысяч случаев [Зиланов 1998:50, 53], а их задержаний и арестов достигло до 1 129 случаев [Курмазов 2006:336].

С другой стороны, ранее существовавшие территориальные притязания Японии на эти острова, охарактеризованные выше, создавали в целом напряженность во взаимоотношениях с Россией. Более того, японский парламент, продолжая нагнетать обстановку, принял закон о том, что так называемые «северные территории» (куда, по их мнению, входят названные перечисленные Южно-Курильские острова) находятся под юрисдикцией Японии [Плотников 2022:81].

В борьбе с преступлениями и иными правонарушениями на море важными являются вопросы, связанные с установлением и осуществлением юрисдикции прибрежного государства.

² См.: Сборник двусторонних соглашений СССР по вопросам рыбного хозяйства, рыболовства и рыбохозяйственных исследований. М.: ВНИРО, 1987. С. 282-300.

³ См.: Сборник международных конвенций и соглашений Российской Федерации по вопросам рыболовства. М.: Проспект, 2010. С. 551-555.

Установление юрисдикции, прежде всего, означает «определение пространства, в пределах которого государство считает возможным и допустимым ожидать и требовать осуществления своих правомочных велений; круга лиц, которым адресуются такие веления; времени, в течение которого они действуют; вопросов или предметов, по поводу которых веления сформулированы», а осуществление юрисдикции – реализацию государством возможности и допустимости обеспечения своих правовых велений посредством применения мер принуждения» [Черниченко 1999:114-115]. В первом случае, как отмечено в науке, прибрежное государство осуществляет законодательную юрисдикцию, во втором – исполнительную. В соответствии с международным правом государство вправе осуществлять и законодательную, и исполнительную юрисдикцию [Klein 2011:62].

Проявлением исполнительной юрисдикции прибрежного государства является применение российскими властями против японских судов-правонарушителей принудительных мер правоохранительного характера (в частности, таких мер, как остановка и осмотр судна, преследование по горячим следам и т. д.) [Глазова 2020:106-118] Важно, только чтобы такие меры были пропорциональны совершенному деянию [Burke 1994:307].

На практике в результате таких мер, осуществляемых российской стороной, как территориальным сувереном островов, задерживались десятки японских судов-нарушителей. Случалось, что такие суда отказывались подчиниться законным требованиям, поступающим с военных кораблей России. В таких случаях международное право наделяет военные корабли правом останавливать силой суда, нарушающие законодательные предписания, особенно при невыполнении ими требований остановиться; кроме этого, в таких ситуациях в международном праве нет запрета на применение оружия⁴. В рассматриваемых ситуациях, когда нельзя было избежать применения оружия, отдельные японские рыбаки-нарушители погибли. Продолжать и дальше такое нелегальное рыболовство для японских рыбаков становилось опасным.

Учитывая решимость России препятствовать и впредь браконьерству японских судов

в своих территориальных водах, примыкающих к южным Курилам, Япония предложила России пойти на разработку и заключение специального соглашения, которое бы позволило японским рыболовным судам вести, здесь так называемый безопасный промысел морских живых ресурсов.

Это предложение Японии, как и сам термин – «безопасный промысел», – не являлось чем-то неожиданным для России. Ранее, еще в июне 1966 г., аналогичное предложение выдвигалось японской стороной во время первого официального визита Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в Японию. Тогда японцы впервые определили его как «безопасность рыболовного промысла». При этом Япония требовала от Советского Союза предоставить японским рыболовным судам возможность беспрепятственно осуществлять лов во всей северо-западной части Тихого океана вблизи от советских территориальных вод. В ответ на это советская сторона выдвинула контрпредложение: в обмен на гарантии свободы промысла японских рыболовных судов вблизи от советских берегов предлагалось разрешить советским рыболовным судам заходить в японские порты [Нелидов 2019:229]. Такое предложение было отвергнуто японской стороной. В результате в ходе визита в 1966 г. Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко по этому вопросу не было достигнуто взаимоприемлемого решения. Стороны согласились и далее вести осуждения данного вопроса. В последующем Япония неоднократно поднимала перед советской стороной вопрос о так называемом безопасном рыбном промысле в ходе двухсторонних переговоров по вопросам рыболовства. Однако, в советский период он так и не был решен ввиду не готовности японской стороны пойти на взаимные равные обязательства и с ее стороны.

В начальный период формирования новой России японская сторона вновь выдвинула предложение о так называемом безопасном промысле морских живых ресурсов своими рыболовными судами, ограничив его только морским районом у южных Курил. При этом Япония стремилась, чтобы в такой договоренности учитывалась ее позиция в отношении японских притязаний на эти острова; чтобы их статус рассматривался как ясно не определенный, т. е. ни в пользу суверенитета России, ни в пользу суверенитета Японии.

⁴ Зябкин А.И. *Несанкционированное вещание из открытого моря и международно-правовые средства его пресечения*: дис. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ. 1985. С. 130-131.

Российская сторона согласилась на проведение таких переговоров, исходя при этом из своей позиции относительно бесспорности принадлежности России всех Курильских островов, включая южные острова Курильской гряды; из того, что *de facto* суверенитет над ними уже осуществляет Россия, как ранее суверенитет осуществлял СССР по итогам Второй мировой войны; и ответственности Японии как «вражеского государства» по квалификации, предусмотренной в Уставе ООН. На такой компромиссной основе между позициями России и Японии начались переговоры по подготовке Соглашения, завершившиеся в 1998 г. Примечательно отношение третьих государств к российско-японскому компромиссу 1998 г., отражением чего случит прилагаемая карта-схема, изданная в Республике Корея (рис. 1). Как видно, на этой карте граница между российскими морскими владениями обозначена согласно российской, а не японской международно-правовой позиции – между окончательным островом Хоккайдо, с одной стороны, и островом Кунашир (обозначенным как «Российская Федерация») – с другой.

В ходе проработки российской стороной возможных договоренностей о предоставлении японским судам права промысла живых ресурсов в российских территориальных водах у островов южных Курил против такой договоренности выступили депутаты Сахалинской областной Думы. Ту же позицию они занимали и после Соглашения 1998 г., считая, что этим «ущемляются как суверенные права Российской Федерации, так и интересы российских рыбаков при ведении промысла в территориальных водах России, и нарушается законодательство Российской Федерации» [Пonomarev 2023:46-47]. Окончательное решение о подписании Соглашения 1998 г. было принято по указанию Президента России Б.Н. Ельцина [Курмазов 2023:11]. За беспрепятственный промысел японскими судами морских живых ресурсов в территориальном море России у островов южных Курил японская сторона обязывалась выплачивать всего 400 тыс. долларов в год⁵.

Переговоры по выработке анализируемого российско-японского соглашения велись почти три года; в ходе 19 раундов сторонам удалось прийти к непростому решению, которое все же

позволило в тот период (с учетом складывающихся взаимных отношений по всему комплексу двусторонних отношений) подписать 21 февраля 1998 г. в Москве упомянутое «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов». Свои подписи под ним поставили сопредседатели Российско-Японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам – первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации и глава МИД Японии.

Как признает руководитель российской делегации (по итогам заключительного раунда переговоров): «Разумеется, в тексте рамочного соглашения, подписанного в феврале, есть элемент некоторой обтекаемости формулировок. Это вызвано необходимостью учитывать специфику данного вопроса. Позиции сторон разные, и, чтобы сделать что-то возможным, приходилось в некоторых местах избегать прямых, категоричных формулировок, которые, может быть, приняты в подобного рода соглашениях с другими странами» [Саплин 1998:50-53].

Это замечание руководителя российской делегации, как будет показано ниже, отражает действительность. Элемент «некоторой обтекаемости формулировок» был подчеркнут в ходе отмеченной ранее критики Соглашения 1998 г. со стороны депутатов Сахалинской областной Думы, сенаторов, депутатов Государственной Думы Российской Федерации и общественности Дальнего Востока. Центральное место в критике занимала констатация того, что Соглашение 1998 г. привело к вытеснению из обозначенных морских районов промысла отечественных рыбаков, базирующихся на южных Курилах. Принимая во внимание это и ряд других обстоятельств Конференция Госдумы, состоявшаяся 22 июня 2022 г. в Москве в Доме Союзов, с участием депутатов, сенаторов Федерального Собрания Российской Федерации, органов исполнительной власти, включая МИД, представителей общественности в своей Резолюции предложила «денонсировать...» Соглашение 1998 г. «...как не отвечающее национальным интересам России» [Итоговая Резолюция ... 2023:155].

⁵ Кошкин А.А. Японские власти намерены возобновить вылов нашей рыбы и морепродуктов в территориальных водах России. Поведение японского правительства в отношении нашей страны подпадает под понятие «сверхнаглости». 2023. URL: <https://fondsk.ru/news/2023/12/28/yaponskie-vlasti-namereny-vozobnovit-vylov-nashey-ryby-i-moreproduktov-v> (дата обращения: 30.11.2024).

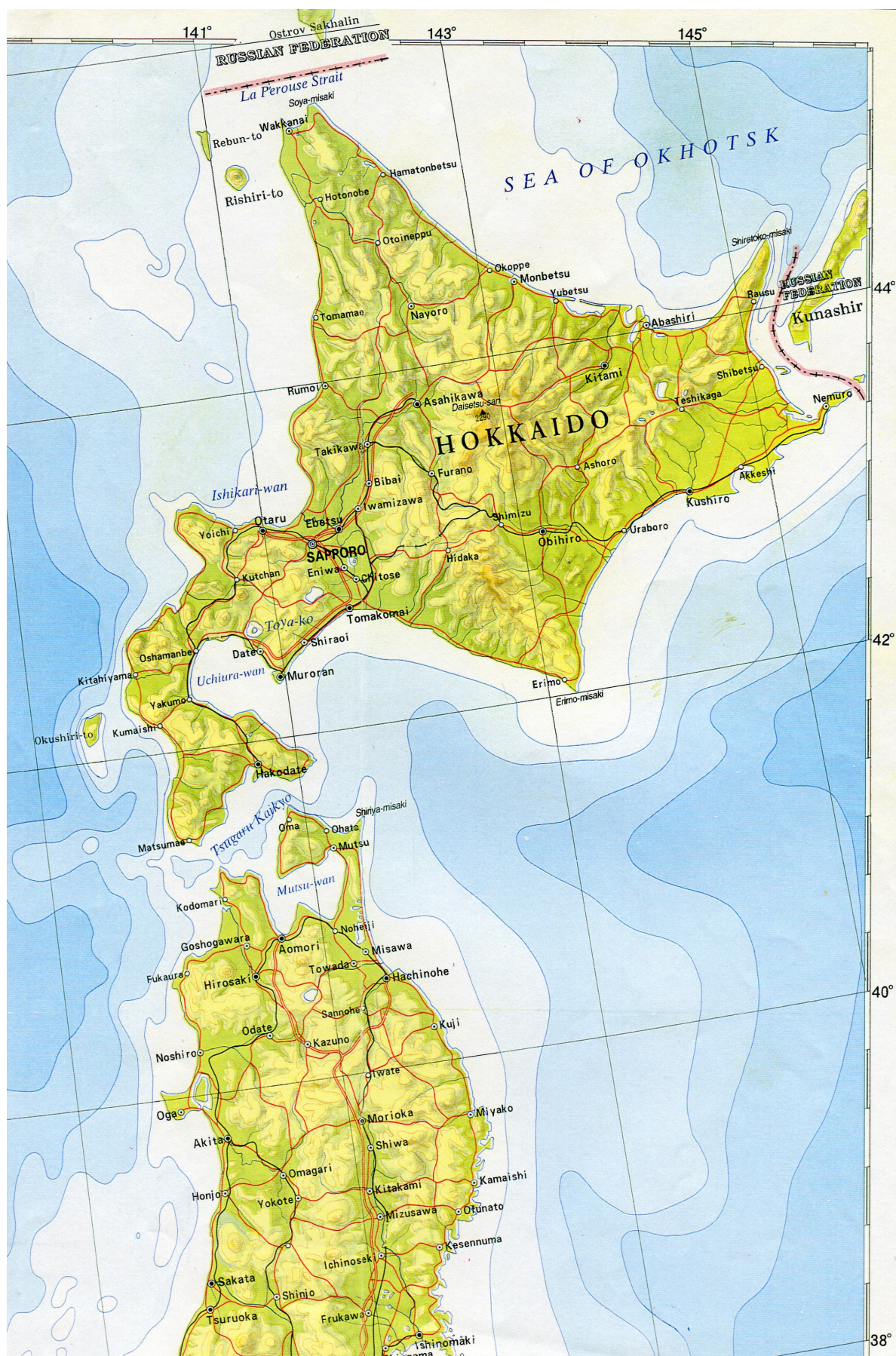

Рис. 1. Фрагмент карты, изданной Министерством строительства и транспорта Республики Корея в 1998 г.

3. Содержание Соглашения 1998 г.

Соглашение 1998 г., если его характеризовать в общем правовом поле советско (российско)-японских отношений в области рыболовства – это второй документ, в соответствии с которым российская сторона разрешила японским рыболовным судам вести промысел биоресурсов в российских территориальных водах в районе южной части Курильской гряды (включая острова Большой и Малой Курильской гряды).

Первое такое Соглашение – о промысле водорослей («морской капусты») японскими рыбаками в районе острова Сигнальный (японское название – Кайгара) – было заключено еще в 1963 г. В последующем это соглашение было с небольшими изменениями перезаключено в 1981 г. Оно остается действующим и в настоящее время. Соглашение о промысле японскими рыбаками «морской капусты» в российских территориальных водах у острова Сигнальный стало первым шагом к разработке и принятию последующих соглашений между двумя соседними государствами о сохранении и управлении морскими живыми ресурсами, в том числе Соглашения 1998 г.

Напомним, что Соглашение о промысле японскими рыбаками «морской капусты» 1981 г. предусматривало взаимные обязательства сторон по обеспечению проведения промысла этих водорослей. Оно определяло объемы добычи, места и сроки промысла «морской капусты», порядок контроля за соблюдением правил промысла и т. д.

Например, ст. 1 Соглашения 1981 г. предоставляет японским рыбакам заниматься промыслом «морской капусты» в определенном районе, ст. 3 Соглашения 1981 г., в свою очередь, возлагает на японскую сторону обязанность осуществлять промысел в соответствии с порядком, определенным Приложением, ст. 4 – осуществлять платежи за право вести промысел, а ст. 5 – соблюдать законодательство и подзаконные акты, действующие в районе промысла⁶. Иначе говоря, именно в советско-японском Соглашении 1981 г. был предложен компромисс между правовыми позициями двух государств: сохранении *de facto* суверенитета СССР над спорными островами, при отсутствии его договорного

признания Японией; но подчинение японских лиц советской юрисдикции в водах, омывающих эти острова.

Что касается Соглашения 1998 г., то оно было подписано 21 февраля и 21 мая сразу же вступило в силу. Соглашение 1998 г. состоит из преамбулы, семи статей и Приложения.

Ниже приведен правовой анализ основных статей этого Соглашения.

В преамбуле Соглашения 1998 г. подчеркивается стремление сторон к «дальнейшему развитию и углублению традиционных и взаимовыгодных отношений между двумя странами в области рыбного хозяйства». Отмечено значение межправительственных соглашений о взаимных отношениях в области рыболовства и рыбного хозяйства 1984–1985 гг. и стремление следовать принципам, изложенным в Токийской декларации о российско-японских отношениях и в Декларации о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений от 13 октября 1993 г. Последняя ссылка на два межгосударственных акта усиливает политическое значение упомянутого соглашения.

При определении в преамбуле основной задачи Соглашения 1998 г. обе стороны констатируют, что желают «определить условия промысла временного характера на коммерческой основе японскими рыболовными судами в морском районе, указанном в настоящем Соглашении». Именно «временный характер», предусмотренный в договорных терминах, предопределял практическую значимость самого Соглашения 1998 г.

В ст. 1 Соглашения 1998 г. указано, что «стороны сотрудничают в целях осуществления промысла живых ресурсов японскими рыболовными судами в морском районе, ограниченном прямыми геодезическими линиями, последовательно соединяющими точки с координатами, указанными в Приложении, у островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, а также сохранения, рационального использования и воспроизводства живых ресурсов в этом морском районе в соответствии с настоящим Соглашением».

В Приложении к Соглашению 1998 г. определены координаты морского района, где японские рыболовные суда вправе вести промысел живых ресурсов. Данные координаты свидетельствуют о том, что это район территориального моря

⁶ Подробнее см.: [Вылегжанин, Неверова 2016:51-54].

России, примыкающий к островам Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Однако договорной констатации о том, что это территориальное море России, разумеется, нет ни в самом тексте Соглашения 1998 г., ни в указанном Приложении к нему, ни в ежегодных Меморандумах о понимании (в последних определяются разрешенные по Соглашению квоты вылова японскими рыболовными судами морепродуктов на конкретный год), что будет исследовано ниже.

В тексте Соглашения 1998 г. отсутствует упоминание, что «спорные острова» находятся под суверенитетом Российской Федерации, но нет и квалификации островов в качестве объекта территориального спора между Россией и Японией.

Как будет показано ниже, в отношении юрисдикции Российской Федерации в пределах морских пространств не все так однозначно.

В ст. 2 Соглашения 1998 г. определены процедуры практического характера, регламентирующие промысел морских живых ресурсов японскими рыболовными судами в обозначенном морском районе. Промысел производится в соответствии с Меморандумом о понимании, ежегодно заключаемым между организациями обеих сторон, об определении которых последнее, уведомляют друг друга по дипломатическим каналам.

Таким образом, Меморандум о понимании – это не межправительственный документ, а соглашение (договоренность) между организациями сторон, по достижении которой стороны уведомляют друг друга (путем обмена дипломатическими нотами) о признании этой договоренности.

Японская сторона обязуется принимать меры «согласно законам и правилам Японии с тем, чтобы японской организацией осуществлялась оплата в связи с промыслом, сохранением и воспроизводством морских живых ресурсов в соответствии с настоящим Соглашением и Меморандумом о понимании».

Статьи 3 и 4 Соглашения 1998 г. носят общий характер о возможном сотрудничестве (как на межправительственном уровне, так и между организациями России и Японии) в области рыболовства. В них предусмотрено проведение взаимных консультаций по вопросам выполнения положений Соглашения 1998 г.

Статьей 5 определено, что компетентными органами по выполнению Соглашения 1998 г. являются: со стороны России – Министерство сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации⁷ и Федеральная пограничная служба Российской Федерации; со стороны Японии – Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии (Департамент рыболовства) и Министерство транспорта Японии (Управление безопасности на море).

Статья 6 предусматривает, что любая деятельность и меры по Соглашению «не должны рассматриваться как наносящие ущерб позициям и точкам зрения любой из Сторон по вопросам взаимных отношений».

Статья 7 Соглашения 1998 г. содержит заключительные положения о сроках и порядке его вступления в силу, а также предусматривает порядок его возможного прекращения. В частности, в п. 2 этой статьи сказано, что по истечении трехлетнего периода его действия «Соглашение автоматически продлевается на очередные годичные периоды, если одна Сторона, не менее чем за шесть месяцев до дня истечения соответствующего периода действия, не направит другой Стороне письменного уведомления о своем намерении прекратить его действие».

Реализация Соглашения 1998 г. происходила на практике путем подготовки на каждый очередной год отдельного документа – «Меморандума о понимании». Отсутствует в Соглашении 1998 г. и положение о том, что японские рыбаки «должны соблюдать законы, постановления и правила Российской Федерации, действующие в этом районе» (это положение есть в рассмотренном выше Соглашении 1981 г. о промысле японскими рыбаками «морской капусты»).

4. Содержание Меморандумов о понимании

В соответствии со ст. 2 Соглашения 1998 г. для решения всех практических вопросов промысла японскими судами морских живых ресурсов в морском районе, обозначенном в Приложении к Соглашению, ежегодно заключаются Меморандумы о понимании. В них уточняются районы ежегодного допустимого промысла японскими рыбаками в обозначенных морских районах.

⁷ В настоящее время – Министерство сельского хозяйства Российской Федерации.

В соответствии с упомянутыми Меморандумами о понимании обозначаются не только границы такого района на каждый год, но и также объект рыболовства японскими судами (например, промысел минтая, осьминога, терпуга), а также орудия лова (например, жаберные сети, крючковые снасти).

В соответствии с Соглашением 1998 г. и ежегодными Меморандумами о понимании разрешенный для промысла морской район имел периметр чуть больше 400 морских миль, а его площадь – свыше 5 тыс. кв. миль. Границы данного морского района определялись таким образом, чтобы включить в него именно районы территориального моря Российской Федерации, однако в ряде случаев включались также участки внутренних морских вод России (например, залив Льюиния Пасть).

По Соглашению 1988 г. определены организации, разрабатывающие, подписывающие и исполняющие ежегодные Меморандумы о понимании: с российской стороны – Федеральное агентство по рыболовству и Пограничная служба Федеральной службы безопасности Российской Федерации, с японской – Хоккайдская ассоциация рыбопромышленников, которая является общественной (неправительственной) организацией Японии.

Такая «асимметричность» в реализации Меморандумов (с российской стороны – государственные федеральные ведомства, а с японской стороны – общественная организация) может свидетельствовать об уходе Японии (как стороны Соглашения) от ответственности за исполнение ежегодных Меморандумов, а также о вменении этой ответственности только лишь Хоккайдской ассоциации рыбопромышленников, которая не является органом власти Японии. При «классической модели» заключения межправительственных соглашений о сохранении и использовании морских живых ресурсов между соседними государствами уровень исполнения таких соглашений – симметричный. Иначе говоря, с японской стороны ответственной за исполнение Соглашения 1998 г. должна была бы выступать государственная структура. Здесь же обозначенная асимметричность является частью компромиссных договорно-согласованных формулировок, лишь подчеркивающих различные позиции сторон по вопросу о статусе названных островов.

Анализ квот, выделяемых японской стороне для «безопасного» промысла в российских территориальных водах у южных Курил в период действия Соглашения 1998 г. показывает, что, речь идет о квотах на промысел терпуга, кальмаров, минтая, осьминога; общая плата Японии за их промысел составляет в год до 44,3 млн иен, в том числе посредством поставки оборудования – около 23 млн иен. Фактически ежегодный вылов японскими рыбаками в обозначенном морском районе за время исполнения Соглашения не превышал 1 900 тонн. [Курмазов 2022:8] Промысел по Соглашению 1998 г. в целом носит для японских рыбопромышленников убыточный характер. Предполагается, что эти убытки компенсируются японскими государственными органами с тем, чтобы продолжать такой промысел (как юридический аргумент в пользу наличия традиционного присутствия Японии в морских районах у «спорных» островов).

Добавим, что в японских средствах массовой информации Соглашение 1998 г. именуется как «Соглашение о безопасном промысле» (возможно для того, чтобы побудить японских рыбаков продолжать такой промысел).

Отметим также, что районы, отведенные для промысла живых ресурсов японскими судами «пассивными» орудиями лова (сетные, крючковые) автоматически становятся недоступными для промысла морских живых ресурсов российскими судами, осуществляющими «активный» лов – травами. Иначе говоря, Соглашение 1998 г. все же ограничивает российское рыболовство в районах территориального моря России у островов южной части Курильского архипелага.

В целом же анализ как ежегодных Меморандумов о понимании, так и Соглашения 1998 г. свидетельствуют о том, что их реализация не имеет существенного хозяйственного значения для рыболовства Японии. Впрочем, не имеет и существенного финансового значения для бюджета России та оплата, которая поступает от Японии за обозначенный промысел в соответствии с Соглашением 1998 г.

Последний раз Меморандум о понимании, предусмотренный Соглашением 1998 г., был подписан в декабре 2021 г. на период промысла японской стороной в 2022 г. Однако его действие было приостановлено (формально в связи с задержкой перечисления японской стороной платы за право промысла (предусмотренного Соглашением));

в последующем его действие было вообще прекращено в качестве ответной меры на введение против Российской Федерации японских санкций). Не возобновлялись переговоры о соблюдении Соглашения 1998 г. и заключении ежегодного Меморандума и в последующем 2023–2024 гг.

Вместе с тем важен вопрос, связанный с осуществлением юрисдикции Российской Федерации в пределах обозначенных морских пространств. С одной стороны, как было отмечено, ни в тексте Соглашения 1998 г., ни в Приложении к нему нет упоминания о суверенитете России над «спорными» островами, с другой – Соглашением 1998 г. установлено, что договоренность о квотах добычи (вылова) морских живых ресурсов, изложенная в Меморандуме о понимании, признается сторонами – Россией и Японией. Соответственно, нарушение данной договоренности японскими рыбаками-браконьерами может повлечь применение российской стороной в отношении них принудительных мер правоохранительного характера. Поскольку применение последних – это проявление исполнительной юрисдикции прибрежного государства (проявление власти прибрежного государства [Gavouneli 2007:6]), очевидно, что, подписав Соглашение 1998 г., Япония согласилась с тем, что в пределах морской территории Россия в районе южных Курил обладает юрисдикцией в отношении японских судов-нарушителей. Японские правоведы, разумеется, не согласятся с практической значимостью данного шага как усиления позиции России о ее суверенитете над «спорными островами».

5. Выводы

Соглашение 1998 г. как часть комплекса норм международного права о сохранении и управлении морскими живыми ресурсами, несомненно, представляет практический и теоретический интерес, прежде всего потому, что управление морскими живыми ресурсами и их сохранение в тех морских районах, которые примыкают к Южно-Курильским островам, осложнено разными позициями двух соседних государств – России и Японии – в отношении статуса этих островов.

Соглашение 1998 г. (по сравнению с другими межправительственными соглашениями с Японией в области рыболовства) выделяется тем, что в нем Россия впервые в своей современной межгосударственной практике предоставляет право осуществлять промысел рыбных ресурсов япон-

ским судам в районах территориального моря Российской Федерации, т. е. на своей государственной морской территории, а именно в районах, примыкающих к самым южным островам гряды островов и скал, которые на морских картах обозначены как «Курильские острова». Последние, повторим, являются неотъемлемой частью государственной территории России в соответствии с Ялтинскими соглашениями Союзных Держав – СССР, США и Великобритании. При этом Япония предъявляет свои территориальные притязания на Южно-Курильские острова (не считая их частью Курильского архипелага), но эти притязания Россия, как известно, отвергает на основе незыблемости ее суверенитета над данными островами в соответствии с Ялтинскими соглашениями.

В настоящее время Соглашение 1998 г. не реализуется в качестве ответной меры на введение против Российской Федерации японских санкций. В связи с этим дальнейшее практическое применение Соглашения 1998 г. может быть решено по одному из трех сценариев, и у каждого из них есть свои плюсы и минусы.

Сценарий первый.

*Соглашение 1998 г. – sint ut sunt
(«пусть будет так, как есть»).*

В некоторой степени Соглашение 1998 г. способствовало стабилизации порядка сохранения и управления морскими живыми ресурсами в районе его действия. Вне зависимости от территориального спора и отношений между государствами важно рационально использовать океаны, моря и их природные ресурсы в интересах устойчивого развития. Соглашение 1998 г. – это тот политико-правовой компромисс, который сторонам удалось достичь, и который длительное время служил стабилизирующим фактором в российско-японских морехозяйственных отношениях. Поэтому, при нормальном развитии двусторонних отношений между Россией и Японией, вопрос о судьбе Соглашения 1998 г. вряд ли бы ставился. В текущей же ситуации, как было отмечено, Соглашение не реализуется из-за японских санкций. Если отношения между странами не изменятся, то Соглашение фактически не будет применяться, хотя формально останется действующим. Вместе с тем принятые в последние годы поправки в Конституцию РФ, касающиеся территориальной целостности России, требуют все же пересмотра либо отмены Соглашения 1998 г.

*Сценарий второй.**Приостановление Россией действия
Соглашения 1998 г.*

Как было отмечено выше, в настоящее время Соглашение 1998 г. не реализуется. Не возобновлены переговоры и о заключении ежегодного Меморандума. У России есть все основания приостановить действие Соглашения 1998 г. на основе Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., например, в порядке ответной меры на введение Японией односторонних ограничительных мер против России. Россия с целью усиления своей позиции о суверенитете над «спорными островами по трактовке японской стороны» может и дальше использовать аргумент о том, что, подписав Соглашение 1998 г., Япония согласилась с тем, что в пределах морской территории Россия обладает юрисдикцией в отношении японских судов-нарушителей.

*Сценарий третий.**Официальное прекращение Россией действия
Соглашения 1998 г.*

В Соглашении 1998 г., как и в Приложении к нему, а также в ежегодных «Меморандумах о понимании» отсутствуют положения о том, что Южно-Курильские острова (Итуруп, Кунашир, Шикотан, острова Малой Курильской гряды) являются государственной территорией Российской Федерации. Нет в Соглашении 1998 г. и ссылок на Ялтинские соглашения Союзных Держав (четко подтверждающих позицию СССР, России) и на Акт о безоговорочной капитуляции Японии по итогам Второй мировой войны по которому она лишается, наряду с другими территориями, всех Курильских островов.

К тому же отсутствует в Соглашении 1998 г., как и в Приложении к нему, а также в ежегодных

«Меморандумах о понимании» важнейшее положение о том, что промысел морских живых ресурсов рыболовными судами Японии в территориальных водах России, прилегающих к Южно-Курильским островам и островам Малой Курильской гряды должен осуществляться с соблюдением законов, постановлений и правил Российской Федерации, действующих в этом районе.

Соглашение 1998 г. носит односторонний характер, поскольку в нем нет «симметричного положения» о предоставлении аналогичных прав на осуществление промысла морских живых ресурсов российским рыболовным судам в территориальных водах Японии. Его практическое значение для японского рыболовства минимальное, равно как и получаемая российской стороной за этот промысел плата.

С учетом вышеизложенного анализа положений Соглашения 1998 г., Приложения к нему, ежегодных «Меморандумов о понимании» и принимая во внимание, что соглашение практически не применяется уже в течение трех лет, а также с учетом принятых соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации вполне логично прекратить его действие, как это предусмотрено п. 2 ст. 7 упомянутого соглашения, направив об этом письменное уведомление японской стороне.

Дальнейшее сотрудничество между Россией и Японией в области морского рыболовства продолжает осуществляться на основе существующих и действующих межправительственных соглашений и договоренностей с учетом принципов добрососедства, взаимовыгодности, рационального использования и сохранения совместных запасов морских живых ресурсов в северной части Тихого океана и прилегающих морях.

Список литературы

1. Вылегжанин А., Магомедова О. 2022. Международно-правовая политика государства. Современные концепции. – *Международные процессы*. № 20 (3). С. 112-126.
2. Вылегжанин А.Н. 2001а. Биоразнообразие морской среды. – *Государство и право*. № 3. С. 69-81.
3. Вылегжанин А.Н. 2001б. *Морские природные ресурсы (международно-правовой режим)*. Москва: СОПС Минэкономразвития РФ и РАН. 298 с.
4. Вылегжанин А.Н., Неверова Е.В. 2016. Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к Южно-Курильским островам. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 35-62.
5. Вылегжанин, А.Н., Зиланов В.К. 2000. *Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами: теория и документы*. Москва: Экономика. 598 с.
6. Глазова А.П. 2020. Применение принудительных мер правоохранительного характера на море: вопросы юрисдикции. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 106-118.
7. Зиланов В.К. 1998. «Безопасный промысел» у опасной черты. – *Рыбное хозяйство*. № 3. С. 50-53.
8. *Итоговая Резолюция. Сборник материалов конференции «Мы и Япония: к нормализации отношений на основе исторической правды и национальных интересов России»*. 2023. Авт.-сост. И.А. Кульнев. Москва: ООО «КАРАНДАШ». С. 155.

9. Курмазов А.А. 2022. Российско-японские отношения в условиях санкций. – *Рыбное хозяйство*. № 5. С. 4-12.
10. Курмазов А.А. 2023. Обмены визитами министров рыболовства СССР и Японии и взгляд на современные рыболовные российско-японские отношения из 2023 г. – *Рыбное хозяйство*. № 3. С. 4-13.
11. Нелидов В.В. 2019. Визит А.А. Громыко в Японию в июле 1966 г.: содержание, итоги и значение. – *Война между государствами – великое зло. К 110-летию А.А. Громыко*. Институт Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А.А. Громыко. Общ. ред. А.А. Громыко. Москва: Издательство «Весь Мир»; ИЕ РАН. С. 229.
12. Плотников А.Ю. 2022. Победа над Японией в свете формирования российско-японской и советско-японской границы. Факты и домыслы. Сборник материалов КС, посвященного Победе советского народа над милитаристской Японией 3 сентября 1945 г. Автор-составитель И.И. Никитчук. Москва: Родина. 256 с
13. Пономарев С.А. 2023. О картографической агрессии Японии. Сборник материалов конференции «Мы и Япония: к нормализации отношений на основе исторической правды и национальных интересов России». Москва: ООО «КАРАНДАШ».
14. Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. 2015. Москва: ООО «Изд-во Алгоритм». 400 с.
15. Саплин В.И. 1998. Промысел по закону. – *Рыбное хозяйство*. № 3. С. 50-53.
16. Черниченко С.В. 1999. *Теория международного права*. В 2 т. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. Москва. 531 с.
17. Allen J.R. 2011. The United States' Application of Precaution in Managing Living Marine Resources. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 26 (4). P. 643-666.
18. Borg S. 2014. The Conservation of Marine Living Resources under International Law. – *The IMLI Manual on International Maritime Law. Volume I: The Law of the Sea*. D.J. Attard et al (eds). Oxford: Oxford University Press. 800 p.
19. Burke W.T. 1994. *The New International Law of Fisheries: UNCLOS 1982 and Beyond*. Oxford: Clarendon Press. 382 p.
20. Gavouneli M. 2007. *Functional Jurisdiction in the Law of the Sea*. Leiden. The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 286 p.
21. Klein N. 2011. *Maritime Security and the Law of the Sea*. Oxford: Oxford University Press. 376 p.
22. Matz-Luck, N., Fuchs, J. 2015. Marine Living Resources. – *The Oxford Handbook of the Law of the Sea*. Rothwell, Donald et al (eds.). Oxford: Oxford University Press. 997 p.
23. Rafaly V. 2022. The Concept of «Marine Living Resources»: Navigating a Grey Zone in the Law of the Sea. – *Canadian Yearbook of International Law. Annuaire canadien de droit international*. № 59. P. 285-312.
24. Tanaka Y. 2011. The Changing Approaches to Conservation of Marine Living Resources in International Law. – *Heidelberg journal of international law*. Vol. 71. Issue 2. P. 291-330.

References

1. Allen J.R. The United States' Application of Precaution in Managing Living Marine Resources. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2011. Vol. 26 (4). P. 643-666.
2. Borg S. The Conservation of Marine Living Resources under International Law. – *The IMLI Manual on International Maritime Law. Volume I: The Law of the Sea*. D.J. Attard et al (eds). Oxford: Oxford University Press. 2014. 800 p.
3. Burke W.T. *The New International Law of Fisheries: UNCLOS 1982 and Beyond*. Oxford: Clarendon Press. 1994. 382 p.
4. Chernichenko S.V. *Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]*. V 2 t. T. 2. Starye i novye teoreticheskie problemy. Moscow. 1999. 531 s. (In Russ.).
5. Gavouneli M. *Functional Jurisdiction in the Law of the Sea*. Leiden. The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 2007. 286 p.
6. Glazova A.P. Primenenie prinuditel'nyh mer pravoohranitel'nogo haraktera na more: voprosy iurisdikcii [Application of coercive law enforcement measures at sea: jurisdictional issues]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2020. № 4. S. 106-118. (In Russ.).
7. Itogovaja Rezoljucija. Sbornik materialov konferencii «My i Japonija: k normalizacii otnoshenij na osnove istoricheskoy pravdy i nacional'nyh interesov Rossii» [The Final Resolution. Collection of materials of the conference "We and Japan: towards normalization of relations based on historical truth and national interests of Russia"]. Avt.-sost. I.A. Kul'nev. Moscow: ООО «КАРАНДАШ». 2023. S. 155.
8. Klein N. *Maritime Security and the Law of the Sea*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 376 p.
9. Kurmazov A.A. Obmeny vizitami ministrov rybolovstva SSSR i Japonii i vzgljad na sovremennye rybolovnye rossijsko-japonskie otnoshenija iz 2023 g. [Exchange of visits of the Ministers of Fisheries of the USSR and Japan and a view of modern Russian-Japanese fisheries relations from 2023]. – *Rybnoe hozjajstvo [Fisheries]*. 2023. № 3. S. 4-13. (In Russ.).
10. Kurmazov A.A. Rossijsko-japonskie otnoshenija v uslovijah sankcij [Russian-Japanese relations under sanctions]. – *Rybnoe hozjajstvo [Fisheries]*. 2022. № 5. S. 4-12. (In Russ.).
11. Matz-Luck, N., Fuchs, J. Marine Living Resources. – *The Oxford Handbook of the Law of the Sea*. Rothwell, Donald et al (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2015. 997 p.
12. Nelidov V.V. A.A. Gromyko's visit to Japan in July 1966: content, results and significance [A.A. Gromyko's visit to Japan in July 1966: content, results and significance]. – *War between states is a great evil. Dedicated to the 110th anniversary of A.A. Gromyko [War between states is a great evil. Dedicated to the 110th anniversary of A.A. Gromyko]*. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Assoc. foreign policy. A.A. Gromyko Research. General ed. by A.A. Gromyko. Moscow: Publishing House "The Whole World"; IE RAS, 2019. P. 229.
13. Plotnikov A.Ju. *Pobeda nad Japoniej v svete formirovaniya rossijsko-japonskoj i sovetsko-japonskoj granice. Fakty i domysly. Sbornik materialov KS, posvjashhennogo Pobede sovetskogo naroda nad militaristskoj Japoniej 3 sentjabrja 1945 g.* [Victory over Japan in light of the formation of the

- Russian-Japanese and Soviet-Japanese border. Facts and speculations. Collection of materials of the KS dedicated to the Victory of the Soviet people over militaristic Japan on September 3, 1945*. Avtor-sostavitel' I.I. Nikitchuk. Moskva: Rodina. 2022. 256 s. (In Russ.).
14. Ponomarev S.A. O kartograficheskoy agressii Japonii. Sbornik materialov konferencii «My i Japoniya: k normalizacii otnoshenij na osnove istoricheskoy pravdy i nacional'nyh interesov Rossii» [On Japan's cartographic aggression. Collection of materials from the conference "We and Japan: Towards Normalizing Relations Based on Historical Truth and Russia's National Interests"]. Moscow: OOO «KARANDASH». 2023. (In Russ.).
 15. Rafaly V. The Concept of «Marine Living Resources»: Navigating a Grey Zone in the Law of the Sea. – *Canadian Yearbook of International Law. Annuaire canadien de droit international*. 2022. № 59. P. 285-312.
 16. *Russkie Kurily: istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovaniya russko-japonskoj i sovetko-japonskoj granicy* [Russian Kuril Islands: History and Modernity. Collection of documents on the history of the formation of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese border]. Moscow: OOO «Izd-vo Algoritm». 2015. 400 s. (In Russ.).
 17. Saplin V.I. Promysel po zakonu [Fishing by Law]. – *Rybnoe hozjajstvo* [Fishing Industry]. 1998. № 3. S. 50-53. (In Russ.).
 18. Tanaka Y. The Changing Approaches to Conservation of Marine Living Resources in International Law. – *Heidelberg journal of international law*. 2011. Vol. 71. Issue 2. P. 291-330.
 19. Vylegzhanin A., Magomedova O. Mezhdunarodno-pravovaja politika gosudarstva. Sovremennye koncepcii [International legal policy of the state. Modern concepts]. – *Mezhdunarodnye processy* [International processes]. 2022. № 20 (3). C. 112-126. (In Russ.).
 20. Vylegzhanin A.N. Bioraznoolozhie morskoy sredy [Biodiversity of the marine environment]. – *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2001. № 3. C. 69-81. (In Russ.).
 21. Vylegzhanin A.N. *Morskie prirodnye resursy (mezhdunarodno-pravovoj rezhim)* [Marine natural resources (international legal regime)]. Moscow: SOPS Minjekonomrazvitiya RF i RAN. 2001. 298 s. (In Russ.).
 22. Vylegzhanin A.N., Neverova E.V. Rossijsko-japonskie dogovorennosti o morskikh rajonah, primykajushhih k Juzhno-Kuril'skim ostrovam [Russian-Japanese agreements on maritime areas adjacent to the South Kuril Islands]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow journal of international law]. 2016. № 2. S. 35-62. (In Russ.).
 23. Vylegzhanin, A.N., Zilanov V.K. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy upravleniya morskimi zhivymi resursami: teorija i dokumenty* [International legal framework for managing marine living resources: theory and documents]. Moscow: Jekonomika. 2000. 598 s. (In Russ.).
 24. Zilanov V.K. 1998. «Bezopasnyj promysel» u opasnoj cherty [«Safe fishing» at the danger line]. – *Rybnoe hozjajstvo* [Fisheries]. № 3. S. 50-53. (In Russ.).

Информация об авторах

Вячеслав Константинович ЗИЛАНОВ,

кандидат биологических наук, профессор, Почетный доктор, Мурманский государственный технический университет

Спортивная ул., д. 13, Мурманск, 183010, Российская Федерация

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Алексей Юрьевич ПЛОТНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, профессор, Московский государственный лингвистический университет

Остоженка ул., д. 38 стр. 1, Москва, 119034, Российская Федерация

al.yu.plotnikov@yandex.ru
ORCID: 000-0002-0909-9567

Анастасия Петровна ГЛАЗОВА

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

22-Линия Васильевского острова, д. 7, Санкт-Петербург, 199106, Российская Федерация

angla.1892@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7789-9323

About the Authors

Vyacheslav K. ZILANOV,

Candidate of Biological Sciences, Professor, Honored Doctor, Murmansk State Technical University

13, Sportivnaya St., Murmansk, Russian Federation, 183010

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Aleksey Yu. PLOTNIKOV

Doctor of History, Professor, Professor, Moscow State Linguistic University

38, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119034

al.yu.plotnikov@yandex.ru
ORCID: 000-0002-0909-9567

Anastasia P. GLASOVA

Candidate of Legal Sciences, St. Petersburg State University

7, 22 Line Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russian Federation, 199106

angla.1892@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7789-9323

Ксения Вячеславовна ОНУФРИЕНКО

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ksenii.a.onufrienko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7712-9625

ДОГОВОР ТРАНСГРАНИЧНОГО ТОЛЛИНГА: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

ВВЕДЕНИЕ. В условиях углубления региональной интеграции правовое регулирование международного энергетического сотрудничества получает новое прочтение в текстах заключаемых соглашений. Настоящее исследование сочетает в себе правовые и экономические аспекты развития такого сотрудничества. Целью исследования является выявление потенциальных партнеров России для реализации на практике толлинговых операций в сфере переработки нефти и природного газа среди участников Большого Евразийского партнерства, а также оценка существующего регулятивного поля. Для достижения цели исследования автор предлагает классифицировать страны Большой Евразии на группы, а затем проанализировать готовность правового поля наиболее перспективных потенциальных партнеров к реализации соответствующих трансграничных проектов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методологическая основа исследования базируется на формально-догматическом подходе к интерпретации международно-правовых актов, которые на настоящем этапе регулируют отдельные

аспекты реализации трансграничных толлинговых операций. Экономический анализ права применяется в части формирования классификации партнеров по уровню экономической интеграции для выявления тех, с которыми автор полагает целесообразным совершенствование правового регулирования толлинга в сфере энергетического сотрудничества. Трансграничный толлинг при этом представлен в контексте монистической и дуалистической теорий права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. По итогам проведенного исследования выявлено четыре перспективных направления для сотрудничества, а именно: Азербайджан, Белоруссия, Казахстан и Китай. С Белоруссией и Казахстаном регулятивное поле находится в активной фазе формирования, что связано с регламентацией отдельных аспектов переработки давальческого сырья на уровне Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), тогда как международно-правовые основы для такого сотрудничества между Россией и Азербайджаном практически отсутствуют, а между Россией и Китаем находятся на стадии формирования, но по сравнению

с правом ЕАЭС развиты в значительно меньшей степени. С точки зрения частноправового регулирования существует ряд особенностей регулирования на национальном уровне, что не позволяет говорить о гармонизированном подходе.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В целях интенсификации темпов энергетического сотрудничества в рамках трансграничного толлинга с названными странами автор предлагает ориентироваться на уже сложившуюся правотворческую и правоприменительную практику, включая необходимые нормы в Договор о ЕАЭС или разрабатывая необходимые для гармонизации акты доктринально-правовой природы, так как на настоящий момент план о разработке отдельного многостороннего соглашения для международно-правового регулирования трансграничного толлинга реализовать будет затруднительно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энергетическое сотрудничество, природный газ, нефть, толлинг, договор толлинга, интеграционные объединения, региональная интеграция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Онуфриенко К.В. 2025. Договор трансграничного толлинга: перспективные направления сотрудничества на пространстве Большого Евразийского партнерства. – Московский журнал международного права. № 1. С. 155–170. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-155-170>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-155-170>

Kseniia V. ONUFRIENKO

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
kseniia.onufrienko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7712-9625

Research article
UDC: 341
Received 10 July 2024
Approved 8 February 2025

TRANSBORDER RAW MATERIALS TOLL MANUFACTURING AGREEMENT: PROSPECTIVE PARTNERS IN THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP

INTRODUCTION. In the context of enhancing regional integration the legal regulation of international energy cooperation receives a new interpretation in the texts of agreements being signed. This study combines the legal and economic aspects of developing such cooperation. The purpose of the study is to identify potential partners for Russia in terms of practical implementation of raw materials toll manufacturing

in the field of oil and natural gas processing among the participants of the Greater Eurasian Partnership, as well as to assess the existing regulatory field. To achieve the aim of the study, the author proposes to classify the countries of Greater Eurasia into groups, and to analyze the readiness of the most promising prospective partners legal frameworks for the implementation of the corresponding cross-border projects.

MATERIALS AND METHODS. *The methodological basis of the research is grounded in a formal dogmatic approach to the interpretation of international legal acts currently regulating certain aspects of the implementation of cross-border raw materials toll manufacturing. Economic analysis of law is applied to classify prospective partners by the level of economic integration to identify those with whom the author considers it practical to enhance the legal regulation of raw materials toll manufacturing in the field of energy cooperation. Cross-border raw materials toll manufacturing is presented in the context of monism and dualism in international law.*

RESEARCH RESULTS. *As the result, the author identifies four prospective areas for cooperation, namely Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan and China. At the same time, with Belarus and Kazakhstan, the regulatory field is being actively developed, which is associated with certain aspects of the raw materials toll manufacturing being regulated at the level of the Eurasian Economic Union (EAEU), while the international legal basis for such cooperation between Russia and Azerbaijan is practically absent, and between Russia and China it is at the initial stage of formation, but compared to the law of the EAEU it is developed to a much lesser extent. From the viewpoint of private law regulation, there are a number of features of regulation at the national level, and that does not allow us to talk about harmonized approach.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In order to intensify the pace of energy cooperation within the framework of cross-border raw materials toll manufacturing with these countries, the author suggests to focus on the already established law-making and law enforcement practices, by including the necessary norms in the EAEU Treaty or developing acts of doctrinal legal nature that are necessary for harmonization, since at the moment the plan to develop a distinct multilateral agreement for international legal regulation of transborder raw materials toll manufacturing will be difficult to implement.*

KEYWORDS: *energy cooperation, natural gas, oil, raw materials toll manufacturing, raw materials toll manufacturing agreement, integrations, regional integration*

FOR CITATION: Onufrienko K.V. Transborder Raw Materials Toll Manufacturing Agreement: Prospective Partners in the Greater Eurasian Partnership. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 155–170. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-155-170>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В качестве приоритетных направлений международного экономического сотрудничества в России рассматриваются Союзное государство, Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС), БРИКС¹, а в целях максимизации темпа интеграционных процессов на Евразийском континенте также упоминаются страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН) и китайская инициатива «Один пояс – один путь»².

Многогранный ландшафт «Большой Евразии» в экономической сфере принципиально отличает ее от уже существующих на настоящий момент региональных интеграционных объединений³. Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что невозможно одновременно реализовать сотрудничество по разным направлениям: каждая страна характеризуется рядом особенностей, а правовое поле потенциальных партнеров включает в себя как страны постсоветского пространства, так и страны мусульманской системы права, страны, правовая система которых основана на англо-саксонской правовой системе и страны с другими характерными чертами правовой сферы. Кроме того, не все из перечисленных

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» (подп. 7 п. 39).

² *Ibid.* (подп. 2 п. 54).

³ Лихачева А.Б. 2021. *Большое Евразийское партнерство: в поисках новых импульсов*. URL: <https://roscongress.org/materials/bolshoe-evraziyskoe-partnerstvo-v-poiskakh-novykh-impulsov/> (дата обращения: 08.02.2025).

объединений государств являются интеграционными по своей природе – некоторые из них носят политический характер, что отражается на потенциале энергетического сотрудничества.

В связи с этим представляется важным выяснить, какие из потенциальных участников Большого Евразийского партнерства могут стать партнерами России в сфере энергетического сотрудничества по направлениям традиционных энергоносителей (нефти и природного газа) и оценить готовность регулятивного поля для реализации операций по трансграничному толлингу.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что автором предлагается классификация потенциальных партнеров России по внешнеэкономическому сотрудничеству на основании существующего уровня интеграции. При этом идентифицируются потенциальные партнеры по успешной реализации договоров трансграничного толлинга энергоресурсов, а сама конструкция договора трансграничного толлинга как вида трансграничного подряда рассматривается в качестве правового феномена, не укладывающегося в классическую дихотомию монистической и дуалистической теорий международно-правового регулирования, и в случае рассмотрения в рамках международного частного права как фактор, способствующий сохранению ригидности правовых систем из-за того, что на международном уровне системное регулирование договора трансграничного подряда не находит своего отражения.

С практической точки зрения в работе представлена регуляторная проблематика евразийской интеграции на примере существующих пробелов правового регулирования трансграничных договоров толлинга как на международном, так и на национальном правовом уровне в регионе. В качестве решения предлагается рассмотреть возможность формирования рекомендаций по составлению и исполнению трансграничных договоров толлинга или дополнения права ЕАЭС необходимыми положениями.

2. Теоретическая основа и методология исследования

Несмотря на то что термин «Евразия» (греческого происхождения) не имеет устойчивой коннотации, так как уже утратил первичное значение, которое ему придавали в связи с предположением, что существуют четкие географические границы между всеми континентами [Hann

2016:2], он все же является весьма удачным выбором в целях изучения интеграционных процессов. В контексте геополитики, в научной литературе выделяют пять подходов к определению концепции «Евразии» [Mostafa 2013:161]:

1) Евразия как центр мира, где Россия в силу своего географического положения имеет ведущую роль в принятии решений (Mackinder, Trubetskoi, Bassin);

2) Концепция децентрализованной Евразии (Simavoryan, Sengupta, Shrielman);

3) Концепция Евразийского союза, включающего ряд стран (Nazarbayev, Shakenova, Sidorovich);

4) Официальные программные документы, принимаемые в рамках развития евразийской интеграции в ЕАЭС – в настоящей работе отражен данный подход;

5) Критика самой концепции «Евразии» как таковой (Laruelle, Cutler, Schmidt).

Сама идея создания нового глобального геополитического центра датируется еще началом XX в., когда Mackinder предложил рассматривать в качестве «Большой Европы» географическое пространство, включающее все государства Европы и современного пространства ЕАЭС. Затем эта концепция получила свое развитие в различных вариациях в 1950-х и 1980-х гг. в контексте взаимодействия стран социализма и капитализма на международном уровне [Tsvyk 2018:263]. В свою очередь концепция «Большой Евразии» появилась в ответ на Европейскую политику соседства, основанную на идее 1990-х о «концентрических кругах Европы» [Glaser, Thomann 2022:4].

Вопрос о том, можно ли рассматривать правовое регулирование какого-либо феномена в качестве единого без необходимости имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство, не разрешен окончательно [Skubiszewski 2021:101]. Неоднозначность выбора между теорией монизма и теорией дуализма может быть проиллюстрирована на примере сферы защиты прав человека, которую в научной литературе предлагается рассматривать в качестве исключения из существующей в теории дихотомии [Shale 2019:217].

Правоотношения из договора трансграничного толлинга также можно рассматривать в качестве исключения из существующей дихотомии, по крайней мере, до того момента, когда будет создано соответствующее двухуровневое регулирование.

Устранение же различий, которые могут существовать между нормами международного права и их национальной правоприменительной практикой, иногда предлагается осуществлять, придерживаясь дуалистического подхода [Casis 2020:59]. Тем не менее такой подход нельзя рассматривать как способствующий формированию и поддержанию транспарентного и гармонизированного правового поля. Придерживаясь теории монизма, другим возможным решением может быть обращение не только к международному праву, но и к международному частному праву, подразумевая под последним не только процессуальные аспекты [Avtonomov 2023:10], но и материальные нормы права⁴. Когда речь идет о различиях правового регулирования в различных юрисдикциях, международное частное право приобретает роль медиатора [Piñeiro, Kramer 2014:110].

С позиций командной теории права нельзя узнать что-то о международном публичном праве, изучая международное частное право, и наоборот [Epstein 2012:48]. Вместе с тем частноправовое регулирование может помочь выявить те аспекты, которые требуют гармонизации, в свою очередь, международно-правовые акты, разработанные с учетом таких аспектов, в дальнейшем могут предложить более жизнеспособное решение в целях гармонизации правового регулирования какого-либо феномена на региональном уровне. Поэтому рассматривать эти два уровня правового регулирования изолированно, игнорируя взаимное влияние одного на другой, не представляется возможным, как и оставлять существующие различия, обусловленные правоприменительной практикой, без внимания просто потому, что они могут возникнуть в исторической перспективе.

При проведении исследования использован экономический анализ права, чтобы идентифицировать тот спектр правовых систем, в рамках которых необходимо формировать устойчивые международно-правовые связи для эффективного сотрудничества в энергетической сфере. Особенностью применения данного метода в контексте статьи является то, что анализ данных идет не с той точки зрения, как правовые решения определяют экономическое благосостояние [Карапетов 2016:110], а как международное экономическое сотрудничество в целом (в том

числе энергетическое сотрудничество) определяет развитие соответствующего регулятивного поля.

Автором были проанализированы различные международные объединения на предмет их классификации как определенной стадии экономической интеграции, а затем среди выявленных стран были определены те, что обладают наибольшим потенциалом для энергетического сотрудничества. С применением формально-догматического подхода были проанализированы существующие международно-правовые акты, регулирующие изучаемые правоотношения в сфере трансграничного толлинга, и сделаны выводы о том, как можно повысить эффективность такого регулирования.

Для того чтобы определить конкретные страны, с которыми потенциал энергетического сотрудничества является наиболее перспективным, необходимо для начала оценить существующий уровень взаимодействия в рамках соответствующих объединений. Выбор конкретных объединений обусловлен следующим. На секции Евразийского экономического форума, который прошел в Москве 24 и 25 мая 2023 г., посвященной вопросам энергетической безопасности и экономического роста, была озвучена идея, что при перераспределении логистических и производственных цепочек предпочтение отдается странам с низкими геополитическими рисками.

Изучение геополитических рисков предполагает комплексную аналитику существующих особенностей политической и экономической ситуации на региональном и мировом уровне, а также культурных, информационных и других факторов [Эжиев 2011:50]. Тем не менее невозможно учесть все многообразие факторов, особенно когда речь идет о значительном количестве стран, каждая из которых обладает своей национальной спецификой. Поэтому целесообразно конкретизировать область исследования, что в данном случае подразумевает оценку уровня готовности к «интеграции интеграций» по углублению регионального энергетического сотрудничества с правовой точки зрения.

В табл. 1 приведено сопоставление региональных интеграционных объединений экономического и политического характера. При этом оценка стадии интеграции проведена на основании классификации стадий экономической

⁴ Применимые в рамках национального регулирования к отношениям, осложненным иностранным элементом.

интеграции, предложенной Б. Балассой и более подробно изученной В.С. Андриановой [Андрианова 2018:4], а активность сотрудничества России с конкретным объединением для достижения

программных целей определена на основании аналитики медиаматериалов о мероприятиях, проводимых объединением, и принимаемых документов в сфере его деятельности.

Таблица 1

Сравнение приоритетных направлений для сотрудничества

	Союзное государство, ЕАЭС	СНГ	ШОС	БРИКС	АСЕАН	«Один пояс – один путь»
Учредительный документ / основание для сотрудничества	Договор ^{5,6}	Договор ⁷	Хартия ⁸	Совместные заявления, стратегии, декларации, договоры (секторальные ⁹)	Договор ¹⁰	Совместное заявление ¹¹
Стадия интеграции с Россией / характер объединения	3 стадия	2 стадия	1 стадия	Объединение политического характера ¹²	1 стадия	Инициатива
Активность сотрудничества России с объединением для достижения программных целей	Высокая	Низкая	Средняя	Выше среднего	Средняя	Средняя

Следует отметить, что сложность определения конкретных партнеров по энергетическому диалогу осложняется и тем фактом, что со многими странами одновременно существуют различные договоры, и они состоят параллельно в различных объединениях, находящихся на разных уровнях интеграции. По этой причине классификация стран по готовности к энергетическому сотрудничеству может быть произведена не в строгом соответствии с их принадлежностью к тому или иному объединению, а с учетом того, какие договоренности предоставляют наибольшие возможности для развития. Кроме того, те из рассматриваемых объединений, которые носят интеграционный характер, относятся к категории «мягких интеграций», согласно классификации, предложенной В.Н. Зуевым [Зуев 2014:32], что в принципе не предполагает перехода к полной экономической интеграции с проведением единой макроэкономической политики.

3. Результаты исследования

3.1. Авторская классификация объединений

В результате аналитической интерпретации имеющихся в открытом доступе данных страны можно классифицировать на четыре группы. Если одна и та же страна состоит в нескольких объединениях, то она отнесена к тем объединениям, которые характеризуются более высокой степенью экономической интеграции или уровнем развития экономического сотрудничества.

В первую группу (**продвинутый уровень экономической интеграции**) включены страны Союзного государства и ЕАЭС, так как на настоящий момент именно по этим направлениям ведется наиболее активный диалог в сфере экономической интеграции с фактически существующими возможностями для наращивания темпов энергетического сотрудничества.

⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства».

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

⁷ Договор стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза».

⁸ Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г.

⁹ Напр., Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС от 15 июля 2014 г.

¹⁰ Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-восточной Азии от 24 февраля 1976 г.

¹¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. 21 марта 2023 г. было опубликовано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, сложности в практической реализации положений которого обозначила К.Д. Щерба в своей статье «„Один пояс – один путь“: перспективы сопряжения с ЕАЭС».

¹² Характеризуется неформальной структурой, обусловленной современной архитектурой быстроразвивающихся стран [Континелли, Пиччау 2015:161].

Вторая группа (**начальный уровень экономической интеграции**) состоит из тех стран, с которыми ЕАЭС заключены соглашения о создании зон свободной торговли и об экономическом сотрудничестве, а также тех, для которых действует Соглашение стран СНГ¹³. Кроме того, в нее входит Индия, так как она входит в БРИКС, ШОС и на настоящий момент с ней разрабатывается преференциальное торговое соглашение ЕАЭС, и Азербайджан, с которым 30 сентября 1992 г. было заключено Соглашение о свободной торговле.

Третья группа (**продвинутый уровень экономического сотрудничества**) представлена странами, с которыми разрабатываются преференциальные торговые соглашения ЕАЭС; теми, которые входят в БРИКС+, СНГ (включая ассоциированный с объединением Туркменистан) или ШОС (Пакистан, а также Афганистан – в качестве наблюдателя).

В четвертую группу (**начальный уровень экономического сотрудничества**) входят страны АСЕАН и партнеры ШОС.

3.2. Выбор наиболее перспективных направлений для трансконтинентального толлинга

Для того чтобы определить, с какими странами в контексте интеграционного сотрудничества наибольшими перспективами обладает

конструкция толлинга¹⁴ в сфере традиционных энергоносителей, необходимо учитывать следующее: во-первых, географически должна быть налажена логистика возможных поставок на расстояния, преодоление которых не предполагает значительных транспортных издержек; во-вторых, страна-партнер должна либо обладать значительными запасами нефти или природного газа, которые бы она хотела поставить для переработки в Россию, либо обладать оборудованием, технологиями, производственными мощностями и рабочей силой для того, чтобы осуществить переработку российских природных ресурсов с меньшими издержками, чем это может быть сделано в пределах национальных границ.

Среди 18 стран, граничащих с Россией (наличие общей границы рассматривается как фактор, способствующий сокращению транспортно-логистических издержек)¹⁵, и при этом входящих в одну из первых двух групп, перечисленных выше (как стран, с которыми уже имеются устойчивые экономические взаимосвязи), находятся Азербайджан¹⁶, Белоруссия¹⁷, Казахстан¹⁸ и Китай¹⁹. Сравнение доли традиционных энергоносителей в их энергетических миксах представлено на схеме 1²⁰.

¹³ Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г.

¹⁴ Толлинг – это экономическая конструкция, разновидность аутсорсинга, которая позволяет вынести часть производственных операций для выполнения внешним контрагентом. Основное преимущество заключается в том, что она позволяет максимизировать производственный потенциал в ситуации нехватки оборотных средств. Толлинг предоставляет возможность для создания транснациональных цепочек поставок на договорной основе как альтернативы созданию диверсифицированных транснациональных холдингов.

¹⁵ Согласно интерактивным картам Geostudy.ru с информацией о государствах, граничащих с Россией.

¹⁶ Ritchie H., Roser M., Rosado P. Azerbaijan: Energy Country Profile.

¹⁷ Ritchie H., Roser M., Rosado P. Belarus: Energy Country Profile.

¹⁸ Ritchie H., Roser M., Rosado P. Kazakhstan: Energy Country Profile.

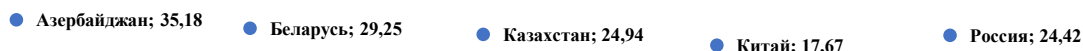
¹⁹ Ritchie H., Roser M., Rosado P. China: Energy Country Profile.

²⁰ Ritchie H., Roser M., Rosado P. Russia: Energy Country Profile.

Природный газ

Нефть

Страна	Азербайджан	Белоруссия	Казахстан	Китай	Россия
Инфраструктура (нефть, действующие проекты) ²¹	2	3	11	78	57
Статус по нефти	экспортер	импортер	экспортер	импортер	экспортер
Инфраструктура (природный газ, действующие проекты) ²²	6	5	27	865	275
Статус по газу	экспортер	импортер	экспортер	импортер	экспортер

Схема 1. Сопоставление доли традиционных энергоносителей в энергетических миксах рассматриваемых стран за 2022 г. (%) и данных по наличию соответствующих инфраструктурных проектов

Если более подробно проанализировать инфраструктуру по проектам в сфере добычи и поставок нефти и природного газа, можно отметить следующее. С точки зрения поставок энергоресурсов для первичного энергопотребления или реэкспорта Белоруссия и Китай являются наиболее перспективными направлениями.

С точки зрения сотрудничества в рамках толлинга перспективными направлениями являются Азербайджан, Казахстан и Китай из-за наличия соответствующей инфраструктуры. В сфере поставок природного газа, Китай характеризуется небольшой долей данного типа энергоносителя в энергетическом миксе, в то время как в Азербайджане ведется добыча на национальном уровне, т. е. с данными странами сотрудничество обладает потенциалом в отношении переработки российских энергоресурсов или их транзита в процессе поставок в третьи страны. С Республикой Казахстан потенциалом обладает создание совместной логистики или транспортных коридоров для поставок природного газа.

Еще одним направлением энергетического сотрудничества, помимо обмена сырьевыми запасами, технологиями и созданием единых систем транзита, является совместное производство оборудования, необходимого для добычи и переработки нефти и природного газа, так как целесообразность вынесения цепочек производства за границы государств зависит от наличия необходимых и более совершенных технологий для производственных процессов или возможности трансфера таких технологий и транспортных издержек.

3.3. Правовые основы международного энергетического сотрудничества

В отсутствие в законодательстве договорной конструкции толлинга отношения по переработке давальческого сырья или связанные с изготовлением индивидуально-определенного оборудования из материалов заказчика рассматриваются как две встречные поставки²³ или подряд.

²¹ Global Energy Monitor. Global Oil Infrastructure Tracker.

²² Ibidem.

²³ Амерханов Г.С. *Договор поставки*. Учебное пособие для студентов юридического факультета МГУ. Лекции 1, 2, 3. Москва: Типография издательства МГУ. 1957. С. 7.

Регулирование договора поставки на международном уровне находит свое отражение в Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. – одной из наиболее удачных попыток унификации в международном праве [Ковшов, Богданов 2024:136]. Однако ст. 3 названной Конвенции исключает договоры на поставку товаров, изготовленных из давальческого сырья, из сферы ее действия. Унифицированный акт по трансграничному подряду на настоящий момент между странами не заключен, а существующие межведомственные международные соглашения фактически не применяются в обязательном порядке [Канашевский 2010:86].

Соответственно, можно говорить об отсутствии унифицированного международно-правового регулирования в отношении договора толлинга. Это означает, что правовое регулирование договора толлинга будет преимущественно осуществляться на уровне национального законодательства, при этом международное сообщество исключает возможность квалификации договора толлинга в качестве договора купли-продажи (и договора поставки как ее разновидности).

Специфика правового регулирования договора поставки, хотя и отражала на определенном этапе концепцию производственной кооперации [Воробьев 1960:115], не учитывает особенности использования в производственном процессе давальческого сырья. Концепция толлинга является новым правовым решением, позволяющим сформировать прямые производственные связи²⁴ в условиях расщепления единого производственного процесса [Яковлева 1963:19]. Прямые производственные связи не всегда являются лучшим решением, ведь они могут способствовать отрыву договорной конструкции от реального движения товаров из-за введения многосвязности [Брагинский 1960:14]. Вместе с тем все зависит от предполагаемого количества «звеньев» такого движения, ведь если речь идет только о замене двух договоров встречных поставок на один договор толлинга, подобный отрыв не должен иметь место.

Обращаясь же к возможности квалификации договора толлинга в качестве разновидности договора подряда, необходимо отметить, что нормы, регулирующие договор подряда в разных странах, могут существенно отличаться, так как отсутствует унифицирующий международно-правовой акт.

Если придерживаться позиции, заключающейся в том, что видовые подтипы в принципе выделять не нужно [Ровный 2003:28], достаточно и того, что в России на законодательном уровне определены и договор купли-продажи, и договор поставки, и договор подряда. Тем не менее применение отдельных норм будет зависеть от того, как в конкретной ситуации будет определена правовая природа договора толлинга. Вопрос состоит в том, может ли договор, о котором нет отдельного упоминания в гражданском законодательстве, являясь основанием возникновения обязательств [Важенин, Клечковская 2010:191], в полной мере определить содержание порождаемых им обязательств.

Таким образом, договор трансграничного толлинга позволяет формировать прямые производственные связи в условиях расщепления производственного процесса, а также позволяет (как это описано ниже) в ряде случаев получить преимущества в рамках налоговых правоотношений, что отражается на стоимости конечной продукции и ее конкурентоспособности. В то же время из-за того, что правовая регламентация правоотношений в сфере толлинга носит фрагментарный характер, договор толлинга используется на практике, не являясь при этом с правовой точки зрения адаптированным.

3.3.1. ЕАЭС (Белоруссия и Казахстан)

Несмотря на отсутствие определения терминов «толлинг» или «давальческое сырье» отдельные аспекты переработки давальческого сырья получают свое отражение в Договоре о ЕАЭС²⁵. Так, предусмотрены налоговые льготы в отношении товаров, произведенных в результате переработки из давальческого сырья: при экспорте таких товаров в пределах ЕАЭС применяется

²⁴ Веденин Н.Н. *Договор поставки, его значение и порядок заключения*. Учебное пособие. Москва: Типография МГЭИ. 1957. С. 14.

²⁵ См.: Протокол о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг, содержащийся в Приложении № 18 к Договору о ЕАЭС.

нулевая ставка НДС и (или) освобождение от уплаты акцизов в отношении налогоплательщика государства-экспортера. Для получения освобождения от уплаты налогов необходимо представить в том числе и соответствующий договор.

При этом косвенные налоги не взимаются при импорте товаров, если импорт осуществляется в пределах одного юридического лица. Это положение интересно тем, что насколько оно выглядит выгодным, настолько же оно порождает целый ряд правовых вопросов, которые необходимо разрешить для его практической реализации. Во-первых, подходы к требованиям, предъявляемым к транснациональным компаниям в законодательствах государств-членов ЕАЭС могут быть различными, что может привести к ситуации, когда в соответствии с законодательством одного государства – члена ЕАЭС лицо будет рассматриваться в качестве трансграничного, тогда как в соответствии с законодательством другого – как два юридических лица.

В рамках формирования единого внутреннего рынка лица, личный закон которых является законом одного из государств – членов ЕАЭС, могут осуществлять свою деятельность, в том числе по переработке давальческих материалов, на всем пространстве ЕАЭС без дополнительной регистрации в качестве юридического лица (филиала или представительства)²⁶, однако без такой регистрации получение налоговых льгот не представляется возможным.

Виды и ставки таможенных сборов в ЕАЭС устанавливаются на национальном уровне²⁷: например, в ст. 164 и 181 Налогового кодекса Российской Федерации устанавливаются налоговые ставки для НДС и перечень подакцизных товаров соответственно. Подобные перечни могут

не быть идентичными²⁸, что также представляет собой правовой риск при осуществлении трансграничных операций по переработке давальческого сырья.

Кроме того, в отношении потенциала заключения договоров толлинга отдельных энергоресурсов в рамках ЕАЭС необходимо учитывать следующее. Во-первых, до вступления в силу соглашений о формировании общих рынков транспортировки нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам, а также транспортировки газа по трубопроводам для Российской Федерации входят в перечень сфер естественных монополий²⁹. В развитие положений о заключении вышеуказанных соглашений³⁰ были утверждены отдельные акты доктринально-правовой природы³¹. Примечательно, что эти программные документы предусматривают конкретный механизм по гармонизации законодательств государств – членов ЕАЭС на основании сводных отчетов и «дорожных карт». Во-вторых, единый рынок услуг в рамках Союза функционирует в секторах услуг, перечень которых утверждается Высшим советом. Однако не во всех секторах оказалось возможным утвердить существование единого рынка сразу же, поэтому были также определены отдельные случаи, когда формирование единого рынка будет осуществляться в соответствии с утвержденными планами либерализации. В то же время планы либерализации разработаны еще не во всех секторах услуг, где они должны быть утверждены.

Итак, в рамках ЕАЭС в процессе формирования находится регулятивное поле, которое бы позволило эффективно реализовывать толлинговые операции. На настоящий момент

²⁶ Подпункт 2 п. 38 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС).

²⁷ Согласно п. 2 ст. 47 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.).

²⁸ Евразийская экономическая комиссия. Перечень подакцизных товаров в государствах – членах ЕАЭС. URL: <https://eesc.eaeunion.org/upload/medialibrary/68b/Perechni-podaktsiznykh-tovarov-EAES.pdf> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁹ Приложения № 1 и 2 Протокола о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий (Приложение № 20 к Договору о ЕАЭС).

³⁰ Пункт 3 ст. 83 и п. 3 ст. 84 Договора о ЕАЭС.

³¹ Концепция формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 31 мая 2016 г. № 7), Программа формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 18), Концепция формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 31 мая 2016 г. № 8) и Программа формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза (утв. Решением Высшего евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 23).

несмотря на предоставление налоговых льгот в отношении товаров, произведенных из давальческого сырья, их применение на практике может быть осложнено отсутствием единого подхода к тому, что можно рассматривать в качестве таких договоров, сырья и того, каким лицам будет на практике предоставляться право на получение налоговых льгот, предусмотренных по Договору о ЕАЭС. Одним из возможных решений может быть включение соответствующих положений в правовые акты ЕАЭС.

3.3.2. Азербайджан

Азербайджан вместе с Белоруссией и Казахстаном входит в СНГ, и, хотя для отношений России с Белоруссией и Казахстаном характерен более высокий уровень экономической интеграции в связи с членством в ЕАЭС, на уровне СНГ также были приняты отдельные международно-правовые акты, регламентирующие отношения в энергетической сфере³².

В целях дальнейшего совершенствования правовых основ международного энергетического сотрудничества между Россией и Азербайджаном в сфере поставок традиционных энергоносителей в 2002 г. были заключены отдельные двусторонние соглашения^{33, 34}, которые содержат ряд положений, способствующих формированию правового поля для международного энергетического сотрудничества в сфере традиционных энергоносителей. Особо следует отметить следующие положения.

Статья 6 Соглашения об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества декларирует намерение сторон содействовать развитию оптимальных производственно-технологических связей между хозяйствующими субъектами топливно-энергетического комплекса. Статья 1 Соглашения о производственной кооперации содержит положение о содействии формированию прямых производственных связей, а также в ст. 3 названного соглашения закрепляется освобождение товаров и услуг, поставляемых

в рамках производственной кооперации, от НДС и акцизов, что демонстрирует подход, аналогичный закреплённому Договором о ЕАЭС.

Тем не менее определений «толлинга» или «давальческого сырья», как и прямых упоминаний о них, в обозначенных соглашениях нет, что на практике также потребует дополнительной проработки вопроса о возможности распространения норм о прямых производственных связях и налоговых льготах на продукцию, произведенную в рамках трансграничных толлинговых операций.

Вместе с тем нормы гражданского законодательства, регулирующие договор подряда, в Азербайджане и России не являются идентичными (более подробная информация приведена в пункте 3.4 настоящей статьи), поэтому процесс реализации толлинговых операций на практике, несмотря на их экономический потенциал, может быть ограничен отсутствием транспарентной и единообразной правовой базы.

3.3.3. Китай

Хартией Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г. в качестве одной из целей учреждения данной организации рассматривается поощрение эффективного регионального сотрудничества в торгово-экономической и энергетической областях (ст. 1), а одним из основных направлений сотрудничества является развитие энергетических систем. Договором о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС от 16 августа 2007 г. в ст. 15 также отражено намерение сторон развивать сотрудничество в энергетической сфере и стимулировать осуществление соответствующих региональных проектов в различных формах.

Кроме того, между Россией и Китаем заключены ряд двусторонних соглашений. О росте темпов сотрудничества в сфере поставок энергоносителей свидетельствует заключение ряда

³² Напр., Решения Совета глав правительств СНГ от 20 ноября 2009 г. и от 21 мая 2010 г.

³³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества от 25 января 2002 г.

³⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о производственной кооперации от 25 января 2002 г.

соглашений, направленных на наращивание объемов поставок энергоносителей и создание необходимой инфраструктуры³⁵. Помимо строительства инфраструктуры для транспортировки энергоресурсов, российско-китайское сотрудничество направлено и на создание производственных мощностей³⁶.

В то же время на международном уровне отсутствует единый акт, устанавливающий правовые основы для прямых кооперационных связей в сфере поставок традиционных энергоносителей, гармонизирующий соответствующие нормы договорного права в национальных законодательствах России и Китая. Необходимость такой гармонизации можно продемонстрировать на примере сопоставления отдельных норм гражданского законодательства в рассматриваемых странах, что представлено далее.

3.4. Отдельные аспекты частноправового регулирования договора толлинга

Если сопоставить отдельные положения гражданского законодательства России³⁷, Белоруссии³⁸, Казахстана³⁹, Азербайджана⁴⁰ и Китая⁴¹, содержащие общие положения, регулирующие договор подряда, можно отметить следующие особенности.

Природа договора подряда. В Азербайджане выделяется отдельная категория – подряд на изготовление заменимых вещей – к которой применяются правила купли-продажи, при этом аналогичные положения отсутствуют в других рассматриваемых странах.

Наличие отдельных видов подряда, к которым не применяются общие правила. В Белоруссии нет таких особо выделенных примеров

отдельных видов договоров подряда, которые исключаются из сферы действия общих норм, как подряд для государственных нужд (есть в России), подряд на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (есть в Казахстане). При этом в Китае отдельно обозначены виды операций, которые рассматриваются в качестве подрядных работ (перечень открытый), а в Казахстане допускается регулирование отдельных видов подряда одновременно и гражданским кодексом, и специальными законодательными актами.

Цена договора. В России и Белоруссии цена в договоре включает компенсацию издержек переработчика и его вознаграждение, в Казахстане цена работы может быть твердой или приблизительной, а если указания на это в договоре отсутствуют, то цена считается твердой. В Азербайджане акцент сделан на согласовании цены договора, однако если она не согласована, будет подразумеваться обычное в таких случаях вознаграждение, в которое входит оплата всех работ, производимых подрядчиком по договору. В Китае есть различие между ценой договора и вознаграждением, которые, если стороны не договорились, будут определяться с учетом положений договора и обычной деловой практики.

Срок исполнения договора. В России, Азербайджане и Китае не упоминается в качестве существенного условия как в Белоруссии и Казахстане (судебная практика может при этом рассматривать его в таком качестве).

Личное исполнение. В России, Белоруссии и Казахстане можно привлекать субподрядчиков, если иное не установлено законом или по договору, в Азербайджане личное исполнение является обязательным только в отдельных случаях

³⁵ Напр., Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о расширении сотрудничества в сфере торговли сырой нефтью от 22 марта 2013 г. и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по «Дальневосточному» маршруту от 31 января 2023 г.

³⁶ Это подтверждает, в частности, заключение Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации Тяньцзиньского нефтеперерабатывающего и нефтехимического завода и проектах в сфере разведки и добычи нефти от 22 марта 2013 г.

³⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.

³⁸ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З.

³⁹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. № 409.

⁴⁰ Гражданский кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 779-IQ).

⁴¹ Civil Code of the People's Republic of China (adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020).

(по договору, в конкретных обстоятельствах или из-за характера работ), тогда как в Китае основная часть работ должна осуществляться подрядчиком, и заказчик имеет право расторгнуть договор, если не давал согласия на исполнение основной части работ третьим лицом.

Распределение рисков. В Белоруссии и Казахстане подрядчик выполняет работу на свой собственный риск. В Азербайджане на подрядчике лежит риск случайной гибели/повреждения результата до момента предоставления результата заказчику, в Белоруссии – до момента приемки результата заказчиком, тогда как в России и Казахстане речь идет о сдаче результата, а в Китае – о доставке результата. Вопрос возникает в отношении того, насколько равнозначными можно считать данные положения. В Азербайджане и России риск случайной гибели/повреждения материала – на предоставившей материал стороне, в Китае подрядчик несет ответственность в случае, если такая гибель происходит по его вине в результате нарушения условий хранения.

Ненадлежащее выполнение работы, обусловленное недостатками давальческих материалов. В России и Белоруссии в таком случае подрядчик получает право оплаты выполненной им работы, а в Казахстане изначально устанавливается презумпция ответственности подрядчика, если только он не докажет наличие недостатков материалов, которые было невозможно обнаружить во время приемки, осуществленной надлежащим образом. В Азербайджане нет отдельного положения для регламентации такой ситуации, однако в случае если недостатки не устранены в течение определенного сторонами срока, заказчик может отказаться от договора или, если заказчик не проинформировал об отказе от договора, он получает право уменьшить размер вознаграждения в размере, соответствующем тому, насколько такой недостаток уменьшил стоимость результата работы. В Китае вопрос в общих положениях, регулирующих договор подряда, не урегулирован.

Право удержания результата работ в обеспечение требований подрядчика. В России, Белоруссии и Казахстане есть право на удержание результата работ, предоставленного оборудования, переданной для переработки вещи и неиспользованных материалов, тогда как в Азербайджане и в Китае у подрядчика есть право залога на вещь, которую он изготавливает, в обеспечение своих требований.

Судьба неиспользованных материалов.

В России, Белоруссии и Казахстане предусматривается возможность не только вернуть оставшиеся материалы заказчику, но и уменьшить цену работы с учетом оставшегося у подрядчика материала, в Азербайджане предусмотрена только обязанность возвращения, в Китае в общих положениях, регулирующих договор подряда, вопрос не урегулирован.

Возвращаясь к вопросу об исключении толлинга из дихотомии монизма и дуализма, можно отметить интересный прецедент на примере Азербайджана, когда отдельный вид договора толлинга на национальном уровне рассматривается как купля-продажа, однако на международном уровне он из этой категории исключен. Так, имплементация норм на национальном уровне или ее отсутствие в данном случае являются в принципе не существенными, ведь акцент смещается на то, как противоречие может привести не к необходимости выбора между нормами одного вида договоров, но разного уровня, а к необходимости выбора между нормами, регулирующими разные виды договоров, с учетом того, что для них отсутствует возможность выбора между нормами разных уровней.

В отношении цены договора толлинга в качестве потенциального риска можно рассматривать презумпцию твердой цены в Казахстане, с точки зрения обязанности личного исполнения – регулирование в Китае. В рассматриваемых юрисдикциях нет единообразия в определении момента перехода права собственности на результат работы на заказчика и судьбы неиспользованных материалов. Кроме того, предусмотренное в Азербайджане и Китае право залога на результат работы не обладает свойствами, аналогичными праву удержания в других юрисдикциях.

Резюмируя, отметим, что регламентация договора подряда в Гражданских кодексах рассматриваемых стран имеет ряд особенностей, что на практике может привести к различным толкованиям сторонами отдельных положений договоров в зависимости от применимого права. С учетом отсутствия международного договора о подряде в целях избежания возможности сохранения ригидности фрагментарного регулирования на национальном уровне в государствах региона в качестве решения можно рассматривать разработку соответствующих рекомендаций

о содержании и практической реализации договора трансграничного толлинга на международном уровне.

4. Заключение

В 2009 г. Россией была предложена концепция⁴², которую иногда рассматривают в качестве альтернативы к Договору к Энергетической хартии [Гликман 2021:179]. В отсутствие подобного многостороннего соглашения международно-правовое регулирование энергетического сотрудничества продолжает осуществляться преимущественно на региональной основе, в связи с чем целесообразна проработка вопроса о правовой регламентации сотрудничества по переработке давальческого сырья на основании уже существующих договоренностей.

Процессы глобализации и сопутствующей ей трансформации производственного цикла

неизбежно подвержены влиянию различных факторов. В настоящее время потенциал энергетического сотрудничества стран Большого евразийского партнерства не раскрыт в полной мере, так как на примере толлинговых операций можно продемонстрировать отсутствие гармонизированного и транспарентного правового поля для их реализации на трансграничной основе.

Перспективными направлениями для дальнейшего исследования являются сопоставление потенциала энергетического сотрудничества и с другими странами, входящими в Большое Евразийское партнерство и не имеющими с Россией общих границ, а также изучение перспектив энергетического сотрудничества в сфере научно-технологических разработок для производства необходимого оборудования с использованием толлинговых операций.

Список литературы

1. Андрианова В.С. 2018. Международная экономическая интеграция: этапы становления и границы определения. – *Скиф. Вопросы студенческой науки*.
2. Брагинский М. 1960. Структура договорных связей и ответственность участников при поставках транзитом. Монография. Москва: Типография МГЭИ. 144 с.
3. Важенин Л.В., Ключевская Л.Г. 2010. Юридическая природа договоров в гражданском праве. – *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. № 3 (37). С 187-195.
4. Воробьев М.К. 1960. Об основаниях и субъектах гражданско-правовой ответственности за поставку продукции ненадлежащего качества. – *Ученые записки ВЮЗИ*. Выпуск 10. С. 105-120.
5. Гликман О.В. 2021. Роль международного права в обеспечении интересов России в рамках энергетического сотрудничества с Евразийскими государствами. – *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. С. 176-180.
6. Зуев В.Н. 2014. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции. – *Евразийская Экономическая Интеграция*. № 3 (24). С. 25-43.
7. Канашевский В.А. 2010. Договоры международного подряда в коммерческой практике. – *Журнал российского права*. № 7. С. 85-91.
8. Карапетов А.Г. 2016. *Экономический анализ права*. Москва: Статут. 528 с.
9. Ковшов Т.В., Богданов Д.Е. 2024. Коллизионные нормы регулирования принципа добросовестности и преддоговорной ответственности международным частным правом. – *Образование и право*. № 5. С. 135-139.
10. Контипелли Э.П., Пиччау С. 2015. Институциональный статус БРИКС и прагматическая модель сотрудничества: на примере стран Южной Америки. – *Вестник международных организаций*. № 2. Том 10. С. 160-171.
11. Ровный В.В. 2003. *Договор купли-продажи (очерк теории)*. – Иркутск: Издательство Иркутского университета. 151 с.
12. Эжиев И.Б. 2011. Геополитический риск: предмет, объект, классификация, анализ, прогнозирование. – *Власть*. № 1. С. 50-53.
13. Яковлева В.Ф. 1963. *Кооперированные поставки в промышленности СССР*. Монография. Москва: Государственное издательство юридической литературы. 164 с.
14. Avtonomov A. 2023. International and National in Contemporary Private Law. – *Laws*. № 12. P. 4-28.
15. Casis R.J. 2020. Dualism and the Incongruence Between Objective International Law and the Philippine Practice of International Law. – *Philippine Yearbook of International Law*. P. 41-59.
16. Epstein R.A. 2012. The Natural Law Bridge between Private Law and Public International Law. – *Chicago Journal of International Law*. № 13 (1). P. 47-70.
17. Glaser (Kukartseva) M., Thomann P.-E. 2022. The concept of "Greater Eurasia": The Russian "turn to the East" and its consequences for the European Union from the geopolitical angle of analysis. – *Journal of Eurasian Studies*. № 13 (1). P. 3-15.

⁴² Речь идет о Концептуальном подходе к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы). С текстом документа можно ознакомиться по следующей ссылке: <http://kremlin.ru/supplement/258> (дата обращения: 08.02.2025).

18. Hann C. 2016. A Concept of Eurasia. – *Current Anthropology*. № 57 (1). P. 1-27.
19. Mostafa G. 2013. The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications. – *Journal of Eurasian Studies*. № 4. P. 160-170.
20. Piñeiro L.C., Kramer X. 2014. The Role of Private International Law in Contemporary Society: Global Governance as a Challenge. – *Erasmus Law Review*. № 3. P. 109-112.
21. Shale I. 2019. Historical perspective on the place of international human rights treaties in the legal system of Lesotho: Moving beyond the monist-dualist dichotomy. – *African Human Rights Law Journal*. № 19. P. 193-218.
22. Skubiszewski K. 2021. The Relationships and Connections Between International and National Law. – *Przegląd Prawniczy Uniwersytetu Im. Adam Mickiewicza*. № 12. P. 89-110.
23. Tsyvk A.V. 2018. 'Greater Europe' or 'Greater Eurasia'? In search of new ideas for the Eurasian Integration. – *RUDN Journal of Sociology*. № 18 (2). P. 262-270.
10. Kanashevskij V.A. Dogovory mezhdunarodnogo podryada v kommercheskoj praktike [International contracts in commercial practice]. – *Zhurnal Rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2010. № 7. S. 85-91.
11. Karapetov A.G. *Ekonomicheskij analiz prava [Economic analysis of law]*. Moscow: Statut. 2016. 528 s.
12. Kontipelli E.P., Pichchau S. Institucional'nyj status BRIKS i pragmaticheskaya model' sotrudnichestva: na primere stran YUzhnoj Ameriki [The institutional status of the BRICS and the pragmatic model of cooperation: an example of the countries of South America]. – *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [Bulletin of International Organizations]*. 2015. № 2. Tom 10. S. 160-171.
13. Kovshov T.V., Bogdanov D.E. Kollizionnye normy regulirovaniya principa dobrosovestnosti i preddogovornoj otvetstvennosti mezhdunarodnym chastnym pravom [Conflict-of-laws rules governing the principle of good faith and pre-contractual liability under private international law]. – *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*. 2024. № 5. S. 135-139.
14. Mostafa G. The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications. – *Journal of Eurasian Studies*. 2013. № 4. P. 160-170.
15. Piñeiro L.C., Kramer X. The Role of Private International Law in Contemporary Society: Global Governance as a Challenge. – *Erasmus Law Review*. 2014. № 3. P. 109-112.
16. Rovnyj V.V. *Dogovor kupli-prodazhi (oчерk teorii) [Purchase and sale agreement (an essay on the theory)]*. – Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 2003. 151 s.
17. Shale I. Historical perspective on the place of international human rights treaties in the legal system of Lesotho: Moving beyond the monist-dualist dichotomy. – *African Human Rights Law Journal*. 2019. № 19. P. 193-218.
18. Skubiszewski K. The Relationships and Connections Between International and National Law. – *Przegląd Prawniczy Uniwersytetu Im. Adam Mickiewicza*. 2021. № 12. P. 89-110.
19. Tsyvk A.V. 'Greater Europe' or 'Greater Eurasia'? In search of new ideas for the Eurasian Integration. – *RUDN Journal of Sociology*. 2018. № 18 (2). P. 262-270.
20. Vazhenin L.V., Klechkovskaya L.G. Yuridicheskaya priroda dogovorov v grazhdanskom prave [The legal nature of contracts in civil law]. – *Uchenye zapiski Sankt-Petersburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii [Scientific notes of the St. Petersburg V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy]*. 2010. № 3 (37). S. 187-195.
21. Vorob'ev M.K. Ob osnovaniyah i sub'ektah grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za postavku produkcii nenadlezhashchego kachestva [On the grounds and subjects of civil liability for the supply of products of inadequate quality]. – *Uchenye zapiski VYUZ [Scientific notes by VUZ]*. 1960. Vypusk 10. S. 105-120.
22. Yakovleva V.F. *Kooperirovannye postavki v promyshlennosti SSSR [Cooperative supplies in the USSR industry]*. Monografiya. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. 1963. 164 s.
23. Zuev V.N. Metodologiya klassifikacii i ocenki form regional'noj integracii [Methodology of classification and assessment of forms of regional integration]. – *Evrazijskaya Ekonomicheskaya Integraciya [Eurasian Economic Integration]*. 2014. № 3 (24). S. 25-43.

References

1. Andrianova V.S. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integraciya: etapy stanovleniya i granicy opredeleniya [International economic integration: stages of formation and boundaries of definition]. – *Skif. Voprosy studentcheskoj nauki [The Skiff. Questions of student science]*. 2018. (In Russ.).
2. Avtonomov A. International and National in Contemporary Private Law. – *Laws*. 2023. № 12. C. 4-28.
3. Braginskij M. *Struktura dogovornyh svyazey i otvetstvennost' uchastnikov pri postavkakh tranzitom [The structure of contractual relations and the responsibility of participants in transit deliveries]*. Monografiya. – Moscow: Tipografiya MGEL. 1960. 144 s.
4. Casis R.J. Dualism and the Incongruence Between Objective International Law and the Philippine Practice of International Law. – *Philippine Yearbook of International Law*. 2020. P. 41-59.
5. Epstein R.A. The Natural Law Bridge between Private Law and Public International Law. – *Chicago Journal of International Law*. 2012. № 13 (1). P. 47-70.
6. Ezhiev I.B. Geopoliticheskij risk: predmet, ob'ekt, klassifikaciya, analiz, prognozirovanie [Geopolitical risk: subject, object, classification, analysis, forecasting]. – *Vlast' [The power]*. 2011. № 1. S. 50-53.
7. Glaser (Kukartseva) M., Thomann P.-E. The concept of "Greater Eurasia": The Russian "turn to the East" and its consequences for the European Union from the geopolitical angle of analysis. – *Journal of Eurasian Studies*. 2022. № 13 (1). P. 3-15.
8. Glikman O.V. Rol' mezhdunarodnogo prava v obespechenii interesov Rossii v ramkah energeticheskogo sotrudnichestva s Evrazijskimi gosudarstvami [The role of international law in ensuring Russia's interests in the framework of energy cooperation with Eurasian states]. – *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: development, security, cooperation]*. 2021. S. 176-180.
9. Hann C. A Concept of Eurasia. – *Current Anthropology*. 2016. № 57 (1). P. 1-27.
10. Kanashevskij V.A. Dogovory mezhdunarodnogo podryada v kommercheskoj praktike [International contracts in commercial practice]. – *Zhurnal Rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2010. № 7. S. 85-91.
11. Karapetov A.G. *Ekonomicheskij analiz prava [Economic analysis of law]*. Moscow: Statut. 2016. 528 s.
12. Kontipelli E.P., Pichchau S. Institucional'nyj status BRIKS i pragmaticheskaya model' sotrudnichestva: na primere stran YUzhnoj Ameriki [The institutional status of the BRICS and the pragmatic model of cooperation: an example of the countries of South America]. – *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [Bulletin of International Organizations]*. 2015. № 2. Tom 10. S. 160-171.
13. Kovshov T.V., Bogdanov D.E. Kollizionnye normy regulirovaniya principa dobrosovestnosti i preddogovornoj otvetstvennosti mezhdunarodnym chastnym pravom [Conflict-of-laws rules governing the principle of good faith and pre-contractual liability under private international law]. – *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*. 2024. № 5. S. 135-139.
14. Mostafa G. The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications. – *Journal of Eurasian Studies*. 2013. № 4. P. 160-170.
15. Piñeiro L.C., Kramer X. The Role of Private International Law in Contemporary Society: Global Governance as a Challenge. – *Erasmus Law Review*. 2014. № 3. P. 109-112.
16. Rovnyj V.V. *Dogovor kupli-prodazhi (oчерk teorii) [Purchase and sale agreement (an essay on the theory)]*. – Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 2003. 151 s.
17. Shale I. Historical perspective on the place of international human rights treaties in the legal system of Lesotho: Moving beyond the monist-dualist dichotomy. – *African Human Rights Law Journal*. 2019. № 19. P. 193-218.
18. Skubiszewski K. The Relationships and Connections Between International and National Law. – *Przegląd Prawniczy Uniwersytetu Im. Adam Mickiewicza*. 2021. № 12. P. 89-110.
19. Tsyvk A.V. 'Greater Europe' or 'Greater Eurasia'? In search of new ideas for the Eurasian Integration. – *RUDN Journal of Sociology*. 2018. № 18 (2). P. 262-270.
20. Vazhenin L.V., Klechkovskaya L.G. Yuridicheskaya priroda dogovorov v grazhdanskom prave [The legal nature of contracts in civil law]. – *Uchenye zapiski Sankt-Petersburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii [Scientific notes of the St. Petersburg V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy]*. 2010. № 3 (37). S. 187-195.
21. Vorob'ev M.K. Ob osnovaniyah i sub'ektah grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za postavku produkcii nenadlezhashchego kachestva [On the grounds and subjects of civil liability for the supply of products of inadequate quality]. – *Uchenye zapiski VYUZ [Scientific notes by VUZ]*. 1960. Vypusk 10. S. 105-120.
22. Yakovleva V.F. *Kooperirovannye postavki v promyshlennosti SSSR [Cooperative supplies in the USSR industry]*. Monografiya. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. 1963. 164 s.
23. Zuev V.N. Metodologiya klassifikacii i ocenki form regional'noj integracii [Methodology of classification and assessment of forms of regional integration]. – *Evrazijskaya Ekonomicheskaya Integraciya [Eurasian Economic Integration]*. 2014. № 3 (24). S. 25-43.

Информация об авторах**Ксения Вячеславовна ОНУФРИЕНКО,**

аспирант кафедры Международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского п-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

kseniia.onufrienko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7712-9625

About the Authors**Kseniia V. ONUFRIENKO,**

Postgraduate student of the Sergey Lebedev Department of Private International and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

kseniia.onufrienko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7712-9625

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-171-182>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 28.09.2024
Принята к публикации: 05.03.2025

Алексей Петрович КЛЕМЕНТЬЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация

aklementiev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6598-507X

ВНЕБИРЖЕВОЙ ДОГОВОР, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ ПРОИЗВОДНЫМ ФИНАНСОВЫМ ИНСТРУМЕНТОМ, КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ КОНТРАКТ

ВВЕДЕНИЕ. Производные финансовые инструменты (деривативы) крайне востребованы в международном коммерческом обороте. Хотя в экономической и юридической литературе представлена точка зрения, согласно которой деривативы могут существовать в форме ценных бумаг, наиболее распространенным является договорный подход к производным инструментам. Согласно этому подходу, деривативами являются коммерческие контракты, стоимость которых зависит от некоторой величины, известной как базовый или базисный актив. В ряде случаев деривативные договоры носят трансграничный характер и представляют собой международные коммерческие контракты. Несмотря на наличие русскоязычных исследований деривативов, осуществленных отечественными правоведами, производные финансовые инструменты, как правило, рассматриваются вне международного контекста. В настоящей публикации автор устраняет этот пробел и изучает деривативные договоры в качестве международных коммерческих контрактов, заключение которых опосредует международный оборот товаров и услуг. Основное внимание при этом уделяется стандартным формам, используемым сторонами договоров, являющихся производными финансовыми инструментами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве основного материала для исследования использовалось соглашение ISDA 2002, которое является наиболее актуальной версией стандартного рамочного договора для операций с деривативами на международных финансовых рынках. Методологическую основу исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция), так и специальные юридические методы. В частности, формальный юридический метод использовался для буквального толкования положений международных коммерческих контрактов, а исторический метод применялся для описания процесса изменения стандартных форм для операций с деривативами. Кроме того, автор использовал статистические методы для оценки объема рынка деривативов и того места, которое занимают стандартные договоры во внебиржевой торговле деривативами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье сформулирован и обоснован тезис о том, что внебиржевые договоры, выступающие производными финансовыми инструментами, являются международными коммерческими контрактами и в таком качестве должны изучаться наукой международного частного права; выявлены основные особенности деривативов как международных коммерческих контрактов. Согласно сложившейся практике, они заключаются на основе

стандартных форм, включающих в себя положения о применимом праве и рассмотрении споров. В исследовании отражены стороны договоров, форма трансграничных деривативных договоров, содержание контрактов, а также вопросы ответственности. Ключевой особенностью этих договоров является возможность досрочного прекращения обязательств путем использования ликвидационного неттинга. Также деривативы отличаются гибкостью заключения, поскольку соответствующие сделки могут совершаться в устной форме, а невыполнение обязанности по направлению подтверждения (*confirmation*), формального документа, опосредующего операции с деривативами, не ведет к признанию сделки незаключенной или недействительной.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор приходит к выводу о том, что в международном коммерческом обороте широко используются стандартные формы ISDA, что подтверждается многочисленными доктринальными источниками и отечественной судебной практикой. В то же

время на фоне односторонних ограничительных мер, принятых иностранными государствами, в будущем роль этих договоров будет снижаться из-за невозможности их использования российскими сторонами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дериватив, финансовый рынок, производный финансовый инструмент, международный коммерческий контракт, ISDA, внешнеэкономическая сделка, рамочное соглашение, стандартная документация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Клементьев А.П. 2025. Внебиржевой договор, являющийся производным финансовым инструментом, как международный коммерческий контракт. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 171–182. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-171-182>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-171-182>

Research article

UDC: 341

Received 28 September 2024

Approved 5 March 2025

Alexey P. KLEMENTIEV

National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000

aklementiev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6598-507X

OVER-THE-COUNTER DERIVATIVE FINANCIAL INSTRUMENT AS AN INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACT

INTRODUCTION. Derivative financial instruments (derivatives) are in high demand in international commercial turnover. Although the economic and legal literature presents the point of view that derivatives can exist in the form of securities, the most common is the contractual approach to derivatives. According to this approach, derivatives are commercial contracts, the value of which depends on a certain variable known as the underlying or base asset. In

some cases, derivative contracts have cross-border nature and thus they can be viewed as international commercial contracts. Despite the existence of Russian-language derivatives studies published by Russian legal scholars, derivative financial instruments are usually considered in domestic rather than international context. In the present publication, the author makes an attempt to fix this gap and analyzes transactions with derivatives as international

commercial contracts accompanying cross-border movement of goods and services. The main emphasis in the article is made on standard templates used by the parties to contracts that are derivative financial instruments.

MATERIALS AND METHODS. The author used 2002 ISDA Master Agreement as a basic source for the present article. This agreement is the most recent version of a standard framework contract for derivatives trading in international financial markets. The methodological base of the publication is represented by general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) as well as specific legal research methods. In particular, formal legal method was employed for the literal interpretation of the provisions of the standard documentation, while historical method was invoked to describe the evolution of standard derivative market templates. Apart from that the author employed statistical methods to evaluate the volume of derivatives market and the place that standard contracts have in over-the-counter derivatives trading.

RESEARCH RESULTS. The article claims and proves that over-the-counter derivative transactions can be defined as international commercial contracts that fall under the scope of international private law. Over-the-counter derivatives transactions are concluded based on standard templates containing provisions related to dispute resolution and applicable law. The research made covered such issues as contractual parties, the form of cross-border derivative transaction,

the contents of the contract as well as the liability following the breach of contractual obligations. The key feature of these agreements is the possibility of early termination through close-out netting. Another feature is the flexibility when concluding transactions as they may be entered into orally while the failure to deliver a formal document evidencing the terms of the trade does not lead to the invalidity of the transaction itself.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The author comes to conclusion that ISDA standard templates are widely used in international trade. This fact is evidenced by case law as all doctrinal sources. However following the introduction of unilateral restrictive measures adopted by foreign states, the ISDA role in contractual regulation of derivative trading will decrease due to their unavailability to Russian parties.

KEYWORDS: derivative, financial market, derivative financial instrument, international commercial contract, ISDA, foreign trade transaction, framework contract, standard documentation

FOR CITATION: Klementiev A.P. Over-the-Counter Derivative Financial Instrument as an International Commercial Contract. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 171–182. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-171-182>

The author declares the absence of conflict of interest.

Введение

Деривативы представляют собой финансовые контракты, стоимость которых зависит от положенной в их основу ставки, индекса или иного показателя¹. Этим определением охватывается целое семейство договоров, распространенных на финансовом рынке, которое включает в себя фьючерсы, опционы, форварды и свопы, а также разнообразные инструменты, созданные финансистами на их основе. Хотя в научной литературе и высказана точка зрения о том, что деривативы могут быть представлены в форме ценных бумаг [Иванова 2007:125; Селивановский 2022:81], а формулирование четкого определения может

быть проблематичным, основным подходом к производными финансовым инструментам (далее – ПФИ), представленным в науке и законодательстве, является договорная концепция деривативов.

Все множество деривативных сделок на основе критерия места заключения сделок принято разделять на биржевые и внебиржевые контракты. Руководствуясь наличием в соответствующих договорных отношениях иностранного элемента, представляется возможным выделить трансграничные внебиржевые договоры, являющиеся ПФИ. В последнем случае уместно говорить о договорах, являющихся ПФИ (деривативами), как о международных коммерческих контрактах. Хотя унифицированного определения

¹ Derivatives: Practice and Principles Global Derivatives Study Group. July 1993. URL: https://group30.org/images/uploads/publications/G30_Derivatives-Appendix_1.pdf (accessed date: 16.09.2024).

этого термина не существует [Ерпылева Н.Ю. 2015:410], в рамках настоящей публикации мы будем исходить из понимания международных коммерческих контрактов как частноправовых договоров, характеризующихся двумя основными признаками: наличием иностранного элемента и отсутствием направленности договора на удовлетворение личных, семейных, бытовых и иных аналогичных потребностей.

1. Актуальность изучения деривативов в качестве международных коммерческих контрактов

Устаревший термин «внешнеэкономическая сделка», использовавшийся в п. 3 ст. 162 и ст. 1209 ГК РФ, по сути, выступавший порождением монополии государства на внешнюю торговлю, был упразднен в 2013 г. Законодателем на уровне ГК РФ ему так и не было предложено легальной альтернативы, хотя в законах, подзаконных актах и международных договорах Российской Федерации применяется множество аналогичных терминов. Как отмечает В.А. Канашевский, в отечественных доктринальных источниках, помимо использования словосочетания «внешнеэкономическая сделка», звучали предложения по применению понятий «международная торговая сделка», «сделка международного характера», «интерриториальная сделка», «международная коммерческая сделка» и «международный коммерческий контракт» [Канашевский 2019:16-17].

Под международным коммерческим контрактом предлагается понимать коммерческий договор, осложненный иностранным элементом. Иными словами, международными коммерческими контрактами являются такие соглашения, которые затрагивают как минимум два правопорядка (носят трансграничный характер) и опосредуют предпринимательскую деятельность. В качестве альтернативного критерия выделения международных коммерческих контрактов

из всей совокупности частноправовых договоров допустимо использовать основанный на ряде конвенций² критерий «местонахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах»³.

Вместо термина «международный коммерческий контракт» Л.А. Лунц использовал понятие «внешнеторговая сделка», под которой понимались договоры, заключаемые между внешнеторговыми объединениями и другими организациями СССР и аналогичными иностранными внешнеторговыми организациями или иностранными частными фирмами [Лунц 1973:13]. Таким образом, Л.А. Лунц в качестве критерия выделения внешнеторговых сделок использовал «разногражданство» сторон договора [Лунц 2002:446], т.е. субъектный состав соответствующих отношений. В условиях государственной монополии внешней торговли СССР как государство могло выступать стороной внешнеэкономических сделок, к примеру, через торговые представительства за рубежом, однако основное количество внешнеторговых сделок заключалось внешнеторговыми (внешнеэкономическими) объединениями.

Использование категории «международный коммерческий контракт» вместо иных терминов в рамках настоящего исследования представляется нам оправданным и современным, так как этим словосочетанием оперируют Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА, последняя редакция которых была опубликована в 2016 г.⁴ Отличительными чертами международных коммерческих контрактов являются, в частности, возможность применения иностранного права, наличие торговых обычаев в указанной области, а также рассмотрение споров по такого рода договорам иностранными судами и международным коммерческим арбитражем на основе пророгационных соглашений и арбитражных оговорок. Их изучением занимается наука коллизионного или, более широко, международного частного права.

² В частности, данный критерий применяется в Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. и Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., которые вступили в силу для Российской Федерации.

³ Глебин А.В. *Сделки во внешнеэкономической деятельности: понятийный аппарат*: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 192 с. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/17e/17e1d09e32a78284d509a93491f96ce2.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

⁴ UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. 2016. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

Как правило, основным международным коммерческим контрактом, чаще всего упоминаемым специалистами в этой области международного, является договор международной купли-продажи товаров, поскольку без него в принципе невозможно представить современные коммерческие отношения, выходящие за пределы границ одного государства. Помимо этого договора в литературе в качестве примеров международных коммерческих контрактов приводятся договоры трансграничной перевозки, международного подряда, кредитные договоры и договоры займа, договор международного лизинга, факторинга, посреднические договоры и некоторые иные⁵.

Представляется, что договоры, являющиеся ПФИ, также должны занять место в этом ряду сразу по нескольким причинам. Сделки с деривативами, в которых присутствует иностранный элемент, очевидно, относятся к трансграничным (внешнеэкономическим) сделкам [Плешакова 2017:34]. Рынок деривативов отличается значительным объемом и разнообразием, а заключаемые на нем договоры часто носят инновационный характер. Согласно статистике, которую ведет Банк для международных расчетов (BIS), суммарный объем ПФИ, базовым активом которых выступает иностранная валюта и процентные ставки, превышает 18 трлн долл.⁶ Помимо поставочных деривативов, заключаемых на ценные бумаги, товары и иностранную валюту, существует множество контрактов, обязательства из которых исполняются путем уплаты денежных сумм в зависимости от значения показателей, не имеющих материального выражения. Таковыми являются процентные, кредитные, погодные ПФИ, а также криптодеривативы и деривативы катастроф.

Отечественные ученые все чаще высказывают авторские позиции в отношении правовой природы стандартных договоров, широко применяемых в международной практике на рынке деривативов. М.В. Мажорина отмечает, что стандартное соглашение Международной ассоциации свопов и деривативов (ISDA) выступает примером *lex mercatoria* на финансовом рынке [Мажорина 2017:9]. К числу источников *lex mercatoria* относят стандартные рамочные договоры ISDA для рынка внебиржевых договоров А.А. Гудкова [Гудкова 2021:219] и Е.Н. Пузырева [Пузырева 2014:147]. В.Н. Липовцев отмечает, что стандартные соглашения на международном финансовом рынке формируют *lex finanziaria*, особую часть *lex mercatoria*⁷.

Споры из деривативов, осложненных иностранным элементом, все чаще рассматриваются отечественными арбитражными судами, что говорит об их широком распространении в международной деятельности российских банков и нефинансовых компаний, вовлеченных в экспортно-импортные операции. До 2022 г. в судебной практике в основном фигурировали дела по спорам между налоговыми органами и налогоплательщиками по исчислению налога при совершении трансграничных операций с деривативами⁸. Встречались и судебные решения, связанные с процедурами несостоятельности (банкротства)⁹. Однако начиная с 2022 г. споры по трансграничным деривативам непосредственно касаются исполнения обязательств на фоне односторонних ограничительных мер иностранных государств¹⁰, что делает изучение этих договоров в качестве международных коммерческих контрактов чрезвычайно актуальным.

⁵ К примеру, Л.А. Лунц отмечал, что к внешнеторговым сделкам прежде всего относится договор купли-продажи товаров, а также связанные с экспортом и импортом сделки подряда, комиссии, перевозки, поклажи, кредитно-расчетные отношения [Лунц 2002:446].

⁶ Global OTC derivatives market. In billions of US dollars. URL: https://data.bis.org/topics/OTC_DER/tables-and-dashboards/BIS_DER_D5_1.1.0 (accessed date: 16.09.2024)

⁷ Липовцев В.Н. *Lex mercatoria на международном финансовом рынке*: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 54.

⁸ Постановление ФАС Уральского округа от 17 августа 2011 г. № Ф09-4954/11 по делу № А60-33632/10; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 апреля 2015 г. № Ф05-3351/2015 по делу № А40-143354/13.

⁹ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 ноября 2010 г. № 07АП-115/10(7) по делу № А45-11142/09; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2022 г. № 13АП-2531/2022 по делу № А56-99704/2020/тр.4.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 марта 2024 г. № Ф07-836/2024 по делу № А56-103943/2023; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 июня 2024 г. № 09АП-26319/2024, 09АП-26323/2024 по делу № А40-194447/2023; Определение Верховного Суда РФ от 1 июля 2024 г. № 307-ЭС24-9967 по делу № А56-103943/2023.

2. Стороны контракта

Стороны трансграничных внебиржевых договоров, являющихся ПФИ, достаточно многообразны. Многие из них являются участниками профессиональных организаций, крупнейшей и влиятельнейшей из которых выступает ISDA, объединяющая в настоящее время состоит более 800 участников. В профессиональной среде их принято разделять на «продавцов» (sell side) и «покупателей» (buy side). Как показывает иностранная судебная практика, к числу «продавцов» относятся крупнейшие мировые банки, вовлеченные в трансграничные финансовые операции¹¹. Для финансовых институтов «продажа» деривативных продуктов является частью профессиональной деятельности, направленной на получение прибыли от совершения финансовых операций.

Первый своп-договор был заключен между Всемирным банком и компанией IBM в 1981 г.¹² В то время Всемирный банк занимал денежные средства для финансирования строительных проектов в развивающихся странах и столкнулся с ограничениями на долговые обязательства в швейцарских франках и дойчмарках, тогда как IBM собиралась осуществить внешние заимствования именно в этих валютах. Сделка, организованная инвестиционным банком Саломон Бразерс, который был одним из создателей ISDA, предполагала обмен платежей в долларах США на платежи в валютах, в которых нуждался Всемирный банк. Таким образом, был заключен первый договор «поставочный валютный своп» (currency swap agreement)¹³, носивший трансграничный характер.

«Продавцы» финансовых услуг обычно предлагают своим клиентам применение стандартных договоров, разработанных

профессиональными ассоциациями и объединениями, которые осуществляют своего рода кодификацию обычаев в этой области. Такого рода договоры приобретают все большее значение¹⁴. На фоне процессов глобализации мировой экономики в целом возрастает роль типовых проформ контрактов [Вилкова 293], а профессиональные ассоциации берут на себя роль формирующих агентств. При этом ISDA и другие «формулирующие агентства», к числу которых относятся, к примеру, Международный валютный комитет и Европейская банковская федерация, не обладают международно-правовым статусом, поскольку не являются межправительственными или межгосударственными организациями. Публикуемые ими стандартные условия выступают инструментами «мягкого» права, однако в условиях отсутствия применимых к дериватам международных двухсторонних договоров или конвенций, стандартные контракты заполняют правовой образующийся правовой вакуум.

В роли «покупателей» деривативов, как правило, выступают нефинансовые компании, нуждающиеся в хеджировании (страховании) рисков, возникающих при осуществлении их предпринимательской деятельности. Поскольку внешнеэкономическая деятельность предполагает проведение платежей в иностранной валюте, экспортеры и импортеры подвержены валютному риску, т.е. вероятности негативного изменения валютных курсов. Заемщики и эмитенты долговых ценных бумаг несут риск изменения процентных ставок, в результате реализации которого наличие корпоративного долга может стать обременительным для должника. Как свидетельствует судебная практика, нередко сторонами сделок с деривативами выступают и публичные образования¹⁵. Используют деривативы и международные финансовые организации,

¹¹ BNP Paribas v. Wockhardt EU Operations (Swiss) AG [2009] EWHC 3116 (Comm); Standard Chartered Bank v. Ceylon Petroleum Corp; Credit Suisse International v. Stichting Vestia Groep [2014] EWHC 3103 (Comm).

¹² URL: When Was the First Swap Agreement and Why Were Swaps Created? URL: <https://www.investopedia.com/ask/answers/051115/when-was-first-swap-agreement-and-why-were-swaps-created.asp> (accessed date: 16.09.2024).

¹³ Chapter 4. Pioneering Swaps. – The World Bank Treasury. IBRD. IDA. 70 Years Connecting Capital Markets to Development. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/98111541019927135-0340022018/original/70yearschapterfour.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

¹⁴ Семилитина Н.Г. *Формирование правовой модели российского рынка финансовых услуг*: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 7.

¹⁵ Hazell v. Hammersmith and Fulham LBC [1992] 2 AC 1, Kleinwort Benson v. Glasgow City Council [1997] 4 All E.R. 641. Westdeutsche Landesbank v. Islington [1996] A.C. 669. JP Morgan v. Berliner Verkehrsbetriebe (BVG) Anstalt des Öffentlichen Rechts [2010] EWCA Civ 390; Dexia Crediop S.P.A. v. Comune di Prato [2017] EWCA Civ 428.

а также отдельные государства¹⁶. Заключают трансграничные сделки с целью хеджирования экспортных и импортных рисков и государственные компании. Для снижения рисков, связанных с падением нефтяных котировок, государственная нефтяная компания Шри-Ланки *Ceylon Petroleum Company* вступила в договорные отношения с немецким Дойче банком. В результате соответствующий договор был рассмотрен МЦУИС, а Дойче банку была присуждена компенсация¹⁷.

Недавняя судебная практика свидетельствует о том, что субъектный состав правоотношений из трансграничных договоров ПФИ может предполагать наличие двух финансовых институтов в качестве сторон контракта. В частности, в настоящее время ВЭБ ведет спор с английским банком Барклайс по поводу договоров валютного свопа в английской¹⁸ и российской юрисдикции¹⁹. Отечественный Совкомбанк и иностранный банк Дж.П. Морган проводили операции с деривативами на основе стандартного договора ISDA. Образовавшееся в результате зачета встречных обязательств (неттинга) денежное требование стало предметом рассмотрения в арбитражном суде²⁰. В то же время в иностранных юрисдикциях подобные споры являются редкостью, поскольку кредитные организации предпочитают урегулировать возникающие между собой разногласия еще на досудебной стадии. Обращение в суд имеет место только в исключительных обстоятельствах²¹.

3. Порядок заключения и форма контракта

Основной применяемой на рынке внебиржевых ПФИ документацией является рамочный договор (framework contract). Его также называют генеральным соглашением (master agreement), а ведущую роль в его разработке играет ISDA, пользующаяся большим авторитетом на финансовом рынке²². Английский судья Бриггз в ходе рассмотрения одного из дел, связанных с банкротством инвестиционного банка Леман Бразерс, отметил, что типовые соглашения ISDA регулируют большинство сделок, заключаемых в рамках внебиржевого сектора рынка деривативов²³. ISDA опубликовала первые стандартные условия для сделок своп²⁴ уже в год своего создания, затем перейдя к разработке рамочных договоров наряду со стандартными условиями.

В 1987 г. было опубликовано генеральное соглашение для процентных и валютных деривативов, которое в настоящее время практически не применяется на практике²⁵. Этот договор был обновлен уже в 1992 г., при этом новая форма договора была рассчитана на применение в отношении всего спектра деривативных сделок, не ограничиваясь валютой и процентными ставками в качестве базовых активов²⁶. Отдельного внимания заслуживает его версия, являющаяся международным коммерческим контрактом, т. е. специально составленная для случаев, когда сторонами соглашения выступают юридические

¹⁶ *State of the Netherlands v. Deutsche Bank AG* [2019] EWCA Civ 771.

¹⁷ *Deutsche Bank AG v. Democratic Socialist Republic of Sri Lanka* (ICSID Case No. ARB/09/2) URL: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database/case-detail?CaseNo=ARB/09/2> (accessed date: 16.09.2024)

¹⁸ *Barclays Bank plc v VEB.RF* [2024] EWHC 2981 (Comm).

¹⁹ Арбитражный суд города Москвы. Дело № А40-111803/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2144a3ad-7c03-4b1e-bc4c-5f5848682aff> (accessed date: 16.09.2024).

²⁰ Арбитражный суд города Москвы. Дело № А40-194447/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d8542a52-4054-475f-99be-7f2cb9906b93> (accessed date: 16.09.2024).

²¹ Berger K.P. *The aftermath of the financial crisis: why arbitration makes sense for banks and financial institutions*. URL: https://arbinfinanz.uni-koeln.de/uploads/adr/Arbitration_BanksLFMR_2.pdf (accessed date: 16.09.2024).

²² Семилютина Н.Г. Указ. соч. С. 120.

²³ *Lomas v. JFB Firth Rixson* [2011] 2 B.C.L.C.120.

²⁴ 1985 Code of Standard Wording, Assumptions, and Provisions for Swaps. URL: <https://www.rbccm.com/assets/rbccm/docs/legal/doddfrank/Documents/ISDALibrary/1985%20Code%20of%20Standard%20Wording%20-%20Assumptions%20and%20Provisions%20for%20Swaps.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

²⁵ 1987 ISDA Interest Rate and Currency Exchange Agreement.

²⁶ 1992 ISDA Master Agreement. URL: <https://www.isda.org/book/1992-isda-master-agreement-local-currency/> (accessed date: 16.09.2024).

лица, принадлежащие к разным правовым порядкам²⁷. Наиболее актуальная на сегодняшний день форма рамочного договора для внебиржевых деривативов была опубликована ISDA в 2002 г. (далее – 2002 ISDA MA)²⁸.

2002 ISDA MA, как и более ранние версии соглашений ISDA, предусматривает возможность заключения отдельных сделок с деривативами в устной форме, к примеру, путем проведения переговоров по телефону²⁹. Отсутствие формального документа в виде подтверждения (confirmation) не ведет к признанию оговоренной устно сделки недействительной или незаключенной, что придает определенную гибкость взаимоотношениям сторон. Аналогичный подход применяется и в стандартной документации, разработанной конкурентами ISDA – Европейской банковской федерацией³⁰ и Международным валютным комитетом³¹.

Таким образом, можно отметить, что форма внебиржевых договоров на международном ПФИ является смешанной. Если рамочное соглашение и стандартные условия существуют в письменной форме, составленной ISDA и другими профессиональными ассоциациями, то сами деривативные сделки могут быть устными. При заключении контрактов в устной форме в качестве доказательств могут использоваться записи телефонных переговоров, согласие на осуществление которых стороны дают еще на этапе заключения рамочного договора. Тем не менее на практике в большинстве случаев стороны все же направляют друг другу подтверждения, т. е. индивидуальные контракты, заключенные в продолжение и на основе типового

рамочного договора. Таким образом, рамочный договор и договоры-приложения обладают единством [Кормош 2010:187].

В настоящее время при заключении сделок на рынке ПФИ с российским элементом стороны должны учитывать императивные правила российского законодательства. В частности, российской стороне необходимо подавать информацию о заключении сделок в российский репозиторий³², т. е. лицензированную организацию, осуществляющую сбор информации о внебиржевых операциях с производными инструментами³³. Порядок исполнения договоров будет зависеть от того, принадлежит ли иностранный контрагент к так называемой недружественной юрисдикции. Если ответ на этот вопрос положительный, то в отношении платежей будет действовать специальный разрешительный порядок, установленный отечественным антисанкционным регулированием³⁴.

4. Содержание контракта

Содержание заключаемого на внебиржевом рынке договора, являющегося внебиржевым финансовым инструментом, следует разделить на две составляющих. Во-первых, это рамочный договор, который безотносительно к конкретным сделкам регулирует общие условия взаимодействия сторон. Во-вторых, это сам международный коммерческий контракт, являющийся ПФИ. Рамочный договор включает в себя такие типовые условия, как порядок согласования отдельных сделок, обмен подтверждающими документами, механизм осуществления платежей

²⁷ 1992 ISDA Master Agreement.

²⁸ 2002 ISDA Master Agreement/ URL: <https://www.isda.org/book/2002-isda-master-agreement-mylibrary/> (accessed date: 16.09.2024).

²⁹ Section 8(e)(ii) 2002 ISDA MA.

³⁰ European Master Agreement. URL: <https://www.ebf.eu/home/european-master-agreement-ema/> (accessed date: 16.09.2024).

³¹ IFCO Adherence Agreement. URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/microsites/fxc/files/ifco_adherence.pdf (accessed date: 16.09.2024).

³² Указание Банка России от 16 августа 2016 г. № 4104-У «О видах договоров, заключенных не на организованных торгах, информация о которых предоставляется в репозиторий, лицах, предоставляющих в репозиторий информацию о таких договорах, порядке, составе, форме и сроках предоставления ими информации в репозиторий, дополнительных требованиях к порядку ведения репозитарием реестра договоров, порядке и сроках предоставления информации репозитарием, а также порядке, составе, форме и сроках предоставления репозитарием в Банк России реестра договоров» // Вестник Банка России. 4 октября 2016 г. № 87.

³³ В настоящее время ведет перечень договоров, информация о которых принимается репозитарием, ведется НКО АО НРД. См.: Спецификация сообщений Торгового репозитария НКО АО НРД. URL: [https://repository.nsd.ru/versioned/current/taxonomy/master-agreement-type\(nsdru\)](https://repository.nsd.ru/versioned/current/taxonomy/master-agreement-type(nsdru)) (accessed date: 16.09.2024).

³⁴ См.: Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 95 (ред. от 31 января 2025 г.) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами». – СЗ РФ. 07.03.2022. № 10. Ст. 1472.

и возможность применения договорного зачета, заверения и гарантии, взаимные обязательства, основания и порядок прекращения отдельных сделок. На последнем аспекте стоит остановиться подробнее, поскольку сделки с деривативами, как правило, заключаются на длительные сроки, а в ходе «жизни» такой сделки может возникнуть потребность в ее расторжении.

Для прекращения сделок с внебиржевыми ПФИ при наступлении случаев неисполнения обязательств применяется особый механизм вычисления нетто-баланса взаимных требований, известный как ликвидационный неттинг. Он обычно используется, когда одной из сторон грозит банкротство или она уже является неплатежеспособной [Отдельные виды ... 2008:194]. Для упорядочивания практики его законодательного регулирования Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА) были подготовлены Принципы УНИДРУА, касающиеся применения положений о компенсации за прекращение³⁵. Причиной их разработки выступила жесткость норм законодательства о банкротстве [Вертлиб, Шуманов 2020:83], зачастую препятствующих досрочному прекращению обязательств и взаимозачету требований накануне введения процедур несостоятельности, а также необходимость предотвращения потрясений на финансовом рынке, подобных мировому кризису 2007–2009 гг. [Клементьев, Фонотова 2024:100-101]

Присутствуют в рамочном договоре и положения о применимом праве, а также о порядке и месте разрешения споров. Отмечается, что субъекты международных финансовых рынков активно используют возможность выбора применимого права, полагаясь на начало автономии воли и коллизионную привязку *lex voluntatis* [Отдельные виды ... 2008:185]. При этом некоторые авторы полагают, что положения о применимом праве, содержащиеся в стандартных договорах на финансовом рынке, выступают в роли своего рода «правового периметра», а сами типовые

соглашения имеют автономный характер [Международное и зарубежное ... 2014:19]. Вопрос о подсудности играет особенно важную роль на фоне финансовых кризисов, когда происходит рост взаимных претензий и неплатежей на финансовом рынке, или же в результате резкого изменения стоимости национальной валюты [Аиткулов, Аничкин, Малюкевич, Бацура 2018: 45]. В части разрешения споров стандартные договоры на международных рынках ПФИ, как правило, содержат положения о подсудности споров национальным судам, однако в последнее десятилетие наметилась тенденция к включению в типовые соглашения арбитражных оговорок, что подтверждается практикой ISDA³⁶ и китайской профессиональной ассоциации на финансовом рынке NAFMII³⁷.

Указанные выше условия, изложенные в рамочном договоре, распространяются на всю совокупность отдельных контрактов, выступающих ПФИ. Внебиржевые деривативы довольно разнообразны и включают в себя форварды, являющиеся наиболее простыми деривативными сделкам, а также более сложные опционы и свопы. Существенные условия и характерный для отдельных видов ПФИ порядок исполнения обязательств, т. е. второй компонент договора, излагается в стандартных условиях, в частности, публикуемых ISDA. Они же включают в себя и типовые формы подтверждений, которыми могут пользоваться стороны договора. Таким образом, сотрудники финансовых организаций и их клиентов могут сосредоточиться на внесении коммерческих параметров в разработанное ISDA подтверждение, что позволяет снизить транзакционные издержки в ходе осуществления деривативной торговли.

Определениями для конверсионных сделок и договоров валютный опцион, опубликованным ISDA в 1998 г.³⁸ охватываются условия таких деривативных сделок как валютный форвард и валютный опцион. Их стороны обязаны осуществить поставку иностранной валюты

³⁵ Principes d'Unidroit concernant l'applicabilite des clauses de resiliation-compensation. URL: <https://www.unidroit.org/fr/instruments/marches-financiers/resiliation-compensation/> (дата обращения: 15.02.2024).

³⁶ См.: 2018 ISDA Arbitration Guide URL: https://arbinfinanz.uni-koeln.de/uploads/Dokumente/2018_ISDA_Arbitration_Guide.pdf (accessed date: 16.09.2024).

³⁷ См.: NAFMII Master Agreement (Cross Border – 2022 Version). URL: <https://www.nafmii.org.cn/ggtz/gg/202208/P020220831632138066172.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

³⁸ 1998 ISDA FX and Currency Option Definitions. URL: <https://www.rbccm.com/assets/rbccm/docs/legal/doddfrank/Documents/ISDALibrary/1998%20FX%20and%20Currncy%20Option%20Definitions.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

на условиях, предусмотренных подтверждением. В частности, применительно к поставочному форварду в дату расчетов каждая из сторон переводит на счет контрагента иностранную валюту из соответствующей валютной пары. Расчеты по поставочной опционной сделке предваряются уплатой опционной премии, а сама поставка валюты реализуется при направлении уведомления покупателем опциона или же происходит автоматически. Расчетные сделки предполагают уплату денежной суммы согласно формуле, предусмотренной стандартными условиями.

Определения ISDA для процентных деривативов³⁹ предусматривают типовые условия для таких сделок, как процентный своп, а также валютно-процентный своп, сделка кэп, флор и коллар. Стороны этих международных коммерческих контрактов выплачивают друг другу денежные суммы в зависимости от значения процентных ставок, отсылка к которым делается сторонами в соответствующем подтверждении. Определения ISDA для кредитных деривативов⁴⁰ предусматривают обязанности сторон в ходе исполнения сделки кредитный дефолтный своп, которая предусматривает за премию принятие на себя продавцом этого деривативного «продукта» обязанности по уплате денежной суммы в случае наступления дефолта по так называемому референсному активу, которым могут выступать

долговые ценные бумаги, выпущенные суверенными и корпоративными эмитентами.

Заключение

В настоящей статье на примере стандартного договора 2002 ISDA MA был рассмотрен внебиржевой договор, являющийся ПФИ, в качестве международного коммерческого контракта. Его сторонами выступают финансовые институты, вовлеченные в международные операции с иностранными валютами, процентными ставками и иными активами, а также финансовые институты и их клиенты. Для внебиржевого рынка ПФИ является привычным использование стандартной документации. Сами международные финансовые операции, совершаемые на рынке деривативов, отличаются смешанной формой, поскольку отношения сторон устанавливаются в письменной форме путем заключения рамочного соглашения, в то время как отдельные сделки могут заключаться устно. Стандартные договоры, как правило, содержат положения о подсудности и применимом праве, при этом подтверждения по отдельным сделкам ПФИ дополняются стандартными условиями, которые отличаются значительным разнообразием, что соответствует большому количеству деривативов на финансовом рынке.

Список литературы

1. Аиткулов Т., Аничкин А., Малюкевич Д., Бацура М. 2018. Сделки с производными финансовыми инструментами: как избежать недействительности. – *Юридическая работа в кредитной организации*. № 1. С. 45–54.
2. Вилкова Н.Г. 2004. *Договорное право в международном обороте*. Москва: Статут. 511 с.
3. Гудкова А.А. 2021. Главный источник современного торгового права: акты new lex mercatoria. – *Вопросы российской юстиции*. № 15. С. 215–227.
4. Вертлиб Ф.О., Шуманов К.С. 2020. Принципы осуществления ликвидационного неттинга УНИДРУА и российское законодательство о ликвидационном неттинге: вопросы соответствия. – *Вестник Московского университета МВД России*. № 7. С. 82–91.
5. Ерпылева Н.Ю. 2015. *Международное частное право*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 655 с.
6. Иванова Е.В. 2007. Договорные формы деривативов: некоторые аспекты правового регулирования. – *Законод.* № 7. С. 125–135.
7. Канашевский В.А. 2019. *Международные сделки: правовое регулирование*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Международные отношения. 704 с.
8. Клементьев А.П., Фонотова О.В. 2024. Принципы УНИДРУА, касающиеся применения положений о компенсации за прекращение (Principes d'UNIDROIT concernant l'applicabilité des clauses de résiliation-compensation), и их значение для правового регулирования рынка деривативов. – *Труды Института государства и права Российской академии наук*. Т. 19. № 6. С. 95–120.
9. Кормош Ю.И. 2010. Стандартизация внебиржевых срочных сделок как антикризисная мера для российского финансового рынка. – *Труды Института государства и права Российской академии наук*. № 4. С. 173–202.

³⁹ 2006 ISDA Definitions. URL: <https://www.rbccm.com/assets/rbccm/docs/legal/doddfrank/Documents/ISDALibrary/2006%20ISDA%20Definitions.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

⁴⁰ 1999 Credit Derivatives Definitions. URL: <https://www.rbccm.com/assets/rbccm/docs/legal/doddfrank/Documents/ISDALibrary/1999%20ISDA%20Credit%20Derivatives%20Definitions.pdf> (accessed date: 16.09.2024).

10. Мажорина М.В. 2017. Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации? – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 1. С. 4-19.
11. *Международное и зарубежное финансовое регулирование: институты, сделки, инфраструктура*: монография 2014. Под ред. А.В. Шамраева. В 2 ч. Москва: КНОРУС: ЦИПСИР. Ч. 2. 640 с.
12. Лунц Л.А. 1973. *Курс международного частного права: Международное частное право: Общая часть*. 3-е изд., доп. Москва: Юрид. лит. 384 с.
13. Лунц Л.А. 2002. *Курс международного частного права*. В 3 т. Москва: Спарк. 1007 с.
14. *Отдельные виды обязательств в международном частном праве*. 2008. / Н.Г. Доронина, В.А. Егiazаров, В.П. Звеков [и др.]. Под ред. В.П. Звекова. Москва: Статут. 603 с.
15. Плешакова Н.С. 2017. Правовые аспекты трансграничных сделок с внебиржевыми производными финансовыми инструментами (деривативами). – *Международное право*. № 3. С. 31-44.
16. Пузырева Е.Н. 2014. Lex mercatoria как источник регулирования трансграничного обращения ценных бумаг. – *Проблемы экономики и юридической практики*. № 5. С. 145-148.
17. Селивановский А.С. 2022. *Правовое регулирование рынка производных финансовых инструментов*. Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики. 375 с.
7. Kormosh Yu.I. Standartizacija vnebirzhevnyh srochnykh sdelok kak antikrizisnaja mera dlja rossijskogo finansovogo rynka [Standardization of Over-the-Counter Derivatives as an Anti-Crisis Measure for the Russian Financial Market]. – *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*. 2010. № 4. P. 173-202 (In Russ.).
8. Lunts L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava [Course on Private International Law]*. V 3 t. Moscow: Spark. 2002. 1007 p. (In Russ.).
9. Lunts L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Obshhaja chast' [Course on Private International Law: General Part]*. 3-e izd., dop. Moscow: Legal Literature. 1973. 384 p. (In Russ.).
10. Mazhorina M.V. Lex mercatoria: srednevekovyj mif ili fenomen globalizacii? [Lex Mercatoria: A Medieval Myth or a Phenomenon of Globalization?]. – *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki. [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2017. № 1. P. 4-19 (In Russ.).
11. *Mezhdunarodnoe i zarubezhnoe finansovoe regulirovanie: instituty, sdelki, infrastruktura [International and Foreign Financial Regulation: Institutions, Transactions, Infrastructure]*. Monografija. Pod red. A.V. Shamraeva. V 2 ch. Moscow: KNORUS, CIPSR. 2014. Ch. 2. 640 p. (In Russ.).
12. *Otdel'nye vidy objazatel'stv v mezhdunarodnom chastnom prave [Certain Types of Obligations in Private International Law]*. Pod red. V.P. Zvekova. Moscow: Statut Publ. 2008. 603 p. (In Russ.).
13. Pleshakova N.S. Pravovye aspekty transgranichnykh sdelok s vnebirzhevnyimi proizvodnymi finansovymi instrumentami (derivativami) [Legal Aspects of Cross-Border Transactions with Over-the-Counter Derivative Financial Instruments]. – *Mezhdunarodnoe parvo [International Law]*. 2017. № 3. P. 31-44. (In Russ.).
14. Puzyreva E.N. Lex mercatoria kak istochnik regulirovanija transgranichnogo obrashhenija cennykh bumag [Lex Mercatoria as a Source of Regulation for the Cross-Border Circulation of Securities]. – *Problemy jekonomiki i juridicheskoi praktiki [Problems of Economics and Legal Practice]*. 2014. № 5. P. 145-148. (In Russ.).
15. Selivanovsky A.S. *Pravovoe regulirovanie rynka proizvodnykh finansovykh instrumentov [Legal Regulation of the Derivatives Market]*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 2022. 375 p. (In Russ.).
16. Vertlib F.O., Shumanov K.S. Principy osushhestvlenija likvidacionnogo nettinga UNIDRUA i rossijskoe zakonodatel'stvo o likvidacionnom nettinge: voprosy sootvetstvija [Principles of UNIDROIT on Close-Out Netting and Russian Legislation on Liquidation Netting: Compliance Issues]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2020. № 7. P. 82-91. (In Russ.).
17. Vilkova N.G. *Dogovornoe pravo v mezhdunarodnom oborote [Contract Law in International Turnover]*. Moscow: Statut Publ. 2004. 511 p. (In Russ.).

References

Информация об авторах**Алексей Петрович КЛЕМЕНТЬЕВ,**

кандидат юридических наук, старший преподаватель
Департамента правового регулирования бизнеса фа-
культета права, Национальный исследовательский уни-
верситет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Феде-
рация

aklementiev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6598-507X

About the Authors**Alexey P. KLEMENTIEV,**

Candidate of Legal Sciences, Senior lecturer at the School
of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National
Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000

aklementiev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6598-507X

РЕЦЕНЗИИ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-183-193>

Исследовательская статья
УДК: 341.1
Поступила в редакцию: 10.01.2025
Принята к публикации: 14.03.2025

Рустем Шамилевич ДАВЛЕТГИЛЬДЕЕВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., д. 18, Казань, 420008, Российская Федерация
roustem.davletguildeev@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-5412-9027

Дмитрий Викторович ЗАРУБИН

Севастопольский государственный университет
Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация
dima95.95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2273-8626

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И.З. ФАРХУТДИНОВА «ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА – ОТ ВЕСТФАЛЯ ДО ВЕРСАЛЯ», 2024

ВВЕДЕНИЕ. История международного права привлекала особое внимание отечественных ученых-юристов в прошлом, а также продолжает вызывать высокий научный интерес у исследователей-правоведов в настоящее время. Нет сомнений в том, что и в будущем данная проблематика не перестанет быть предметом серьезных научных изысканий. Осуществляемая на постоянной основе научная проработка вопросов, касающихся истории международного права, весьма обоснована. С одной стороны, продолжающееся развитие международных отношений и современные тенденции межгосударственного взаимодействия позволяют по-новому осмыслить уже прошедшие события мировой жизни. С другой стороны, будущее устойчивое и эффективное развитие международного права невозможно без анализа прошлого. Объясняется это тем, что обращение к накопленному опыту международно-правового регулирования, а также к ранним и последующим концепциям международного права может оказать неоценимую помощь в решении проблем, стоящих перед

мировым сообществом в современное время. В связи с этим не вызывает сомнений актуальность вышедшей в 2024 году монографии И.З. Фархутдинова «Эволюция международного права – от Вестфалья до Версаля».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Написание данной работы основано как на подходах и выводах, сформулированных в рецензируемой монографии, так и на научных трудах отечественных и зарубежных юристов-международников по рассматриваемой проблематике. При подготовке рецензии были использованы общенаучные и специальные методы познания, применяемые в юридических исследованиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Хронологические рамки представленного исследования обозначены принятием ряда важных международных документов, которые, с одной стороны, стали завершениями, соответственно, Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг., с другой стороны, установили определенные модели международных отношений в конкретный исторический

период. Монография открывается исследованием зарождения международного права как регулятора межгосударственных отношений. Далее переходит к проблематике Венского конгресса и становления венской системы международных отношений. Завершающая часть монографического исследования носит название «От Сараево до Версаля. От „права военных конфликтов“ к Первой мировой войне».

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В заключение делается вывод о том, что монография И.З. Фархутдинова «Эволюция международного права – от Вестфалья до Версаля» представляет собой монографический труд с глубоким личностным взглядом на историю международного права XVI–XX вв., с широким использованием достижений смежных социальных наук: истории, теории международных отношений, политологии, чем вносит значительный вклад в развитие международно-правовой науки. С одной стороны, она приглашает к обсуждению заявленной темы, а с другой стороны, служит ориентиром для будущих юридических исследований, касающихся истории международного права (как правовой системы, так и науки), а также

межгосударственных отношений. Кроме этого, выражается надежда на то, что последующие исследования эволюции международного права, охватывающее другие географические и хронологические рамки его исторического развития, будут отражены автором рецензируемой монографии в его дальнейших научных изысканиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история международного права, эволюция международного права, международные отношения, вестфальская система, венская система, версальская система, монография

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Давлетгильдеев Р.Ш., Зарубин Д.В. 2025. Рецензия на монографию И.З. Фархутдинова «Эволюция международного права – от Вестфалья до Версаля», 2024. – Московский журнал международного права. № 1. С. 183–193. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-183-193>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

BOOK REVIEWS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-183-193>

Rustem Sh. DAVLETGILDEEV

Kazan (Volga Region) Federal University
Kremlyovskaya St., 18, Kazan, Russian Federation, 420008
roustem.davletgildeev@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-5412-9027

Dmitry V. ZARUBIN

Sevastopol State University
33, Universitetskaya St., Sevastopol, Russian Federation, 299053
dima95.95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2273-8626

Research article

UDC: 341.1

Received 10 January 2025

Approved 14 March 2025

REVIEW OF I.Z. FARKHUTDINOV'S MONOGRAPH "THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL LAW – FROM WESTPHAL TO VERSAILLES", 2024

INTRODUCTION. *The history of international law has attracted special attention of domestic legal scholars in the past and continues to arouse high scientific interest among legal researchers at the present time. There is no doubt that this issue will not cease to be the subject of serious scientific research in the future. The ongoing scientific study of issues related to the history of international law is quite justified. On the one hand, the ongoing development of international relations and modern trends in interstate interaction allow us to rethink past events in world life. On the other hand, the future sustainable and effective development of international law is impossible without analyzing the past. This is explained by the fact that turning to the accumulated experience of international legal regulation, as well as to early and subsequent concepts of international law, can provide invaluable assistance in solving the problems facing the world community in modern times. In this regard, there is no doubt about the relevance of the monograph by I.Z. Farkhutdinov «Evolution of International Law – from Westphal to Versailles», published in 2024.*

MATERIALS AND METHODS. *The writing of this work is based both on the approaches and conclusions formulated in the monograph under review, and on the scientific works of domestic and foreign international lawyers on the issues under consideration. In preparing the review, general scientific and special methods of cognition used in legal research were used.*

RESEARCH RESULTS. *The chronological framework of the presented study is designated by the adoption of a few important international documents, which, on the one hand, marked the completion of the Thirty Years' War of 1618-1648 and the First World War of 1914-1918, respectively, and, on the other hand, established certain models of international relations in a specific historical period. The monograph opens with a study of the origin of international law as a regulator of interstate relations. Then it moves on to*

the problems of the Vienna Congress and the formation of the Vienna system of international relations. The final part of the monograph is entitled «From Sarajevo to Versailles. From the «law of military conflicts» to the First World War.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In conclusion, it is noted that the monograph by I.Z. Farkhutdinov «Evolution of International Law – from Westphal to Versailles» is a monographic work with a deep personal view of the history of international law of the 16th-20th centuries, with extensive use of the achievements of related social sciences: history, theory of international relations, political science, which makes a significant contribution to the development of international legal science. On the one hand, it invites to discuss the stated topic, and on the other, serves as a guide for future legal research on the history of international law (both the legal system and science), as well as interstate relations. In addition, it is hoped that subsequent studies of the evolution of international law, covering other geographical and chronological frameworks of its historical development, will be reflected by the author of the monograph under review in his further scientific research.*

KEYWORDS: *history of international law, evolution of international law, international relations, Westphalian system, Vienna system, Versailles system, monograph*

FOR CITATION: Davletgildeev R.Sh., Zarubin D.V. Review of I.Z. Farkhutdinov's Monograph "The Evolution of International Law – from Westphal to Versailles", 2024. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 1. P. 183–193. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-183-193>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

История развития международного права с давних времен привлекала внимание отечественных исследователей-правоведов. Среди научных трудов, изданных в дореволюционной России, можно отметить работу Ф.Ф. Мартенса «Современное международное право цивилизованных народов» (1898), в первом томе которой вопросам истории международных отношений и права посвящен третий раздел (с. 23-154), а проблематике развития науки международного права – четвертый (с. 154-179) (см. подробнее: [Мартенс 1898]). Целая плеяда известных юристов-международников конца XIX – первой половины XX в. глубоко занимались историей международного права, достаточно вспомнить такие фамилии как А.Н. Стоянов (см., например: [Стоянов 1875]), В.П. Даневский¹, В.А. Уляницкий (см., например: [Уляницкий 1883]), С.А. Корф (см., например: [Korff 1925]), М.А. Таубе (см., например: [Таубе 1894]), М.А. Циммерман (см., например: [Циммерман 1924]) и др. Из числа работ советского времени можно обратиться, в частности, к пособию Е.А. Коровина «История международного права» (1946), в котором освещается развитие международного права с древности и до конца XVIII в.² Также в этот исторический период нашей страны была издана, например, книга Д.Б. Левина «История международного права» (1962) (см. подробнее: [Левин 1962]). В начале 90-х годов прошлого века вышла в свет монография Ю.Я. Баскина и Д.И. Фельдмана «История международного права» (1990), в которой хронологические рамки исследования обозначены с рабовладельческого общества и до середины XX в. (см. подробнее: [Баскин, Фельдман 1990]). В XXI столетии историей международного права также занимаются известные юристы-международники, такие как Ю.М. Юмашев (см., например: [Юмашев 2012; 2022]), В.М. Шумилов

(см., например: [Шумилов 2014а; 2014b]), В.С. Иваненко (см., например: [Иваненко 2014; 2019]), О.В. Буткевич (см., например: [Буткевич 2008]), Ю.С. Безбородов (см., например: [Безбородов 2011; 2012; 2014; 2015; 2024]), Б.И. Нефедов [Нефедов 2022] и другие, опубликован ряд монографических работ и учебных материалов по данной тематике, в частности, Г.С. Стародубцева «История международного права и его науки»³ (2006), а также И.О. Анисимова и С.В. Комендантова «История международного права»⁴ (2022). Следует отметить, что автор представленной монографии, И.З. Фархутдинов, давно и основательно занимается историей международного права.

Представляется, что высокий и систематический научный интерес к истории международного права весьма обоснован. С одной стороны, продолжающееся развитие международных отношений и современные тенденции межгосударственного взаимодействия позволяют по-новому осмыслить уже прошедшие события мировой жизни. С другой стороны, будущее устойчивое и эффективное развитие международного права невозможно без анализа прошлого. Объясняется это тем, что обращение к накопленному опыту международно-правового регулирования, а также к ранним и последующим концепциям международного права может оказать неоценимую помощь в решении проблем, стоящих перед мировым сообществом в современное время. Таким образом, не вызывает сомнений актуальность вышедшей в 2024 году монографии И.З. Фархутдинова «Эволюция международного права – от Вестфалья до Версаля». Отметим, что рецензируемый научный труд получил широкий доктринальный отклик, что подтверждается рядом написанных на него рецензий (см., например: [Эфендиев 2024; Юмашев 2024]).

Прежде всего, считаем важным обратить внимание на то, что Инсур Забирович посвятил свою книгу своему учителю – профессору

¹ См., напр.: Даневский В.П. *Пособие к изучению истории и системы международного права*. Вып. 1. Харьков: Тип. А.Н. Гусева бывш. В.С. Бирюкова, 1892. 230 с.; Он же. *Пособие к изучению истории и системы международного права*. Вып. 2. Харьков: Тип. А. Дарре, 1892. 178 с.

² См. подробнее: Коровин Е.А. *История международного права: пособие к лекциям*. Выпуск 1: от древности до конца XVIII века. М.: Типография МИД СССР, 1946. 107 с.

³ См. подробнее: Стародубцев Г.С. *История международного права и его науки*. Учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2006. 208 с.

⁴ См. подробнее: Анисимов И.О., Комендантов С.В. *История международного права*. Учебное пособие. Под науч. ред. С.А. Егорова. М.: Проспект, 2022. 80 с.

И.И. Лукашуку – выдающемуся советскому и российскому юристу-международнику, внесшему неоценимый вклад в развитие отечественной науки международного права.

В представленной монографии, как следует из ее введения, «рассматривается зарождение и формирование международного права от Вестфальского трактата 1648 г. до Версальского договора 1919 г.» (с. 3) Таким образом, хронологические рамки представленного исследования обозначены принятием ряда важных международных документов, которые, с одной стороны, стали завершениями, соответственно, Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг., с другой стороны, установили определенные модели международных отношений в конкретный исторический период.

Очевидно, что невозможно осветить все аспекты проведенного монографического исследования в рамках одной рецензии. В связи с этим обратим внимание на некоторые из них.

2. «Зарождение международного права как регулятора межгосударственных отношений»

Монография открывается исследованием зарождения международного права как регулятора межгосударственных отношений. Этой проблеме посвящена первая часть данного научного труда, состоящая из шести глав. Первая глава носит название «Методология исследования проблем истории международного права в контексте формирования современной модели международных отношений».

Автор, отмечая высокую значимость методологии исследования, обращает внимание на то, что «уровень каждой науки, в том числе международно-правовой, определяется не в последней очереди состоянием ее методологии» (с. 8).

Инсур Забирович в своем обосновании периодизации международного права исходит из подхода, относящего формирование международного права как целостной правовой системы к XVI–XVII вв. (с. 17) В данном случае правильнее было бы подчеркнуть, что в период XVI–XVII вв. складывается европоцентричное международное право, которое стало основой для существующей универсальной международно-правовой системы [Давлетгильдеев 2022:332]. Однако это не отменяет существование и иных подходов к международному праву, имевшихся как в древности, так и средневековые периоды истории, включая международно-правовую

доктрину Сийар мусульманских государств [El-Kosheri 1995:811] или идею «срединной империи» в Китае, обосновывающую сино-центричность мирового порядка в Восточной Азии [Yanagihara 2014:319]. Следует отметить, что попытка комплексного подхода, учитывающего неоднозначность европоцентричного подхода, делается представителями европейской науки международного права, в частности, в коллективной работе под редакцией Бардо Фассбендер и Анны Петерс (см. подробнее: [The Oxford Handbook ... 2012]).

Говоря о концепциях периодизации истории международного права, автору стоило упомянуть сторонников так называемой советской доктрины, в частности, Ю.Я. Баскина и Д.И. Фельдмана. В классической работе «История международного права» 1990 г. они отметили, что в советской литературе вопрос о периодизации решен однозначно: «Начальным признается период, когда уже сложились устойчивые политические и государственные... образования, то есть в древности» [Баскин, Фельдман 1990:12]. Такая позиция была связана не только с необходимостью использования формационного подхода, но и с наличием фактических данных о ведении устойчивого международного общения в Древности и в Средние века до XVI в. Именно этот подход был использован и в первом томе семитомного Курса международного права, вышедшего в 1989 г. [Курс международного права ... 1989:30-33]

Во второй главе «Доктрина Вестфальской системы международных отношений: мифы и реалии» автор, анализируя содержания Мюнстерского и Оснабрюкского договоров, делает акцент на том, что в них «не то, что не записано ни одного международно-правового принципа, даже нет чего-то похожего» (с. 55). Критический взгляд автора на Вестфальский мир как на основание Вестфальской модели международных отношений имеет как сторонников, так и оппонентов в науках международного права и международных отношений. Отметим, что сторонники критического подхода в большей степени представляют науку международных отношений [Krasner 1993; Croxton 1999; Osiander 2001; Куприянов 2019]. Обстоятельный взгляд оппонента такого взгляда с позиции науки международного права описан на страницах журнала Международные процессы в 2022 г. [Нефедов 2022], хотя в рецензируемой монографии ряд положений, оспариваемых Б.И. Нефедовым, рассмотрены автором шире, в частности, положения о суверенитете

(с. 52-56), о значении мирных конференций в Мюнстере и Оснабрюке как первого общеевропейского конгресса (с. 51).

На наш взгляд, вывод автора о том, что в основе Версальской модели международных отношений не может лежать Вестфальский трактат (с. 56), является справедливым по букве, однако определенным преуменьшением роли Мюнстерского и Оснабрюкского договоров по духу, учитывая конкретно-исторический контекст их заключения, и свидетельствует о том, что международное право существовало до «Вестфалия» и продолжило существовать после него, пока доктринальные работы Эмера де Ваттеля и интересы европейских государств не сформировали устойчивое политико-правовое представление о существовании Вестфальской системы международных отношений и международного права.

Третья глава именуется «„Битва книг“. „Доктрина двух сфер“. Возникновение концепции свободного мореплавания – основного катализатора формирования международного права». В ней автор пишет, что «правила, регулировавшие публично-правовые отношения государств на морях и в океанах, создавались и накапливались на протяжении нескольких столетий главным образом в качестве международных обычаев» (с. 99). Отметим, что в юридической литературе также обращается внимание на то, что «одна из особенностей международного морского права состоит в том, что оно в значительной степени сформировалось из обычаев (обычных норм)»⁵.

В четвертой главе «Утрехтский договор: попытка установить мир с помощью „равного баланса сил“. „Династическое“ международное право» автор формулирует тезис о том, что «династические браки заключались с целью объединить две династии и тем самым прочными узами связать друг с другом две страны» (с. 136).

Пятая глава носит название «Абсолютистская монархия – антипод современного суверенитета. Постутрахтская Европа – нескончаемые династические войны XVIII века». Автор пишет, что «на рубеже Средних веков и Нового времени начинается зарождаться только доктрина или наука международного права, а не само международное право в современном понимании, как регулятор межгосударственных отношений» (с. 170).

В шестой главе «Пентархия великих держав в мировой дипломатии второй половины XVIII в. Семилетняя война 1756–1763 гг. – переломный период в англо-французской борьбе за гегемонию» автор пишет, что «в результате Ништадтского мира Россия вышла на мировую арену в качестве великой державы» (с. 177).

3. «Венский конгресс и становление венской системы международных отношений»

Далее монографическое исследование переходит к проблематике Венского конгресса и становления венской системы международных отношений. Этим вопросам посвящена вторая часть данного научного труда, включающая в себя шесть глав. Седьмая глава носит название «Роль революций в становлении международного права. От феодализма к капитализму – от династического суверенитета к государственному суверенитету». Автор пишет, что «в процессе становления понятия „суверенитет“ данная категория, начиная с конца XVIII в., стала использоваться для характеристики не только явления верховенства государственной власти, но и источника государственной власти» (с. 201).

Д.В. Галушко отмечает, что «Вестфальский договор юридически закрепил суверенное государство как форму организации власти, а также был санкционирован принцип территориального суверенитета в межгосударственных отношениях» [Галушко 2013:367].

В восьмой главе «Вклад Венского мирного конгресса в становление новой системы международных отношений. Возникновение института межгосударственных организаций в международном праве» автор акцентирует внимание на том, что «соглашения, достигнутые на Венском конгрессе, утвердили равновесие сил в Европе, отвечавшие интересам всех Великих держав и не допускавшие крупномасштабных конфликтов между ними в течение нескольких десятилетий» (с. 226).

Девятая глава именуется «„Священный союз“. „Весна народов“ – европейские революции 1848–1849 годов против абсолютизма». В ней автор, анализируя влияние обозначенных революций на эволюцию международного права, приходит

⁵ *Международное морское право: публичное и частное. Учебник.* Под ред. Д.К. Лабина и В.Н. Коваля. М.: КНОРУС, 2023. С. 26.

к выводу о том, что «„Весна народов“ 1848 г. и последующие за ней события стали не только серьезным испытанием на прочность всей Венской системы, но и преддверием ее скорого краха» (с. 261).

В десятой главе «Межгосударственно-договорное развитие международных отношений в XIX веке» автор формулирует тезис о том, что «Крымская война 1853–1856 гг. подорвала систему международных отношений, образованную на Венском конгрессе 1815 г.» (с. 278) Е.П. Кудрявцева отмечает, что «Парижский мир 1856 г. положил начало новой Крымской системе международных отношений» [Кудрявцева 2014:106].

Одиннадцатая глава носит название «Блоковое противостояние. Распад Венской системы международных отношений в последней трети XIX века». Автор, анализируя роль А.М. Горчакова (1798–1883) и Отто фон Бисмарка (1815–1898), пишет, что они «совместными усилиями почти два десятилетия вели европейскую политику» (с. 303).

В двенадцатой главе «Формирование международного гуманитарного права во второй половине XIX века. Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 годов» автор проанализировал основные документы XIX–XX вв., положившие начало праву «Гааги» и праву «Женевы», отметив, что «у истоков возникновения международного гуманитарного права стоит Женевская конвенция 1864 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях во время сухопутной войны» (с. 327). Отдельно отмечено значение Петербургской декларации 1868 г. об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль как части обычного международного права (с. 328).

4. «От Сараево до Версаля. От „права военных конфликтов“ к Первой мировой войне»

Завершающая часть монографического исследования носит название «От Сараево до Версаля. От „права военных конфликтов“ к Первой мировой войне» и состоит из четырех глав. Тринадцатая глава носит название «Балканские войны 1912–1913 годов – от европейского концерта на пути к самоуничтожению Европы». В ней автор делает важное замечание о том, что «Николай II и русская дипломатия прилагали все возможные усилия для мирного разрешения конфликта на Балканах 1912–1914 гг., а в июле 1914 г. он предложил германскому императору Вильгельму II

передать австро-сербскую проблему на рассмотрение Гаагского международного суда <...> Эта мирная инициатива России, которая могла предотвратить (или надолго отсрочить) мировую войну, осталась без ответа» (с. 360–361).

В четырнадцатой главе «Первая мировая война похоронила Венскую систему международных отношений. Как Европа загнала себя в ловушку» автор, анализируя последствия Первой мировой войны, пишет, что «разразившаяся Первая мировая война должна восприниматься не только как один из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества, но и как событие, благодаря которому многовековая идея о создании всеобщей международной организации по поддержанию мира и безопасности смогла перейти из сферы философских рассуждений в область реальной политики» (с. 381).

Пятнадцатая глава именуется «Становление международного уголовного правосудия от Венского конгресса 1815 года до Парижской конференции 1919 года». В ней автор пишет, что «качественно новый этап в развитии правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного процесса начался в XIX в. и продолжался до окончания Первой мировой войны» (с. 391). Стоит отметить, что значительное внимание в главе уделяется концепции международного правосудия профессора Московского университета графа Л.А. Камаровского, родившегося и выросшего в Казани.

В шестнадцатой главе «Вместо эпилога. Вестфальско-Венская система: испытание четырьмя веками» автор формулирует тезис: «История свидетельствует, что международное право есть производная от международного равновесия сил. Как только равновесие сил нарушается, нарушаются и принципы международного права» (с. 442–443).

5. Заключение

В заключение отметим, что монография доктора юридических наук И.З. Фархутдинова «Эволюция международного права – от Вестфали до Версаля» представляет собой монографический труд с глубоким личностным взглядом на историю международного права XVI–XX вв., с широким использованием достижений смежных социальных наук: истории, теории международных отношений, политологии, чем вносит значительный вклад в развитие международно-правовой науки.

С одной стороны, она приглашает к обсуждению заявленной темы, а с другой стороны, служит ориентиром для будущих юридических исследований, касающихся истории международного права (как правовой системы, так и науки), а также межгосударственных отношений. Кроме

этого, хотим выразить надежду на то, что последующие исследования эволюции международного права, охватывающее другие географические и хронологические рамки его исторического развития, будут отражены И.З. Фархутдиновым в его дальнейших научных изысканиях.

Список литературы

- Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. 1990. *История международного права*. Москва: Междунар. отношения. 208 с.
- Безбородов Ю.С. 2011. Истоки международного права. От *jus naturale* к *jus gentium*. – *Международное публичное и частное право*. № 1. С. 25-27.
- Безбородов Ю.С. 2012. Истоки международного права. Часть II. Раннее Средневековье. – *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. № 3. С. 30-33.
- Безбородов Ю.С. 2014. Истоки международного права. Часть III. Средневековье. – *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. № 4. С. 14-18.
- Безбородов Ю.С. 2015. Истоки международного права. Часть IV. Поствестфальский период. – *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. № 3. С. 5-9.
- Безбородов Ю.С. 2024. Международные организации и идеализм российской доктрины международного права XIX века (часть первая). – *Современное право*. № 4. С. 130-135.
- Буткевич О.В. 2008. *У истоков международного права*. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 879 с.
- Галушко Д.В. 2013. О суверенитете государства в международном праве. – *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. № 1. С. 366-373.
- Давлетгильдеев Р.Ш. 2022. К вопросу о региональном развитии международного права. – *Право. Порядок. Ценности*. Монография. Под общ. ред. Е.А. Фроловой. Москва: Проспект. С. 327-336.
- Иваненко В.С. 2014. К 150-летию всемирного организованного гуманитарного движения: первые полвека военно-гуманитарной деятельности МККК и России. – *Российский ежегодник международного права, 2013. Специальный выпуск*. Санкт-Петербург: Россия-Нева. С. 16-38.
- Иваненко В.С. 2019. *Санкт-Петербургская школа международного права: место и роль Санкт-Петербургского университета, его ученых и выпускников в становлении и развитии науки и практики международного права. Часть первая (1720-е – 1920-е гг.)*. Санкт-Петербург: Юридический центр. 608 с.
- Кудрявцева Е.П. 2014. Венская система международных отношений и ее крушение (1815–1854 годы). – *Новая и новейшая история*. № 4. С. 88-106.
- Куприянов А.В. 2019. «Вестфальский миф»: история и критика. – *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 3. С. 37-50.
- Курс международного права. В 7 т. Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. Москва: Наука, 1989. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права. 360 с.
- Левин Д.Б. 1962. *История международного права*. Москва: Изд-во ИМО. 135 с.
- Мартенс Ф.Ф. 1898. *Современное международное право цивилизованных народов*. Том 1. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: Тип. А. Бенке. 434 с.
- Нефедов Б.И. 2022. Критика значения Вестфальского мира. – *Международные процессы*. № 3. С. 6-27.
- Стоянов А.Н. 1875. *Очерки истории и догматики международного права*. Харьков: Унив. тип. 742 с.
- Таубе М.А. 1894. *История зарождения современного международного права (Средние века)*. В 2 т. Санкт-Петербург: Типо-лит. П.И. Шмидта. Т. 1. Введение и часть общая. 370 с.
- Уляницкий В.А. 1883. *Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в.* Москва: Тип. А. Гатцука. 484 с.
- Циммерман М.А. 1924. *История международного права с древнейших времен до 1918 года*. Прага: Тип. Русского юридического факультета в Праге. 382 с.
- Шумилов В.М. 2014а. Взгляд на историю международных отношений и международного права в контексте цивилизационного подхода. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 46-64.
- Шумилов В.М. 2014б. О периодизации международного права в контексте цивилизационного подхода: Россия и Запад. – *Евразийский юридический журнал*. № 10. С. 44-50.
- Эфендиев О.Ф. 2024. Рецензия на монографию доктора юридических наук Фархутдинова Инсура Забировича: «Эволюция международного права от Вестфалья до Версаля (1648–1919)». Москва: Инфра-М, 2024. 484 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2135819. – *Евразийский юридический журнал*. № 8. С. 575-577.
- Юмашев Ю.М. 2012. Развитие «Европейской идеи» после Первой мировой войны: от «Паневропы» Куденхова-Калерги до «неофункционализма» Э. Хааса и межгосударственной теории интеграции А. Моравчика. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 6. С. 70-82.
- Юмашев Ю.М. 2022. Идеи И. Канта о международном праве и правах человека и их дальнейшее развитие в современную эпоху. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 6. С. 5-17.
- Юмашев Ю.М. 2024. Рецензия на монографию доктора юридических наук Фархутдинова Инсура Забировича: «Эволюция международного права от Вестфалья до Версаля (1648-1919)». – *Евразийский юридический журнал*. № 9. С. 597-598.

28. Croxton D. 1999. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. – *The International History Review*. Vol. 21. No. 3. P. 569-591.
29. El-Kosheri A.S. 1995. History of the Law of Nations Regional Developments: Islam. – *Encyclopedia of Public International Law*. Vol. 2. Amsterdam/Tokyo, North-Holland: Elsevier Science. P. 809-818.
30. Korff S. 1925. Introduction à l'histoire du droit international. – *Recueil des Cours: 1923. Académie de Droit International de la Haye*. Paris: Librairie Hachette. P. 2-22.
31. Krasner S.D. 1993. Westphalia and All That. – *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Edited by Goldstein J., Keohane R. London: Cornell University Press. P. 235-264.
32. Oslander A. 2001. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. – *International Organization*. Vol. 55. No. 2. P. 251-287.
33. The Oxford Handbook of the History of International Law. Edited by Bardo Fassbender and Anne Peters. 2012. Oxford: Oxford University Press. 1228 p.
34. Yanagihara M. 2014. Significance of the History of the Law of Nations in Europe and East Asia. – *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 371. Leiden/Boston: Brill/Nijhoff. P. 273-435.
5. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. – *The International History Review*. 1999. Vol. 21. No. 3. P. 569-591.
9. Davletgildeev R.SH. K voprosu o regional'nom razvitii mezhdunarodnogo prava [On the Issue of Regional Development of International Law]. – *Pravo. Porjadok. Cennosti [Right. Order. Values]*. Monograph. Gen. ed. by E.A. Frolova. Moscow: Prospekt Publ. 2022. P. 327-336. (In Russ).
10. Efendiev O.F. Retsenziya na monografiyu doktora yuridicheskikh nauk Farkhutdinova Insura Zabirovicha: «Evolutsiya mezhdunarodnogo prava ot Vestfalya do Versalya (1648–1919)». – Moscow: Infra-M, 2024. 484 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2135819 [Review to the Monograph of Ph.D. in Law Farkhutdinov Insur Zabirovich: "The Evolution of International Law from Westphal to Versailles (1648-1919). Moscow: INFRA-M, 2024. 484 p. (Scientific thought). DOI 10.12737/2135819]. – *Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2024. № 8. P. 575-577. (In Russ).
11. El-Kosheri A.S. History of the Law of Nations Regional Developments: Islam. – *Encyclopedia of Public International Law*. Vol. 2. Amsterdam/Tokyo, North-Holland: Elsevier Science. 1995. P. 809-818.
12. Galushko D.V. O suverenitete gosudarstva v mezhdunarodnom prave [On the Sovereignty of the State in International Law]. – *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2013. № 1. P. 366-373. (In Russ).
13. Ivanenko V.S. K 150-letiyu vsemirnogo organizovanogo gumanitarnogo dvizheniya: pervye polveka voenno-gumanitarnoi deyatel'nosti MKKK i Rossii [On the 150th Anniversary of the Global Organized Humanitarian Movement: The First Half Century of Military-Humanitarian Activity of the ICRC and Russia]. – *Rossiiskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. 2013. Special'nyj vypusk [Russian Yearbook of International Law. 2013. Special Issue]. Saint Petersburg: Rossiya-Neva Publ. 2014. P. 16-38. (In Russ).
14. Ivanenko V.S. Sankt-Peterburgskaya shkola mezhdunarodnogo prava: mesto i rol' Sankt-Peterburgskogo universiteta, ego uchenykh i vypusnikov v stanovlenii i razvitii nauki i praktiki mezhdunarodnogo prava. Chast' pervaya (1720-e – 1920-e gg.) [St. Petersburg School of International Law: The Place and Role of St. Petersburg University, its Scholars and Graduates in the Formation and Development of the Science and Practice of International Law. Part One (1720s – 1920s)]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Publ. 2019. 608 p. (In Russ).
15. Korff S. Introduction à l'histoire du droit international. – *Recueil des Cours: 1923. Académie de Droit International de la Haye*. Paris: Librairie Hachette. 1925. P. 2-22.
16. Krasner S.D. Westphalia and All That. – *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Edited by Goldstein J., Keohane R. London: Cornell University Press. 1993. P. 235-264.
17. Kudryavtseva E.P. Venskaya sistema mezhdunarodnykh otnoshenii i ee krushenie (1815-1854 gody) [The Vienna System of International Relations and its Collapse (1815-1854)]. – *Novaya i Novejshaya Istoriya [New and Recent history]*. 2014. № 4. P. 88-106. (In Russ).
18. Kupriyanov A.V. «Vestfal'skii mif»: istoriya i kritika [Westphalian Myth: History and Criticism]. – *Analiz i prognoz. Zhurnal IMJeMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]*. 2019. № 3. P. 37-50. (In Russ).

References

1. Baskin Yu.Ya., Feldman D.I. *Istoriya mezhdunarodnogo prava [History of International Law]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1990. 208 p. (In Russ).
2. Bezborodov Yu.S. Istoki mezhdunarodnogo prava. Chast' II. Rannee Srednevekov'e [The Rise of International Law. Part II. Early Middle Ages] – *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal]*. 2012. № 3. P. 30-33. (In Russ).
3. Bezborodov Yu.S. Istoki mezhdunarodnogo prava. Chast' III. Srednevekov'e [The Rise of International Law. Part III. Middle Ages] – *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal]*. 2014. № 4. P. 14-18. (In Russ).
4. Bezborodov Yu.S. Istoki mezhdunarodnogo prava. Chast' IV. Postvestfal'skii period [The Rise of International Law. Part IV. Post-Westphalian Age] – *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal]*. 2015. № 3. P. 5-9. (In Russ).
5. Bezborodov Yu.S. Istoki mezhdunarodnogo prava. Ot jus naturale k jus gentium [The Rise of International Law. From Jus Naturale to Jus Gentium] – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [Public International and Private International Law]*. 2011. № 1. P. 25-27. (In Russ).
6. Bezborodov Yu.S. Mezhdunarodnye organizatsii i idealizm rossiiskoi doktriny mezhdunarodnogo prava XIX veka (chast' pervaya) [International Organizations and the Idealism of the Russian Doctrine of International Law in the 19th Century (Part One)] – *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2024. № 4. P. 130-135. (In Russ).
7. Butkevich O.V. *U istokov mezhdunarodnogo prava [At the Origins of International Law]*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press» Publ. 2008. 879 p. (In Russ).

19. *Kurs mezhdunarodnogo prava [Course of International Law]*. V 7 t. Otv. red. R.A. Myullerson, G.I. Tunkin Moscow: Nauka publ. 1989. T. 1. Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava. 360 p. (In Russ).
20. Levin D.B. *Istoriya mezhdunarodnogo prava [History of International Law]*. Moscow: Izdatelstvo IMO Publ. 1962. 135 p. (In Russ).
21. Martens F.F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov [Modern International Law of Civilized Nations]*. Saint Petersburg: Tipografiya A. Benke Publ. 1898. 434 p. (In Russ).
22. Nefedov B.I. Kritika znacheniya Vestfal'skogo mira [The Critique of the Westphalian Peace Narrative]. – *International Trends*. 2022. № 3. P. 6-27. (In Russ).
23. Oslander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. – *Mezhdunarodnye process [International Organization]*. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 251-287.
24. Shumilov V.M. O periodizatsii mezhdunarodnogo prava v kontekste tsivilizatsionnogo podkhoda: Rossiya i Zapad [On the Periodization of International Law in the Context of the Civilizational Approach: Russia and the West]. – *Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2014b. № 10. P. 44-50. (In Russ).
25. Shumilov V.M. Vzgl'yad na istoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii i mezhdunarodnogo prava v kontekste tsivilizatsionnogo podkhoda [View on the History of International Relations and International Law in a Context of the Civilization Approach]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2014a. № 3. P. 46-64. (In Russ).
26. Stoyanov A.N. *Ocherki istorii i dogmatiki mezhdunarodnogo prava [Essays on the History and Dogmatics of International Law]*. Kharkov: Universitetskaya tipografiya Publ. 1875. 742 p. (In Russ).
27. Taube M.A. *Istoriya zarozhdeniya sovremennogo mezhdunarodnogo prava (Srednie veka) [History of the Origin of Modern International Law (Middle Ages)]*. V 2 t. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya P.I. Shmidta Publ. 1894. T. 1. Vvedenie i chast' obshchaya 370 p. (In Russ).
28. Tsimmerman M.A. *Istoriya mezhdunarodnogo prava s drevneishikh vremen do 1918 goda [History of International Law from Ancient Times to 1918]*. Prague: Tipografiya Russkogo yuridicheskogo fakul'teta v Prage Publ. 1924. 382 p. (In Russ).
29. *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Edited by Bardo Fassbender and Anne Peters. Oxford: Oxford University Press. 2012. 1228 p.
30. Ulyanitskii V.A. *Dardanelly, Bosfor i Chernoe more v XVIII v. [The Dardanelles, Bosphorus and Black Sea in the 18th century]*. Moscow: Tipografiya A. Gattsuka Publ. 1883. 484 p. (In Russ).
31. Yumashev Yu.M. Idei I. Kanta o mezhdunarodnom prave i pravakh cheloveka i ikh dal'neishee razvitie v sovremennuyu epokhu [The Ideas of Immanuel Kant on International Law and Human Rights and Their Further Development in the Modern Era]. – *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2022. № 6. P. 5-17. (In Russ).
32. Yumashev Yu.M. Razvitie «Evropeiskoi idei» posle Pervoi mirovoi Voyny: ot «Panevropy» Kudenkhova-Kalergi do «neofunktsionalizma» E. Khaasa i mezhgosudarstvennoi teorii integratsii A. Moravchika [The Development of the "European Idea" after the First World War: from Coudenhove-Kalergi's "Paneurope" to E. Haas's "Neofunctionalism" and A. Moravcsik's Interstate Theory of Integration]. – *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2012. № 6. P. 70-82. (In Russ).
33. Yumashev Yu.M. Retseziya na monografiyu doktora yuridicheskikh nauk Farkhutdinova Insura Zabirovicha: «Evolutsiya mezhdunarodnogo prava ot Vestfalya do Versalya (1648–1919)» [Review of the Monography of Ph.D. in Law Insur Zabirovich Farkhutdinov: "The Evolution of International Law from Westphal to Versailles (1648-1919)"]. – *Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2024. № 9. P. 597-598. (In Russ).
34. Yanagihara M. Significance of the History of the Law of Nations in Europe and East Asia. – *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 371. Leiden/Boston: Brill/Nijhoff. 2014. P. 273-435.

Информация об авторах

Рустем Шамилевич ДАВЛЕТГИЛЬДЕЕВ,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Кремлевская ул., д. 18, Казань, 420008, Российская Федерация

roustem.davletgildeev@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-5412-9027

About the Authors

Rustem Sh. DAVLETGILDEEV,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Professor of the Department of International and European Law, Kazan (Volga Region) Federal University

Kremlyovskaya St., 18, Kazan, Russian Federation, 420008

roustem.davletgildeev@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-5412-9027

Дмитрий Викторович ЗАРУБИН,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры «Конституционное и административное право», Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

dimaaa95.95@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2273-8626

Dmitry V. ZARUBIN,

Candidate of Legal Sciences, Assistant of the Department «Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University

33, Universitetskaya St., Sevastopol, Russian Federation, 299053

dimaaa95.95@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2273-8626